

Великая Отечественная: цена Победы
Дэвид Гланц

КОЛОСС ПОВЕРЖЕННЫЙ

Красная Армия в 1941 году

Дэвид Гланц

КОЛОСС ПОВЕРЖЕННЫЙ

Красная Армия в 1941 году

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

ББК 63.3
Г 52

David M. Glantz

STUMBLING COLOSSUS.
THE RED ARMY ON THE EVE OF WORLD WAR

Оформление серии художника *П. Волкова*

Перевод с английского *В. Федорова*

Гланц Д.

Г 52 Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году /
Пер. с англ. В. Федорова. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. —
544 с. — (Великая Отечественная: Цена Победы).

ISBN 978-5-699-27781-0

Полковник в отставке Дэвид Гланц — ведущий американский военный историк, крупнейший западный специалист по Красной Армии и Великой Отечественной войне. Хорошо зная русский язык и советскую военную литературу, имея доступ к российским архивам, Гланц получил возможность работать с первоисточниками, что делает его труды безусловно заслуживающими внимания. Они выгодно отличаются от большинства работ западных «советологов» отсутствием «обличительного уклона», антикоммунизма и русофобии.

Данная книга признана лучшим в западной военно-исторической литературе исследованием обстоятельств трагедии 1941 года. Д. Гланц раскрывает причины поражения Красной Армии в приграничном сражении, подробно и обстоятельно разбирает ее сильные и слабые стороны, указывает на просчеты советского командования, предопределившие трагический исход летней кампании 1941 года.

В своих выводах Гланц полностью расходится с «теориями» Виктора Суворова и других историков-«ревизионистов», убедительно доказывая несостоятельность и лживость их аргументации.

ББК 63.3

ISBN 978-5-699-27781-0

© В. Федоров, перевод с англ., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ОТ РЕДАКЦИИ

Полковник в отставке Дэвид М. Гланц — крупнейший американский специалист по действиям Красной Армии в Великой Отечественной войне. Гланц является одним из создателей «Института изучения военных действий армии США», а с 1983 года стал директором отдела по изучению советских военных операций в Военном Колледже Армии США (US Army War College). В 1987 году им был основан уникальный для США периодический «Журнал советских военных исследований», позднее переименованный в «Журнал славянских военных исследований» (Journal of Slavic Military Studies). Это издание впервые в Америке начало регулярно публиковать работы советских (а позднее российских) историков, посвященные советским вооруженным силам и Великой Отечественной войне.

Основной темой исследований Дэвида Гланца является Вторая мировая война на Восточном фронте. Его перу принадлежат такие работы как «Августовский шторм: советское стратегическое наступление в Манчжурии 1945 года» (1983), «Советская военная хитрость во Второй мировой войне» (1989), «Советская военная разведка в войне» (1990), «Начальный период войны на Восточном фронте. 22 июня — август 1941 года» (1987, в

качестве редактора и составителя), «Когда титаны сталкиваются: как Красная Армия остановила Гитлера» (1993), «История советских воздушно-десантных сил» (1994), «Харьков, 1942. Анатомия поражения» (1998), «Величайшее поражение Жукова» (1999). «Курская битва» (1999, совместно с Джонатаном Хаузом), «Битва за Ленинград, 1941–1944» (2002), «Красный шторм над Балканами. Неудачное советское вторжение в Румынию, весна 1944 года» (2006) и многие другие книги, а также большое количество статей в периодических изданиях.

Хорошо зная русский язык и советскую военную литературу, работая с российскими архивами, Гланц имел возможность ознакомиться с боевой работой Красной Армии по первоисточникам, а не через пересказы третьих лиц. В свою очередь, «отстраненность» от событий позволила ему взглянуть на них более свежим взглядом — не лишенных, впрочем, ряда идеологических штампов западной литературы о Советском Союзе.

Некоторым недостатком работ Гланца можно считать «несбалансированность» информации о противниках. Подробнейшим образом исследовав документы и литературу на русском языке, проанализировав силы, возможности и ход боевых действий с советской стороны, для анализа действий вермахта он использует сравнительно ограниченный набор мемуарных и вторичных источников (как правило, имеющих в английском переводе), крайне редко обращаясь к первичным документам. Это приводит к некоторой аберрации — типичной, впрочем, и для отечественной литературы, особенно современной: возможности германской армии занижаются, а ее действия идеализируются.

Предлагаемая вниманию читателя работа в какой-то мере является квинтэссенцией многолетних исследований Гланца в области советско-германского противостояния на Восточном фронте. Ее первая часть, представляемая в настоящем томе, вышла в свет в издательстве Канзасского университета в 1998 году и посвящена анализу предвоенной обстановки на театре, сил и

возможностей Красной Армии, особенностям ее строительства и применения.

Во многом эта работа носит форму полемики с книгами Виктора Суворова и другими историками «ревизионистского направления». Подробно и по пунктам Гланц опровергает выводы ревизионистов, показывая идеологическую заданность и внутреннюю противоречивость их построений.

Но если теория ревизионистов убеждает своей внутренней цельностью и непротиворечивостью, то мало доказать ложность ее отдельных посылок. Лучший способ опровергнуть ложную теорию, основанную на подтасовках, преувеличениях и умолчаниях — это создать непротиворечивую картину событий, используя всю массу авторитетных документов и свидетельств.

В своем исследовании Гланц подробно и обстоятельно разбирает сильные и слабые стороны советской военной машины, дает развернутые характеристики военному руководству. Особое внимание он уделяет механизированным войскам, по праву считавшимся гордостью Советского Союза. Опираясь на документы, Гланц показывает разрыв между ожиданиями и реальностью, демонстрирует, что могли, а на что объективно не были способны танковые соединения Красной Армии.

Безусловно, многие выводы Гланца являются спорными — но можно ли написать книгу об истории Великой Отечественной войны, содержащую только *бесспорные* выводы? Мнение Гланца — в первую очередь опыт историка, много лет посвятившего изучению темы и при этом не скованному традициями, предпочтениями и предубеждениями отечественной историографии как советского, так и современного периода.

Известно, что «большое видится на расстоянии», поэтому многие важные исторические события проще исследовать со стороны, отстоя от них как можно дальше в пространстве и во времени. Только тогда множество деталей, зачастую противоречащих друг другу, теряют самоценность и начинают сливаться в единую цельную картину. Работа Дэвида Гланца обладает важным достоинством — системностью взгляда. Опираясь на широкую базу источников — от сборников боевых документов,

изданных в 50-х годах, до журнальных публикаций 1990-х, автор создает целостную и непротиворечивую картину состояния Красной Армии и всей советской военной машины летом 1941 года — оснащения, организации, системы управления, мобилизационных и технических возможностей. Его книга убедительно объясняет, почему в конечном итоге, несмотря на все беды и проблемы, невзирая на катастрофические поражения, Красная Армия оказалась победителем в самой кровавой и жестокой военной схватке XX века.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Более пятидесяти лет назад, в ночь на 22 июня 1941 года, немецкая армия нанесла сокрушительный внезапный удар по Советскому Союзу. Немецкое нападение под кодовым названием «Операция „Барбаросса“» ставило своей задачей не менее чем полное и абсолютное уничтожение Красной Армии и советского государства.

Недавние поразительные победы в 1939 и 1940 годах над поляками и французами обеспечили гегемонию Германии над континентальной Европой, поэтому в среде немецкого верховного командования мало кто сомневался в успехе. Операция «Барбаросса» чуть было не доказала его правоту. За несколько недель с начала блицкрига против Советского Союза немецкие танковые клинья пересекли Днепр и ворвались на территорию собственно России, прошли вдоль побережья Балтики к Ленинграду и вонзились глубоко в Украину, устремляясь к Киеву, оставляя за собой растерзанные ошметки Красной Армии. Обороняющиеся советские армии были окружены и уничтожены, сотни тысяч красноармейцев погибли или попали к немцам в плен, стратегические резервы Красной армии были пожраны по частям стремительно наступающими и кажущимися неудержимыми бронированными колоннами вермахта, а советское политическое руководство тщетно пыталось остановить немецкую военную машину и пережить бурю.

Лишь через пять месяцев после начала войны, в декабре 1941 года, Советам наконец удалось этого добиться — но только после того, как наступающие немецкие колонны достигли окраин Ленинграда и Ростова и подступили к самым воротам Москвы.

Последовавшая затем беспрецедентно жестокая война будет продолжаться еще четыре кровавых года. Эта война на Восточном фронте была «войной культур», настоящей схваткой на уничтожение, которая бросила всю отмотобилизованную мощь советского государства против всей немецкой нации. Людские потери с обеих сторон просто ужасают. Общие советские военные потери исчислялись десятками миллионов, включая по меньшей мере 29 миллионов солдат, а потери среди гражданского населения более чем соперничают с этой страшной цифрой.* В Прибалтике, Белоруссии, на Украине, Кавказе и огромных районах собственно России наступила полнейшая экономическая разруха после того, как армии прошли по этим землям сначала в одну, а потом в другую сторону, учинив разорение, какого Европа не знала со времен бича Тридцатилетней войны в XVII веке.

Обжигающее действие войны опалило душу каждой семьи в Советском Союзе. Мужья, отцы, братья и сыновья в беспрецедентном числе гибли на полях сражений. В отличие от более цивилизованных конфликтов, матери, жены и дочери также почувствовали на себе жестокость войны и погибали наряду со своими мужчинами в ходе бойни, ужасы которой не знали границ. Этот конфликт оставил шрамы на русской душе, которые перейдут и на следующее поколение, персонифицированные часто повторяемым лозунгом «Никто не забыт и ничто не забыто».

* По оценкам российских историков и демографов, общие демографические потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили 26,6 миллионов человек, включая сюда результаты повышенной смертности населения (сверхсмертность). Приведенные автором цифры, очевидно, взяты из трудов Б. Соколова (публиковавшегося Гланцем в «Журнале славянских военных исследований») и рассчитаны по сомнительной методике. Подробнее о подсчетах Б. Соколова см.: В. Литвиненко. К науке отношения не имеет // Независимое военное обозрение, 28 сентября 2001 г. (*Прим. ред.*)

Подобно своим предшественникам, советским гражданам, русские еще долго не смогут забыть об этой борьбе, по-прежнему известной им как Великая Отечественная война. Однако, в отличие от своих предшественников, они могут теперь с куда большей прямоотой спросить: «Почему разразилась война?» и «Почему были столь тяжелыми первоначальные поражения?»

И в отличие от своих предшественников, они могут теперь получить правдивый ответ. Пятьдесят лет советская пропагандистская машина изображала Германию как злобную, хищную и эффективную в военном плане державу, безжалостность и вероломство которой обусловили первоначальную победу над Советским Союзом в ходе «Операции „Барбаросса”» Одновременно советская пропаганда подчеркивала пристальное внимание, уделяемое партией и правительством подготовке к обороне страны — признавая некоторые недостатки накануне и в начальный период войны, но настаивая, что прогрессивная политика государственного руководства позволила в конечном итоге мобилизовать всю мощь страны и добиться конечной (и неизбежной) победы. Более того, она неизменно изображала эту победу как триумф социализма над агрессивным капитализмом (фашизмом).

Более полные ответы на эти два критических вопроса все-таки существовали под спудом удушающей советской системы, но пребывали в спячке. Сотни тысяч переживших и перенесших войну ветеранов знали больше граждан, знакомых лишь с пропагандистской картиной, но благоразумно держали язык за зубами, также как и многие старшие офицеры, дожившие до времени написания мемуаров. Хотя иной раз правда и просачивалась на страницы книг и воспоминаний, но в общем и целом над всем преобладала цензура.

Происходящие внутри системы политические перемены часто тоже вызывали вспышки исторической откровенности. Эксперимент по части гласности Н. С. Хрущева в начале 60-х годов выпустил на волю обильные дозы правды. В начале 80-х Горбачев вновь воскресил хрущевскую программу гласности в тщетной попытке реформировать разлагающуюся советскую систему,

пока не наступил коллапс. Однако Горбачеву в конечном итоге все же не удалось предотвратить коллапс, и история настигла и уничтожила советское государство.

Историческая правда, столь долго пребывавшая заложницей советского режима, частично вырвалась на волю. Историки теперь могут дать русским ответы на вопросы, связанные с событиями 1941 года, которые столь долго мучили коллективную душу. Однако есть некая ирония в том, что когда двери архивов постепенно открываются, открывая еще большую правду, русские и другие нации, столь сильно пострадавшие во время войны, попали под град новых теорий, которые оказывают еще более вредоносное воздействие, чем теории, избиравшиеся и предлагавшиеся советской системой. К прежним апологетическим писаниям добавились новые теории о начале войны, напрямую возлагающие ответственность за войну на Сталина и Советский Союз.

Эти новые теории в категорической форме обвиняют Советский Союз в планировании на июль 1941 года упредительной войны против Германии. Провозглашение подобной точки зрения еще больше осуждает советский режим — и, что куда важнее, оправдывает немецкое вторжение, освобождая Германию от вины за последующие людские страдания.

Вполне естественно, что множество немецких историков тяготеет именно к этой точке зрения. И, что еще страшнее, все большее число российских реформаторов воспринимает данную теорию как способ полностью очистить посткоммунистическую русскую душу, возложив вину за все грехи человечества на Сталина и коммунистическую партию. Но сколь бы интересной, сенсационной и расхожей ни была подобная теория, для любого ответственного историка конечным вопросом должен быть такой: «До какой степени она верна?»

Большинство тех, кто поддерживает теорию превентивной войны, исходит из посылки, что в 1941 году Красная Армия обладала и силой, и готовностью к войне. Именно эта посылка и лежит в основе их описаний последующих политических, дипломатических и военных действий Сталина перед началом вой-

ны. Данная книга использует как немецкие, так и советские архивные свидетельства, подвергающие сомнению эту жизненно важную посылку — которую, по изучении данных свидетельств, эта книга находит совершенно необоснованной.

СОКРАЩЕНИЯ

А — армия

абр — артиллерийская бригада

авд — авиационная дивизия

АВК — авиационный корпус

адп — артиллерийский дивизион

ап — артиллерийский полк

АРГК — артиллерия резерва главного командования

бабр — бомбардировочная авиационная бригада

бад — бомбардировочная авиационная дивизия

бак — бомбардировочный авиационный корпус

бап — бомбардировочный авиационный полк

бр — бригада

брмп — бригада морской пехоты

БрФ — Брянский фронт

ВВ — внутренние войска

ВВС — военно-воздушные силы

вдб — воздушно-десантный батальон

вдбр — воздушно-десантная бригада

вдд — воздушно-десантная дивизия

ВДК — воздушно-десантный корпус

вдсп — воздушно-десантный стрелковый полк

гап — гаубичный артиллерийский полк

гап — гаубичный артиллерийский полк

гапбм — гаубичный артиллерийский полк большой мощности

- ГАУ** — главное артиллерийское управление
гв. — гвардия (гвардейский)
гкд — горно-кавалерийская дивизия
гр. — группа
гран. сб — гранатно-стрелковая бригада
ГРУ — главное разведывательное управление
гсд — горно-стрелковая дивизия
ДБ — дальнебойный
ДБА — дальнебомбардировочная авиация
дно — дивизия народного ополчения (сдно)
зенаб — зенитно-артиллерийский батальон (м.б. см. ниже?)
зенад — зенитно-артиллерийская дивизия
зенади — зенитно-артиллерийский дивизион
зенап — зенитно-артиллерийский полк
зенпулб — зенитно-пулеметный батальон
ЗКФ — Закавказский фронт
иад — истребительная авиационная дивизия
иад ПВО — истребительная авиационная дивизия противовоздушной обороны
ИАК — истребительный авиационный корпус
иап — истребительный авиационный полк
иап ПВО — истребительный авиационный полк противовоздушной обороны
кабр — корпусная артиллерийская бригада
КалФ — Калининский фронт
кап — корпусной артиллерийский полк
каз — корректировочная авиационная эскадрилья
кбр — кавалерийская бригада
КГ — кавалерийская группа
кд — кавалерийская дивизия
КК — кавалерийский корпус
курс. сбр — курсантская стрелковая бригада
лсбр — легкая стрелковая бригада (ЛСБ)
МВО — Московский военный округ

мд — моторизованная дивизия
минбн — минометный батальон
минжб — моторизованный инженерный батальон
МК — механизированный корпус
морсбр — морская стрелковая бригада
мсбр — мотострелковая бригада
мсд — мотострелковая дивизия
мсп — моторизованный стрелковый полк
НВ — наземные войска
ОВО — Одесский военный округ
омсб — отдельная мотострелковая бригада
осб — отдельная стрелковая бригада
отб — отдельный танковый батальон
отд. А — отдельная армия
ПВ — пограничные войска, погранвойска
ПВОБ — бригада противовоздушной обороны
ПВОД — дивизия противовоздушной обороны
ПВОК — корпус противовоздушной обороны
помб — понтонно-мостовой батальон
ПРС — передвижная радиостанция
птбр — противотанковая бригада (ПБ)
рап — разведывательный авиационный полк
РВГК — резерв верховного главнокомандования
РГК — резерв главного командования
рез. абр — резервная авиабригада
РезФ — Резервный фронт
рп — разведывательный полк
саб — смешанная авиационная бригада
сад — смешанная авиационная дивизия
САК — смешанный авиационный корпус
сап — саперный полк
сап — смешанный авиационный полк
сапб — саперный батальон
сапи — саперный полк

сбр — стрелковая бригада
сд — стрелковая дивизия
СЗФ — Северо-Западный фронт
СК — стрелковый корпус
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
СФ — Северный фронт
тб — танковый батальон
тбр — танковая бригада
тд — танковая дивизия
тоаб — тяжелых орудий артиллерийская батарея
тп — танковый полк
Уд. А — ударная армия
УР — укрепленный район
ЦФ — Центральный фронт
шад — штурмовая авиадивизия
ШАК — штурмовой авиакорпус
шап — штурмовой авиаполк
шбр — штурмовая бригада
шг — штурмовая группа
ЮЗФ — Юго-Западный фронт
ЮФ — Южный фронт

ВВЕДЕНИЕ

В течение почти полувека, минувшего со времени окончания Второй мировой войны, и историки, и читающая публика единодушно считали, что эта война стала следствием злых геополитических замыслов Адольфа Гитлера, фюрера хваленного Третьего рейха. Многочисленные тома документируют неуклонный рост политической и военной мощи Германии в 30-е годы — с момента вроде бы невинного прихода к власти Гитлера в качестве демократически избранного политического главы Веймарской республики и до устремления гитлеровского Третьего рейха к общеевропейскому (а может быть всемирному) политическому и военному господству. Это стремление ввергло Европу и остальной мир в самую ужасную войну, какую когда-либо перенесло человечество.

Большинство историков традиционно соглашалось, что гитлеровская ненасытная жажда завоеваний, питаемая мечтой о немецкой гегемонии в Европе, поощрялась тем поколением политических лидеров Запада, чьи воспоминания о прошлой ужасной войне вкупе с нечистой совестью и чувством вины сделали их склонными реагировать на немецкие амбиции губительной политикой умиротворения. Подобно никем не одергиваемому школьному хулигану, Гитлер истолковывал эту политику умиротворения как слабость и потому усиливал свое стремление к общеевропейскому господству. Кризисы 30-х годов, вкупе с крахом надежд Запада и неудержимыми немецкими успехами, привели в итоге к вспыхнувшей в сентябре 1939 года войне. За

два года эта война охватила всю Европу, а летом 1941 года немецкие армии двинулись вглубь Советского Союза.

Вопрос о том, на ком лежит вина за развязывание войны, не был после Второй мировой таким спорным, как вопрос о вине за Первую мировую войну. Посредством скрупулезно организованного Нюрнбергского процесса победоносные союзники напрямую возложили ответственность за развязывание «агрессивной войны» на Гитлера и его режим. Эта ответственность охватывала всю войну с августа 1939 года и множества незаконных действий Германии, совершенных в течении 30-х годов. И наконец, союзники документировали обвинения и деяния Гитлера ссылкой на сказанное и написанное им же самим.

Историки давно признали пассивное соучастие лидеров Запада в продвижении Гитлера к войне и ту коварную и циничную, роль какую зачастую играл в этой драме Советский Союз, когда пытался достичь компромисса со своим идеологическим антиподом. Таким образом, большинство западных историков, начиная с Уильяма Л. Лэнджера и С. Эверетта Глисона, признавали, что в августе 1939 года Сталин выдал Гитлеру карт-бланш, вступив с ним в переговоры и подписав пакт Молотова-Риббентропа. Хотя эти историки часто расходились в оценках того, почему Сталин так поступил, они тем не менее всегда подчеркивали циничный и деструктивный характер этого пакта. За почти пять десятилетий после окончания войны советские власти и историки сами ничего не сделали для своего имиджа, отрицая, что они подписывали с Гитлером секретный протокол к этому пакту, делящий Восточную Европу между Германией и Советским Союзом.* Горбачевская перестройка 80-х наконец покончила с этой чушью и привела советскую историографию по данному вопросу в один ряд с западными взглядами.

* Упоминание об этом протоколе и краткое изложение его содержания можно найти, например, в сборнике: Вторая мировая война. Книга первая. Общие проблемы. М.: Наука, 1966. С. 282. В отличие от самого пакта о ненападении, секретный дополнительный протокол к нему не содержал никаких юридических обязательств, излагая лишь намерения. (Прим. ред.)

Однако если смотреть в корень, то те же историки, рассматривая последующую войну сквозь призму ее ужасных последствий, единодушно винили в ней Гитлера. С их точки зрения, череда последовательных агрессивных актов Германии, от вторжения в Польшу и нападения на Советский Союз до объявления войны Соединенным Штатам, как и дальнейшие ужасы — все это было исключительно следствием необузданного и беспринципного честолюбия Гитлера. Мировая общественность чувствовала себя весьма комфортно при таком суждении, когда послевоенные поколения пытались истолковать и искоренить причины той страшной бойни, служа модному новому и длительному миру.

В 1990-е годы эта комфортная уверенность былых лет была сильно потрясена изданием небольшого томика, бросавшего вызов общепринятым историческим суждениям относительно виновников войны. Более того, этот новый томик угрожал сделать вопрос о вине за Вторую мировую войну столь же дискуссионным и потенциально вредоносным, как и вопрос об определении вины за Первую мировую. Короче говоря, данная книжка повторяла аргументы гитлеровского министра пропаганды Йозефа Геббельса о том, что, вторгшись в Советский Союз, Германия лишь начала превентивную войну.

Более того, постулировала эта книжка, планируя летом 1941 года упредительное нападение на Германию, Сталин разделил с Гитлером вину за последующую войну между Германией и Советским Союзом. Фактически данная книга напрямую бросала вызов законности и выводам всего Нюрнбергского процесса, возлагая почти всю вину за войну на Сталина — который, по ее утверждению, лишь ловко манипулировал Гитлером. Выражаясь дипломатическим языком, она утверждала, что пакт Молотова-Риббентропа предоставил Сталину «свободу рук», которой Сталин воспользовался для планирования своей агрессии против Германии — и, расширительно, против всего Запада.

Эти аргументы идут вразрез с фактами. Даже если Сталина и можно обвинить в манипулировании, это ни в коей мере не давало ему свободу рук летом 1941 года. Летом 1939 года Сталин

находился практически в состоянии войны с Японией на монголо-маньчжурской границе, а Германия с Японией являлись союзниками по Антикоминтерновскому пакту. Немецкий посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург уведомил 15 августа В. М. Молотова, что Германия постарается повлиять на политику Японии в плане улучшения отношений с СССР — де-факто это было равнозначно признанию, что Германия не намерена поддерживать Японию. Хотя Сталин и приобрел сферу влияния в Восточной Европе и свободу рук на Дальнем Востоке, эта «свобода рук» оказалась весьма незначительной и целиком зависела от дальнейших действий Германии в Европе.

Последующее завоевание Гитлером в мае и июне 1940 года большей части территории Западной Европы в корне изменило стратегическую ситуацию. Новая агрессия Гитлера, подарившая Германии гегемонию в Европе, бросала вызов первоначальному намерению Сталина, побудившему его санкционировать договор о ненападении, и неизбежно свела на нет сталинскую «свободу рук» на Дальнем Востоке. С этого момента и в течение большей части последующей советско-германской войны Сталин беспокоился о надежности своего восточного фланга. В то же время с 1940 и по июнь 1941 года Сталин упорно цеплялся за свои приобретения и стоически готовился к неизбежному немецкому удару, который Гитлер начал планировать летом 1940 года и намеревался нанести после победы над Англией.

Эта откровенно ревизионистская книжка, изданная сперва в 1988 году во Франции, а потом в 1990 году в Англии, была написана бывшим майором советской армии Виктором Резуном*. Написанная под псевдонимом «Виктор Суворов» — явная отсылка к великому полководцу императорской России — книга Резуна носила вызывающее ледяную дрожь название «Ледокол»¹. Это была уже не первая книга Резуна. После бегства на Запад этот бывший советский майор написал серию разоблачительных книжек о советской армии, начиная с «Освободителя», которая описывала отдельные этапы его военной карьеры (в основном

* На самом деле — Владимир Богданович Резун. (Прим. перев.)

советское вторжение в Чехословакию), а также несколько «инсайдерных» книг, посвященных современной советской армии и советских разведывательных органов.

В тех ранних книгах Резун попеременно изображал советскую военную машину то как невероятно мощную, то как никуда не годную — в зависимости от книги и периода, в который она была написана. Оставляя в стороне стремление к сенсационности, эти порожденные холодной войной тома хотя и интересовали западного читателя, но вызвали смешанную реакцию и не произвели никакого длительного воздействия на западную историческую мысль.

Однако появление «Ледокола» и последовавшего за ним продолжения, «День М», изданного в 1994 году, вызвало совершенно иную реакцию.² Учитывая содержание данных книг, реакцию эту вполне можно понять. Текст на обложке «Ледокола» четко возвещает новые дерзкие притязания Резуна:

«Кто начал Вторую мировую войну? Этот вопрос задавали бессчетное количество раз. Делая скидку на некоторые вариации формулы, ответ всегда был единодушным — Адольф Гитлер.

Принятие Германией вины за войну и ее открытость в этом вопросе заметно контрастирует с приглушенными, откровенно пропагандистскими утверждениями, годами выдаваемыми Советским Союзом. Для Советского Союза эта война была, и по-прежнему остается “Великой Отечественной войной”; триумф над фашизмом был победой для коммунизма — и не только в советской стране, но и в общеевропейском масштабе. С тех пор континент оставался разделенным.

Впервые историк — советский перебежчик Виктор Суворов — показывает, что роль СССР в развязывании войны была намного большей и намного более зловещей, чем считалось до сих пор. Его начальный тезис заключается в том, что Сталин, подобно Гитлеру, также стремился к мировому господству. Но Сталин использовал Гитлера в качестве

своеобразного тарана — “ледокола”, призванного гарантировать советское участие и конечную победу в войне, имевшей только одну цель: экспорт и утверждение коммунизма во всем мире. Великий советский диктатор ни перед чем не останавливался бы для достижения этой цели и много лет готовился к этому.

Книга Суворова является прямым и во многом резким вызовом общепринятой истории. Ее достижения заставляют всех нас радикально пересмотреть наши представления о начале — и причинах — самой разрушительной войны, какую когда-либо переживало человечество».

Таким образом Резун воскресил до той поры приглушаемый и в общем-то сбрасываемый со счетов аргумент, который в прошлом циркулировал в некоторых немецких кругах (в основном правых и националистических) — что Сталин и его подручные несут прямую ответственность за развязывание войны. «С 20-х годов, — утверждает Резун, — не жалея ни ресурсов, ни сил, ни времени, Сталин возрождал ударную мощь немецкого милитаризма... С какой целью? Для того чтобы была объявлена война остальной Европе». Согласно Резуну, Сталин фактически поощрял и эксплуатировал немецкий милитаризм и последующие немецкие военные действия в качестве «Ледокола для революции». Более того, утверждал Резун, Сталин был готов напасть на Германию летом 1941 года — исходя из того, что «война будет выиграна той стороной, которая вступит в нее последней, а не той, которая вяжется в нее первой».

В «Ледоколе» Резун документировал свою точку зрения личными воспоминаниями и материалами, отобранными из массы открытых советских источников разной степени достоверности. Хотя Резун и утверждает, что имел доступ к секретным архивным материалам, он заранее подрывает возможные доводы тех, кто мог в дальнейшем использовать те же материалы для опровержения его утверждений, заявляя, что самую «крамольную» информацию в архивах с тех пор наверняка еще больше засекретили или уничтожили. Однако стоит как минимум задаться

вопросом: каким образом офицер его невысокого звания — капитан или майор — мог вообще получить доступ к подобному материалу? Если же он такой доступ имел, то как ему удалось вспомнить мелкие подробности столь обширной информации после столь длительного периода?

В своем разоблачительном труде Резун вплел сложный узор из массы достоверных фактов, взятых из советских воспоминаний и послевоенных исследований, в менее достоверно выглядящую паутину интриги, окружающей обстоятельства, связанные с началом войны. Его документальных свидетельств хватило для защиты выдвигаемого им тезиса относительно стратегических намерений Сталина до июня 1940 года — но он привел существенно меньше доказательств в поддержку своей более радикальной точки зрения относительно военных планов Сталина на 1941 год.

Наряду с множеством других утверждений он заявляет, что Сталин планировал совершить нападение на Германию летом 1941 года (а конкретнее 6 июля), что он умышленно мобилизовал и развернул для достижения победы массированный стратегический второй эшелон, что этот эшелон состоял из внушительных «черномундирных» частей НКВД и отборных ударных армий (таких, как 16-я и 19-я), что Сталин умышленно демонтировал существующие оборонительные сооружения с целью способствовать предстоящему нападению, и что архитектором и назначенным исполнителем хитроумного сталинского плана был генерал А. М. Василевский, а не Г. К. Жуков.

В «Дне М», используя ту же историческую методологию, Резун развил те же самые представленные им в «Ледоколе» начальные тезисы. Хотя спорные и взрывные утверждения Резуна не произвели большого воздействия на ученых в англо-американских исторических кругах, они сильно повлияли на многих в Германии и бывшем Советском Союзе. Каким бы оправданным, обоснованным и необходимым ни был пересмотр устоявшихся взглядов на Вторую мировую войну, будучи плохо продуманным и еще хуже обоснованным, подобный пересмотр в конечном итоге может принести больше вреда, чем пользы.

Так, после Первой мировой войны такая ревизия взглядов во многом занималась вскрытием старых ран и привела к появлению новых. В крайних случаях ревизия истории войны может повредить миру, разжигая старые обвинения и плодя ненависть. И как минимум она способна извратить сбалансированный и рациональный взгляд на прошлое.

Рябь, поднятая разрушительным воздействием опусов Резуна, уже видна в континентальной Европе, особенно в немецких и российских исторических кругах. Выдающиеся немецкие историки воспользовались его тезисами, а следовавшие личные и даже юридические споры вызвали множество конфликтов между учеными-историками и даже почтенными историческими институтами. Даже в постсоветской России нашлась плодородная почва для резунистской разновидности ревизионизма. Появилось новое поколение антисоветских историков, чья идеологическая оппозиционность к социализму и коммунизму сделала их склонными принимать любые и всякие доводы против своих оппонентов и бывших угнетателей, сколь бы слабыми эти доводы ни были. В итоге негодование и ненависть позволили им принять на веру и распространять дальше самые крайние и сомнительные утверждения об отвратительном поведении Советского Союза. Более того, под напором тех, кто согласен с Резуном, некоторые представители более традиционного направления российской исторической науки нарушили единство — и в различной степени и по разным мотивам, но тоже приняли некоторые из доводов Резуна.

Так как пересмотр взглядов в этой форме и по этим мотивам может принести вред, его требуется подвергнуть проверке и, если это понадобится, оспорить. В этом и состоит цель данной книги.

Как ни хорошо сконструированы доводы Резуна, сколь достоверны ни оказались бы отдельные приводимые им факты, в целом его мнение о советских планах на 1941 год нельзя признать верным по множеству причин. Во-первых, оно непоследовательно заранее отвергает надежность советских архивных материалов, в то время как собственные доводы основывает,

частично или полностью, на обширных открытых материалах и исследованиях. Во-вторых, Резун эксплуатирует мемуарные источники, которые могут быть точны в том, что касается места и времени события, но зачастую содержат субъективную его интерпретацию, рассматривая происходящее в полном отрыве от контекста. Резун весьма ловко использует такой субъективизм для поддержки своих доводов.

И, наконец, самое главное — достоверности доводов Резуна бросают вызов три вида источников фундаментального типа: недавно ставшие доступными многочисленные сборники документов и исследований, посвященных разным вопросам войны (сплошь секретные и совершенно секретные)³, а также немецкие архивные документы и другие материалы, документально подтверждающие тяжелое состояние Красной Армии в 1941 году. Все они указывают, что любые замышляемые Советами в 1941 году наступательные операции граничили бы с полным безумием. Вполне возможно, что Сталин был неразборчивым в средствах тираном — но отнюдь не полным безумцем.

Обнародованные за последние несколько лет многочисленные советские рассекреченные доклады, приказы и планы, равно как и недавно вышедшие книги с разбором советских стратегических планов на 1940–1941 годы, ясно указывают, что после разгрома в июне 1940 года Франции Советы лихорадочно искали способы защититься от угрозы германского нападения — которое они все более считали неизбежным и крайне опасным. Это включало в себя объявление в начале 1941 года «предвоенного» состояния, которое повлекло за собой скрытную мобилизацию — мобилизацию, которая шла, но была лишь частично завершена к 22 июня. Советское отчаяние ярко высвечивается публикацией в журнале Генерального штаба «Военная мысль» и других советских военных журналах статей, подробно разбирающих отчетливую немецкую угрозу и различные вопросы обороны. Документы советских войсковых групп, армий, корпусов и дивизий в последние предвоенные и первые военные дни не дают никаких прямых доказательств в поддержку утверждений Резуна — а вместо этого подкрепляют прямо противоположные выводы.

Немецкие документы тоже противоречат доводам Резуна. Они также высвечивают плохую готовность Красной Армии к войне — хотя немцы катастрофически недооценили мобилизационный потенциал противника и в конечном счете поплатились за это. Согласно как советским, так и немецким секретным источникам, грозный советский второй эшелон, на который ссылается Резун, включая хваленые 16-ю и 19-ю армии и приданные им механизированные корпуса, был куда менее грозным — о чем свидетельствует его участие в боях между августом и октябрём, когда войска этого эшелона были введены в действие.

Советские механизированные корпуса второго эшелона были почти напрочь лишены средних и тяжелых танков; типичным примером их боевых возможностей служит судьба 5-го и 7-го мехкорпусов, которые были брошены в бой в июле около Лепеля и быстро понесли тяжелейшие потери. Механизированные корпуса западных пограничных округов, имевшие некоторое количество современных танков, действовали немногим лучше.

Фактически именно плохое выступление Красной Армии до 1941 года — в Польше и Финляндии — как раз и делает доводы Резуна еще менее достоверными. Лишенная четырьмя годами катастрофических чисток основной массы своих командных кадров, пребывая в самом разгаре плохо управляемого расширения вооруженных сил и программы перевооружения, летом 1941 года Красная Армия была явно непригодна для проведения крупномасштабных наступательных операций. Ход и результаты секретных московских военно-штабных игр в январе 1941 года отчетливо высветил для Сталина этот факт. Вследствие этого, когда обеспокоенный Жуков предложил Сталину в мае 1941 года нанести предупредительный удар по сосредотачивающимся немцам, Сталин эту идею отверг, имея на то веские причины.

Наконец, летом 1941 года Советский Союз был не готов к войне и в военно-техническом смысле, что ясно покажет данная книга. Есть фундаментальные различия между отмобилизованной, закаленной в боях армией, которой, прежде чем начать войну надо только передислоцироваться (какими были в 1941 году армии Германии и Японии) — и массовой призывной армией,

которой для этого надо сперва и мобилизоваться, и развернуться. Великое множество ставших недавно доступными архивных материалов и прежде закрытых, а ныне рассекреченных исследований ясно указывают, что как советская армия 1941 года, так и довоенная армия США неизбежно попадают в последнюю категорию.

Сковываемая суровыми социальными реалиями и тесно связанная с ее, по существу, крестьянским тылом, переживающая беспрецедентную бурю, вызванную крупным увеличением войск, реорганизацией и перевооружением, Красная Армия была не способна летом 1941 года крупномасштабную войну. Она могла вести и вела в 1939 и 1940 годах «малые войны» в Финляндии, на Халхин-Голе и в Бессарабии, но ее не блестящее выступление в этих конфликтах лишь подчеркивало ее неспособность вести более крупную войну.

Таким образом, подобно Соединенным Штатам в довоенные годы, Советский Союз подвергся проклятию «вползания в войну». Как писал начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Б. М. Шапошников, мобилизация является порогом к войне; пересечешь его — и примешь на себя ответственность за агрессивную войну. В сентябре 1939 года Гитлер сделал это в Европе, а Япония сделала еще в 1937 году в Китае. Советская же мобилизация в 1941 году нескольких армий была актом осмотрительности, а не полной мобилизацией, указывающей самым своим фактом на намерение вести агрессивную крупномасштабную войну.

Легко выдвигать поразительные ревизионистские концепции касательно таких грандиозных событий, как начало советско-германской войны. Сама драматичность и эмоциональное содержание подобных событий станут гарантией широкого распространения твоих утверждений и обеспечат плодородную почву для их поддержания. Поэтому опровергнуть подобные утверждения станет делом не столь легким — и уж куда менее драматичным, особенно когда ревизионистские тезисы столь тепло встречены в некоторых кругах. Тем не менее, если того требует история, утверждения ревизионистов подлежат как минимум

пристальному изучению — и в конечном итоге заслуживают опровержения.

Многие научные работы уже начали подвергать доводы Резуна проверке на достоверность, как с дипломатической, так и с военной точки зрения. В январе и феврале 1995 года в Москве состоялась конференция по данной теме, совместно спонсированная Институтом всемирной истории Академии наук Российской Федерации и Каммингсовским центром российских и восточноевропейских исследований Тель-Авивского университета. Более тридцати пяти американских, европейских, российских и израильских ученых представили доклады по тезисам Резуна и многим сопутствующим темам; документы конференции намечены для публикации. Впоследствии российские ученые подготовили исследования, статьи и антологии докладов, раскрывающих ту же общую тему для публикации в широком спектре российских журналов. Наилучшим примером последнего служит антология, подготовленная и изданная Ассоциацией исследователей российского общества XX века⁴.

А за несколько лет до того Отдел иностранных военных исследований Армии США спонсировал общий симпозиум с немецкими ветеранами войны по теме начального периода советско-германской войны. Симпозиум объединял в себе научный анализ обстоятельств, связанных с началом войны и характера операций в начальный период войны, с привнесенными немецкими участниками личными точками зрения. Для распространения результатов работы данного симпозиума был издан большой том, «Начальный период войны на Восточном фронте: с 22 июня по август 1941 года»⁵. Это углубленное исследование, объединяющее свидетельства и мнения все более уменьшающегося числа участников войны, а также выходящие в данной области работы многих других историков обещают пролить новый свет на события весны и лета 1941 года, точно так же, как и продолжающиеся публикации материалов из советских архивов.

Как это ни трагично, уже минуло время, когда мы могли взять интервью у тех, кто пережил этот период и вынес связанные с ним лишения. Однако, если политический климат останется

благоприятным, появится все больше возможностей для соби-
рания и изучения писем и личных воспоминаний участников тех
событий.

Данная книга продолжает важный процесс изучения обстоя-
тельств начала советско-германской войны, проводимого путем
объективного исследования состояния готовности Красной Ар-
мии летом 1941 года, сделанного на основе советских и немец-
ких архивных материалов.

Глава 1

ВОЙСКА КРАСНОЙ АРМИИ

Советский Союз готовил свои вооруженные силы к войне в контексте общей ситуации в Европе, после 1935 года становившейся все более угрожающей, а также с учетом начавшейся в 1939 году общеевропейской войны. Советское военное и политическое руководство предусмотрительно увеличило численность своей армии мирного времени, одновременно пытаясь повысить ее боеспособность. Для противодействия недавно осознанным угрозам Генеральный штаб кардинально изменил военные планы и перестроил в соответствии с этими новыми планами как структуру Красной Армии, так и систему мобилизации.

Между 1937 и 1939 годами Советы для повышения численности и боеготовности войск мирного времени перешли от своей традиционной территориальной системы (ополчения) к регулярно-кадровой системе формирования. Принятый 1 сентября 1939 года закон о всеобщей воинской обязанности обеспечил армию людскими ресурсами, нужными новой военной системе для достижения ее целей. Эти меры позволили Красной Армии «сползать к войне», постепенно увеличивая численность армии мирного времени с 1,5 миллиона человек на 1 января 1938 года до свыше 5 миллионов человек в июне 1941 года. Они дали возможность системе мобилизации увеличить кадровые войска Красной Армии мирного времени до 500 с лишним разнородных дивизий военного времени.

Во время произошедшей между 1937 и 1939 годами серии европейских кризисов Советы усиленно проверяли свою систему мобилизации на практике. Используя плоды этих проверок, Генеральный штаб весь 1940 год и вплоть до 22 июня 1941 года оттачивал свои мобилизационные и военные планы, постоянно анализируя меняющиеся геополитические условия и проводя на самом высоком уровне совещания по вопросам стратегического планирования, а также оперативно-стратегические военные игры. Пересмотренные планы оценивали численность и развертывание войск потенциальных противников (в первую очередь немецких и японских) и поднимали уровень готовности советских войск мирного времени и мобилизуемых сил до уровня способности противостоять этим ожидаемым угрозам.

Готовя свои вооруженные силы к всеобщей войне, советское руководство в то же время проверяло боеготовность Красной Армии в ограниченных конфликтах в Польше, Монголии, Финляндии и Румынии. И в большинстве случаев Красная Армия эту проверку не выдержала. Смушающие неудачи Красной Армии на поле боя и недостатки боеготовности ударных сил сделали новое стратегическое планирование еще более настоятельным и ускорили попытки реформировать, перестроить и перевооружить Красную Армию до того, как она вынуждена будет принять участие в общеевропейской войне.

Широчайшая «реформа Тимошенко» была в самом разгаре, когда 22 июня 1941 года разразилась война. Предупрежденное донесениями разведки о растущей немецкой угрозе, советское правительство частично ввело «особо угрожаемый период» и ускорило «вползание в войну», проводя скрытное стратегическое развертывание войск. Это было, по существу, первой стадией проводимого из предосторожности процесса мобилизации, который резко ускорится с началом войны и будет продолжаться весь 1941 год и начало 1942 года. Эта первая стадия началась в конце апреля, когда войска из Забайкалья и с Дальнего Востока начали передислоцироваться на запад; она продолжилась в начале мая, когда на запад перевели войска

меньшей численности из Уральского и Сибирского военных округов.

В то же время еще в апреле Народный Комиссариат Оборона (НКО) одобрил увеличение количества стрелковых дивизий военного времени (14 483 человек) и приказал довести численность 99 стрелковых дивизий до штатной численности военного времени. Несмотря на этот приказ, к 22 июня лишь 21 из этих дивизий была доведена до полной штатной численности¹.

13 мая НКО издал постановление о мобилизации и формировании стратегического резерва из семи армий (67 дивизий) и развертывании этого резерва вдоль линии Западной Двины и Днепра в первые десять дней июля. В состав этого резерва входили 16-я, 19-я, 21-я и 22-я армии из Забайкальского, Северокавказского, Волжского и Уральского военных округов, которые двинулись к местам дислокации в мае, а также 20-я, 24-я и 28-я армии, созданные из частей из Московского, Орловского, Волжского, Сибирского, Архангельского и Дальневосточного военных округов, которые начали передислокацию только после 22 июня.

В начале июня, под покровом «Больших военных сборов» и в соответствии с Государственным планом обороны, НКО призвал на военную службу 793 500 человек для доведения до штатной численности примерно 100 существующих дивизий и укрепрайонов. К 22 июня 9 дивизий 19-й армии завершили развертывание, а 19 дивизий 16-й, 21-й и 22-й армий следовали к своим местам назначения. После полного исполнения советского мобилизационного плана (МП-41), на что отводилось 30 дней, в распоряжении военного руководства должны были оказаться войска общей численностью в 344 дивизии и 7,85 миллионов бойцов, 6,5 миллионов из которых будут развернуты на Западном театре военных действий².

Однако многие из мобилизованных дивизий не достигали полной численности. Завершать свою мобилизацию они должны были уже в ходе начального периода войны. В действительности же к 22 июня 1941 года выполнение МП-41 из предполагаемого

количества в 4 826 900 мобилизованных обеспечило наличие в боевых силах на западе 2 901 000 бойцов, сведенных в 171 дивизию¹.

К 22 июня 1941 г., советское правительство выполнило многие, но не все из требований «особо угрожающего военного периода». Долгосрочные программы подготовки шли полным ходом, производилась частичная мобилизация, войска доводились до штатной численности военного времени, а сосредоточение и развертывание стратегических и оперативных сил находились в самом разгаре. Эти меры распространились и на приграничные военные округа, но так как Сталин был озабочен тем, чтобы немцы не восприняли подобные действия как провокацию, то он резко ограничил схожие меры на оперативном и тактическом уровнях⁴.

Проходящая мобилизация Красной Армии подняла три главных вопроса: насколько велика стала численность войск, какова реальная боеспособность этих сил — и, с учетом данной боеспособности, как Советы намерены использовать их? На первые два вопроса стало возможно ответить лишь сейчас, и эти ответы будут иметь существенное отношение к третьему вопросу.

Численность и структура

Летом 1941 года вооруженные силы Советского Союза состояли из Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота, Пограничных Войск (ПВ) и Внутренних Войск (ВВ). Общая численность их равнялась 5,7 миллиона бойцов. В Красную Армию входили сухопутные войска (СВ), воздушные силы (ВС) и войска противовоздушной обороны (ПВО страны).

На 22 июня сухопутные войска Красной Армии состояли из 4 фронтов, 27 армий, 29 механизированных корпусов, 62 стрелковых корпусов, 4 кавалерийских корпусов, 5 воздушно-десантных корпусов, 303 дивизий, 57 укрепленных районов и 5 отдельных стрелковых бригад, поддерживаемых 10 противотанковыми

бригадами, 94 полками корпусной артиллерии, 75 полками артиллерии РГК (Резерва Главного Командования) и 34 инженерными полками — общей численностью около 5 миллионов человек (см. Приложение А)⁵. По типу эти 303 дивизии включали 198 стрелковых, 61 танковую, 31 механизированных и 13 кавалерийских.

Полевые войска на западном театре военных действий включали в себя три фронта (Северный, Западный и Юго-Западный), преобразованные 22 июня из Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, отдельной армии (9-й) и четвертого фронта (Северного), созданного 24 июня из Ленинградского военного округа. Эти полевые войска («действующие армии») состояли из 15 армий, 20 механизированных корпусов, 32 стрелковых корпусов, 3 кавалерийских корпусов, 3 воздушно-десантных корпусов, 163 дивизий (97 стрелковых, 40 танковых, 20 механизированных и 6 кавалерийских), 41 укрепленного района, 2 отдельных стрелковых бригад, 10 противотанковых бригад, 87 артиллерийских полков (52 корпусной и 35 РГК) и 18 инженерных полков общей численностью примерно 2,9 миллиона бойцов⁶ (см. таблицу 1.1).

Резерв Главного Командования (Ставки) состоял из 6 армий, 14 стрелковых корпусов, 5 механизированных корпусов, 57 дивизий (42 стрелковых, 10 танковых и 5 механизированных) и 17 артиллерийских полков (13 корпусной и 4 РГК) (см. таблицу 1.2)⁷. Остальные военные округа и Дальневосточный фронт насчитывали 6 армий, 16 стрелковых корпусов, 4 механизированных корпуса, 83 дивизии (59 стрелковых, 7 кавалерийских, 11 танковых и 6 механизированных), 16 укрепленных районов, 3 отдельных стрелковых бригады, 65 артиллерийских полков (29 корпусной и 36 РГК) и 16 инженерных полков (см. таблицу 1.3).

В соответствии с предвоенными планами Красная Армия была стратегически эшелонирована в глубину. Первый стратегический эшелон, образованный из полевых войск западных (пограничных) округов, включая 9-ю отдельную армию в Одесском военном округе, состоял из 171 дивизии (104 стрелковых, 40 танковых, 20 механизированных и 7 кавалерийских), расположенных вдоль

фронта протяженностью в 4500 километров от Баренцева до Черного моря. В этих полевых войсках 56 дивизий и 2 бригады принадлежали к первому эшелону армий, прикрывающих пограничный округ, 52 дивизии принадлежали ко второму эшелону, расположенному на 50–100 километров дальше в тылу, и 62 находились в резерве пограничного военного округа, развернутые в 100–400 километрах от государственных границ.

Укрепленные районы были расположены вдоль границы 1941 года, а также в глубине вдоль бывшей советско-польской границы до 1939 года и на подходах к такому крупному городу, как Киев. Второй стратегический эшелон состоял из 57 дивизий из состава шести резервных армий Ставки, которые к 22 июня начинали развертываться вдоль линии Двина—Днепр. И, наконец, стратегический резерв состоял из всех войск, существующих или мобилизующихся в других военных округах и на Дальневосточном фронте.

Военно-воздушные силы Красной Армии обеспечивали поддержку всех сухопутных сил в поле, в военных округах и на действующих фронтах. Эти ВВС состояли из дальнебомбардировочной авиации (ДБА), фронтовой, армейской и войсковой авиации (см. таблицу 1.4). Дальнебомбардировочная авиация рассматривалась как стратегический актив и потому напрямую подчинялась командующему ВВС. Фронтовая авиация подчинялась командующему военным округом (или фронтом), армейская авиация — командующим армиями, а войсковая авиация служила командующим корпусами.

Дальнебомбардировочная авиация насчитывала 5 корпусов бомбардировочной авиации, каждый из которых состоял из двух дивизий бомбардировочной авиации, и 3 отдельных дивизий бомбардировочной авиации. Во фронтовой и армейской авиации числилась 61 смешанная, истребительная и бомбардировочная дивизия. Из этого общего числа 31 состояла при полевых войсках и 30 — при военных округах и действующих фронтах. Вдобавок у ВВС имелся широкий спектр отдельных авиapolков, как правило, поддерживающих более удаленные войска. В это число входили 7 полков разведывательной авиации,

5 смешанных авиабригад, 2 смешанных авиаполка, 2 истребительных авиаполка, 1 полк бомбардировочной авиации, и 7 полков арткорректировочной авиации⁸.

На 22 июня в военно-воздушных силах советской Красной Армии насчитывалось 19 533 боевых самолета (см. таблицы 1.5 и 1.6). Еще 1445 самолетов находились в авиации флота. Из всех воздушных сил Красной Армии 2311 самолетов относились к дальнебомбардировочной авиации и 13 288 — к военно-воздушным силам военных округов. Оставшиеся 3934 самолета служили учебными в летных школах и на авиабазах. Народный Комиссариат Обороны (НКО) расположил авиационные силы преимущественно в западных военных округах, где были развернуты приблизительно 61 % авиационных частей, 53 % самолетов и 45 % кадров ВВС. Всего в этих военных округах было размещено 7133 самолета, распределявшихся следующим образом: Ленинградский военный округ — 1270 машин, Прибалтийский особый военный округ — 1211 машин, Западный особый военный округ — 1789 машин; Киевский особый военный округ — 1913 машин; и Одесский военный округ — 950 машин⁹. Другие военные округа располагали 6155 самолетами.

Часть военно-воздушных сил Красной Армии была передана командованию противовоздушной обороной (ПВО). Эти состояли из 40 истребительных авиаполков, которые на бумаге имели в своем составе 2520 истребителей, но на самом деле их численность составляла менее 1500 самолетов. По маркам машин самолеты распределялись в западных военных округах так, как это показано в таблице 1.6.

В защите границ Советского Союза Красной Армии помогали 165 000 пограничников из пограничных войск, развернутых главным образом вдоль западных границ страны от Баренцева до Черного моря и на Дальнем Востоке. Эти легкие охранные войска составляли 8 пограничных округов, которые, в свою очередь, состояли из 49 номерных пограничных отрядов, 10 отдельных пограничных комендатур, 7 подразделений пограничных кораблей, 8 окружных школ подготовки младших офицеров и вспомогательных частей и подразделений.

Особые подразделения и части сил внутренней безопасности НКВД обеспечивали охрану ключевых правительственных объектов, железных дорог и промышленных центров. Войска охраны железных дорог численностью в 62 100 бойцов были сведены в 9 дивизий НКВД и 5 бригад, обеспечивающих охрану 1697 объектов. Оперативные силы НКВД включали в себя 11 расположенных в западных военных округах полков и дивизию им. Ф. Э. Дзержинского, а также 7 полков и 3 отдельных батальона, разбросанных по внутренним областям военных округов.

Вдобавок, в октябре 1940 г. были созданы специализированные войска НКВД для местной противовоздушной обороны городов, населенных пунктов и экономических объектов. К июню 1941 года новое Главное Управление Местной Противовоздушной Обороны (МПВО) уже создало 3 полка химической защиты (в Москве, Ленинграде и Баку) и 4 батальона химзащиты. Остальная структура МПВО, которая еще только формировалась, состояла из 1 дивизии и 5 бригад численностью в 29 900 бойцов, защищающих 145 объектов¹⁰.

Прочие войска НКВД обеспечивали конвоирование и охрану военнопленных во время их транспортировки в лагеря для военнопленных, а также и охрану этих лагерей. Эти войска и войска внутренней безопасности также отвечали за управление трудовыми лагерями в Советском Союзе, которые были общеизвестны под сокращенным названием ГУЛаг (Главное управление [исправительно-трудовых] лагерей). К июню 1941 года в этих войсках насчитывалось 38 311 человек, сведенных в две дивизии и семь бригад. Общая численность войск НКВД доходила на 22 июня 1941 года до 171 000 человек¹¹.

Реальные возможности сбора и мобилизации

Немецкое вторжение 22 июня 1941 года в Советский Союз серьезно расстроило процесс мобилизации советских вооруженных сил. Несмотря на вторжение, НКО продолжал действовать как запланировано, и хотя немецкие военные действия затруд-

няли мобилизацию в пограничных военных округах, они, вероятно, ускорили общий процесс мобилизации. К 1 июля 1941 года общее число дополнительно призванных достигло 5,3 миллионов, состав мобилизованных армий, корпусов и дивизий постоянно рос¹².

К 10 июля недавно созданный Государственный Комитет Обороны (ГКО) завершил мобилизацию 56 дополнительных дивизий, которые пошли подкреплениями в существующие армии, доведя до штатной численности 13-ю и 18-ю армии Западного и Южного фронтов. Было закончено формирование 28-й армии и начато формирование новой волны резервных армий, в том числе новой 31-й армии (см. таблицу 1.7). 28-я и 31-я армии присоединились к 24-й армии в новом резерве Ставки, сменив другие резервные армии, которые уже вступили в бои на действующих фронтах. За это время немецкие войска уничтожали советские 3-ю, 10-ю и большую часть 4-й армии в боях под Белостоком и Минском¹³.

К 1 августа численность недавно отмобилизованных дивизий возросла в целом до 144 — включая 8 танковых дивизий, оснащенных танками новейшей модификации и сформированных главным образом из танковых дивизий механизированных корпусов, передислоцированных из внутренних военных округов. Из этой волны мобилизации возникли прошедшая переформирование 3-я армия и новообразованные 29-я, 30-я, 32-я, 34-я, 35-я, 36-я, 43-я, 44-я, 45-я, 46-я и 47-я армии. 3-я армия вошла в состав нового Центрального фронта, а 29-я и 30-я армии (вместе с 28-й) направились подкреплениями на Западный фронт. Кроме того, Ставка сформировала из 32-й, 33-й, 34-й и 43-й армий Резервный фронт, придав 35-ю армию сначала Резервному, а потом Дальневосточному фронту. В Забайкальском военном округе была сформирована 36-я армия, в Закавказском — создано четыре новые армии (44-я, 45-я, 46-я и 47-я). В то же время ослабленная 4-я армия исчезла из боевого состава Красной Армии.

К 1 августа силы Красной Армии состояли из 491 дивизии, несмотря на потерю с начала военных действий примерно

46 дивизий. Вследствие этого Ставка сформировала 37-ю, 38-ю, 40-ю, 42-ю, 48-ю, 49-ю, 50-ю, 51-ю, 52-ю и 55-ю армии, которые все были приданы действующим фронтам.

Таким образом, советская мобилизационная система к 10 июля пополнила структуру советских войск 4 армиями и 56 дивизиями, а к 1 августа — в целом 17 армиями и 144 дивизиями. Созданные в августе дополнительные 9 армий довели на 1 сентября общую численность Красной Армии до 50 армий, 450 дивизий (356 стрелковых, 31 танковой, 5 механизированных и 58 кавалерийских), 7 стрелковых бригад и 37 укрепрайонов.

В августе и сентябре Ставка начала расформировывать штабы стрелковых корпусов, а также расформировала те старые механизированные корпуса, которые еще не были уничтожены немецкими войсками. Из их остатков были созданы новые танковые дивизии и отдельные танковые бригады, оснащенные танками новых марок. Но большинство новых танковых дивизий просуществует не долго — уже к октябрю большинство из них будет уничтожено или переформировано в отдельные танковые бригады меньшей численности.

В то же время лихорадочными темпами продолжалась мобилизация, давшая к 31 декабря в целом примерно 285 стрелковых дивизий, 12 прошедших переформирование танковых дивизий, 88 кавалерийских дивизий, 174 стрелковые бригады, и 93 танковые бригады. Мобилизация соединений и частей ВВС отставала от роста сухопутных войск из-за технических сложностей, связанных с формированием и снаряжением обученных и боеспособных авиационных сил, а также с тяжелыми потерями, понесенными в первые дни и недели войны. В некотором смысле развертывание авиации напоминало советский опыт с механизированными и бронетанковыми войсками. Тяжелые первоначальные потери военного времени, плохая подготовка летчиков и громадные трудности с управлением вынудили Советы сократить численность мобилизуемых сил и задержали рост советской воздушной мощи (см. таблицы 1.8 и 1.9).

В декабре 1941 года Советы выставили в поле пять авиагрупп, каждая из которых состояла из четырех-пяти полков разнотипных самолетов, полки которых включены в таблицу 1.8. В таблице не показаны корпуса и дивизии дальнебомбардировочной авиации (ДБА). На 22 июня они состояли из четырех корпусов в западных военных округах и одного корпуса на Дальнем Востоке. В каждый такой корпус входило две дивизии бомбардировочной авиации. Вдобавок, дальнебомбардировочная авиация располагала двумя отдельными авиадивизиями истребителей и одной — бомбардировщиков. В августе 1942 года авиационные корпуса были отменены, а семь дивизий дальнебомбардировочной авиации остались под управлением ДБА и после 1 октября.

Мобилизация также охватила и внутренние силы безопасности НКВД. Мобилизационный план 1941 года требовал увеличения оперативных сил в западных военных округах. Расположенные в Прибалтийском, Западном и Киевском особых военных округах полки должны были сформировать три мотострелковые дивизии (21-ю, 22-ю и 23-ю), а из выделенных дополнительно НКВД 41 500 бойцов 16 000 должны были находиться в приграничных военных округах. Этот мобилизационный план был выполнен, войска НКВД внутренних военных округов сыграли существенную роль в начальный период войны, выставляя в поле и пополняя многочисленные соединения НКВД, а начиная с конца июля — снабжая многие новые стрелковые дивизии Красной Армии тем ядром, вокруг которого кристаллизуется все воинское соединение¹⁴.

В целом, считая первоначальные сухопутные войска Красной Армии и силы, мобилизованные к 31 декабря, за первые шесть месяцев войны Красная Армия выставила в поле примерно 483 стрелковые дивизии, 73 танковые дивизии, 31 механизированную дивизию и 101 кавалерийскую дивизию — всего 688 дивизий. Если учесть здесь бригады, приравнивая две бригады (стрелковых или танковых) к одной дивизии, то можно добавить еще 133 дивизии¹⁵, получив общее число в 821 соединений дивизионного

уровня. Из этого числа 447 дивизий были к 1 августа направлены на фронт в поле.

Однако надо помнить, что реальная численность каждой такой дивизии была примерно вдвое меньше, чем у немецкой дивизии. Сколь ни внушительными кажутся эти силы на бумаге, одни лишь голые цифры могут ввести в серьезное заблуждение. Истинную боеспособность Красной Армии следует измерять по степени ее боеготовности. А самым значительным индикатором боеготовности Красной Армии на 22 июня 1941 года были потери, понесенные ею в первые шесть месяцев войны, составившие эквивалент 229 дивизий — 147 стрелковых, 40 танковых, 11 механизированных и 10 кавалерийских, плюс 21 стрелковая и танковая бригада (см. таблицу 1.9).

Статистические данные

Таблица 1.1

Полевые войска на западном театре военных действий к 22 июня 1941 года

Фронты	Армии	Стрелковые корпуса	Мех- корпуса	Кавал. корпуса	Авиа- корпуса	Укрепрайоны
Северный	7-я, 14-я, 23-я	19-й, 42-й, 50-й	1-й, 10-й			21-й, 22-й, 23-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й
Северо- Западный	8-я, 11-я, 27-я	10-й, 11-й, 16-й, 22-й, 24-й, 29-й, 65-й	3-й, 12-й	5-й		41-й, 42-й, 44-й, 45-й, 46-й, 48-й
Западный	3-я, 4-я, 10-я, 13-я (только штаб)	1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 21-й, 28-й, 44-й, 47-й	6-й, 11-й, 13-й, 14-й, 17-й, 20-й	6-й	4-й	58-й, 61-й, 62-й, 63-й, 4-й, 65-й, 66-й, 68-й
Юго-западный	5-я, 6-я, 12-я, 26-я	6-й, 8-й, 13-й, 15-й, 17-й, 27-й, 31-й, 36-й, 37-й, 49-й, 55-й	4-й, 8-й, 9-й, 15-й, 16-й, 19-й, 22-й, 24-й	5-й	1-й	1-й, 2-й, 3-й, 4-й 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 15-й, 17-й
	9-я отдель- ная	14-й, 35-й, 48-й	2-й, 18-й	2-й		80-й, 81-й, 82-й, 84-й,

Таблица 1.2

Резервы Ставки на 22 июня 1941 года

Армии	Стрелковые корпуса	Мехкорпуса
16-я	32-й	5-й
19-я	25-й, 34-й	26-й
20-я	61-й, 69-й	7-й
21-й	63-й, 66-й	25-й
22-я	51-й, 62-й	
24-я	52-й, 53-й	
	20-й, 45-й, 67-й	21-й

Таблица 1.3

Военные округа и действующие фронты на 22 июня 1941 года

Военные округа	Армии	Стрелковые корпуса	Мехкорпуса	Кавкорпуса	Воздушно-десантные корпуса	Укрепрайоны
Московский		41-й				
Приволжский						
Орловский		30-й, 33-й	23-й			
Уральский						
Сибирский						
Харьковский	18-я (только штаб)					
Северо-Кавказский	64-й					
Одесский		7-й, 9-й			3-й	83-й
Закавказский		3-й, 23-й, 40-й	28-й	4-й		51-й, 52-й
Среднеазиатский		58-й	27-й			
Архангельский						
Забайкальский	17-я	12-й				
Дальневосточный фронт	1-я, 2-я, 15-й, 25-й	18-й, 26-й, 59-й, Специальный	30-й			101-й, 102-й, 103-й, 104-й, 105-й, 106-й, 107-й, 108-й, 109-й, 110-й, 111-й, Усть-Бурейский

Таблица 1.4

Авиация Красной Армии на 22 июня 1941 года

Формирования	Воздушные силы	Силы ПВО
Армий		
Северный фронт	55-я сад 1-я сад, 42-й каэ 5-я сад, 41-я бад, 15-я, 19-я каэ 2-я сад, 39-я иад, 311-я рап, 103-я каэ	3-я, 54-я иад ПВО
7-я армия		
14-я армия		
23-я армия		
Фронтового подчинения		
Северо-Западный фронт	57-я иад, 4-я, 6-я, 7-я, 8-я сад, 312-й рап	21-й иап ПВО
Западный фронт	43-я иад, 12-я, 13-я бад, 9-я, 10-я, 11-я сад, 313-я, 314-й рап, 59-я, 60-я иад (формируется)	184-я иап ПВО
Юго-Западный фронт	44-я, 64-я иад, 19-я, 62-я бад, 14-я, 15-я, 16-я, 17-я, 63-я сад, 315-я, 316-й рап	36-я иад ПВО
9-я отдельная армия	20-я, 21-я, 45-я сад, 317-й рап, 65-я, 66-я иад (формируется)	131-й иап ПВО
Дальнебомбардировочная авиация	1-й БАК (40-я, 51-я бад), 2-й БАК (35-я, 48-я бад), 3-й БАК (42-я, 52-я бад), 4-й БАК (22-я, 50-я бад), 56-я, 61-я иад, 18-я бад	
Военных округов		
Московский	24-я иад, 23-я, 46-я сад, 77-я сад, 78-я иад (формируется)	
Приволжский	58-я бад (формируется)	
Орловский	47-я, 67-я иад, 68-я бад, 1-я рез. абр (два полка)	
Сибирский	30-я бад	
Харьковский	75-я, 76-я иад, 49-я бад	
Северо-Кавказский	73-я иад, 74-я бад	
Одесский		
Закавказский	25-я, 72-я сад, 26-я бад (АДД), 27-я, 71-я, иад ПВО, 68-я иад, 320-й рап, 3-я, 23-я каэ	
Среднеазиатский	4-я сабр (116-й иап, 34-й бап)	
Архангельский	1-я сабр	

Формирования	Воздушные силы	Силы ПВО
Забайкальский	38-я иад, 30-я бад (АДД), 28-я, 37-я сад, 9-й иап ПВО 2-я сабр, 51-й иап, 64-й сап, 318-й рап	
Дальний Восток	5-й БАК (33-я, 53-я бад), 29-я иад, 5-я сабр, 71-й сап, 18-й иап ПВО, 168-й рап	
1-я армия	32-я, 34-я сад, 79-я иад (формируется)	
2-я армия	31-я иад, 319-й рап	
15-я армия	69-я сад, 18-я каэ	
25-я армия	70-я сад, 39-я, 59-я каэ	

Примечание: Относительно сокращений — см. список сокращений в начале книги.
 Источник: «Боевой состав советской армии», часть 1. М.: ВНУ ГШ, 1994. 7–14.

Таблица 1.5

Состояние советской авиации на 22 июня 1941 года

Формирования	Число самолетов
Военные округа	13288
Западные	7133
Другие	6155
Дальнебомбардировочная авиация	2311
Школы и учебные части	3934
Всего в РККА	19 533
ВВС флота	1445
Всего в вооруженных силах	20 978 (16 502 используемых, в том числе 13 211 боеготовых)

Источник: «Справочник боевого и численного состава частей и соединений Воздушных сил СА 1941–1954 гг.» — Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО), инв. № 962, 5–10. Цитируется по неопубликованной рукописи Н. М. Раманичева, далее именуется «Справочник». См. также «Начальный период Великой Отечественной войны» (М.: Академия Генерального Штаба им. Ворошилова, 1989), 57–59.

Таблица 1.6

Численный состав советских ВВС на Западе на 22 июня 1941 года

Авиационная группировка	Бомбар- дировщики	Штурмо- вики	Истре- бители	Разведчики	Всего
ВВС (Западные округа)	2212	317	4226	378	7133
Командование дальне- бомбардировочной авиации	1339	0	0	0	1339
Всего в РККА на Западе	3551	317	4226	378	8472 (7133 боего- товых)
Северный, Балтийский и Черноморский флоты	217	120	763	345	1445
Всего в армии и флоте на Западе	3768	437	4989	723	9917 (8727 боего- товых)
Запад					
% от общего состава	38	4,4	50,3	7,3	100

Источник: «Справочник», 5–10.

Таблица 1.7

Армии, мобилизованные с 10 июля по 1 сентября 1941 года

Армии	Подчиненные формирования
На 10 июля 1941 г.	
13-я	45-й СК (148-я, 187-я сд), 20-й СК (132-я, 137-я, 160-я сд), 61-й СК (53-я, 110-я, 172-я сд), 4-й ВДК (7-я, 8-я вдбр), 20-й МК (26-я, 38-я тд, 210-я мд), 24-я сд
18-я	17-й СК (96-я мсд, 164-я, 189-я сд), 55-й СК (130-я, 169-я сд), 60-я мсд, 30-я кд, 39-я тд, 10-й, 11-й сп
28-я	30-й СК (89-я, 120-я, 149-я сд), 33-й СК (145-я, 217-я, 222-я сд), 27-й МК (9-я, 23-я тд, 221-я мд)
31-я	244-я, 246-я, 247-я, 249-я сд
С 10 июля по 1 августа 1941 г.	
3-я	66-й СК (75-я, 232-я сд), 214-я вдбр, 65-й УР
29-я	243-я, 252-я сд, 1-й мсп (НКВД), 50-я, 53-я кд
30-я	242-я, 250-я, 251-я сд
32-я	220-я сд, 2-я, 7-я, 8-я, 13-я, 18-я сдно
33-я	1-я, 5-я, 9-я, 17-я, 21-я сдно
34-я	245-я, 257-я, 259-я, 262-я сд, 25-я, 54-я кд
35-я	Первоначально в Резервном фронте: 194-я, 220-я, 248-я сд; позднее в Дальневосточном фронте: 35-я, 66-я, 78-я сд, 109-й УР
36-я	65-я, 93-я, 94-я, 114-я сд, 61-я тд, 82-я мд, 31-й, 32-й сп
43-я	53-я, 217-я, 222-я сд, 105-я тд
44-я	20-я, 77-я гсд, 17-я кд
45-я	31-я, 136-я сд, 138-я мсд, 1-я гд, 55-й УР
46-я	4-я сд, 9-я, 47-я гсд, 51-й УР
47-я	236-я сд, 63-я, 76-я гсд

Продолжение таб. 1.7

Армии	Подчиненные формирования
С 1 августа по 1 сентября 1941 г.	
37-я (Юго-Западный фронт)	27-й, 64-й СК (только штабы), 28-я мсд, 87-я, 124-я, 146-я, 147-я, 165-я, 171-я, 175-я, 206-я, 228-я, 284-я, 285-я сд, 1-й УР
38-я (Юго-Западный фронт)	97-я, 116-я, 196-я, 212-я, 297-я, 300-я, 304-я сд
40-я (Юго-Западный фронт)	135-я, 293-я сд, 10-я тд, 2-й ВДК
42-я (Ленинградский фронт)	2-я, 3-я гв. дно, Красногвардейский УР
48-я (Ленинградский фронт)	128-я, 311-я сд, 21-я тд, 1-я гв. Сбр
49-я (Резервный фронт)	194-я, 220-я, 284-я сд, 4-я сдно
50-я (Брянский фронт)	217-я, 258-я, 260-я, 278-я, 279-я, 290-я, 299-я сд
51-я Отдельная (Крым)	9-й СК (106-я, 156-я сд), 271-я, 276-я сд, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Крымские дно, кав. группа (40-я, 42-я, 48-я кд)
55-я (Ленинградский фронт)	70-я, 90-я, 168-я, 237-я сд, 1-я, 4-я дно, сп (3-й гв. дно), Слуцко-Колпинский УР

Примечание: Относительно сокращений — см. список сокращений.

Таблица 1.8

Мобилизация советских военно-воздушных сил
с 22 июня по 31 декабря 1941 года (без авиации дальнего действия)

	22 июня	10 июля	1 августа	1 сентября	1 декабря	31 декабря
Истребительные авиадивизии	19	11	9	10	15	12
Бомбардировочные авиадивизии	11	20	16	18	20	17
Смешанные авиадивизии	31	26	33	40	49	57
Штурмовые авиаполки	0	0	0	0	1	1
Всего авиадивизий	61	57	58	68	84	87
Истребительные авиаполки	5	8	12	25	47	84
Бомбардировочные авиаполки	1	5	7	11	33	125
Смешанные авиаполки	2	1	1	1	2	1
Разведывательные авиаполки	7	6	6	6	4	4
Штурмовые авиаполки	0	0	2	3	11	29
Другие авиаполки						6
Всего авиаполков	15	20	28	46	97	249
Смешанные авиабригады	5	5	5	3	1	1

Источники: «Боевой состав Советской Армии», 7–14.

Таблица 1.9

Потери Красной Армии с 22 июня по 31 декабря 1941 года

Дата	В строю		Потери (общие)	
	личного состава	соединений	личного состава	соединений
22 июня 1941 г.	5 373 000	303		
31 августа 1941 г.	6 889 000	450	2 500 000 (прибл.)	80 (прибл.)
31 декабря 1941 г.	8 000 000 (прибл.)	592	4 308 094	229

Примечание: две бригады приравниваются к одной дивизии.

Источник: Численность на сентябрь 1941 года согласно ЦПА ИМЛ (Центральный Партийный Архив), ф. 644, оп. 1, д. 9, л. 50. Аналогичные записи за март 1942 года показывают численность 4 663 697 для действующей армии и 4 934 105 для недействующих сил (включая госпитали). Соединения подсчитаны по «Боевому составу Советской Армии».

Глава 2

КОМАНДОВАНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ И КОМАНДНЫЕ КАДРЫ

Хотя система советского стратегического командования и управления в целом нормально функционировала в мирное время, это ни в коем разе не делало ее отвечающей требованиям военного времени¹. В мирное время не существовало ни Ставки, ни Главного Командования, ни каких-либо иных стратегических систем командных постов или центров связи. За проведение частичной мобилизации отвечали сразу три организации, гарантирующие боеготовность войск и выполняющие стратегическое развертывание вооруженных сил накануне войны.

Народный Комиссариат Оборона под руководством маршала С. К. Тимошенко, но тщательно контролируемый Сталиным и Политбюро Коммунистической партии, формулировал общую военно-оборонительную политику и одобрял или отвергал конкретные меры по повышению боеготовности вооруженных сил. Возглавляемый генералом армии Г. К. Жуковым Генеральный штаб, который вчерне разработал планы полной мобилизации, развертывания войск и ведения первых операций, играл ключевую роль в их осуществлении, но мог действовать лишь с одобрения НКО. Наконец, военные советы в военных округах отвечали за поддержание боеготовности вооруженных сил округов и выполнение планов Генерального штаба — но только тогда, когда им специально приказывал это делать НКО.

Накануне войны НКО совместно с Генштабом и командующими округами пребывал в самом разгаре выполнения широкой и сложной программы военных реформ. Генеральный штаб активно трудился над равно сложным пересмотром как мобилизационных, так и военных планов. Обе организации работали в рамках очень запутанного внешнеполитического контекста, когда определяемая Сталиным военная политика Советского Союза прокладывала извилистый путь между миром и войной.

Сталинское управление политикой в 1940 и 1941 годах, часто отражавшее противоречивые политические устремления, полное резких поворотов, а зачастую даже неуверенности в результатах его влияния на безопасность страны, влияло и на работу НКО и Генерального штаба. Фактически эта политическая неопределенность вызывала заметную путаницу в самих программах военных реформ, а во многих отношениях сводила на нет предполагаемую выгоду от этих реформ.

Отчетливой всего паралич управления был виден в военных округах вдоль западной границы. Там командующие военными округами и их военные советы напрямую отвечали за поддержание боеготовности, выполняя все аспекты программы реформ, осуществляя текущие оборонительные и мобилизационные планы и обеспечивая безопасность границ Советского Союза. Эти добросовестные руководители были обременены ответственностью за множество вещей, а неразбериха и неопределенность «наверху» сильно затрудняли им выполнение их задач. В 1941 году из-за того, что их войска занимали относительно открытые для ударов позиции вдоль границ Советского Союза, эти командующие остро осознавали нарастающие внешние угрозы и прекрасно понимали необходимость ускоренного завершения реформ, повышения боеготовности и осуществления необходимых оборонительных планов. Прекрасно зная степень боеспособности своих сил и равно хорошо осведомленные о боеспособности вероятного противника, эти командующие усиленно старались выполнить свои задачи в рамках наложенных сверху ограничений.

Хотя весной 1941 года частичная мобилизация в Советском Союзе шла вовсю, мобилизационный план работал плохо и был полон недостатков, а военные планы, которые обуславливали

эту мобилизацию, тоже страдали множеством изъянов. Вдобавок частые смены фигур на уровне высшего военного руководства порождали неопределенность в планировании и понижали общее качество стратегического управления.

Командование действующими силами и органы управления, а также создаваемые фронты и армии военного времени тоже были недостаточно подготовлены к войне — как в плане их организационной структуры, так и в отношении обучения и подготовки кадров. С 1937 года чистки в среде военных создали громадную «турбулентность» среди командных кадров, и большинство тех, кто занимал командные посты, были недостаточно обучены и недостаточно опытны для эффективного выполнения порученных им функций. Подготовленные командовать полками и батальонами, они были теперь призваны командовать фронтами, армиями и корпусами. Те же факторы снизили и эффективность штабов на всех уровнях.

И наконец, накануне войны в большинстве частей отсутствовали полные и подновленные мобилизационные и оперативные планы, поскольку эти планы постоянно пересматривались. Сдерживаемые вышестоящими властями, штабные структуры военных округов не провели тщательного анализа существующего военного положения и не учредили необходимых органов управления. Они оказались не в состоянии проводить должным образом сбор и анализ разведданных, учреждать требующуюся сеть управления и связи или соединять войска из различных родов в единые действенные боевые силы. Вследствие этого, когда разразилась война, командные органы вынуждены были импровизировать в боях против самой опытной армии в Европе — со вполне понятными катастрофическими последствиями.

Продолжающиеся чистки

Ничто так не ослабило довоенную Красную Армию, как начавшиеся в 1937 году и не утихавшие вплоть до 1941 года чистки в среде военных. Эти чистки были частью продолжающегося процесса «очищения рядов», восходящего к концу Гражданской

войны и ставившего целью искоренение из рядов Красной Армии «старорежимного мышления». После образования в 1918 году Красной Армии в ней имелся высокий процент «военспецов», чья служба в царской армии обеспечила новообразованное воинство существенной закладкой опыта, необходимого для успешных действий Красной Армии. В 20-е и в начале 30-х годов шли бурные споры по поводу присутствия этих офицеров в армии — которая, предположительно, являлась «авангардом» революции. После изгнания из советского руководства наркомвоенмора Л. Д. Троцкого, который был главным защитником «военспецов», и прихода к власти И. В. Сталина началась чистка армейских рядов.

Процесс этот развивался медленно, но становился все более бурным. С середины 20-х и вплоть до середины 30-х годов были вынуждены уйти со службы 47 000 офицеров, в большинстве своем служивших раньше в царской армии.* Более 3000 из них было «репрессировано» — эвфемизм, означающий объявление виновным в преступлениях или правонарушениях². Когда в 30-е годы советское руководство охватило политические и экономические чистки, связанные в основном с укреплением власти Сталина, то чистки эти неизбежно должны были в конечном итоге распространиться и на армию. И это случилось в 1937 году, когда внезапно начались массовые процессы над военными.

Официальное объявление о первых тайных процессах над крупными военачальниками стало неожиданностью. Менее двух лет назад, казалось, началась эра благоденствия для военных.

* Справедливости ради заметим, что увольнение офицеров со службы — неизбежный результат масштабного сокращения армии, а с 1921 по 1925 год численность РККА уменьшилась в десять раз. Преследования по политическим мотивам, пик которых пришелся на рубеж 1920–1930-х годов (т. н. дело «Весна», затронувшее в первую очередь академические круги) не являлись здесь определяющими. В то же время ожесточенное противостояние с Троцким, уже ставшее внешнеполитической проблемой, не могло не поставить вопрос о лояльности бывших сторонников Троцкого, которых в РККА имелось достаточно много. (Прим. ред.)

22 сентября 1935 года (30 декабря — для флота) постановлением Совета Народных Комиссаров в вооруженных силах вновь были введены воинские звания — от маршала Советского Союза, командарма, комкора и комбрига (первого и второго рангов) до лейтенанта. В ноябре того же года В. К. Блюхер, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров и М. Н. Тухачевский получили маршальские звания, а И. П. Белов, С. С. Каменев, И. П. Уборевич, Б. М. Шапошников и И. Е. Якир стали командармами первого ранга. К 1936 году в Красной Армии числилось 16 командармов (5 первого и 11 второго ранга), 62 комкора, 201 комдив, 474 комбрига, 1713 полковников, 5501 майор, 14 369 капитанов, 26 082 старших лейтенанта и 58 582 лейтенанта³.

Все эти старшие и во многих случаях младшие командиры были испытанными боевыми ветеранами, некоторые из них являлись выдающимися военными теоретиками, дирижировавшими интеллектуальной революцией в Красной Армии и сделавшими ее одной из самых крупных и (по крайней мере потенциально) технически самых передовых армий в Европе. В начале 1937 года, когда участились производимые НКВД аресты политических руководителей «за пропаганду контрреволюционных троцкистских взглядов», первые менее крупные военные фигуры исчезли без объявления в прессе. Однако эти аресты ни в коей мере не подготовили военных к тому, что последует.

1 июня 1937 года в разделе хроники нескольких газет появилось объявление, что начальник политуправления РККА и первый заместитель народного комиссара обороны СССР Я. Б. Гамарник *«запутался в своих связях с антисоветскими элементами и, очевидно страшась разоблачения, 31 мая покончил с собой»*⁴. Через несколько дней, 11 июня, прокурор СССР сделал такое заявление для прессы:

«Расследование дела арестованных в разное время органами НКВД Маршала Союза ССР Тухачевского, командармов 1-го ранга И. Е. Якира и И. П. Уборевича, командарма 2-го ранга А. И. Корка, комкоров В. М. Примакова, В. К. Путны, Б. М. Фельдмана и Р. П. Эйдемана закончено и передано в суд. Поименованные обвинялись в нарушении воинского долга

(присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В тот же день состоялось закрытое судебное заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Все подсудимые были лишены воинских званий и приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу»⁵.

Это подтверждало и донесение военного атташе армии США в Москве, подполковника Филипа Р. Файмонвилля:

«В советской прессе 11 июня 1937 года появились сообщения, сводящиеся к тому, что восемь важных командиров Красной Армии были арестованы по обвинению в поддержании изменнических связей с органами шпионажа иностранного правительства. Данное объявление было неожиданным, хотя слухи о тайных расследования ходили по Москве уже не одну неделю. Иностранное правительство, агенты которого якобы вступили в контакт с обвиняемыми, названо не было. Однако из редакционных статей и не оставляющих сомнений ссылок стало ясно, что арестованные обвинялись в изменнических связях с германской тайной полицией...

Все дело, похоже, было решено на тайном заседании суда 11 июня. В 11:45 11 июня по радио сообщили, что все обвиняемые признали себя виновными и были приговорены к лишению всех воинских званий и расстрелу. Советская пресса нынешним утром, 12 июня, повторяет эту информацию. Хотя пока еще не было сделано никакого объявления о том, что приговор приведен в исполнение, не может быть больших сомнений, что обвиняемые уже казнены»⁶.

14 июня Народный Комиссариат Обороны (НКО) опубликовал приказ № 96, датированный 12 июня, который адресовался всем военнослужащим РККА и объявлял, что с 1 по 4 июня проходил военный совет в присутствии НКО и членов правительства. Участники заседания заслушали и обсудили доклад народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова о раскрытой НКВД

«изменнической контрреволюционной военной фашистской организации». Организация эта была *«строго законспирированной и существовала долгое время и вела подлую подрывную деятельность и шпионскую работу в Красной Армии»*⁷. Доне-сение военного атташе США в Москве от 17 июня вкратце по-дытожило потенциальное воздействие этой новой чистки. В предисловии к новому донесению атташе писал: *«Недавняя казнь восьми бывших высокопоставленных командиров Красной Армии и самоубийство девятого свидетельствуют о кри-зисе в вооруженных силах Советского Союза, который веро-ятно серьезней любых беспорядков в Красной Армии со времен революции»*.⁸

Последовавшая затем чистка не закончилась в июне 1937 года. Она постепенно разрасталась вширь, охватывая всех, кто при-надлежал к прежнему окружению первоначально приговорен-ных. На армию это действовало катастрофически — особен-но ввиду общего увеличения вооруженных сил, которое происходило одновременно с чистками. Потери были столь се-рьезными и стремительными, что в 1937 году для заполнения командных и штабных вакансий пришлось пойти на ранний выпуск учащихся Академии Генерального штаба имени Воро-шилова. Из выпуска в 188 учащихся 68 были назначены на клю-чевые командные и штабные посты; еще 60 сами угодили под чистку и оказались расстреляны.

Была сделана попытка компенсировать потери ускоренным повышением в чинах младших офицеров. С 1 марта 1937 года по 1 марта 1938 года Красная Армия повысила в чине 39 090 офице-ров, в том числе 12 — до командующих военными округами, 35 — до командующих корпусами, 116 — до командующих ди-визиями и бригадами и 490 — до командующих полками и эс-кадрильями. После этого оптового перехода к новым команди-рам средний возраст полковых командиров стал от 29 до 33 лет, командиров дивизий — от 35 до 38 лет и командующих корпу-сами и армиями от 40 до 43 лет⁹. Одновременно примечательно возросла быстрота выдвижения на более высокие командные посты. С 1 марта 1937 года по 1 марта 1938 года 1 офицера повы-сили до командарма 1-го ранга, 5 — до командармов 2-го ранга,

30 — до комкора, 71 — до комдива, 257 — до комбрига, 1346 — до полковника и 5220 — до майора. С другой стороны, с 9 февраля 1939 года по 4 апреля 1940 года 20 комкоров произвели в командармы 2-го ранга (правда, уже во время Финской войны). 7 мая 1940 года НКО присвоил С. К Тимошенко, Г. И. Кулику и Б. М. Шапошникову звание маршалов Советского Союза¹⁰. Не считая этих новых маршалов, мало кто из новых командиров обладал хоть каким-то боевым опытом.

Чистки также создали огромную текучесть в среде командного состава, что неизбежно оказало негативное действие на военное планирование и боеготовность войск. Например, в ВВС командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис был в 1937 году казнен, а сменивший его генерал-полковник А. Д. Локтионов арестован в 1939 году.* Сменивший его генерал-лейтенант П. В. Рычагов тоже был арестован; оба они были расстреляны без суда в октябре 1941 года¹¹. В самый канун войны была арестована (и расстреляна в октябре) группа выдающихся старших офицеров.

Вдобавок к Локтионову, командующему Прибалтийским особым военным округом, и Рычагову в эту группу также входили генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич — заместитель начальника Генерального Штаба Красной Армии, генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник Управления Противовоздушной Обороны Красной Армии, генерал-майор Г. К. Савченко — заместитель начальника Артиллерийского Управления Красной Армии, генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин, начальник Академии ВВС, генерал-майор И. Ф. Сакриер — заместитель начальника главного управления ВВС по вооружениям, а также генерал-майор И. И. Проскуров — бывший начальник Главного разведывательного управления Красной Армии (ГРУ).

В список подвергшихся чистке командиров входили два заместителя народных комиссаров обороны (Тухачевский и Егоров) начальники подготовки Красной Армии, противовоздушной обо-

* А. Д. Локтионов был арестован в декабре 1940 года. Как указано немного ниже, на момент ареста он занимал пост командующего войсками Прибалтийского особого военного округа — созданного только в 1940 году. (Прим. ред.)

роны, разведки, артиллерии, войск связи, мобилизационного, образовательного и медицинского управлений; все 16 командующих военными округами; 90 процентов заместителей командующих военными округами помощников командиров, начальники штабов и командующие родов войск; 80 процентов командующих корпусами и командующих дивизиями; 91 процент командиров полков, их заместителей и начальников штабов. Эти ужасные потери унесли 3 из 5 маршалов Советского Союза, 2 из 4 командармов 1-го ранга, 12 из 12 командармов 2-го ранга, 60 из 67 командиров корпусов, 136 из 199 командиров дивизий и 221 из 397 командующих дивизиями¹². Даже НКВД не избежал сталинского гнева — более 20 000 сотрудников этого ведомства попали под чистку, в том числе 10 000 человек из внутренних и пограничных войск¹³.

Некоторые командующие чудом спаслись только для того, чтобы сразу оказаться в горниле советско-германской войны. 17 августа 1937 года был арестован командующий Ленинградским военным округом К. К. Рокоссовский — предположительно за связь с подвергшимся чистке маршалом Блюхером*, первоначально обвиненный в саботаже и ослаблении боеготовности. Позже Рокоссовского обвинили в работе на польскую и японскую разведку, но нелепость данных обвинений была на его процессе настолько очевидной, что он избежал смерти. Тем не менее Рокоссовский почти три года просидел в тюрьме НКВД и был освобожден только 22 марта 1940 года. Затем НКО, сделав поразительный, но характерный поворот, назначил Рокоссовского командующим 5-м кавалерийским корпусом, а в 1941 году — новообразованным 9-м механизированным корпусом. Везение Рокоссовского разделили будущий генерал армии А. В. Горбатов, комкор Л. Г. Петровский и еще несколько командиров, избежавших мрачной сталинской косилки.

Когда в 1941 году началась война, чистки все еще продолжались. Это хорошо иллюстрирует причудливое и ныне хорошо

* В. К. Блюхер был арестован только в октябре 1938 года в связи с неудачными действиями Краснознаменной Дальневосточной армии у озера Хасан. (Прим. ред.)

известное дело генерала Мерецкова. К. А. Мерецков, ветеран гражданской войны в Испании, начальник штаба многих военных округов, осенью 1940 года занимавший пост начальника Генерального штаба Красной Армии, был арестован в июле 1941 года за былую дружбу с дискредитированным и расстрелянным командующим Западным фронтом генералом Д. Г. Павловым. Мерецкову повезло больше, чем подавляющему большинству других. Хотя в тюрьме НКВД с ним обращались весьма жестоко, Мерецкову, как и Рокоссовскому, улыбнулась судьба, и он избежал расстрела. Более того, в сентябре 1941 года он был реабилитирован и вернулся на фронт. Мерецков пережил и Сталина, и войну, в 1945 году закончив войну командующим фронтом в звании маршала Советского Союза.

Продолжающаяся чистка поглощала также офицеров из аннексированных Советским Союзом государств (например, Латвии, Литвы и Эстонии). После захвата Советами этих прибалтийских государств местные офицеры получили офицерские звания Красной Армии. В их число входили генерал-майор А. Н. Крустыньш, командующий 183-й стрелковой дивизии 24-го территориального стрелкового корпуса, генерал-майор И. К. Черниус еще один командир дивизии, и генерал-лейтенант Р. И. Клявиньш, командующий корпусом. Многих командиров из других прибалтийских государств чистка поглотила уже во время войны¹⁴.

Окончательная цифра той дани, которую взяли чистки с офицерского корпуса Красной Армии, все еще неизвестна. На заседании НКО 29 ноября 1938 года протокол зафиксировал слова Ворошилова: «В ходе очищения Красной Армии в 1937–1938 годах мы подвергли чистке более 40 000 человек»¹⁵. Эта цифра конечно включала в себя все виды наказания — от расстрела до устного порицания. Более свежий анализ основанный на архивах Верховного Суда СССР и связанных с ним военных трибуналов дает общее число репрессированных с 1937 по 1941 год в 54 41716.

Чистки сокрушительно подействовали на боевой дух и боеготовность Красной Армии. Относительно беспристрастные иностранные наблюдатели были откровенны в своих суждениях и, как показали последующие события, не ошибались в оценках. Файмонвиль, военный атташе США в Москве, сообщал:

«Казнь выдающихся военных руководителей Красной Армии и самоубийство Гамарника вызвали в Красной Армии чувство удивления, доходящее чуть ли не до ошелобления. Боевой дух получил серьезный удар... Вероятно, Красной Армии потребуется целиком обучить вновь призванных новобранцев, прежде чем она вновь обретет тот высокий уровень боевого духа, которого она достигла до этого процесса»¹⁷.

Военный атташе США в Риге цитировал из аналитического доклада латвийской разведки, что *«боевая эффективность советской армии настолько сильно пострадала от недавних расследований и казней, что советский режим и сам сознает, что ему нельзя оказаться втянутым в войну, и будет делать в данное время неограниченные уступки, лишь бы предотвратить большую войну»¹⁸*. Латыши были правы в своем суждении, что Советы будут любой ценой избегать войны с великой державой (вроде Германии), но чистки не удержали Советский Союз от действий против малых держав вроде Польши или Финляндии или от ограниченных боевых действий против Японии. К ужасу латышей, чистки не удержали Советы и от действий в 1940 году против них. Однако, как они и считали, и как продемонстрировала Финская война, боеспособность Красной Армии серьезно снизилась.*

* Строго говоря, определить это невозможно, поскольку с 1922 по 1938 год РККА не вела никаких боевых действий против регулярных войск. Безусловно, что репрессии серьезнейшим образом сказались на психологическом климате в армии, о чем в 1939–1940 годах на военных совещаниях говорилось вполне открыто. Однако сравнение итогов боевых действий у озера Хасан (май-июнь 1938 года) и на реке Халхин-Гол (май-сентябрь 1939 года) показывает, что с 1938 по 1939 год боеспособность Красной Армии существенно поднялась. Дальнейшие выкладки автора в значительной степени базируются на политически ангажированных публицистических материалах и не всегда оправданных выводах из имеющихся фактов (например, рост числа несчастных случаев в армии и на флоте совпадает по времени с поступлением в них значительного количества новой техники). Оценка итогов войны с Финляндией почти целиком основывается на фантастической финской пропаганде, имевшей широкое

Чистки также явно побудили немцев к военным действиям против Советского Союза. Согласно одному ретроспективному советскому анализу, *«гитлеровская военщина пришла в экстаз. Начальник Германского Генерального штаба, генерал фон Бек, анализируя военное положение летом 1938 года, сказал, что Красную Армию нельзя считать вооруженной силой, так как кровавые репрессии подорвали ее боевой дух и превратили ее в инертную военную машину»*¹⁹. Последующее выступление Красной Армии в Польше и Финляндии никак не развеяло данного впечатления.

Внутри Красной Армии на ужасное состояние боевого духа указывали четкие индикаторы. Согласно данным Красной Армии, число самоубийств и несчастных случаев среди солдат и офицеров во второй четверти 1937 года резко возросло по сравнению с предыдущим годом: на 26,9 процента в Ленинградском военном округе; на 40 процентов в Белорусском военном округе; на 50 процентов в Киевском военном округе; на 90,9 процента в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии; на 133 процента на Черноморском флоте; на 150 процентов в Харьковском военном округе; на 200 процентов в Тихоокеанском флоте. Соответственно возросло и число несчастных случаев²⁰. Вдобавок пьянство стало к 1937 году в Красной Армии такой проблемой, что в декабре этого года НКО пришлось издать приказ «О борьбе с пьянством в РККА». Приказ требовал от всех полков собрать совещания всех командных и надзорных кадров, на которых «с нажимом» описать все пьяные безобразия и заклеить пьянство и пьяниц как недопустимое и позорное явление²¹.

хождение на Западе, — хотя позднее даже немцы признавали, что эта пропаганда ввела их в заблуждение.

Однако не следует забывать, что настоящая книга вышла из печати в 1998 году, когда источниковая база для изучения проблемы была куда более узкой, нежели сейчас. Краткий, но достаточно подробный анализ изменения уровня подготовки советского офицерского корпуса и его причин, проведенный по архивным и статистическим материалам, см., например, в следующей работе: Г. И. Герасимов. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал № 1/1999. (Прим. ред.)

Письмо, отправленное позже советскому писателю Илье Эренбургу знаменитым публицистом Эрнстом Генри, запечатлело чувство, разделяемое многими: *«Ни одно поражение никогда не приводило к таким чудовищным потерям в командном составе. Такая убыль могла быть только следствием полной капитуляции страны после проигранной войны. Как раз накануне критического столкновения с вермахтом, накануне величайшей из войн, Красную Армию обезглавили. И сделал это Сталин»*²².

Нет никаких сомнений, что Сталин и советская политическая иерархия хорошо сознавали вред, нанесенный чистками Красной Армии. На совещании в Москве в мае 1940 года под председательством новоизбранного народного комиссара обороны маршала С. К. Тимошенко заместитель наркома И. И. Проскуров смело заявил: *«Как бы ни было тяжело это сделать, я должен прямо сказать, что такой расхлябанности и такой низкой дисциплины нет ни в какой другой армии, кроме нашей (голоса с мест: Верно!)»*²³. И отнюдь не случайно сам Проскуров незадолго до начала войны угодил в ряды попавших под чистку.

Для противодействия некоторым из вредоносных последствий чисток Президиум Верховного Совета СССР издал постановление «Об усилении единоначалия в Красной Армии и флоте». Это постановление отменяло введенный в мае 1937 года непопулярный институт военных комиссаров и возлагало *«полную ответственность за все сферы жизни и деятельности подразделений, частей и соединений, в том числе за политработу, политпросвещение и дисциплину, на командиров»*²⁴. Однако следует заметить, что на случай если командиры будут отклоняться от надлежащего исполнения своих обязанностей, на всех уровнях командования были сохранены посты заместителей командиров по политической части.

Безусловно, прошедшие чистки создали Красную Армию, чья верность Сталину не вызывала сомнений. Однако эта верность основывалась в основном на малодушном и парализующем страхе, который душил в рядах Красной Армии любое творчество, инициативу или гибкость. Избавляя Красную Армию от ее наиболее творческих военных мыслителей и наиболее опытных военных практиков, чистки одновременно гасили те революционные

традиции, которые зажигали энтузиазм и в командирах, и в солдатах Красной Армии. Лишившись этого боевого духа, безжизненная и сделавшаяся чисто механической Красная Армия неуклюже боролась с врагом и обильно истекала кровью на полях сражений Финской войны. Летом 1941 года она будет действовать точно так же и на тот же лад на западе Советского Союза. И в конечном итоге только немецкое высокомерие, унижительные советские поражения и угроза уничтожения страны зажгут в обновленной Красной Армии боевой энтузиазм, да и то после катастрофических потерь и страданий. И даже тогда чистки оставят в советских душах неизгладимый след, который нельзя будет полностью стереть вплоть до произошедшей в конечном итоге смерти советского государства.

Командные кадры и подготовка

Чистки и массовое увеличение Красной Армии между 1937 и 1941 годах подвергли огромному напряжению систему боевой подготовки. Требовалось не только заменить десятки тысяч опытных вычищенных офицеров и солдат, но и подготовить кадры для командования, управления и службы в армии, более чем удвоившейся в размерах. Многие из новобранцев обладали только самой начальной подготовкой, полученной ими во время службы в резервных или территориальных частях. Подготовленный в декабре 1939 года военным атташе США в Хельсинки доклад подытоживает западные впечатления о новых советских солдатах, основанные на уроках Финской войны:

«Боевой дух русских войск в настоящее время трудно проанализировать. Солдаты — практически все крестьяне или простые рабочие, привыкшие к скудному существованию, которое само по себе было бы невыносимым почти для любых других представителях белой расы. Их тикают постоянным потоком пропаганды, превозносящей достоинства коммунизма и заверяющей их, что они приносят сейчас некоторые жертвы во имя того, чтобы он мог восторжествовать

о всем мире. Будучи невероятно простодушными и находясь благодаря стараниям своего правительства в полнейшем неведении об условиях жизни за пределами России, многие из них действительно почти фанатичны в своем рвении отправиться в то, что их убедили считать священным крестовым походом для освобождения своих братьев по классу от злодеев-угнетателей...

Финский Генеральный штаб докладывает, что русские солдаты, с которыми они пока сталкивались, отчетливо делились на две категории.* Более половины из них отличаются плохой подготовкой, плохо одеты и оснащены. Это были, как я считаю, так называемые недавно мобилизованные обученные резервы. Эти донесения подтверждаются ранее полученными донесениями о советских солдатах, сражающихся с японцами во Внешней Монголии. С другой стороны, определенные русские части, согласно донесениям, хорошо обучены и снаряжены. Их используют как ударные войска при более важных атаках или главных ударах; они, как говорят, очень хорошо ведут себя в бою, атакуя храбро и умело, проявляя существенное тактическое мастерство в своих уловках с целью захватить финнов врасплох»²⁵.

Одно особенно проницательное недавнее исследование русского ученого отметило недостатки подготовки как офицеров и солдат:

«Основная масса новобранцев, призванных в ходе частичной мобилизации, состояла из прошедших военную подготовку в территориальных частях и не обладающих твердым

* Это важное замечание опровергает тезис о том, что первоочередной причиной плохой боеспособности и низкого боевого духа РККА являлись репрессии 1937-го и последующих годов — в этом случае качество войск было бы одинаково низким. Отмеченная же разница в уровне подготовки различных частей неизбежна при расширении армии, нехватке времени и материала для подготовки командных и технических кадров — обусловленной вдобавок еще и низким образовательным уровнем большей части населения. (Прим. ред.)

профессиональным умением. Неопытный командный состав и постоянный отрыв рядовых от боевой подготовки для хозяйственных нужд крайне отрицательно сказывались на результатах боевой и оперативной подготовки. Фигурально говоря, было некому обучать, некого обучать и нечему обучать»²⁶.

Это массовое увеличение численности армии было бы и при нормальных обстоятельствах пугающе тяжелой задачей. Опасный международный климат, необыкновенные боевые успехи немецкой армии, менее чем блестящее вовлечение в войну Красной Армии и охвативший Красную Армию страх сделали ее еще более трудной.

С 1939 года до середины июня 1941 года число сухопутных дивизий Красной Армии увеличилось с 98 до 303, а общая численность вооруженных сил возросла с 1,6 миллиона до 5,3 миллиона бойцов. В 1937 году были смены 69 000 офицеров, за десять месяцев 1938 года 100 000 получили новые назначения, а в 1939 году назначили на новые должности 246 626 офицеров (68 процентов от общего числа)²⁷. Во многих случаях командиры батальонов повышались до командиров дивизий, а командиры отделений — до командиров полков. В речи на заседании Центрального Комитета партии, посвященной последствиям Финской войны, нарком обороны Ворошилов отметил, что *«многие старшие командиры оказались не на должном высоком уровне. Ставка Главного Военного Совета вынуждена была снять многих высших командиров и начальников штабов»²⁸.*

Представленный НКО 20 марта 1940 года пространный и основательный доклад Е. А. Щаденко, начальника Управления по начальствующему составу Красной армии, ярко обрисовал кадровые проблемы Красной Армии. Щаденко проанализировал ситуацию в 1937 году:

«Красная Армия начала свое увеличение с 1932 года, темп расширения постоянно ускорялся, и к 1939 году она увеличилась почти в четыре раза. Это увеличение численности не поддерживалось нормально подготовленными армейскими

кадрами, поскольку возможности готовящих эти кадры учреждений осталась прежней. Эти условия вынудили нас обратиться к резервам, которые состоят из:

а. 31 процента младших лейтенантов запаса, прошедших прежде годичную подготовку в войсках;

б. 24,3 процента младших лейтенантов прошедших гражданскую военную подготовку в гражданских школах, весь курс обучения которых состоял из 360 часов теоретических занятий и двухмесячных лагерей в РККА (четыре месяца — 768 часов) и у которых нет совершенно никакого опыта командования;

в. 13,2 процента младших лейтенантов, прошедших подготовку на двухмесячных курсах подготовки младшего командного состава по 384-часовой программе; и

г. 4,5 процента командиров, закончивших краткосрочные курсы в училище в период Гражданской войны.

В целом 73 процента офицеров запаса — это младшие лейтенанты, то есть командиры с краткосрочной подготовкой, не имевшие возможностей для систематической переподготовки.

В училищах, как теперь стало очевидным, время обучения преступно разбазаривалось; только 66 процентов его посвящалось изучению военных наук и необходимым видам деятельности, а остальное время (127 дней в году) учащиеся проводили вне организации, в перерывах, увольнениях и на каникулах.... Учащиеся выпускались без требуемых полевых учений и подготовки. В результате приходится признать, что подготовка кадров, особенно пехоты, была крайне неблагоприятной... Такое же положение существует и с подготовкой младших офицеров в армии.

За шесть лет (с 1932 по 1937 год) из резервов было призвано 29 966 человек, еще 19 147 младших лейтенантов были оставлены в кадрах из бывших односрочников. Итого мы получили за шесть лет 49 113 человек — то есть столько же, сколько произвели за тот же срок военные училища. Эти меры не покрыли быстро растущие потребности армии ни в количественном, ни, особенно, в качественном отношении.

Образовался большой некомплект, который на 1 января 1938 года достиг 39 100 человек, или 34,4 процентов от установленных потребностей в командных кадрах. Организационные меры в 1938 году требовали 33 900 человек и еще 20 000 для замены уволенных из рядов РККА и в целом 93 000 человек. Таким образом, совершенно ясно, что в 1938 году армии недоставало почти 100 000 начсостава.

Призыв большого количества солдат и офицеров запаса с краткосрочной подготовкой совершенно не отвечает растущим требованиям технического переоснащения армии и приводит к резкому падению качества армейских кадров, что не может не сказаться отрицательным образом на подготовке солдат и младших офицеров, особенно в пехоте»²⁹.

Обрисовав проблему, с которой столкнулась Красная Армия, Щаденко рассмотрел сведения о выпусках учреждений военной подготовки и впрямую сосредоточился на вредоносном действии чисток:

«За эти десять лет [1928–1938 годы] ряды армии покинули 62 000 человек (из-за смерти, инвалидности, по суду или по иным причинам), а 5670 военнослужащих были забраны или переведены в ВВС. В целом сухопутные войска покинуло 67 670 военнослужащих. Отсюда следует, что выпуск военных училищ едва покрывает реальные потери и не создал никаких резервов для поддержания роста армии и ее резервов»³⁰.

Щаденко подчеркнул особенно тревожную нехватку пехотных командиров. Он указал, что выпуск пехотных училищ на самом деле упал, в то время как потребности армии резко возросли и будут повышаться. Более того,

«Если принять в расчет, что за 1937–1938 годы 35 000 военнослужащих, включая 5000 политработников, были арестованы, исключены из партии и таким образом покинули РККА в связи с очищением армии, положение с пехотой еще более усугубляется»³¹.

Согласно Щаденко, состояние резервов было еще более опасным, так как оно угрожало расстроить мобилизацию, если та станет необходимой:

«Положение с начсоставом запаса еще более острое, и пехоты [в резерве] недостаточно даже для частичной мобилизации. В то же время, как показал опыт боев на Хасане, Халхин-Голе, в Западной Белоруссии и Украине и на финском фронте, качество командиров запаса очень низкое. Более того, 14,5 процента из 73 процентов командиров запаса с краткосрочной подготовкой и даже 23 процента пехотных [командиров] — это люди 40 лет и старше. Последние не могут быть использованы в строевых частях в качестве командиров взводов или рот, которыми они были в запасе.

В отношении кадров офицеров запаса, они совершенно не покрывали и, в настоящее время, не покрывают потерь первого года войны и новых соединений создаваемых в ходе войны.

В итоге к 1938 году Красная Армия в отношении обеспечения подготовленными кадрами оказывается в исключительно трудном положении; армии недостает 93 000 кадров и 300 000–350 000 резервов»³².

Далее Щаденко предлагал комплекс подробно расписанных мер для исправления положения в 1939, 1940 и 1941 годах. Предложенный им трехлетний план ставил целью произвести полностью обученный и компетентный начсостав для Красной Армии и ее резервов, но не раньше 1942 года.

5 мая 1939 года Щаденко представил НКО еще один доклад, который подробно описывал работу, проделанную в 1939 году Управлением по начальствующему составу. Начал он доклад с подытоживания главных изменений, произошедших в Красной Армии за тот год:

«За отчетный период, и особенно за август и сентябрь, в армии было введено существенное число новых образований, а именно 4 управления фронтами, 2 управления военными

округами, 8 армий, 19 стрелковых корпусов, 111 стрелковых дивизий (имеющих в своем составе 333 стрелковых полка, 222 артиллерийских полка и 555 отдельных батальонов), 16 танковых бригад, 12 резервных стрелковых бригад, 42 военных училища, 52 курса переподготовки офицеров, 85 резервных полков, 137 отдельных батальонов, не включенных ни в корпуса, ни в дивизии, 345 эвакуационных госпиталей и множество баз служб тыла (передовых складов, мастерских, санитарных поездов, санитарных бригад и т.д.). Для осуществления этих мер требовалось 117 188 лиц начальствующего состава или увеличение на 40,8 процента численности, существующей на 1 января 1939 года...

Для доведения до полной численности новых соединений, так же, как для пополнения армейских полевых частей на востоке, западе и северо-западе, требовалось большое количество вновь назначенных и переведенных командных кадров, чье общее число составляло 246 626 военнослужащих или 68,8 процента от установленных требований.³³

Для удовлетворения этого спроса выпуск военных училищ возрос в целом до 101 147 кадров в год (с 13 995 в 1937 году и 57 000 в 1938 году). Хотя нехватка по-прежнему существовала, эффективность системы несколько улучшилась. С этими цифрами контрастировало число «вычищенных» офицеров: 18 658 в 1937 году (4474 арестованных), 16 362 в 1938 году (5032 арестованных), и 1878 в 1939-м (73 арестованных).³⁴

Доложив обо всем этом, Щаденко заключил: «Задачи поставленные вами [Ворошиловым] перед Управлением по начальствующему составу Красной Армии, в основном выполнены»³⁵. Он утверждал, что план полготовки кадров и пополнения полевых частей был удачным, а управление готово разработать план на 1940 год.

Однако, учитывая приведенные цифры, было ясно, что в 1941 года Красная Армия будет не готова к боям. Равным образом не было никаких гарантий, что качество офицерского состава, производимого на ускоренных курсах подготовки, будет отвечать требуемым стандартам. Доказательство чрезмерного оптимиз-

ма Щаденко появилось в документе, составленном год спустя и подписанном покидающим свой пост наркомом обороны совместно с его преемником.

8 мая 1940 года уходящий с поста наркома обороны К. Е. Ворошилов предоставил своему преемнику С. К. Тимошенко акт о сдаче/приеме должности. Этот акт был официальным документом, подробно описывающим состояние вооруженных сил, когда руководство ими перешло в руки Тимошенко. Хотя и подписанный Ворошиловым, этот доклад явно был подготовлен его критиками, креатурами у принимающего дела наркома. В разделе «Оперативная подготовка» акт начинал с уничтожающей критики:

«1. К моменту приема и сдачи Наркомата Обороны оперативного плана войны не было — по Западу — в связи с занятием Западной Украины и Западной Белоруссии; по Закавказью — в связи с резким изменением обстановки; по Дальнему Востоку и Забайкалью — ввиду изменения состава войск — существующий план требует переработки.

Генеральный штаб не имеет точных данных о состоянии прикрытия госграницы.

2. Руководство оперативной подготовкой высшего начсостава и штабов выражалось лишь в планировании ее и даче директив. Народный Комиссар Обороны и Генеральный штаб сами занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили.

Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат Обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне. Твердо установленных взглядов на использование танков, авиации и авиадесантов нет.

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба. В результате этого:

а) в железнодорожном отношении театры военных действий не обеспечивают быстрое сосредоточение войск, их маневр и снабжение;

б) пропускная способность железных дорог к новым западным границам низка и не обеспечивает требования обороны границ;

в) положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет;

г) строительство шоссейных дорог идет медленно и ведется многими организациями (Гуждор, Главдорупр, Гулаг НКВД), что приводит к распылению сил и средств и отсутствию общего плана дор. строительства;*

д) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно, вследствие позднего представления Генштабом и Управлением Связи заявок на строительные материалы и неотпуска таковых. Каблирование и использование уплотненных бронзовых проводов ведется в крайне ограниченном размере;

е) в аэродромном отношении крайне слабо подготовлена территория Западной Белоруссии, Западной Украины, ОДВО и ЗакВО;

ж) ясного и четкого плана подготовки театров военных действий в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инж. подготовки не определены;

з) план строительства УРов в 1940 г. не утвержден. Исчерпывающих директив по строительству УР в 1940 г. округам к моменту приема Наркомата не дано. Система предположительно окончательно не разработана, и в округах этот вопрос решается по-разному. Нет окончательного решения и указаний НКО и Генштаба о содержании в боевой готовности старых укрепрайонов и укрепрайонов строительства 1938–1939 годов., которые должны быть использованы как сильно укрепленный тыловой рубеж. Новые укрепленные районы не имеют положенного им вооружения, а именно недостает: коробов НПС — 3, пулеметных — 1114, ДОТ-4, для 45-мм пушек — 80, для пушек Л-17 — 222, заслонов для ручных пулеметов — 940, ружейных заслонов — 2451; установок: пулеметных — 1208, 45-мм пушек — 520, пушечных Л-17 — 543.

* В оригинале книги документ приведен только до этого места. (Прим. ред.)

4. В топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко не достаточно и потребность войск в картах не обеспечена»³⁶.

Акт продолжает и продолжает в том же духе, порицая плохую работу комиссариата Ворошилова. Он критикует «недостаточную» сеть аэродромов в приграничных военных округах, отсутствие «ясного и четкого плана подготовки театров военных действий в инженерном отношении», отсутствие директив для осуществления плана 1940 года по строительству укрепрайонов и отсутствие необходимых карт для оперативной поддержки на ТВД.

Еще более критическими были замечания по структуре сил Красной Армии, мобилизационному планированию и состоянию кадровой армии. Акт признает, что «точно установленной фактической численности Красной Армии наркомат... не имеет», «по вине Главного Управления Красной Армии учет находится в исключительно запущенном состоянии», кадровый состав войск неясен, а план увольнения приписного состава находится в процессе разработки³⁷. Акт отмечал, что все недавние планы замены кадров и создания частей были незавершенными и плохо осуществлялись.

Мобилизационные планы пребывали в схожем состоянии. Так, «в связи с войной и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен». Акт определял причины многих недостатков в мобилизационных планах и делал вывод, что «наставления по мобилизационной работе в войсках и военкоматах, признанные устаревшими, не переработаны»³⁸. А относительно оптимистических докладов Щаденко по формированию кадров Красной Армии он констатировал, что «некомплект начсостава в армии составляет 21 проц. к штатной численности»³⁹. Более того, он считал, что ежегодные пополнения не создадут необходимых военных резервов для поддержания требуемого роста Красной Армии. И продолжал, подтверждая подозрения о плохом качестве офицерского состава: «Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод-рота, в котором до 68 проц. имеют лишь краткосрочную 6-месячную

подготовку курса младшего лейтенанта». После порицания и других аспектов системы акт делал вывод: «Плана подготовки и пополнения комсостава запаса нет»⁴⁰.

Противоречия утверждениям Щаденко об улучшении подготовки, акт далее перечислял огромное количество недостатков в подготовке войск, отмечая «низкую подготовку среднего командного состава», «слабую тактическую подготовку во всех видах боя и разведки», «неудовлетворительную практическую полевую выучку», «крайне слабую выучку родов войск по взаимодействию на поле боя», «слабую отработку применения маскировки... управления огнем... необученность войск атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек»⁴¹. Наконец, акт приводил подробный список многих недостатков, обнаруженных во всех видах вооруженных сил и в службах тыла. Хотя он был подготовлен в 1940 году, и новый нарком обороны Тимошенко впоследствии начал развернутую программу реформ, предназначенных искоренить данные проблемы, содержащийся в нем подробный список недостатков Красной Армии точно предсказал те трудности, с которыми она столкнется в июне 1941 года — особенно в отношении численности, качества и состояния подготовки кадров Красной Армии.

После совместного документа Ворошилова и Тимошенко и в ходе дальнейших «реформ Тимошенко» НКО попытался улучшить систему обучения и подготовки Красной Армии. На самом высшем своем уровне наркомат пытался расширить обучение в Академии Генштаба имени Ворошилова. Серия краткосрочных курсов высших командиров, которую НКО добавил к программе обучения между 1938 и 1940 годами, дала только в 1939 и 1940 годах 400 выпускников. Вдобавок приказ НКО от 25 февраля 1941 года расширил Военно-воздушную академию имени Жуковского, создал в Ленинграде Военно-воздушную академию имени Можайского и образовал новое училище ПВО. К маю 1941 года существовало 18 военных академий, дополняемых сотнями военных училищ более низкого уровня. Общая штатная численность преподавательского состава военных академий возросла с 8189 офицеров в 1937 году до 20 315 в 1940 году⁴².

В период с 1937 по 1949 год общее число учреждений, занятых военным обучением и подготовкой, поднялось с 49 до 114, а число выпускников увеличилось с 36 085 до 169 62043. Несмотря на это увеличение производства подготовленных офицеров и на вызванные чистками ускоренные повышения в чинах (а, возможно, как раз из-за них), лишь немногие офицеры обладали боевым опытом, а большинство только-только приступило к своим новым обязанностям. В 1941 году только 5,8 процента командных кадров обладало опытом Гражданской войны (ценность которого была зачастую сомнительной), а еще 29 процентов имели боевой опыт, полученный с 1938 по 1940 год. Таблица 2.1 показывает относительный командный опыт командиров в июне 1941 года.

Основываясь на этих данных о командном военном опыте, в одном недавнем российском анализе делался вывод:

«В предвоенные годы была проделана огромная работа по подготовке военных кадров по всем специальностям. В результате большое число офицеров имело приличную профессиональную подготовку и было предано коммунистической партии и социалистическому Отечеству. Среди них были выдающиеся военные руководители и командиры, которые во время войны покروют себя немеркнувшей славой победы. В то же время массовые репрессии против кадровых военных и гибель многих военных руководителей высокого уровня привели к ослаблению офицерского корпуса, сказались на боеспособности вооруженных сил и были одной из причин поражения в начальный период войны. И оно ощущалось на всем протяжении войны»⁴⁴.

Программа подготовки командных кадров и солдат для Красной Армии, которую в 1938 и 1939 годах поддерживали лишь на словах, впоследствии ускорилась — большей частью благодаря тягостному впечатлению от того, как проявили себя советские войска в боях Финской войны. Надвигающиеся международные угрозы и происходящее из-за них расширение Красной Армии придали этой задаче настоятельность. Программы Тимошенко

были амбициозными и хорошо продуманными, но они тоже слишком запоздали. Человеческих и технических ресурсов для программы не хватало, а переформирования в Красной Армии, произведенные в 1940–1941 годах сперва при оккупации части польской и румынской территории и стран Прибалтики, а затем в ходе частичной мобилизацией весной 1941 года, нарушили целостность всей системы военной подготовки.

В результате командующие были незнакомы со своими войсками и с современной тактической и оперативной техникой ведения боя, штабы — недоукомплектованы и не привыкли работать как единые команды, части и соединения — не сплавлены в настоящие боевые части, а рода войск — неспособны действовать совместно. Военнослужащие боевых частей и частей боевого обеспечения не овладели поступившей на склады новой техникой (танками, самолетами, артиллерией) и не были подготовлены действовать в современной войне. Вдобавок к этим проблемам все командные звенья слабо представляли себе технологию ведения оборонительных боев, поскольку все они были пропитаны традиционным наступательным духом Красной Армии. Они этому научатся — но лишь ценой громадных потерь и личных жертв. В целом, как писал проницательный критик:

*«Советское военное и политическое руководство, считая военное столкновение с мировым империализмом неизбежным и оснастив армию огромным количеством основных средств вооруженной борьбы, не потрудились создать необходимый резерв командных кадров, а вместо этого занялось истреблением их, что привело не только к дефициту этих кадров, но и создало в армии атмосферу страха, подозрительности, недоверия и опасения любого проявления независимости и инициативы».*⁴⁵

Ключевые командные и штабные кадры

В июне 1941 года Красной Армией командовали большей частью клевреты Сталина и неопытные или малоопытные командиры и штабные работники, уцелевшие после чисток. Первые были обязаны своей карьерой и благополучием своим давним связям с

диктатором. Уцелевшие после чисток, отлично зная о судьбе своих товарищей, пребывали в состоянии постоянного беспокойства.

Несомненно, многие из них были вполне компетентными и ненавидели обстоятельства, при которых им приходилось жить; большинство этих командиров демонстрирует свою компетентность и преданность во время войны. Другие же, как А. А. Власов, воспользуются первой же возможностью нанести режиму ответный удар. Но в июне 1941 года все они разделяли общее состояние — фаталистическую решимость любой ценой пережить наступившие времена.

Наверное, имелась определенная ирония судьбы в том, что в 1941 году, несмотря на чистки, офицерский корпус Красной Армии, по счастью, обладал некоторым скромным числом талантливых, пусть и малоопытных штабных офицеров, а также ядром способных боевых командиров. Эти люди пережили первоначальное кровопускание и впоследствии привели Красную Армию к победе. Но важно помнить, что на каждого из тех, кто достиг успехов и добился славы, пришлось много других, равно талантливых, которые погибли, — а также множество подхалимов (или просто менее компетентных командиров), которые делали эту задачу для Красной Армии намного более трудной и дорогостоящей. Большинство компетентных военачальников начали свое восхождение к известности в ходе реформ Тимошенко и благодаря этим реформам.

В июне 1941 года на вершине советской военной иерархии находился маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко, который 8 мая 1940 года сменил бездарного К. Е. Ворошилова на посту народного комиссара обороны. Свои звезды Наркома Обороны (и героя Советского Союза) Тимошенко заслужил во время бесславной Финской войны. Как организатор наступления в феврале 1940 году, выбившего финнов из войны, он частично восстановил поблекшую репутацию Красной Армии. Бывший кавалерист и приятель Сталина во время Гражданской войны, Тимошенко получил пугающую своей сложностью задачу вновь укрепить Красную Армию накануне войны. Он попытался провести реформы, которые с тех пор носят его имя, и сделать это посреди парализующих его работу чисток сильнейшей

неопределенности международного положения, донимаемый личными предубеждениями Сталина.

Г. К. Жуков, тогдашний начальник Генерального штаба Красной Армии, позже защищал Тимошенко как старого и опытного военачальника, упрямого, наделенного сильной волей и хорошо разбирающегося в тактических и оперативных вопросах. *«Как нарком обороны он был, — говорил Жуков, — намного лучше Ворошилова, и за короткое время, которое он занимал этот пост, армия начала меняться к лучшему»*⁴⁶. Жуков добавлял, что Тимошенко никогда не заискивал перед Сталиным, и несмотря на серию поражений, которые Тимошенко потерпел позже в 1941 году и в мае 1942 года под Харьковом, он все же уцелел и в конце войны получил орден «Победы» за заслуги перед Отечеством.

Тимошенко помогал заместитель наркома обороны Борис Михайлович Шапошников. Этот бывший офицер царской армии, хорошо известный своим талантом военного теоретика и независимостью, сыграл первейшую роль в создании после Гражданской войны Красной Армии и вступил в конфликт с Тухачевским по поводу интерпретации неудачной кампании последнего на Висле в 1920 году. Это, вкупе с его репутацией *«военачальника высшей марки... не знающего равных по части эрудиции, профессионального мастерства и интеллектуального развития»*, да еще его любовь к кавалерии обеспечил его выживание в разгар чисток и назначение весной 1937 года на высокую должность начальника Генерального штаба Красной Армии — пост который он с короткими перерывами занимал вплоть до августа 1940 года. В 1930 году Шапошников был принят в коммунистическую партию, и XVII съезд партии избрал его кандидатом в члены ЦК КПСС⁴⁷. Фундаментальный научный труд Шапошникова «Мозг Армии» подтолкнул к созданию в 1935 году Генерального штаба Красной Армии. Всегда далекий от идеологии (в партию его приняли в 1939 году)*, Шапошников часто не соглашался со Стали-

* В 1927 году, в разгар внутрипартийного противостояния с троцкистами, Б. М. Шапошников был командующим войсками Московского военного округа и вывел на улицы Москвы наиболее надежные силы (курсантов военных школ), чем предотвратил массовые выступления сторонников Троцкого. (Прим. ред.)

ным в отношении советской оборонной стратегии, в том числе и по вопросам предвоенного планирования советской обороны. Тем не менее он все же уцелел — вероятно, потому, что Сталин не боялся этого эрудированного штабного офицера и даже уважал его за подобную неугрожающую прямоту. У Шапошникова сложились странные отношения со Сталиным: он был одним из немногих, к кому Сталин обращался по имени и отчеству.

Шапошников вернулся на пост начальника Генштаба в июле 1941 года, и после этого, вплоть до своей замены по болезни в мае 1942 года, служил архитектором заново организованного Генштаба, который обеспечил победу в войне. Во время войны он оказывал умеренное влияние на Сталина, и хотя его имя связывалось с катастрофой под Киевом в сентябре 1941 года, именно влияние Шапошникова в конечном итоге побудило Сталина считаться в руководстве войной с мнением Генерального штаба.

В июне 1941 года начальником Генштаба Красной Армии был генерал армии Георгий Константинович Жуков — кавалерийский офицер, ветеран Мировой и Гражданской войн, бывший командующий Киевским особым военным округом, где у него служил начальником штаба Ватутин, и герой сражения с японцами на Халхин-Голе в августе 1939 года. После 1937 года Жуков резко поднялся в высший командный состав, несмотря на контакты с такими попавшими под чистку командирами, как Уборевич и Егоров, под началом которых он служил. В июне 1940 года Жуков стал командующим Киевским особым военным округом и в январе 1941 года сыграл значительную роль в московских военных играх. Благодаря энергичным и умелым действиям в ходе этих игр по их завершении он сменил К. А. Мерецкова на посту начальника Генштаба. После этого назначения Жуков, под внимательным присмотром Шапошникова и в тесном сотрудничестве со своими заместителями Н. Ф. Ватутиным, Г. К. Маландиным и А. М. Василевским, первым заместителем начальника оперативного управления, работал над созданием более согласованных военных и мобилизационных планов. Несмотря на угрожающий пример чисток, Жуков обращался к Сталину с максимально возможной настойчивостью, и именно благодаря его побуждениям Сталин провел перед войной тайную частичную

мобилизацию. Очевидно, Жуков призывал и к более активным мерам — но их Сталин отверг.

Командующим Жуков был энергичным, но упрямым. Он под ходил к войне с упрямой решительностью. Его сила воли, инос раз с примесью безжалостности и полнейшего нежелания считаться с потерями, провела советские войска через тяжелые испытания в начальный период войны и в конечном итоге привел их к победе. Подобно американскому генералу Гранту, он понимал страшную природу современной войны и был психологически готов вести ее. Он требовал и добивался абсолютного повиновения приказам, распознавал и защищал военные таланты среди своих подчиненных и временами даже противостоял Сталину, навлекая на себя его гнев. Его операции не отличались особым хитроумием, но он умело пользовался Красной Армией как дубиной. Его характер идеально подходил к природе войны на советско-германском фронте, и Сталин это знал — ведь лишь поэтому он и вся Красная Армия, несмотря на громадные потери, вышли из войны победителями.

Первым заместителем Жукова был Н. Ф. Ватутин — представитель из ускоренного выпуска Академии Генштаба в 1937 году, бывший начальник штаба Киевского особого военного округа, бывший начальник оперативного управления Генерального штаба. Описываемый своими современниками как человек, являющийся квинтэссенцией штабного офицера, Ватутин втайне горячо желал командовать войсками. Именно энергичный Ватутин составил в сентябре 1939 года план вторжения в Польшу, а в июне 1940 года — в румынскую Бессарабию. Благодаря своей блестящей службе он был затем переведен в Генштаб, где сыграл видную роль в составлении под руководством Жукова, Тимошенко и Шапошникова военных и мобилизационных планов и переработке уставов Красной Армии. Когда разразилась война, Сталин, невзирая на протесты Ватутина, использовал его в качестве своего личного представителя на тех ключевых участках фронта, где положение становилось угрожающим.

Жуков описывал Ватутина «как человека исключительно талантливого и обладателя большого стратегического ума». Когда Ватутин поднялся наконец до командующего фронтом, Василев

ский отметил его огромное мастерство по части проведения комбинированных операций. Ватутин, показавший себя одним из самых компетентных и смелых командиров Красной Армии, был смертельно ранен весной 1944 года.

Начальником оперативного управления Генштаба был выпускник Академии Генштаба 1938 года генерал-лейтенант Герман Капитонович Маландин, профессиональный штабной офицер, занимавший посты начальника штаба в пехотных частях на всех командных уровнях, а под конец прослуживший четыре года начальником штаба корпуса на Дальнем Востоке с 1930 по 1935 год. После окончания Академии Генерального штаба он в 1938–1939 годах занимался в ней преподавательской работой, а затем был назначен к Жукову заместителем начальника штаба Киевского Особого Военного округа (под начало Ватутина). Здесь в 1939 и 1940 годах он помогал составить планы военных операций в Польше и Бессарабии. После этого в феврале 1941 года Маландин перешел вместе с Жуковым в Генеральный штаб, где работал в тесном сотрудничестве с Ватутиным и Василевским над составлением предвоенных оперативных планов Красной Армии. Когда началась война, Тимошенко взял Маландина с собой в качестве начальника штаба Западного направления. Позже, во время обороны Москвы, Маландин служил начальником штаба у Жукова.

О работе этого профессионально компетентного штабного офицера нам лучше всего известно из уцелевших донесений, подготовленных им в период службы начальником штаба Западного направления и Западного фронта во время тяжелых боев 1941 года. Будущий начальник Генерального штаба С. М. Штеменко так описывал Маландина:

«Очень уравновешенный, всегда корректный человек, необычайно скромный и душевный. До самозабвения отдавался работе и умел ее выполнять, какой бы сложной она ни была. Герман Капитонович пользовался в Генштабе большим уважением за свою пунктуальность и глубину анализа обстановки. Он тоже вырос в крупного военного ученого и руководил Академией Генштаба»⁴⁸.

Однако, хотя все эти качества требовались Маландину для выживания, они не обеспечили ему длительной славы.

Заместителем Маландина в оперативном управлении был Александр Михайлович Василевский — вероятно, наиболее способный офицер, какого произвела Красная Армия за время войны. Пехотинец, не пользующийся выгодами принадлежности к «кавалерийскому лобби», Василевский поднялся лишь благодаря своим достоинствам и пришел в Генеральный штаб после ускоренного выпуска учащихся Академии Генштаба в 1937 году. В предвоенные месяцы он тоже работал над оборонительными и мобилизационными планами. Поднявшись за четыре года в чинах от полковника до генерал-полковника, Василевский был любимцем Шапошникова и фактически стал его прямым наследником в Генштабе. Ровный характер и интеллектуальная острота Василевского уравнивали голую силу и грубость Жукова, и за время войны из этой пары вышла превосходная «пожарная команда» эффективных представителей и командиров Ставки⁴⁹. В конце войны Василевский дорос до командующего театром военных действий, он спланировал и провел Манчжурскую операцию против японцев. Из штабных офицеров никто не внес большего вклада в разгром нацистской Германии, чем Василевский, Ватутин и их протеже А. И. Антонов.

В то время как Ватутин, Маландин и Василевский начинали войну на ключевых штабных постах, Алексей Иннокентьевич Антонов, будущая ведущая фигура в Генштабе Красной Армии, начал войну в относительной безвестности. Ветеран Мировой и Гражданской войн, Антонов оставался относительно незаметным до своего поступления в начале 1930-х годов на курсы академии имени Фрунзе, где в нем распознали «блестящего оперативного штабного работника»⁵⁰. Превосходно проявив себя на посту начальника оперативного отдела Харьковского военного округа во время киевских маневров 1935 года, Антонов заслужил похвалу наркома обороны Ворошилова и принятие в Академию Генштаба — где он тоже попал в ускоренный выпуск 1937 года. После выпуска Антонов ненадолго сделался начальником штаба Московского военного округа под началом сталинского фаворита Буденного, а затем был назна-

чен в академию имени Фрунзе на замену попавших под чистку преподавателей.

Произведенный в июне 1940 года (вместе с Василевским и многими другими) в генерал-майоры, Антонов во время массовых замен командующих в январе 1941 года сменил Маландина на посту заместителя начальника штаба Киевского особого военного округа, где и служил до начала войны. После того, как Антонов принял участие в неудачных боях 1941 года и в закончившемся поражением сражении под Харьковом в мае 1942 года, Василевский в декабре 1942 года привел его в Генштаб на пост начальника оперативного управления. Именно здесь Антонов впоследствии заслужит своей работой уважение и похвалу со стороны всех, кто его знал или работал с ним.

Трагический ход начального периода войны подверг тяжелому испытанию довоенных советских командующих военными округами. Немногие пережили это испытание. Генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос поднялся с командира 70-й стрелковой дивизии во время Финской войны до командующего Киевским особым военным округом. Ветеран Первой Мировой войны, он был в Гражданскую войну начальником штаба знаменитой 51-й стрелковой дивизии во время штурма Крыма, посещал в 1923 году Академию Генштаба, а с 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища. После участия в боях на Дальнем Востоке (у озера Хасан и на Халхин-Голе) и в Финской войне Кирпонос командовал корпусом, Ленинградским военным округом, а в феврале 1941 года — Киевским особым военным округом, где и служил, когда началась война⁵¹. Жуков в своих воспоминаниях хвалил Кирпоноса:

«Я был рад, что Киевский особый военный округ поручается такому достойному командиру. Конечно, у него, как и у многих других, еще не было необходимых знаний и опыта для руководства таким большим приграничным округом, но жизненный опыт, трудолюбие и природная смекалка гарантировали, что из Михаила Петровича выработается первоклассный командующий войсками»⁵².

Кирпонос доказал правоту Жукова. Он боролся (большей частью тщетно) с Главным командованием, добиваясь увеличения готовности к войне, а когда война началась, его войска вели себя в за частую неудачных боях много лучше, чем войска других командующих фронтами. В сентябре 1941 года Кирпонос погиб в окружении в Киеве вместе с большей частью своего фронта и был лишен славы, которую он столь сильно заслужил.

Соседним Западным особым военным округом командовал генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, тоже ветеран (и военнопленный) Первой мировой и участник Гражданской войны. Павлов был кавалерийским офицером, посещавшим в 1928 году академию имени Фрунзе и в 1931 году — Военно-техническую академию, где он, согласно рапорту, «активно боролся с троцкистами»⁵³. После выпуска Павлов командовал одной из первых механизированных частей Красной Армии — 4-й механизированной бригадой. Затем в 1937 году, он поднялся до главы Автобронетанкового управления Красной Армии, где заслужил неуместное прозвище «советский Гудериан». Во время Гражданской войны в Испании, Павлов был отправлен в Испанию для получения опыта боевого применения танковых войск и вернулся оттуда с более трезвым взглядом на использование бронетанковых сил в современной войне. Эти взгляды способствовали тому, что Красная Армия в конце 1939 года отказалась от громоздких механизированных соединений. В 1940 году Павлов стал командующим Западным особым военным округом, а в январе 1941 года принял участие в московских военных играх — где проявил себя, по оценке наблюдателей, не очень блестяще.

Когда началась война, Павлов пал жертвой сталинского гнева за то, что потерял контроль над обстановкой — которую, наверное, не смог бы контролировать никто*. Сталин обвинил

* Одной из причин утраты контроля над обстановкой в первые дни и часы войны стало невыполнение Павловым полученного еще за пять дней до войны распоряжения о переносе его штаба из столичного Минска на специально оборудованный командный пункт фронта в Обуз-Лесны — где, кроме всего прочего, имелись защищенные линии связи. (Прим. ред.)

Павлова в измене, снял с поста командующего и велел расстрелять. Трагическая судьба Павлова стала одним из последних проявлений дотянувшихся до войны безжалостных чисток.

Генерал-полковник Федор Исидорович Кузнецов был накануне войны третьим командующим крупным приграничным военным округом. Пехотный офицер и ветеран Первой Мировой и Гражданской войн, Кузнецов посещал в 1926 году академию имени Фрунзе, где в нем распознали присущие ему боевое мастерство и большой потенциал. В июле 1938 года, после службы преподавателем в Московском пехотном училище и в академии имени Фрунзе, он был назначен заместителем командующего Белорусским особым военным округом и помогал организовать вторжение в Восточную Польшу. Позже в том же году он командовал корпусом на Финской войне. Являя собой типичный пример «турбулентности» в советском командовании, Кузнецов на короткое время возглавил в 1940 году Академию Генерального штаба, затем принял командование Северо-Кавказским военным округом, и наконец, в конце того же года, Прибалтийским особым военным округом.

Получивший в феврале 1941 года звание генерал-полковника, Кузнецов тоже тщетно боролся с Главным командованием, добиваясь увеличения боеготовности войск округа. Накануне войны он самостоятельно принял меры для улучшения боеготовности войск округа. Хотя его войска были в июне-июле 1941 года разбиты, а Кузнецова освободили от командования армией, он все же пережил это испытание и позже служил заместителем командующего фронтом и возглавлял Академию Генштаба⁵⁴.

Командование армией было в Красной Армии 1941 года задачей неблагоприятной, а зачастую и гибельной. Среди уцелевших командующих армиями должно хватить двух примеров. 22 июня 1941 года генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин командовал 16-й армией из резерва Ставки, сформированной на Дальнем Востоке и переброшенной в апреле-мае 1941 года на запад в качестве части стратегического резерва. Карьера Лукина может служить примером довоенной и военной судьбы многих командующих советскими армиями. Бывший в Первую Мировую войну унтер-офицером, Лукин в Гражданскую войну командовал

стрелковым полком и бригадой, в начале 1920-х годов был заместителем командующего 7-й, а потом 99-й стрелковой дивизии и посещал в 1926 году академию имени Фрунзе. После выпуска из академии имени Фрунзе он командовал 23-й стрелковой дивизией и московским гарнизоном. В 1937 году чистки вознесли его на пост помощника начальника штаба, а потом и в начальники штаба Сибирского военного округа, а в 1938 году — в заместители командующего этого военного округа.

В июне 1940 году Лукину доверили формировать и возглавить 16-ю армию, а в апреле 1941 года он занимался передислоцированием этой армии на запад. Предназначавшаяся первоначально для поддержки Киевского особого военного округа, армия Лукина был с началом войны развернута к северу и вступила в бои в бурлящем котле к западу от Смоленска. Уцелевшие боевые донесения Лукина четко запечатлели то угнетающее положение, в которое попала его армия до ее окружения и уничтожения под Смоленском. К счастью, Лукин избежал судьбы, постигшей его армию. Позже, в таких же тяжелых боях под Вязмой, Лукин сам был тяжело ранен и попал в плен, и, хотя первоначально Сталин объявил его предателем, Лукин пережил и немецкий плен, и гнев Сталина, заслужив уважение своих боевых товарищей и страны⁵⁵. Жуков считал, что доблестная оборона Смоленска Лукиным и его войсками внесли немалый вклад в итоговое поражение немцев под Москвой.

Коллегой Лукина по резервному эшелону был командующий 20-й армией генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин — участник штурма Зимнего дворца в 1917 году, а также ветеран боев на Западном фронте в Гражданскую войну. Кавалерийский офицер, Курочкин сначала учился и преподавал в Академии имени Фрунзе, а потом командовал кавалерийской бригадой и дивизией. В Финскую войну он командовал 28-м стрелковым корпусом, а в 1941 году закончил Академию Генштаба. После выпуска он был назначен командовать сперва Забайкальским, а потом, всего за несколько часов до начала войны, Орловским военным округом. По его словам, он «вступил в войну с марша»⁵⁶. Известие о начале войны Курочкин получил по пути из Читы в свою новую штаб-квартиру. Когда он сделал остановку в

Москве, Генштаб приказал ему набрать из войск военного округа 20-ю армию и «вести оборонительные операции на одном из решающих направлений на Западном фронте»⁵⁷.

Курочкин так и поступил, и через неделю его армия, впервые теперь действовавшая в боевых условиях под началом незнакомого командующего, развернулась на линии Днепра западнее Смоленска, чтобы дать бой передовым частям двух немецких танковых групп. Армия Курочкина сражалась храбро, но была большей частью уничтожена в Смоленском котле. Курочкин уцелел и впоследствии командовал армиями и фронтом, а в послевоенные годы стал плодовитым и талантливым автором работ по структуре и теории вооруженных сил.

Это лишь два примера из многих, которые иллюстрируют шокую и парализующую обстановку, в которой оказались командующие фронтами и армиями. Многие из них погибли, но другие пережили это испытание и впоследствии воевали на более высоких постах. Схожий шок испытали и офицеры на более низких командных уровнях, где потери были еще более высокими. Именно из этих более низких уровней впоследствии вышли самые лучшие командиры корпусов и армий. Одним из них был Павел Алексеевич Ротмистров — кавалерийский офицер, участник Гражданской войны и армейский командир нижнего звена в 1930-е годы. Он начал войну в должности начальника штаба недавно сформированного 3-го механизированного корпуса в Прибалтийском особом военном округе. Ротмистров уцелел и позже командовал танковой бригадой под Москвой, танковым корпусом под Сталинградом и 5-й гвардейской танковой армией на более позднем этапе войны, а закончил войну в должности заместителя начальника автобронетанковых и механизированных войск советской армии.

Михаил Ефимович Катуков, начавший воевать полковником в должности командира 20-й танковой дивизии, впоследствии стал командующим 1-й гвардейской танковой армией. Полковник Семен Ильич Богданов схожим образом поднялся из командующего 30-й танковой дивизией до командующего 2-й гвардейской танковой армией. Та же картина проглядывает во всех родах войск. Уцелевшие при чистках и в первые кровавые месяцы войны не ударили в грязь лицом и в итоге победили. К чести

Тимошенко, его реформы и та защита, которую он и другие обещали этим офицерам, дали возможность им и Красной Армии уцелеть и выйти из войны триумфаторами.

Однако на каждого из этих победителей хватало некомпетентных командиров и различных креатур Сталина, чьи положение и влияние создавали компетентным военачальникам массу проблем и затрудняли достижение победы. Шаблон их деятельности заложил непригодный для своего поста Ворошилов — и даже после замены на Тимошенко Ворошилов продолжал оказывать отрицательное влияние на доверенную ему часть военного руководства и распространять свою непригодность на весь доверенный ему фронт.

Однако больше всего вреда причиняли злобные и мстительные политработники, окружавшие Сталина, которых он использовал в качестве своих личных «инспекторов» для гарантирования дальнейшей преданности и повиновения всем его желаниям. Лишь самые сильные командующие могли противиться им, да и то с изрядным риском. Тут хватит и одного примера.

Лев Захарович Мехлис, который в 1944 году получил звание генерал-полковника, служил в Красной Армии партийным активистом со времен Гражданской войны, когда у него и завязались тесные отношения со Сталиным. Став выпускником Института Красной Профессуры, он с 1937 по 1940 год в звании армейского комиссара первого ранга являлся начальником Главного Политического Управления (ГлавПУР) Красной Армии, которое надзидало за проведением чисток. Назначенный в 1940 году народным комиссаром госконтроля СССР, он вскоре также стал заместителем наркома обороны. Во время войны, хотя Мехлис проявил некомпетентность, служа представителем Ставки (в Крыму в 1942 году) и был смещен с поста начальника ГлавПУРА, он не лишился милости Сталина как партийный сторожевой пес и продолжал досаждал командующим.

Хотя мало кто из командующих чувствовал в себе достаточно уверенности, чтобы даже в послевоенные годы критиковать Мехлиса, у Жукова нашлось для него мало добрых слов, а Штеменко впоследствии писал:

«Донесения его часто проходили через мои руки и всегда представляли в душе горький осадок: они были черны как ночь. Пользуясь предоставленными ему правами, Мехлис снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой. Для камдива Виноградова он потребовал расстрела за потерю управления дивизией [в 9-й армии во время Финской войны]. Позже мне не раз приходилось встречаться с Мехлисом и тут я окончательно убедился, что человек этот всегда был склонен к самым крайним мерам»⁵⁸.

Тот факт, что Штеменко смог даже во времена, когда вовсю свирепствовала советская цензура, столь открыто обратить внимание читателей на эти и другие деяния Мехлиса, служит подтверждением той ненависти, которую советские командующие испытывали к своим мучителям вроде него.*

* Начиная с 1960-х годов Л. З. Мехлис являлся «штатным» злодеем в советской историографии Великой Отечественной войны, обвинять его во всех смертных грехах считалось хорошим тоном. Из мемуаристов доброе слово о нем нашел лишь прошедший ГУЛАг генерал армии А. В. Горбатов, рассказавший, как Мехлис в 1943 году извинялся перед ним за прежнее недоверие: *«После этого разговора Л. З. Мехлис стал чаще бывать у нас в армии, задерживался за чаепитием и даже говорил мне и моей жене комплименты. Что было совершенно не в его обычае. Он был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, — вот почему его энергия не всегда приносила хорошие результаты»*. В своих надиктованных (то есть заведомо неподцензурных) мемуарах Н. С. Хрущев говорит про Мехлиса: *«Это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший»*. Прошедший «сталинские застенки» К. А. Мерецков противился отзыву Мехлиса на Крымский фронт, требуя оставить его у себя на Волховском фронте как хорошего хозяйственника и организатора. Документы Крымского фронта свидетельствуют, что именно Мехлис взял на себя организационную работу, которую игнорировало командование фронта; требуя сменить командующего фронтом Д. Т. Козлова, Мехлис просил прислать на его место К. К. Рокоссовского — что также противоречит образу некомпетентного политработника. (Прим. ред.)

Были, однако, и те, кто подтверждал наихудшие страхи Сталина и чье недовольство состоянием Красной Армии и страны побуждало их отвергнуть советское государство. Тоже явившиеся продуктами чисток, они прореагировали на них иначе, чем их коллеги, и из-за этого в памяти людей остались лишь немногие из них. Самым известным среди таких командиров был Андрей Андреевич Власов — еще один ветеран-кавалерист, участник Первой Мировой и Гражданской войн*, чьи карьера и послужной список мало чем отличались от карьеры его товарищей. Он вступил в коммунистическую партию в 1930 г, до того как это стало необходимым для всех офицеров, служил под началом Тимошенко в Киевском особом военном округе, а затем в 1938 и 1939 годах в Китае в качестве военного советника Чан Кай-ши. В конце 1939 года он вернулся и стал командовать 99-й стрелковой дивизией в Киевском особом военном округе, где был награжден за наведение порядка в этой славящейся своей расхлябанностью части. За проявленные им блестящие способности к руководству его назначили командовать новым 4-м механизированным корпусом, и он командовал этой сильной частью в первые недели войны.

Избегав со своим корпусом окружения, а потом и окружения под Киевом с 37-й армией, которой он тогда командовал, Власов в качестве командующего 20-й армией принял участие в обороне Москвы. За выдающиеся достижения Ставка произвела его в генерал-лейтенанты, и в марте 1942 года Власова направили под Ленинград помочь восстановить успехи недавно окруженной 2-й ударной армии. В последующей катастрофе, постигшей Советы,

* А. А. Власов не мог участвовать в Первой мировой войне, поскольку родился в 1900 году. В Гражданской войне он тоже не участвовал, так как, окончив командирские курсы, прибыл на Южный фронт в Крым лишь 16 ноября 1920 года — на следующий день после окончания боевых действий. В анкетах 1920-х годов он писал об этом, но в 30-х стал «забывать». Следующее далее утверждение о том, что до Власова 99-я стрелковая дивизия отличалась расхлябанностью, не соответствует действительности — это была одна из лучших частей округа, сформированная еще в 1924 году, а в 1931-м ставшая кадровой. (Прим. ред.)

Власов и армия, которую его послали спасти, были уничтожены — а Власов сдался в плен немцам, где и основал Русскую Освободительную Армию⁵⁹. Хотя мало кто из других последовал по пути Власова, все же верно, что и он сам, и его действия тоже были, по крайней мере частично, продуктом чисток.

Таким образом, накануне войны компетентные и некомпетентные командиры служили бок о бок, чистки и те, кто организовывал их, никуда не делись — и все, как опытные, так и неопытные, вместе с частично реформированной Красной Армией, столкнулись с суровым испытанием войны.

Статистические данные

Таблица 2.1

Командный опыт (длительность) командиров Красной армии
в июне 1941 года

Уровень командования	До 3 месяцев	3–6 месяцев	6–12 месяцев	1–2 года	2–3 года	Свыше 3 лет
Военный округ	3	4	5	3	2	0
Армия	10	3	5	1	1	0
Корпус	19	28	26	11	5	6
Стрелковая дивизия	59	10	51	65	10	3
Танковая дивизия	0	59	2	0	0	0
Моторизованная дивизия	0	22	9	0	0	0
Полк	50	12	40	47	14	9

Источники: Н. Раманичев, Красная армия в 1940–1941 гг., со ссылкой на: ЦАМО, ф. 32, оп. 15823, д. 547, л. 444. См. также: Ф. Б. Комал. Военные кадры накануне войны // ВИЖ 1990, № 2: 27–28.

Глава 3

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

В большинстве боевых донесений Второй мировой войны на советско-германском фронте человеческий фактор в основном отсутствовал в куда большей степени, чем в любой другой предыдущей или последующей войне. Это выглядит особенно парадоксальным, учитывая беспрецедентную жестокость данной войны и катастрофические человеческие страдания с обеих сторон. Для немецкой стороны это верно в меньшей степени, в отношении же советского солдата такое явление проявлялось особенно сильно.

Массовые страдания охватывали одинаково генералов, офицеров, солдат и гражданских лиц; дань погибшими, ранеными и психологически искалеченными исчислялась десятками миллионов. Так что отсутствию у этой войны человеческого лица не следует особенно удивляться — потребовалось свыше сорока лет для того, чтобы в России вообще в хоть какой-то степени обратились к вопросу о потерях. Для возможности постановки вопроса о потерях в качестве законной темы для дискуссий понадобился крах Советского Союза. И даже сейчас эта дискуссия вращается вокруг полных чисел, которые, хотя и находятся едва ли не за пределами человеческого разумения, по-прежнему являются предметом жарких споров. И эта дискуссия даже отдаленно не касается более чем тяжелой судьбы

советского солдата. У него или у нее по-прежнему нет ни человеческого лица, ни личности.*

* Для отечественного читателя многие рассуждения, помещенные в этой главе, могут показаться странными и даже оскорбительными. Автор почему-то игнорирует существование богатейшего пласта художественной литературы о войне, описывающей ее в первую очередь с точки зрения «окопного солдата» — хотя эта литература появилась сразу же после войны и создавалась ее непосредственными участниками. Эти люди могли быть предвзяты или пристрастны, но их крайне трудно обвинить во лжи или некомпетентности. Однако *единственное* рассмотренное Гланцем произведение отечественной литературы о войне написано человеком, в ней не участвовавшим, и вдобавок обладает весьма сомнительной художественной ценностью.

Другое дело, что в советских военных документах (в отличие от немецких) художественные описания строго отделялись от изложения фактов — а последние включали в себя и регулярно подаваемые списки потерь. Подвиги личного состава отдельно описывались в политдонесениях, положение и настроения солдат на фронте и населения в тылу отражалось в донесениях органов НКВД — причем последние, вопреки распространенным представлениям, заостряли внимание не только на борьбе с «враждебными проявлениями», но и на выявлении и методах ликвидации их причин. В последнее время интерес к политдонесениям у историков практически исчез, зато документы НКВД все шире вводятся в научный оборот — зачастую опровергая многие представления, существовавшие в обществе с 1960-х годов.

Если же под «человеческим лицом» солдата автор имел в виду научный анализ его психологических особенностей, взглядов и предпочтений, тогда не следовало говорить о личности или индивидуальности, поскольку подобный портрет по определению может быть только коллективным, в значительной мере обобщенным. Такой анализ в советской военной науке был начат еще в 1942 году диссертацией Г. А. Фортунатова «Страх и его преодоление». С 1960-х годов аспекты военной психологии подробно разбирались в работах профессора и доктора психологических наук генерал-майора М. П. Коробейникова (1921–1999) — «Современный бой и проблемы психологии», «Солдат и войны», «Роль офицерских кадров в формировании и сплочении воинских коллективов». Рассказ Коробейникова «Высота с камнем» («Наука и жизнь», 1990, № 5)

Эта неприятная действительность отражает самую природу того государства, которому служил советский солдат. Идеологически тоталитарный Советский Союз рассматривал человека вообще как винтик в системе, важность которой намного пре-

врядную посвящен проблеме, затронутой автором в настоящей главе, поэтому рискнем привести здесь две цитаты из него:

«Пока я был взводным и ротным на фронте, не одна тысяча солдат прошла через мои руки. Сколько я убеждал их, приказывал, ругал, наказывал, наконец. И что же? Не многих, кажется, убедил, что в окопывании — жизнь и спасение наше.

Раз как-то собрал весь взвод, чтобы разъяснить пользу окопывания и устыдить солдат, воззвать к их чести, достоинству и разуму.

— Вы только поглядите, — говорю, — как немцы окопываются: в траншее к ним прыгнешь, так будто в колодец. А щели, укрытия, лисьи норы, а блиндажи! Вот почему и потери у них меньше в личном составе, и выковырять их оттуда попробуй-ка. Не так-то просто.

Расписал я им прелести немецких сооружений. Думаю после этого: ну, повернул я им мозги в нужную сторону. Ничего подобного. Один встает, такой ухарь-купец, и парень, кажется, симпатичный, разумный на вид, а говорит:

— Что вы, товарищ старший лейтенант, немцев нам в пример ставите? Они за каждую деревушку и маленькую высотку цепляются потому, что смерти и нас боятся. А мы их в гробу видели. Если мы каждый раз в землю будем зарываться, так когда мы до Берлина дойдем? Нет, пусть уж они за свою шкуру дрожат. А нам некогда. Нам победить надо, да поскорее. Эвон сколько нас!»

И еще:

«Я заметил, что и они, при всей их сдержанности, тоже несут в себе бациллу, которой был заражен в то время весь наш народ...

— Немцы-то, они как старшей, что ли, потому они и не мечтают, как, к примеру, мы, — говорит один.

— А откуда ты знаешь? Ты что, у них в голове ночевал, что ли?

— А что, мне только и дел, что у немца в голове искать? У меня, чай, своя вошь в голове имеется. Я был ординарцем при начальнике штаба полка. Ему приносили письма, которые у немцев убитых находили. Он у нас ученый был. Знал немецкий язык. Так он рассказывал, что немцы только о том и пишут, сколько, когда посылок отправили, и что в них вложено, подробно перечисляют. И кто кому сколько должен. А наши-то ведь что пишут? Мне, говорит, в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви. Вот так всю песню и перетишет. Или жди меня, и я вернусь, только очень жди. Мы все мечтаем, как жить потом будем. Нам только бы победить». (Прим. ред.)

вышла ценность людей как индивидов. Индивид страдал и приносился в жертву ради высшего блага общества, в данном случае социалистического коллектива, а коллектив, соответственно, отвечал принесенным в жертву официально санкционированной эпитафией, которая, в свою очередь, прославляла погибших и искалеченных скрывая их боль под сияющей завесой славной службы родине и партии. При доведении данной тенденции до крайности страдания отдельного индивида терялись среди бесчисленных рассказов о солдатах, бросающихся закрыть своими телами пулеметные амбразуры дотов и встать на пути у неизменно черных, со свастикой на броне, немецких танков. Почти на кальвинистский лад этот солдат оправдывал себя через свои деяния — в данном случае своим личным самопожертвованием ради партии и государства.

Конечно, в действительности политика играла намного более зловещую и циничную роль. Тоталитаризм требовал безоговорочного повиновения и идеального исполнения на всех уровнях и очень болезненно относился к неудачам. Постоянно имея на заднем плане чистки, Сталин и партия требовали жертвовать всем — от общего до частного. Вполне понятно, что при такой системе генералы и офицеры, страдая сами, стремились перекладывать всеподавляющую тяжесть этой жертвы на ряды нижестоящих. Значительное большинство генералов, как недавно заметил один русский наблюдатель:

«...были составной частью сталинской тоталитарной системы, которая рассматривала людей как всего лишь „винтики“. Они сражались, как поется в популярной песне, по принципу „мы за ценой не постоим“. Генерал армии Н. Г. Лащенко позже писал: „В действительности, несмотря на все оправдания, смертей на войне было много. Мы встречали много военных руководителей и командиров, которые стремились достичь успеха, совершенно не считаясь с потерями“».¹

Бывший советский генерал П. Г. Григоренко отразил эти взгляды в своих воспоминаниях. Григоренко стал офицером

Красной Армии в начале 1930-х годов, провоевал с отличием во Второй мировой войне, а после смерти Сталина в 1953 году в конечном итоге пополнил собой ряды антисоветских критиков. В 1964 году его за эту откровенную критику и призывы к реформам лишили звания, посадили в тюрьму и упрятали в психиатрическую лечебницу. Преследуемый наряду с более знаменитым диссидентом Андреем Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира, Григоренко в конце концов эмигрировал в Соединенные Штаты, где и написал воспоминания, нарисовавшие откровенную картину жизни в довоенной Красной Армии.*

* П. Д. Григоренко (1907–1987) с 1939 по 1942 год служил в штабе ОКДВА и Дальневосточного фронта, затем командовал 18-й стрелковой бригадой, с декабря 1943 года — на фронте, сначала в должности заместителя начальника штаба 10-й гвардейской армии, затем — начальником штаба 8-й стрелковой дивизии. После войны работал преподавателем в академии имени Фрунзе, в 1959 году получил звание генерал-майора. В 1961–1964 годах — начальник оперативного отдела штаба 5-й армии на Дальнем Востоке. С 1963 года занимался диссидентской деятельностью, за которую был уволен из армии. В 1969 году после выступлений в поддержку крымских татар помещен в психиатрическую лечебницу, где находился 5 лет. В 1977 году эмигрировал в США.

Несмотря на безусловную честность в изложении личных впечатлений и даже на отрицательную оценку хрущевской критики полководческих способностей Сталина («она находится на уровне мещанской сплетни»), П. Д. Григоренко полностью является продуктом «хрущевской оттепели», мифологизировавшей историю Великой Отечественной войны во имя простых объяснений и текущих политических целей — в итоге закономерно породив творчество В. Резуна. Американский историк Роджер Риз, на которого автор настоящей книги часто ссылается в дальнейшем, дал такую оценку этой мифологии: *«Большинство нападок на Сталина инициировали советские военные, им же принадлежит формулировка причин отступления в 1941 году. Одна из целей представляется достаточно ясной: избежать ответственности за бедствия. Несмотря на случайные вкрапления правды, многие из этих аргументов просто не выдерживают критики»*. Впрочем, следует заметить, что это тоже простое объяснение, реальность же куда более многогранна. (Прим. ред.)

Нарисованная Григоренко картина включала в себя уничтожающий анализ советского выступления в сражении на Халхин-Голе, где в августе-сентябре 1939 года советские войска под руководством Жукова разгромили японские силы, оккупировавшие спорную территорию Монголии. Хотя официальные советские отчеты о тех боях как тогда, так и сейчас хвалят Жукова и действия Красной Армии, Григоренко внес серьезные коррективы в подобный анализ, вскрыв присущие Красной Армии врожденные изъяны и показав черствое отношение командования к судьбе простого солдата:

«Но потери мы понесли огромные — прежде всего из-за неквалифицированности командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел... Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало»².

Подводя итог, Григоренко добавлял:

«Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба фронтовой группы и Первой армейской группы [которой командовал Жуков]. Труд был исключительно деловой. В нем хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. Показано использование родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну [начальнику Жукова], но каждый прочитавший поймет, что чего стоит»³.

Хотя, по словам Григоренко, доклад этот получил и «горячо одобрил» Генштаб, Жуков, после того как стал начальником Генштаба, «прочел его и отправил в архив»⁴. Григоренко добавил более сильно:

«Так книга, вскрывшая на небольшом боевом эпизоде те коренные пороки в боевой подготовке войск и офицеров,

которые выявились во Второй мировой войне, оказалась упрямой от офицерского состава. Ради сохранения собственного престижа начальники в Советском Союзе готовы на любые подлоги и обман, на нанесение любого ущерба государству и народу. А система благоприятствует этому»⁵.

Выдающийся советский военный историк А. М. Самсонов поддержал суровые оценки Лашенко и Григоренко, добавив:

*«В целом Ставка Верховного Главнокомандования относилась к человеческим потерям с непростительным бездушием. Иначе никак нельзя объяснить то упрямство, с которым мы иной раз, не считаясь с потерями, повторяли фронтальные атаки маловажных стратегических пунктов вместо того, чтобы обойти их... Очевидно, Сталин считал наши человеческие ресурсы неисчерпаемыми. А дело обстояло совсем не так. В 1942 и 1943 годах мы вынуждены были призвать на фронт семнадцатилетних и тех, кому недавно исполнилось пятнадцать... * Мы извлекли из резервов сотни тысяч людей с предприятий Урала и Сибири, в том числе и многих уникальных специалистов, и одели их в солдатские шинели».⁶*

Служившие в полевых частях солдаты тоже писали, с немалым для себя риском, о зачастую черством отношении старших командиров к человеческим военным потерям. Подполковник А. К. Конененко, начальник разведки широко перевозносимого 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, красноречиво, но с горечью писал о пережитом им во время рейда этого кавкорпуса по немецким тылам с января по июнь 1942 года: *«Сколько жертв мы понесли из-за желания командующего фронтом [Жукова] взять Вязьму!»* И далее:

* Это утверждение уважаемого академика вызывает удивление. В 1943 году директивами ГКО был разрешен призыв в 17 лет — но с тем, чтобы на фронт боец попадал лишь по достижении 18-летия. (Прим. ред.)

«Но хотя они выполнили свои задачи, Г. К. Жуков неоднократно попрекал П. А. Белова тем, что корпус не смог взять Вязьму. В своих телеграммах он постоянно демонстрировал такого рода ярость, жестокость, безжалостность и полнейшее пренебрежение к тысячам людей, их потребностям и их жизням»⁷.

Еще один послевоенный аналитик добавил свой беспристрастный анализ позиций отдельных генералов:

«Как демонстрирует анализ документов, публикаций и воспоминаний, небольшое число старших командиров, включая таких хорошо известных как Г. К. Жуков, И. С. Конев, Н. Ф. Ватутин, Ф. И. Голиков, А. И. Еременко, Г. И. Кулик, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Р. Я. Малиновский, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков и некоторые рангом пониже, считавшие солдат „пушечным мясом“, воевали с максимальными потерями. С другой стороны, К. К. Рокоссовский, А. А. Гречко, А. В. Горбатов, Е. И. Петров, И. Д. Черняховский и несколько других воевали с минимальными потерями, но все же на требуемом профессиональном уровне. К несчастью, последние были в меньшинстве. Поэтому Астафьев был прав, когда заявлял: „Мы просто не умели воевать. Мы закончили войну, не умея воевать. Мы утопили врага в своей крови и завалили его своими телами”»⁸.

Хотя и ясно, что горькое суждение Астафьева отражало подавленность его и всего общества из-за проигнорированных и забытых жертв, его замечания определенно запечатали действительность и ужас начального периода войны. Другие, более официальные источники тоже отмечают безличный характер системы и писали о ее полнейшей неспособности определить масштаб человеческих жертв. Нынешний сотрудник Отдела индивидуальной регистрации безвозвратных потерь солдат и сержантов советской армии (в Центральном Архиве Министерства обороны Российской Федерации) так описал безличные методы подсчета потерь в военное время:

«С первых дней войны из армейских полевых частей, соединений, крупных соединений и других учреждений начали поступать донесения со списками погибших, пропавших без вести и т.д. военнослужащих. Одновременно прибывали списки из медицинских учреждений, тыловых районов военных округов о потерях военнослужащих, умерших от ран, болезней и других причин.

Следует добавить, что сложная военная обстановка на фронте не всегда позволяла произвести полный подсчет потерь. Их зачастую записывали количественно по акту, а не поименно. Поэтому уже с 1942 года начали вести регистрацию [потерь] военнослужащих, основанную на заявлениях родственников»⁹.

Хаотический и черствый учет советских потерь в военное время никак не улучшал той анонимности, которая окутывала существование солдата и самую его душу:

«Не забудьте, что миллионы солдат и сегодня по-прежнему остаются непогребенными, а во время перезахоронения братских могил в послевоенные годы эти подсчеты делались очень неточно. Обычно, когда раскапывали места захоронений, учитывались только трупы, лежащие наверху. Вдобавок командование на всех уровнях преуменьшало потери... Народный Комиссариат Обороны (НКО) приказом № 138, датированным 15 марта 1942 года, отменил хорошо известные солдатские медальоны, хотя и те охватывали далеко не всех. С 15 апреля 1942 года НКО прекратил поименно регистрировать потери. Поэтому такой поименный подсчет составляет лишь примерно треть от общего числа погибших советских военных. Это разрешило списать миллионы погибших и живых с вводным примечанием „пропавшие без вести”¹⁰.

Оболваненный политическими и идеологическими склонностями сталинского режима и хаотическим и мучительным ходом боев, советский солдат оставался и большей частью до сих

пор остается некой безликой гранью войны. Вполне естественно, что эта безликость разрешала и даже поощряла рост и устойчивость стереотипов.

Стереотипы

Учитывая послевоенное умалчивание характера и судьбы солдата Красной Армии, было столь же естественным и неизбежным, что нам пришлось ознакомиться с этой темой через призму написанного врагами Советов. А так как в послевоенной историографии о войне преобладали именно они, то первыми портретами анонимного советского солдата жителей Запада снабдили немецкие мемуаристы. Складывающийся из их писаний образ, обусловленный идеологией, национальными ракурсами, тянувшейся еще с войны застарелой ненавистью и восприятием «холодной войны», был неблагоприятным. Давая описание советских солдат в качестве «надежной основы для правильной оценки военной мощи России», главный немецкий мемуарист, генерал Ф. В. фон Меллентин, снабдил западных читателей наиболее основательным и стойким описанием солдата Красной Армии. Уточняя свое описание словами, что «ни один культурный житель Запада никогда не поймет характера и души этих азиатов, рожденных и выросших по ту сторону европейских границ», Меллентин тем не менее приложил все силы для создания внятного психологического профиля:

«Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна, как и сама эта огромная и непонятная страна. Трудно представить себе границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен, и тем не менее временами проявляет трусость... Русские очень непоследовательны: сегодня они не проявляют никакого беспокойства об обеспечении своих флангов, а завтра мысль о том, что их флангам угрожает опасность, приводит их в ужас... Возможно, все это объясняется тем,

что русский не мыслит самостоятельно и не контролирует своих действий, а поступает в зависимости от своего настроения, совершенно непонятного для жителя Запада. Его индивидуальность непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело терпеливость и выносливость — черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений...

Одна из черт русского солдата — это столь непостижимое для жителя Запада полнейшее презрение к жизни или смерти. Русского совершенно не трогает, когда он перешагивает через тела сотен своих погибших товарищей; с тем же равнодушием он хоронит своих погибших соотечественников, и с не меньшим безразличием встречает собственную смерть. Жизнь для него не представляет никакой особенной ценности; она нечто такое, что нетрудно выбросить.

С одинаковым безразличием русский солдат переносит холод и жару, муки голода и жажды. Неслыханные тяготы не оказывают никакого впечатления на его душу. У него нет никаких истинных религиозных или моральных уз, а его настроения попеременно колеблются между зверской жестокостью и искренней добротой.* В толпе он полон ненависти и необычайно жесток, один — бывает дружески настроен и великодушен. Эти качества характерны для русских жителей азиатской части страны, монголов, туркменов и узбеков, а также для славян, проживающих западнее Урала.

Русский солдат любит свою “матушку Россию”, поэтому он дерется за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком...

Русский остается хорошим солдатом всюду и в любых условиях. В век атомного оружия все это может иметь очень большое значение. Одним из главных преимуществ России является ее способность выдержать огромные разрушения и кровопролитные бои, а также возможность предъявить необыкновенно тяжелые требования к населению и действующей армии.

* Подчеркнутая часть текста в советском переводе мемуаров Мелентина (Воениздат, 1957) отсутствует. (Прим. ред.)

Проблема обеспечения войск продовольствием для русского командования имеет второстепенное значение, так как русским фактически не нужно централизованного армейского снабжения... Такая близость к природе объясняет способность русского стать как бы частью земли, буквально раствориться в ней.

Солдат русской армии — непревзойденный мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации. Он зарывается в землю с невероятной быстротой и так умело приспосабливается к местности, что его почти невозможно обнаружить...

До некоторой степени высокие боевые качества русских снижаются их несообразительностью и природной леностью...

Стадный инстинкт у солдат настолько велик, что отдельный боец всегда стремится слиться с „толпой“. Русские солдаты и младшие командиры инстинктивно сознавали, что, если они будут предоставлены самим себе, они погибнут. В этом инстинкте можно видеть корни как паники, так и величайшего героизма и самопожертвования»¹¹.

Оставленный владельцем «незанятого поля» и дорисованный фон Меллентином связный портрет никем не оспаривался, в последующие годы он даже подкреплялся воспоминаниями и наблюдениями множества других авторов мемуаров. Образ этот оказался настолько стойким, что еще один автор мог заметить в середине 1980-х:

«С точки зрения рядового солдата, основанной на опыте 2,5 годов ближних боев, мы могли отличать друг от друга [советские этнические группы]. Мы точно знали, состоит ли эта рота большей частью из тех, кого мы называли татарами — не мусульман, но людей с узкими глазами, отличающимися от нормального русского лица. Действительно, мы это видели. Мы захватывали их в плен — и в чем же заключалась разница? Во многих отношениях эти люди были даже более жесткими и безжалостными. Ни капли морали западного типа. Они расстреливали всех — в том числе и

раненых, и поэтому мы знали, что татарин в последний миг выстрелит или бросит гранату, в то время как плосколицый русский, наверное, заплачет или зарыдает»¹².

Как и в случае со всеми стереотипами, здесь смешаны правда и вымысел, окрашенные личными воспоминаниями и предубеждениями. Временами, к явной радости своего противника, советский солдат воплощал данный стереотип. Однако в другом случае он сбивал своего врага с толку, выбиваясь из стереотипа — обычно к большому удивлению и длительному сожалению противника.

Более печальная правда заключается в том, что Советы сами были частично ответственны за торжество этих и других стереотипных представлений о советском солдате. Советские власти не предпринимали и не разрешали никаких серьезных попыток изобразить психологию, роль, страдания или судьбу собственных солдат во время войны. В то время как Сталин скрывал потери советских военнослужащих под непроницаемой завесой секретности, он, его политические наследники и два поколения советских военных историков, работавших в рамках его строгих указаний, создавали собственные стереотипные образы индивидуального и коллективного самопожертвования советских солдат.

Это был образ непревзойденного солдатского героизма, противостоящего хорошо обученным и хорошо снаряженным ордам доселе непобедимой нацистской Германии. Ведомые преданностью социалистическим идеалам, солдаты регулярно самоотверженно бросались преградить путь наступающим массам немецких танков, нанося врагу невероятный ущерб. Они падали на гранаты, чтобы спасти своих товарищей, бросались закрывать телами амбразуры вражеских дотов, кидались очертя голову на угрожающие пулеметы, жертвуя собой шли на таран вражеских самолетов. Простые солдаты, сплошь рабоче-крестьянского происхождения, герои Советского Союза, комсомольцы и члены партии, все одинаково бок о бок постоянно противостояли почти неодолимому множеству врагов, и чаще всего одерживали верх, несмотря на страшное неравенство в силах.

Откровенно пропагандистский тон советской литературы в сталинскую эпоху выжил и в послесталинскую эру, даже после

хрущевской десталинизации и первого раунда гласности, разрешавшего и даже поощрявшего бульшую правду о войне. Однако открытые хрущевским поколением страдания по-прежнему носили безличный характер, подразумевающие потери, но лишённые цифр или настоящего чувства. Воспоминания, истории отдельных воинских частей и исследования операций — даже те многие, которые были точны в главном — по-прежнему обходили стороной человеческий фактор, оставляя Красную Армию времен войны безликой. Это положение усугублялось советской политикой строгого редактирования всей мемуарной литературы с целью гарантировать сохранение в тайне человеческого лица войны и стараниями никак не поощрять подготовку или издание настоящих солдатских дневников или писем. Короче говоря, советский режим никогда не пришел бы, да и не мог прийти к согласию с настоящими ужасами войны по человеческим понятиям. Для того, чтобы советский народ смог это сделать, потребуется переворот и уничтожение режима — и даже теперь это будет нелегко.

Источники

Сегодня, спустя свыше 40 лет после окончания войны, историки только начинают восстанавливать человеческое лицо солдата Красной Армии времен войны. Процесс этот по-прежнему идет медленно и болезненно — частично из-за остаточного нежелания российских властей беречь старые раны, а частично из-за нехватки доступных источников, с помощью которых это можно сделать. Однако сырые материалы, необходимые для воссоздания человеческого лица, все-таки существуют — хотя, вполне естественно, официальные запреты все еще препятствуют их полному обнародованию.

Однако, несмотря на опасность и невзирая на официальный запрет, удивительно большое число солдат и офицеров вело во время войны дневники. Многие другие уже после войны записывали свои впечатления, бросившие вызов судьбе и избежавшие недреманного ока цензора. Эти материалы выходят на свет только

сейчас — и, несомненно, будут появляться в еще большем числе в будущем. Вместе с ними существуют не искаленные цензурой версии опубликованных мемуаров, которые теперь малопомалу выходят в свет и открывают новую правду о человеческом факторе войны, особенно на высших командных уровнях.

Несмотря на эти постепенно всплывающие материалы, остается самый большой пробел, относящийся к коллективному и индивидуальному происхождению, природе и судьбе простого солдата, у которого зачастую не было ни времени, ни случая, ни желания запечатлеть пережитое им на бумаге. Здесь мы должны полагаться на слова лиц более высокого ранга или на немногочисленные мемуары и воспоминания, написанные простыми солдатами в относительно безопасные послевоенные годы. К счастью, некоторые из этих мемуарных материалов ныне тоже появляются в печати. К несчастью — у их авторов остается все меньше времени.

Есть еще много большей частью не исследованных документов, которые способны пролить свет на происхождение, природу и судьбу простого солдата. Документы эти распадаются в основном на две категории: советские секретные исследования и немецкие архивные материалы. Немногие из существующих документов первой категории по своему характеру являются дидактическими и совпадают по основной интеллектуальной цели с прочими советскими военно-аналитическими трудами. Они создавались с санкции партии и Генерального штаба с целью лучше понять прошлое для того, чтобы военные в будущем проявляли себя лучше. Те описания, которые уцелели в их трудах, отличаются «хирургическим» подходом: они фиксируют качество и состояние советского солдата на разных этапах войны с целью определить способность государства мобилизовать, развернуть свои силы и сражаться. Короче говоря, этим трудам предназначалось не скорбеть о прошлом, а скорее служить будущему.

Кроме того, в архивах различных военных ведомств, ведавших живой силой, хранятся целые тома дел, которые дают полный обзор происхождения (в первую очередь социального), способностей и общей судьбы рядовых солдат. Постепенно от-

крывающиеся советские архивы рассказали и могут рассказать еще много о советском солдате 1941 года. Советские власти хранили архивы очень тщательно — иной раз к своей печали. Российский Государственный Военный Архив и различные управления Народного Комиссариата Обороны, ведающие вопросами живой силы (например, Главное Управление по начальствующему составу и Главное управление формирования Красной Армии) содержат ответы на все значимые вопросы о солдатах и офицерах Красной Армии. Немногие западные и российские историки, в том числе Роджер Риз и А. А. Маслов, только-только начали раскапывать и исследовать эти представляющие громадную ценность материалы. Коль скоро их работа докажет, что эти откровения скорее играют положительную роль, чем представляют угрозу для государства, то, вероятно, станут доступными для изучения и другие материалы.

Вторая категория, охватывающая немецкие архивные материалы, также громадна, но большей частью еще не изучена. Отдел немецкой разведки «Иностранные армии — Восток» (*Fremde Heere Ost*) собирал, записывал, заносил в каталог, хранил и изучал сведения о советской живой силе с целью лучше понять способность Советского Союза выдержать ту войну. Большая часть этого материала представлена в виде картотек и обобщающих докладов по кадрам в конкретных частях Красной армии. Эти сведения, многие из которых были собраны путем допроса военнопленных и осмотра тел погибших советских солдат, весьма обширны и при должном анализе могут служить источником надежных данных о происхождении, подготовке и боевом духе советского солдата.

Главная слабость этого материала проистекает из того, что всерьез он собирался только с середины 1942 года, после того, как отдел «Иностранные армии — Восток» был реорганизован и получил новый заряд энергии под началом своего знаменитого главы, подполковника Рейнхардта Гелена. Архивные данные по советскому солдату в 1941 году существенно менее основательны: оценки немецкой разведки в то время основывались большей частью на действиях советских войск в Польской и Финской войнах. Более того, к 1942 году изрядная часть кадровой Красной

Армии уже погибла — а вместе с ней и две трети красноармейцев «призыва сорок первого года».

Официальный образ

Основываясь на имеющихся ныне в наших руках фрагментарных материалах, можно сложить пестрящую пробелами мозаику происхождения, личных и профессиональных качеств советского солдата, принявшее невольное участие в операции «Барбаросса». Официальные сведения и документы неизменно описывают советского солдата как человека либо рабочего, либо крестьянского происхождения. Это в целом верно, поскольку идеология диктовала, что в Советском Союзе нет ни среднего, ни высшего классов, да и вообще каких-либо классов. Однако, несмотря на якобы бесклассовое общество, дети политического и хозяйственного руководства (номенклатуры) с большей вероятностью оказывались в рядах офицеров. Существовала неофициальная классовая система, частично основанная на происхождении, этнической принадлежности и, временами, религии. В боевых частях преобладали славяне — особенно в западных приграничных округах. Восточнее, в военных округах Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, командные посты в военных частях также занимали преимущественно славяне (с некоторыми примечательными исключениями), но среди рядовых процент неславянских народов был выше. Представители определенных групп (классовых, этнических и религиозных), верность которых представлялась сомнительной, отправлялись служить в небоевых частях (таких, как железнодорожные войска и трудовая армия), либо могли и вообще не призываться на службу.

Распределение по войскам определяли также преданность, образование, идеологическое рвение и интеллект. Например, в элитных частях, таких, как воздушно-десантные бригады и части НКВД, процент членов партии и комсомола был выше, чем в других родах войск. Артиллерия, механизированные и противотанковые подразделения забирали себе наиболее умных и способных солдат, а бойцы пограничных войск и других частей

НКВД были явно идеологически более подготовлены, чем солдаты других родов войск. Обобщенно говоря, кадровые войска лучше отвечали всем предъявляемым к армии требованиям, чем бывшие территориальные силы или огромная масса полубученных резервистов.

Официальный анализ боеготовности войск в западных приграничных военных округах на июнь 1941 года был подготовлен в конце 1980-х годов выдающимся военным ученым академиком А. Г. Хорьковым для Академии Генштаба имени Ворошилова.

Продукт горбачевской *гласности*, этот анализ продемонстрировал читателю как безличный тон официальных исследований, сохранившийся даже на пике гласности, так и некоторые интересные факты о качестве призывников Красной Армии. В предвоенный период во всех военных округах проходили сборы и проверки призывников. В ходе этих сборов проводилась регистрация призывного контингента, им читали лекции и разъясняли международное положение. Политико-моральное состояние потенциальных призывников характеризовалось исключительно большим уровнем политического энтузиазма и повсеместным желанием служить в рядах Красной Армии. В призывные комиссии поступало большое число заявлений о желании поступить на военную службу раньше срока или добровольно¹³.

Хорьков отметил «постоянно растущую партийно-комсомольскую и рабоче-крестьянскую» прослойку среди новобранцев и привел в подкрепление своего утверждения следующие цифры:¹⁴

Военный округ	Количество призывников	Коммунистов	Комсомольцев	Рабочих
Ленинградский	79 985	182	22 886	43 278
Западный особый	61 235	87	21 015	16 730
Киевский особый	145 720	197	48 860	31 671

После этого новобранцы постепенно вливались в уже существующие части и соединения (например, рота на полк), а затем проходили разделенную на четкие этапы программу подготовки — в том числе подготовительную (три месяца) и программу полковых училищ (десять месяцев). По завершении этой программы

часть проходивших обучение назначались младшими лейтенантами, но основная масса оставалась рядовыми.

Несмотря на эту согласованную попытку обучения, по признанию самого Хорькова,

«Уровень подготовки новобранцев в западных военных округах был очень низок. Это объяснялось прежде всего тем, что до службы в Красной Армии молодые люди не проходили никакой допризывной подготовки, а многие из них были малограмотными или нуждались в медицинской помощи. Согласно докладу командующего Киевским особым военным округом, среди призванных в 1941 году новобранцев было следующее число лиц признанных годными, которые не отвечали требованиям службы в Советской Армии:

	<i>Всего</i>	<i>В Западном округе</i>
<i>Неграмотных</i>	<i>19 042</i>	<i>18 167</i>
<i>Малограмотных</i>	<i>79 118</i>	<i>65 494</i>
<i>Слабого здоровья</i>	<i>10 782</i>	<i>6951</i>
<i>И т о г о</i>	<i>108 934</i>	<i>90 612</i>

Командиры пытались найти решение, направляя молодых новобранцев в другие округа. Поэтому среди 14 411 новобранцев для Среднеазиатского военного округа 50 процентов прибыло из Западного и Киевского военных округов, а остальные из других округов. Осенью 1940 года в Забайкальский военный округ прибыло 15 838 новобранцев из западных округов¹⁵.

Реальная действительность тоже не оправдывает описания Красной Армии как войска сплошь из рабочих и крестьян. Хотя партия и правительство постановили усилить политическую подготовку в период расширения и реформы Красной Армии, официальные источники неохотно, но признавали, что проблемы были. Согласно такому относительно критическому источнику:

*«Тот факт, что в предвоенные годы в войсках появилось большое число молодых красноармейцев, а также военнослужащих-резервистов из Западной Украины, Молдавии и бывших буржуазных прибалтийских республик, сказался на уровне подготовки войск в западных военных округах. Это обстоятельство требовало дополнительного внимания к упомянутым категориям военнослужащих со стороны политических органов и политического аппарата, а также командиров воинских частей. Партийно-политическая работа с ними строилась, принимая в расчет, что военнослужащий провел определенный период жизни в капиталистических условиях и поэтому все еще лишь смутно знаком с нашей советской жизнью».*¹⁶

Усиленное перевоспитание политическими и партийными кадрами, утверждал автор, преодолевало эти трудности и достигало своих целей: военнослужащие западных приграничных военных округов, объединенные вокруг коммунистической партии и советского государства, беззаветно преданные своему социалистическому отечеству, были «готовы выполнить свой священный долг, оправдать любовь и доверие советского народа».

Военные советы военных округов докладывали Народному Комиссариату Обороны, что основная масса солдат являлась в политическом аспекте здоровой, проявляла большой интерес ко всем видам боевой и политической подготовки и была дисциплинированной¹⁷.

По сравнению с другими официальными отчетами это описание характера, способностей и боевого духа советского солдата 1941 года не менее критично и правдиво, нежели любое иное. Однако, если не считать отдельных намеков на имеющиеся трудности, эти отчеты мало способствуют выявлению лица большинства красноармейцев.

Новые представления

К счастью, появляющиеся теперь новые материалы помогают заполнить этот пробел. Эти материалы указывают, что советский

солдат не соответствовал описанным выше стереотипам. Состав военнослужащих РККА отражал сложности советского общества в целом и потому был куда более разнообразен, чем описывали официальные источники. В первую очередь, у солдата было очень много разных лиц. Он был и крестьянином, лишь недавно работавшим в совхозе или колхозе. Он был и рабочим, которого смогла выделить бурно развивающаяся промышленность. Он был комсомольцем или, в редких случаях, членом партии большевиков. Он был и преданным коммунистом-идеалистом, и недовольным крестьянином, стремившимся посредством службы в армии добиться вертикальной мобильности и места в растущих крупных городах Советского Союза.

Хотя многие солдаты были русскими, белорусами или украинцами, среди них могли оказаться представители любого из бесчисленных народов, населяющих Советский Союз. Солдат мог быть литовцем, латышом, эстонцем или румыном с территорий, присоединенных к Советскому Союзу после 1939 года. Однако, в отличие от солдата «образца 1942-го» и последующих военных лет, было менее вероятным, что он окажется азиатского происхождения. Часто он бывал сиротой или воспитанником детского дома, потому что его родители погибли в бесчисленных чистках, были переселены либо убиты в ходе безжалостной коллективизации. Короче, он был представителем разнообразного населения огромного советского государства, которому служил с энтузиазмом, пассивно или неохотно. Но его преданность, вера, искренность или национальные чувства в конечном счете не имели никакого значения, так как он был советским солдатом. Более того, существовала более чем 60-процентная вероятность, что в ближайшие шесть месяцев он либо погибнет, либо попадет в плен.

Недавний российский анализ начального периода войны, написанный с целью восстановить точность отчетов о военных операциях в 1941–1942 годов, косвенно пополняет наше понимание состояния солдата. Описывая жизнь советских летчиков в хаотический предвоенный период, он признает всплывающую правду:

«Беспрестанные организационные изменения в частях РККА, участие в локальных войнах и вооруженных конфлик-

тах, то и дело проводимые мобилизации и демобилизации, а также нестабильность командных кадров — все вместе это отрицательно сказалось на боеготовности армии»¹⁸.

Учитывая эти неблагоприятные обстоятельства, автор констатирует, что дисциплина и порядок в рядах армии упали:

«Поэтому к 1 января 1941 года число одних только чрезвычайных происшествий (не считая случаев дезертирства и самовольных отлучек) достигло огромной цифры 14 058, а число погибших и раненых при этих происшествиях составляло 10 048 человек. Во многих частях количество чрезвычайных происшествий достигло угрожающих масштабов»¹⁹.

В ответ на эту не исчезающую проблему побуждаемое Сталиным военное командование предприняло поистине драконовские меры. Например, 22 декабря 1940 года командование ВВС, пытаясь восстановить ослабшую дисциплину, издало приказ № 0362. Этот приказ, распространяющийся на всех пилотов ВВС и техников, прослуживших менее четырех лет, требовал, чтобы они были «переведены на казарменное положение с правами и обязанностями военнослужащих-срочников»²⁰. В результате «36 953 командира ВВС (около 40 процентов) были переведены в казармы». Вдобавок этот приказ требовал, чтобы члены семей военнослужащих были выселены из летных городков: «За короткий период 8049 семей были фактически депортированы с родины мужа или жены»²¹. Вскоре после этого командующий военно-воздушными силами П. В. Рычагов с некоторым цинизмом так оценил значение этого приказа:

«Молодой летчик и техник, обремененный семьей, терял всякую мобильность в случае передислокации своей части. Более того, летчик, отягощенный заботами о большой семье, терял боеготовность и храбрость и физически преждевременно старился. Приказ Народного Комиссариата Обороны [№ 0362] снял существующие в этом отношении проблемы и создал нормальные рабочие условия для роста боеготовности ВВС...»²²

Не пришлось долго ждать, чтобы сказались результаты этой внеморальной кадровой политики. Столкнувшись с существующей нехваткой кадров, курсанты вскоре потребовали отпустить их с курсов подготовки летного состава. Дополнительные суровые приказы НКО встретили лишь растущее сопротивление курсантов и офицеров:

*«Последствия приказа № 0362 отрицательное сказались на боевой подготовке авиачастей. Перевод авиачастей на казарменное положение привел к увеличению числа летных происшествий и был отмечен депрессией, расхлябанностью и падением дисциплины, а летчики выражали недовольство питанием и жильем. Низкие показатели боевой подготовки сопровождались значительным ростом несчастных случаев и катастроф».*²³

Хотя этот приказ касался только офицеров, он и реакция на него военнотружущих отразили весь спектр проблем с боевым духом, имевшихся в Красной Армии в 1940 и 1941 годах.

Быстрое увеличение Красной Армии вызвало и другие трудности, отрицательно сказавшиеся на боевом духе солдат. Существующая нехватка продовольствия и фуража привела к введению «вегетарианских дней» для экономии припасов и создания необходимых запасов продовольствия на случай войны. Недостаток продовольствия усугублялся плохой работой службы снабжения, а также отсутствием должного количества обученных кашеваров и полевых кухонь. Как и в других областях, положение с продовольствием стабилизировалось только летом 1942 года.²⁴ Такие же проблемы существовали и с обмундированием красноармейцев.

Множество новых и даже более ранних работ приводят огромный список недостатков в подготовке Красной Армии — как среди офицеров, так и, в меньшей степени, среди рядовых солдат. Однако сколь ни подробны эти перечисления, они по большей части фокусируются на боеспособности солдата, индивидуальной или коллективной.²⁵ Как правило, они не рассматривают такие существенные вопросы, как происхождение солдата, его личные черты и, что наиболее важно, его отношение к государству и армии.

Новое исследование, сделанное Роджером Р. Ризом, делает многое для заполнения этого пробела — доказательно утверждая, что *«для того, чтобы понять причины неудач Красной Армии в июне 1941 года, армия должна быть понята как общество в себе и само по себе, но скроенное из общей ткани большего общества, которое ее создало»*. Риз изучил *«социальное происхождение рядовых солдат и офицерского корпуса, а также элементы социальной мобильности, образования, боевого духа и дисциплины, систем членства в партии и внешние для военных социальные и политические факторы, которые повлияли на динамику военной жизни»*²⁶. Его выводы, основанные большей частью на советских архивных материалах, позволили сделать огромный шаг для придания советскому солдату человеческого лица.

К каким же выводам пришел Риз? Во-первых, соглашаясь со многими советскими критиками, он подчеркивает, что наиболее важным фактором в поражении Красной Армии в 1941 году явилось ее ускоренное увеличение в мирное время. Оно, в свою очередь, усугубилось ускоренным экономическим ростом, который подверг неуправляемому напряжению кадры Красной Армии:

«Изменения в советской экономике действовали и на организацию вооруженных сил, которая в свою очередь повлияла на политику в отношении живой силы. Индустриализация Советского Союза... создала необходимые условия для увеличения Красной Армии... но увеличение армии в конце тридцатых годов привело к неоднозначным результатам. Оно вызвало проблемы с дисциплиной и нехватку офицеров. А так как армия постоянно росла, то постоянно нуждалась в новых офицерах, но поскольку она не могла получить их столько, сколько ей требовалось, то соотношение офицеров и солдат нарушилось в пользу последних. И поэтому меньшее число руководителей попыталось — безуспешно — добиться контроля над будущим числом солдат. Армия вынуждена была прибегнуть для руководства солдатами к традиционной авторитарной практике [вроде приказа № 0362], поскольку ни общество, ни образование большей частью не подготовили

имеющихся в ее распоряжении руководителей к занимаемым ими ответственным постам. Дело еще больше усугублялось тем, что многие призывники из-за различных социальных факторов служили очень неохотно. Таким образом, увеличение сделало армию подверженной тому же общественному хаосу, какой явственно появлялся в гражданском обществе и характеризовался отсутствием трудовой дисциплины, текучестью кадров и нехваткой компетентных и обученных управленцев»²⁷.

Оспаривая традиционное утверждение, что чистки в среде военных были главной, а зачастую и единственной причиной будущих неудач Красной Армии, Риз в то же время признает, что они явно усугубили и без того тяжелое положение. Риз, как и многие другие критики, утверждает, что Красная Армия плохо действовала в июне 1941 года потому, что «она страдала от изъянов в организации и плохой подготовки»²⁸. Однако в отличие от прочих критиков он доказывает, что эти проблемы были системными — то есть они происходили от природного характера советского солдата.

На что же тогда походил этот солдат? Во-первых, вплоть до 1939 года официальная политика делала упор на введение в кадровые войска как можно большего числа рабочих, а не крестьян (в приграничных военных округах и в районах крупных городов), тогда как крестьяне с большей вероятностью распределялись в территориальные войска (в сельскохозяйственных областях и во внутренних военных округах). Этот подход ставил целью путем призыва более грамотных рабочих повысить образовательный уровень солдат и гарантировать их идеологическую благонадежность. С другой стороны, «зажиточные крестьяне, бывшие дворяне и представители среднего класса на военную службу не призывались и не могли поступить в армию добровольцами. Чтобы не допустить в армию “классовых врагов”, призывные комиссии проверяли (хотя зачастую не тщательно) социальное происхождение призывников с целью отсеивания нежелательных элементов»²⁹.

Когда давление, вызванное увеличением армии, после середины 1930-х годов существенно возросло, придерживаться этих

требований к призывникам стало труднее. Поэтому диапазон призывного контингента расширился, освобожденных от службы стало меньше, в армию начали брать больше представителей этнических меньшинств. К 1941 году это возросшее давление потребовало распределения нерусскоязычных меньшинств по всей структуре вооруженных сил. Хотя представительство не-славянских военнослужащих в рядах Красной Армии снизилось с 25 процентов в царской армии времен Первой мировой войны до 13,7 процентов в Красной Армии на 1941 год, советские власти встретили этот факт без особой радости.³⁰ И самое важное: в конце 1930-х годов увеличение армии вынудило Красную Армию отказаться от своих прежних критериев набора живой силы и поглотить миллионы солдат из своего «крестьянского тыла».

«Канун немецкого вторжения застал Красную Армию, большей частью не готовой к войне... Как часть общества, армия была расколота многочисленными факторами — частью созданными ею самой, частью ставшими следствием внешних процессов. Плохо обученные офицеры возглавляли слабо мотивированных солдат. Армия начала перевооружаться — но так, что это дезорганизовало военную подготовку и систему ремонта техники. РККА продолжала увеличиваться, что вело к еще большей дезорганизации и цельности в крупных соединениях. Наконец, режим не провозгласил четко и ясно задачу вооруженных сил на недавно приобретенных западных территориях, предоставив таким образом руководству армии, так же, как и рядовому составу, считать, что обычные расхлябанность, самоуспокоенность и некомпетентность мирного времени оставались в прежней силе»³¹.

Так было, на взгляд Риза, прежде всего из-за «ускоренного и бессвязного увеличения» Красной Армии, а также, из-за «характерного для сталинской эпохи социального расстройтва гражданского общества»³². Выходящие из подобного социума офицеры и их солдаты не могли справиться и не справлялись со своей непосредственной задачей:

«СССР, как преимущественно отсталое сельское общество с крестьянскими ценностями, оказался по большей части не в состоянии создать современную массовую армию, которая требовала людей с городскими умениями и ценностями».

И что еще хуже, рядовые были:

«...в лучшем случае не заинтересованы в военной службе... Солдаты часто проявляли нежелание выполнять свои обязанности, а иногда демонстрировали откровенную враждебность к своим командирам. Это вызывалось в первую очередь их недовольством коммунистическим режимом и любым, в ком они видели его приспешников. Большое число солдат, которые в конечном итоге присоединились к немцам, свидетельствует о гневе из-за коллективизации и раскулачивания».³³

Точно так же, как А. А. Свечин пророчески предсказал воздействие «крестьянского тыла» на способность государства вести войну в экономическом смысле, это проявлялось и в социальном отношении. Риз делал вывод:

«Проблема Красной Армии в июне 1941 года была человеческой проблемой... Вооруженные силы обогнали способность все еще преимущественно крестьянского общества обеспечить их (большей частью на добровольной основе) кадрами способными возглавлять современную и управлять массовую армию. Советское общество не отличалось от царского общества в том плане, что большинство его членов не проявляли склонности к военной службе в любом качестве. Отличие же состояло в том, что советский режим, вопреки своим намерениям, политикой коллективизации и раскулачивания создал среди потенциальных призывников огромный резервуар недоброжелательства, а ускоренной индустриализацией и урбанизацией расстроил нормальную схему социального развития. Эта политика препятствовала усвоению таких

внушаемых государством ценностей, как патриотизм, послушание и самодисциплина, сплошь необходимых для стабильной военной организации»³⁴.

Для того, чтобы постепенно складывающаяся новая Красная Армия вышла победительницей после четырех лет беспрецедентной войны, потребуется опалаяющий опыт войны и гибель доверенной Красной Армии. То, как произошла подобная трансформация солдата и армии, все еще требует тщательного исследования.

Описание Ризом социальной природы Красной Армии является на данный момент наиболее убедительным анализом, заслуживающим первоочередного внимания. Однако, хотя доводы Риза убедительны и неоспоримы, они не являются окончательными. Документальная база для таких выводов все еще не собрана и, к сожалению, может так и остаться незавершенной. Вдобавок богатство других материалов, некоторые из которых появляются только теперь, требует более подробного изучения. В их число входят ранее «непроходные» мемуарные материалы, тысячи дневников, писем и личных воспоминаний солдат времен войны, которые их авторы в страхе скрывали все эти долгие годы, а также сотни других материалов, все еще недоступных архивных дел в Российском государственном военном архиве и других архивах, имеющих отношение к кадровому составу Красной Армии.

Из этих других материалов наиболее примечательны первые опубликованные мемуары «нового образца» и полубеллетристические произведения, рисующие службу красноармейцев. Типичными из этих недавно появившихся жанров являются личные воспоминания генерала-диссидента Петра Григоренко и академика Георгия Арбатова, являющегося в настоящее время директором российского Института США и Канады Российской Федерации, а также беллетристические произведения русского сатирика Владимира Войновича.

Первопроходческие мемуары Григоренко долгие годы со времен издания в 1982 году оставались единственным неподцензурным личным «экспозй» жизни Красной Армии и человеческого стороны солдата и офицера Красной Армии. Его описания, хотя и касающиеся в первую очередь офицерской среды,

в целом подкрепляет новаторский анализ Риза. Описывая свою первоначальную подготовку в Харьковском политехническом институте, он рассказывает об ужасных условиях обучения и далеко не блестящей подготовке студентов. «Больше половины первокурсников в этом институте, — записал он, — состояло из особого набора, большая часть которого имела очень слабое образование и не привыкла к умственному труду»³⁵.

Затем Григоренко дает яркое описание жизни Красной Армии и ее боеготовности в сумбурное десятилетие 1930-х годов, заканчивая описанием катастрофического воздействия чисток на советские командные кадры:

«Я сам видел последствия уничтожения офицерских кадров на Дальнем Востоке... После окончания массовых арестов прошло два года, но командная пирамида все еще не восстановилась. Многие посты оставались незанятыми, поскольку не было людей, достойных занять их. Батальонами командовали офицеры, закончившие военные училища меньше года назад. Некоторые командиры батальонов закончили только курсы для младших лейтенантов, и их опыт ограничивался несколькими месяцами командования взводом и ротой. Как мог кто-то думать, что такой пробел можно будет заполнить?»³⁶

Григоренко нарисовал равно сокрушительную картину готовности советских дивизий, мобилизованных на Дальнем Востоке, когда началась война:

«Вместо каждой дивизии, отправленной на запад... [мы] сформировывали собственную заменяющую дивизию... В ней не было никаких солдат, никакого оружия, никакого транспорта и снаряжения; фактически, вообще ничего не было... Апанасенко [командующий на Дальнем Востоке] мобилизовал всех мужчин вплоть до пятидесятипятилетних, в том числе сидевших во всех концентрационных лагерях, распо-*

* У Гланца — Опанасенко. (Прим. ред.)

женных на шоссейных и железных дорогах. Он даже получил определенное число рекрутов из Магадана [знаменитого концлагеря], в том числе офицеров. Таким образом он решил проблему с живой силой... Верно, эти подкрепления совершенно не годились для боев.

Так были сформированы дублирующие дивизии взамен тех, что были отправлены на запад. В конечном итоге было сформировано на две-три дивизии больше, чем у нас имелось первоначально. Когда же эти новые соединения стали реальностью, долго молчавший Генштаб наконец-то дал о себе знать. Все дивизии были утверждены и получили номера. И вдруг Москва настолько сильно поверила в эти новые соединения, что забрала четыре новых части на западный фронт»³⁷.

Георгий Арбатов был сыном представителя коммунистической номенклатуры, рабочего, который в середине 1930-х годов дослужился до крупного поста в Наркомате внешней торговли. Снятый со своего поста в ходе чисток, он тем не менее уцелел и занимал административные посты уровнем ниже³⁸. Георгий был студентом, когда началась война, и попал в Красную Армию рядовым солдатом. Арбатов провоевал три года, пока летом 1944 года у бывшего студента не обнаружился туберкулез и его не демобилизовали.

Арбатов предваряет свое описание армейской жизни старым армейским анекдотом, который, на его взгляд, достаточно точно запечатлел дилемму армейской службы и определение личной смелости: «Солдат, ты немца боишься?» — «Нет» — «А кого боишься?» — «Старшину». Повзрослев на службе в армии, Арбатов понял, что от старшины зависит не только повседневное благополучие солдата — «лишняя пайка хлеба и порция каши, новые портянки, а то, если сильно повезет, и новые сапоги. От него еще более, чем от врага, на фронте зависят само твое существование, свобода и жизнь»³⁹. Воюя в составе отряда «катыш», где, как признает сам Арбатов, «риск, а также физические лишения были... все же меньшими, чем в танковых войсках, в противотанковой или полковой артиллерии», он дослужился

до офицерского звания, позже участвовал в битве за Москву и последующих боях в районе Смоленска и за Днепром на Украине. Вспоминая свою военную службу и ее условия, он скорбит из-за того, что называет «большой, часто неоправданно большой кровью». Свое личное преобразование в послевоенные годы он описывает так:

«Сейчас я хотел бы сказать еще несколько слов о той роли, которую эти годы сыграли в моей последующей жизни. Конечно, они оставили эмоциональное, даже иногда сентиментальное отношение ко многому, с чем была связана военная служба в те годы — верности долгу, боевому товариществу, готовности бороться, пока хватает сил. И в то же время они демистифицировали армию, военную службу, да и Отечественную войну, лишили их культивировавшегося у нас потом сверхромантического ореола. Ибо в армии я хорошо узнал и неприглядные стороны военных порядков (хотя тогда армия была у нас много чище, нормальной, чем сейчас) — в частности, какой простор они открывают для самодурства, унижения старшим по званию младшего, солдафонства, процветания серых, бездарных людей, протекционизма и т.д. Достаточно узнал, имея какие командные кадры (до полковника — с более высокими чинами у меня контактов не было, хотя там дело, видимо, обстояло еще хуже), мы вели войну, какие из-за этого несли лишние потери, вообще во что нам обходились победы.

В результате этого опыта и вопреки тому, что говорили обо мне мои оппоненты из числа генералов, критиковавших мои статьи о необходимости более радикальных сокращений военных затрат, я не стал врагом Вооруженных Сил, врагом армии. Но я не мог уже говорить о них с воспитывавшимся долгие годы придыханием, а потому, когда все послевоенное развитие и его венец — кризис восьмидесятых-девяностых годов — породили в армии и руководстве ею так много негативных вещей, не мог не выступить с критикой»⁴⁰.

Воспоминания Арбатова создают необходимый контекст для, наверное, наиболее едкого и точного изображения жизни Крас-

ной Армии — романа Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». На страницах этого романа оживают сержант, политрук, командиры по всей командной цепочке, простые граждане, и, превыше всего — солдат Красной Армии: «Известие о начале войны свалилось, точно снег на голову, потому что никто не думал, не предполагал», — признал Войнович, а затем создал свое описание извечного русского солдата:

«Чонкин о случившемся узнал не сразу, потому что сидел в уборной и никуда не спешил. Его время было не считано. Оно было отпущено ему не для чего-то высшего, а просто так. Чтобы созерцать протекавшую жизнь, не делая выводов. Чтобы есть, пить, спать и отправлять свои естественные надобности не только в моменты, определенные уставом караульной и гарнизонной службы, а по мере возникновения»⁴¹.

Хотя размышления о вечных истинах приложимы ко многим рядовым солдатам во многих армиях, данное описание и те, которые следуют за ним, имеет особенное значение для условий человеческого существования, которые преобладали в довоенной Красной Армии. Смешивая в самой простой повести сатиру, резкую иронию и поднимающий настроение фарс, Войнович четко складывает непревзойденную мозаику, которая противопоставляет простое приземленное существование красноармейца угнетающему контексту крайне сложной человеческой трагедии. Выводы Риза, похоже, вновь доказываются.

Этому всплывающему образу добавляют полнокровия и другие, постоянно появляющиеся фрагментарные воспоминания рядовых красноармейцев. Выступая на симпозиуме по военным операциям Красной Армии, бывший рядовой Л. Тарасюк описал свои впечатления о жизни в Красной Армии. Его служба началась в 1943 году, но его описание перекликается с описаниями его предшественников. Хотя и признавая, что «мы были подготовлены как надо, в основном духовно», он рассказал о своем первоначальном процессе «обезличивания», который неизбежно испытывали красноармейцы, так называемом «обряде дезинфекции»:

«Это было мое первое шоковое столкновение с реалиями армейской жизни. Дезинфекция требовала снятия штатской одежды и ее обработки в специальных помещениях. Вы хорошо помните, что шла война, и каждый предмет одежды и обуви был очень ценен для наших семей. Поэтому нам сказали, что после дезинфекции мы сделаем узлы и отправим их своим семьям, чтобы те продали их или носили сами. После душа нас провели в помещение, где хранилось какое-то обмундирование, а потом отвели во двор, где какой-то — это трудно описать — мусор укладывали в кучи. Нам велели выбрать свои вещи, связать их в узлы и отправить домой. Но там не было вообще ничего, принадлежащего нам. Все забрали наши ротные старшины и продали на местном базаре»⁴².

Тарасюк также отметил поразившую ряды советских солдат этническую вражду:

«Следующее, что поразило меня больше всего — это невероятная вражда между военнослужащими. Я имею в виду не вражду между старшинами и рядовыми, а скорее между самими рядовыми. Понимаете, полк располагался неподалеку от города Фергана в Средней Азии (в Узбекской республике). Поэтому примерно половина рядовых была местными и нацменами. Остальные же были украинцами и русскими. Существовала страшная вражда, приводившая к дракам и очень опасным вещам вроде „фокстрота“. Это когда суешь полоски бумаги между пальцев ног спящего и поджигаешь их — шутки ради»⁴³.

Далее Тарасюк описал широко распространенные и массовые случаи краж среди рядовых, добавив:

«Если такое случалось в нашей роте, нас поощряли пойти в соседнюю роту и украсть то же самое у них — просто для замены. Это был метод воспитания — чтобы стать смелым до грани наглости»⁴⁴.

Тарасюк вспомнил и вечно голодное состояние простых солдат, пока его дивизия находилась в резерве, и сразу же улучшившиеся условия питания на фронте — хотя и позаботился уточнить, что его голод никогда не шел ни в какое сравнение с тем, который преобладал среди гражданского населения в тылу. Прежде чем его дивизия вошла в Румынию, ему пришлось, как он вспомнил, выслушать «проповедь» о должном солдатском поведении, а потом, когда его дивизия углубилась в страну, он увидел как субъект, ранее читавший эту проповедь, вместе с двумя старшинами освобождает местную жительницу от сумки и чая.

Наконец, среди своих многочисленных впечатлений он вспомнил, какое сильное воздействие на русского солдата произвело то, что он увидел, освобождая Восточную и Центральную Европу. Это, больше чем что-либо другое, резко подчеркнуло существенную разницу между советским солдатом и его западными коллегами, и хорошо объясняло, почему Сталин запустил послевоенную пропаганду против «низкопоклонства перед Западом», чтобы стереть эти опасные впечатления.⁴⁵

Таким образом, хотя начало описания условий человеческого существования в Красной Армии и выявление человеческого лица солдата Красной Армии уже положено, остается сделать еще очень многое. Тот отрывочный и беглый взгляд на солдата и его жизнь помогает заполнить пробелы в современных архивных исследованиях. Однако пробелы эти будут адекватно заполнены только тогда, когда будут полностью открыты и исследованы все архивы, когда увидят свет тысячи таких же личных воспоминаний. А тем временем мы вынуждены довольствоваться лишь этими беглыми взглядами.

Наконец, хотя многие из подобных описаний универсальны в том смысле, что могут относиться к службе во многих армиях, их масштабы и схожесть выделяют Красную Армию из ряда любых других национальных армий. Учитывая громадное политическое и идеологическое давление на советского солдата, социальную структуру довоенного Советского Союза, классовые и этнические расколы в советском обществе и мрачные реалии жизни в тоталитарном советском государстве и в еще более

тоталитарной Красной Армии, это вполне объяснимо. Более того (и, наверное, еще важнее) — этот постепенно выявляющийся образ ни в коей мере не принижает жертвы, боли и страданий, испытанных солдатом Красной Армии на его пути к конечной победе.

Глава 4

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ И МОБИЛИЗАЦИЯ

Советское военное планирование в 1930-х годах и особенно после 1935 года отражало две фундаментальные и тревожные реальности. Первая состояла в ясном понимании Советами их собственного стратегического положения, конкретно же — их уязвимости, связанной с огромными просторами Советского Союза, а также экономической, технологической и общественной слабости страны по сравнению с Западом вообще и с Германией в частности. В 1920-е годы выдающийся военный теоретик А. А. Свечин и другие подробно рассмотрели этот вопрос на основе исследования прошлых войн с участием России, в особенности российско-германских конфликтов.

В опубликованном в 1927 году толстенном томе «Стратегия» А. А. Свечин сначала изложил новую теорию оперативного искусства, а затем описал политико-экономические приготовления к войне, столь необходимые в качестве основы стратегии любой страны¹. Учитывая огромные территориальные просторы молодого Советского Союза, малоразвитый характер его системы коммуникаций и промышленной базы, его отставание в промышленной и технологической сфере, Свечин считал, что для достижения успеха в любом будущем крупном конфликте стране необходимо активно использовать зарубежную технологию и

«готовить тыл страны служить фронту». Эти реалии советского государства 1920-х годов вынудили Свечина подчеркивать необходимость единства фронта и тыла как в мирное, так и в военное время и пропагандировать стратегию «войны на истощение» — которая не только признавала природную слабость Советского Союза, но одновременно и опиралась на нее как на силу.

Коротко говоря, Свечин считал, что такая социально и экономически отсталая страна, какой был Советский Союз после Гражданской войны, с его слабой промышленной базой, неплотной и слабой системой коммуникаций и большей частью крестьянским населением имела то, что он и другие называли «крестьянским тылом». Термин «крестьянский тыл» относился как к эффективности советских политических институтов, связности общества или отсутствию таковой, духовному состоянию народа, так и к отсталой экономической инфраструктуре и технологической базе страны. Учитывая материальные и моральные аспекты, Советский Союз со своим «крестьянским тылом», на взгляд Свечина, не мог надеяться выдержать войну с любой более развитой крупной западно-европейской державой, если не разработает для этого каких-то особых методов. Конкретно Свечин доказывал, что Советский Союз должен добиться единства фронта и тыла в мирное время, создать в мирное же время реальные планы военной мобилизации (с сильным экономическим компонентом) и вести во время конфликта скорее войну на истощение сил, чем войну на истребление.

Принятие стратегии войны на истощение сил хотя и не давало быстрой победы, но позволяло также избежать катастрофического поражения под ударом более искусной военной машины. Одновременно оно давало возможность выгодно использовать огромные просторы Советского Союза и задействовать огромные человеческие и природные ресурсы.

Стратегические концепции Свечина прямо и активно оспаривались ведущим лидером Гражданской войны и послевоенным теоретиком М. Н. Тухачевским, а также другими военными авторитетами. Они настаивали на принятии более наступательной стратегии войны на уничтожение, которая требовала «пол-

ной милитаризации национальной экономики для создания инструментов, необходимых для ведения современной механизированной войны». Концепции Тухачевского, которые выглядели более соответствующими революционным идеалам советского государства 1920-х годов, одержали верх. В буре политических распрей 1930-х годов Свечин и его работы канули в забвение — до тех пор, пока вновь не были открыты через 40 с лишним лет после Второй мировой войны. По иронии судьбы, хотя концепции Тухачевского и победили, его тоже поглотил в 1937 году пожар чисток. В результате Советский Союз в 1941 году подошел к войне, не вооруженный стратегическим видением ни Свечина, ни Тухачевского.* И последующий за этим стратегический вакуум возьмет страшную дань с вооруженных сил и государства.

Реалии, о которых говорил Свечин, отравляли жизнь советским военным вплоть до конца 1930-х годов. Лишившись из-за чисток лучших стратегических планировщиков, уцелевшие штабисты пытались сформулировать планы, гарантирующие безопасность советского государства. Трудности, с которыми они столкнулись во время Польской и Финской кампаний, лишь подчеркивали тот факт, что, несмотря на победу стратегии Тухачевского, столь существенная для победы мобилизация тыла не была и не будет легкой задачей. Эта голая реальность более, чем любой конкретный довоенный мобилизационный план, позволяла представить, какого рода войну готовился вести Советский Союз.

Второй тревожной реальностью было растущее понимание (основанное на политических, идеологических и военных соображениях), что «фашистская Германия рано или поздно нападет на Советский Союз» — либо в одиночку, либо совместно с Японской империей.² Так как политическое положение в Европе после 1935 года непрерывно ухудшалось, а вскоре последовала целая

* Гораздо правильное будет сказать, что учитывалась и та, и другая концепция. И если военные вплоть до 1941 года готовились к «войне сокрушения» по Тухачевскому, то хозяйственно-экономические структуры вели подготовку к «войне измора» по Свечину. (*Прим. ред.*)

серия кризисов, советским военным планировщикам пришлось изменить свои взгляды на первоочередность угроз. Был пересмотрен анализ стратегического положения СССР и существующие мобилизационные планы в соответствии с новыми, более угрожающими реалиями. Именно такой ситуацией стал Чехословацкий кризис в сентябре 1938 года. Во время этого кризиса Советский Союз пытался сотрудничать с Великобританией и Францией с целью обеспечить чехам политические и военные гарантии помощи в случае немецкой агрессии. Кроме принятия дипломатических мер, советское правительство частично мобилизовало и развернуло свои вооруженные силы, чтобы продемонстрировать солидарность с Чехословакией, Великобританией и Францией против действий немцев.³

Хотя советские действия ни к чему не привели, и Мюнхенское соглашение решило судьбу Чехословацкого государства, упреждение в проведении стратегического развертывания вышло весьма поучительным. Советские планы мобилизации и развертывания войск оказались неадекватными, а управление мобилизованными войсками — неотработанным. Поскольку дело происходило в самый разгар чисток, такое положение не было удивительным. Произошедшее побудило советское правительство принять меры для исправления положения и уделить больше внимания подготовке нового ряда планов.

В ноябре 1938 года Главный Военный Совет одобрил план стратегического развертывания созданный под руководством начальника Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошникова, несмотря на хаос, царящий в штабе из-за его недавнего формирования и продолжающихся полным ходом чисток. План этот «рассматривал наиболее вероятных противников, их вооруженные силы и возможные оперативные планы, и основное стратегическое развертывание Красной Армии на западе и востоке»⁴. Хотя у Генштаба не имелось никаких документальных доказательств враждебных планов противника, постулированная угроза казалась реальной. План идентифицировал как наиболее вероятных и наиболее опасных противников Германию и Италию, при возможной поддержке Японии. Хотя план и предполагал, что Германия в конечном итоге пойдет войной на Советский Союз, его авторы счи-

тали, что в то время Германия была еще материально не способна осуществить такое нападение. Да и политические условия не подходили для подобных действий Германии.

План Шапошникова исходил из того, что Советский Союз столкнется с войной на два фронта: на западе — против Германии, Италии, Польши, а возможно, и Румынии с прибалтийскими государствами, на востоке — против Японии. Предполагаемые общие силы противника количественно состояли из от 194 до 210 пехотных, 4 моторизованных и 15 кавалерийских дивизий, располагающих 13 077 орудиями, 7980 танками и 5775 самолетами. Свыше половины этих сил было сосредоточено на западе Советского Союза. В случае кризиса, по предположениям Советов, немцы и поляки совместно оккупировали Литву⁵.

В соответствии с более ранними планами Шапошников и Генштаб отдавали приоритет западному театру военных действий, где они планировали сосредоточить основные советские силы. Наличие в центре фронта Припятских болот вынудило штаб заняться спорным вопросом, где противник нанесет главный удар — к северу или к югу от этих болот. Шапошников решил этот вопрос, разработав сценарии, отвечавшие обоим обстоятельствам⁶. При любом варианте Генеральный штаб предполагал, что финские войска и войска прибалтийских государств могут помочь немцам в нападении на Ленинград.

В ответ на эти предполагаемые угрозы Генштаб разработал план сосредоточения войск таким образом, чтобы они могли последовательно разбить противника сначала на западе, а потом на востоке. Это подразумевало необходимость полагаться на защиту с востока силами прикрытия, в то время как основная часть Красной Армии ликвидирует главную западную угрозу, частью сил при этом защищая участок фронта по другую сторону Припяти. Принятие этой стратегии требовало держать в наиболее опасных приграничных секторах хорошо оснащенные армии прикрытия, опирающиеся на возведенные вдоль всей границы укрепрайоны. Советы предполагали, что эти войска смогут сдерживать натиск первого эшелона противника, в то время как с помощью мобилизации будут подготовлены основные силы, которые смогут затем нанести решающий контрудар.

План Шапошникова от 1938 года походил на планы, разрабатывавшиеся русским командованием еще до Первой мировой войны — в том смысле, что он предполагал проведение мобилизации уже после начала военных действий. Принималось за аксиому, что существующие войска прикрития и укрепрайоны будут способны остановить любые силы, какие противник сможет выставить в ходе предварительной (довоенной) мобилизации. На ориентировочный характер этих планов указывало то, что Советы не намечали создания конкретного числа фронтов — хотя и предвидели операции вдоль трех «стратегических направлений», наиболее важным из которых было западное.

Международные кризисы 1939 года и реакция на них Советов осложнили работу Генштаба и в то же время наглядно подчеркнули неадекватность планов советского военного, мобилизационного и стратегического развертывания. Во время Польского кризиса в августе Генштаб первоначально предполагал стратегическое сотрудничество с западными державами, а потом, после подписания с Германией пакта Молотова-Риббентропа, Советы провели частичную мобилизацию и вторглись в восточную Польшу. Последующая мобилизация сопровождалась многочисленными трудностями, и советские войска проявили себя в этой операции далеко не блестяще.*

Для проведения операции Генштаб создал два командования фронтами (Белорусским и Украинским), у каждого из которых имелись армии и специально сколоченные мобильные оперативные группы. Хотя командная структура была более сложной, чем

* Основные трудности, испытанные РККА во время «Освободительного похода», в целом совпадали с теми трудностями, которые имела германская армия во время «аншлюса» Австрии за полтора года до этого. В первую очередь возникали проблемы с качеством материальной части моторизованных частей и управлением ими на марше. Имелись также трудности с координацией действий нескольких воинских группировок, созданных буквально в порядке импровизации. Серьезных проблем с подготовкой и мотивацией личного состава документы не отмечают. Подробнее см.: М. Мельтюхов. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 277–381.

примененная во время Чехословацкого кризиса годом раньше, число мобилизованных дивизий было примерно тем же самым. Из-за широкого разнообразия управления, сложностей с тыловым обеспечением и даже с боевым духом советские войска лишь кое-как сумели довести операцию до конца⁷. Вдобавок оккупация Советами Восточной Польши сразу сделала устаревшими все существующие советские военные и мобилизационные планы.

Продвижение границ на запад в Польшу поставило советское стратегическое планирование перед двумя новыми проблемами. Во-первых, ширина колеи советских железных дорог отличалась от ширины колеи, применяемой в Центральной Европе и конкретно в Польше. Поэтому все материалы, снаряжение и припасы, предназначенные для новых приграничных областей, приходилось перегружать на старой границе на поезда другой колеи. Этот процесс существенно тормозил осуществление имеющихся мобилизационных планов. Чтобы решить эту проблему, советские власти планировали построить в новых приграничных областях новые базовые склады — но и сами эти склады, и вообще район за пределами старых границ, оставались весьма уязвимы для стремительного наступления противника или глобального воздушного рейда.

Перемещение советской границы на запад подняло также вопрос: что теперь делать с прежними укрепрайонами вдоль старой границы? Вера Советов в полезность таких укреплений требовала создания оборонительных сооружений вдоль новой границы — а это было бы делом дорогим и долгим. Далее встал следующий вопрос: какими силами оборонять и старую, и новую систему укреплений? Где взять людей? В результате, хотя приоритет был отдан строительству укрепрайонов вдоль новой границы, из-за скудости ресурсов к июню 1941 года ни те, ни другие укрепления не были ни полностью подготовлены, ни укомплектованы личным составом.⁸

Опыт составления планов для Финской войны, так же как последующие неудачные действия советских войск, еще больше смутил генштабистов. Первоначально Генштаб под руководством Шапошникова разработал план операций против Финляндии в

реалистическом международном контексте и заключал, что выполнение поставленной задачи «будет далеко не легким делом» и потребует «нескольких месяцев интенсивной и тяжелой войны»⁹. Сталин отверг этот план как переоценивающий финские военные возможности и приказал командующему Ленинградским военным округом К. А. Мерецкову подготовить новый план.

План Мерецкова, который «практически игнорировал реальные условия» и был принят Сталиным, предусматривал быстрый разгром финнов мощными атаками на нескольких направлениях, которые вынудили бы противника распылить свои силы и в дальнейшем приводили к их уничтожению по частям. В реальности же на первоначальном этапе войны произошло прямо противоположное. Количество войск, необходимых для проведения таких широкомасштабных операций, потребовало широкомасштабной частичной мобилизации. Проводимая сразу же следом за оккупацией Восточной Польши и в условиях вызванного ею расстройством мобилизационных планов, эта мобилизация также обернулась хаосом и еще больше расстроила существующие стратегические планы. Поэтому в дополнение к мобилизации 7-й армии Ленинградского военного округа Советам пришлось перебросить 8-ю и 9-ю армии из Прибалтийского военного округа и развернуть в Заполярье 14-ю армию. Вдобавок, чтобы сосредоточить необходимое число боеготовых соединений после неудачной первой фазы операции, Генеральному штабу пришлось перебросить к финской границе дивизии из других военных округов.¹⁰

Последующий ход боев наглядно продемонстрировал, что Красная Армия не готова к широкомасштабной войне, особенно в ее наступательной форме

«...Наши войска оказались не в состоянии выполнить свои боевые задачи ни на одном из направлений, и прежде всего — на Карельском перешейке... В особенно трудном положении оказались соединения, переведенные в Ленинградский военный округ из Украины и Белоруссии. Большая часть их не была в должной степени обмундирована и экипирована для действий в суровых климатических условиях севера. Выяви-

лись и многие другие крупные недостатки, особенно в работе тылов. С первых же дней войны нарушилось снабжение. Многокилометровые дорожные пробки застопорили движение по дорогам. Войска испытывали острую нехватку не только боеприпасов и горючего, но и продовольствия...

Но главная трудность состояла в том, что начсостав армии, ослабленный массовыми репрессиями 1937 и 1938 гг., действовал робко и пассивно. Большинство спешно повышенных в чинах младших командиров, которые заменили репрессированных, не привыкли в достаточной мере управлять войсками в бою. Многие офицеры были не способны умело организовать взаимодействие, правильно решать вопросы разведки, маскировки, технического и материального боевого обеспечения, пользоваться техническими средствами связи. Все это привело к неудачам и большим потерям, более того, это позволило хорошо обученным финским войскам, действующим численно меньшими силами на знакомом им театре военных действий, успешно отразить наши атаки и стойко удерживать большой фронт в первые месяцы войны»¹¹.

После широкомасштабных замен командования, переброски существенных подкреплений, дополнительной мобилизации и обширных новых приготовлений недостатки были устранены, и во второй фазе войны Советы наконец-то одержали верх.

Неудачное выступление в восточной Польше и Финляндии побудило советское правительство снять Ворошилова с поста наркома обороны и заменить его Тимошенко. Оно также вынудило Советы произвести общую переоценку оборонительных и мобилизационных планов и подготовки войск. И отнюдь не по случайному совпадению, оно также поощрило немецкие планы агрессии против Советского Союза. Советские операции в восточной Польше в сентябре 1939 года, в Финляндии зимой 1939–1940 годов, а позже в Бессарабии в июне 1940 года значительно изменили границы Советского Союза и обесценили существующие стратегические планы. В то же время результаты действий советских войск, особенно по сравнению с итогами немецкого выступления в Польше и на Западе, недвусмысленно указывали на

необходимость реформы Красной Армии. Сталин поручил Тимошенко провести эти реформы, а также привести стратегические планы в соответствие с новыми стратегическими реалиями.

Акт, подготовленный совместно Ворошиловым и Тимошенко 8 мая 1940 года, четко констатировал данную проблему. Его раздел «Оперативная подготовка» начинался с заявления:

*«К моменту приема и сдачи Наркомата Оборона оперативного плана войны не было, как общие, так и частные оперативные планы не были разработаны и отсутствовали. Генеральный штаб не имеет точных данных о состоянии прикрытия госграницы. Решения военных советов военных округов, армий и фронтов по этому вопросу Генштабу неизвестны».*¹²

Хотя позднее Тимошенко подробно изложил недостатки в действиях Генерального штаба и Наркомата Оборона, было ясно, что он и те политические фигуры, которые подтвердили и совместно подписали этот акт (А. А. Жданов, Г. М. Маленков и Н. А. Вознесенский), винили в провалах Ворошилова, а не Шапошникова. Они понимали внешние и внутренние условия, которые мешали эффективному планированию, и разрешили Шапошникову продолжить его важную работу.

В то время как Тимошенко осуществлял свою обширную программу новых реформ (его первым действием был приказ о формировании заново девяти новых механизированных корпусов), в Генштабе была собрана новая команда планировщиков, состоявшая из начальника оперативного управления Н. Ф. Ватутина и его заместителей Г. К. Маландина и А. М. Василевского. Под руководством Шапошникова она начала работу по составлению новых военных планов.¹³

Планы военного и стратегического развертывания накануне войны

Германские победы в Западной и Северной Европе весной 1940 года сделали составление Генштабом новых планов насто-

ятельно необходимым. Неожиданный ход европейской войны, советские военные действия и последующая аннексия Советами сопредельных территорий, а также хаос в Красной Армии уничтожили полезность любых существующих планов.

Новая команда планировщиков трудилась не покладая рук и к июлю выдала результаты. В конце того же месяца Шапошников одобрил новый план стратегического развертывания, подготовленный в основном Василевским. Подобно своему предшественнику, этот план предполагал нападение Германии на западе, поддержанное Италией, Финляндией, Румынией и, возможно, Венгрией, а также атаку Японии на советские дальневосточные территории. План Василевского оценивал общую угрозу в 270 пехотных дивизий, поддерживаемых 11 750 танками, 22 000 орудиями и 16 400 самолетами, основная масса которых будет задействована на решающем западном театре военных действий.¹⁴

Июльский план предполагал, что противник нанесет главный удар севернее реки Сан в Восточной Польше вдоль направлений Вильнюс—Минск и Брест—Барановичи. Согласно второму (менее вероятному) сценарию, немецкие войска наносили удар из района Люблина на юге Польши, устремляясь через Украинну к Киеву. В заключение в плане говорилось:

«Главный, политически наиболее благоприятный и, следовательно, наиболее вероятный курс для Германии — это первый вариант ее действий, с развертыванием основных сил немецкой армии севернее р. Сан»¹⁵.

В соответствии с этим планом Генштаб предусматривал формирование и развертывание на Западном театре военных действий трех фронтов: Северо-Западного и Западного, прикрывающих главное стратегическое направление на Москву, вспомогательные направления к Ленинграду и на юго-запад, а также защищающие стратегическое направления южнее Припятских болот.* Планировалось также создать Забайкальский и Дальневосточный фронты для отпора японской угрозе на Дальнем Востоке.

* Так у автора — без упоминания Юго-Западного фронта. (Прим. перев.)

Единственной явной слабостью в этом новом плане была его сосредоточенность на московском направлении в ущерб ленинградскому и киевскому. Это вскоре станет главным предметом спора между Сталиным и Генштабом.

После назначения в августе 1940 года начальником Генерального штаба К. А. Мерецкова (в соответствии с постановлением Главного Военного Совета от 16 августа), Генштаб пересмотрел июльский план Шапошникова в исследовании под названием «Соображения по основным принципам стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке в 1940–1941 годах».¹⁶

Ведущую роль в подготовке этого документа снова взял на себя Василевский. К середине сентября он завершил свою работу. 18 сентября Василевский представил на одобрение Тимошенко и Мерецкову заключительную часть «Соображений» и памятную записку, выводы которой в целом повторяли положения прежнего плана Шапошникова. Тимошенко переслал ее на окончательное рассмотрение и одобрение Сталину и руководству партии.

«Соображения» Василевского вновь постулировали, что Советский Союз должен быть готов к войне на два фронта — против Германии и ее союзников на западе и против Японии на востоке. Они увеличивали оцениваемый объем общей угрозы и предполагали на основе проведенного анализа, что Германия и ее союзники смогут задействовать против Советского Союза до 243 дивизий, 10 000 танков и 15 000 самолетов.¹⁷ Поэтому рекомендовалось развернуть на западе основную массу советских вооруженных сил (189 дивизий и 2 бригады, или 61 процент всех соединений), организованных в четыре фронта военного времени (Северный, Северо-Западный, Западный и Юго-Западный). Этот план требовал сохранения пяти армий Резерва Главного командования, все из которых предназначались для операций на Западе. Таким образом Генштаб предполагал, что 240 дивизий Красной Армии (80 процентов ее сил) будут задействованы на западе, 33 — на Дальнем востоке, 30 — в Закавказье и Средней Азии, и еще одна — в районе Белого моря.¹⁸ План этот выделял западу 60 процентов фронтовой и дальнебомбардировочной

авиации, еще 16 процентов — Дальнему Востоку и Забайкалью и 24 процента — Закавказью и Средней Азии.

Далее план предполагал, что *«обе стороны начнут боевые операции, задействовав лишь часть своих сил, и как основные силы Красной Армии, так и основные силы противника завершат свое развертывание не менее чем через две недели»*. В любом случае войска Красной Армии должны были *«нанести немецко-фашистским войскам мощный ответный удар [контрудар] и вести боевые операции на территории противника»*.¹⁹

«Соображения» вновь предполагали два варианта советского стратегического развертывания на западе. Вспомогательный требовал развертывания основной стратегической группировки войск к югу от Бреста, чтобы отразить вражеское наступление и нанести сильный контрудар в направлении на Люблин, Краков и Бреслау с целью отрезать Германию от Балкан и лишить страну противника ее экономической базы. Главный плановый сценарий размещал основную массу советских войск к северу от Бреста с задачей отразить врага и атаковать его основную группировку в Восточной Пруссии.

Окончательное решение, какому именно сценарию следовать, зависело от условий, создавшихся в начале войны. Это означало, что Генштаб должен быть полностью готов к выполнению обоих планов еще в мирное время.

5 сентября Тимошенко и Мерецков представили «Соображения» и сопутствующие им военные планы на одобрение Сталину и советскому политическому руководству. Сталин возразил на их содержание*:

«Я не вполне понимаю настойчивость Генштаба на сосредоточении наших сил на Западном фронте. Они говорят, что Гитлер попытается двинуть свои основные силы к Москве по самому короткому пути. Но я думаю, для немцев важнее всего зерно на Украине и донбасский уголь. Теперь, когда Гитлер утвердился на Балканах, куда более вероятно,

* Ср. эту цитату с документами, приведенными в главе 9. (Прим. ред.)

что он нанесет свой главный удар с юго-запада. Я хочу, чтобы Генеральный штаб еще раз подумал и представил в десятидневный срок новый план»²⁰.

По всей вероятности, на решение Сталина отвергнуть предположения Тимошенко и Василевского повлияли его опыт военного комиссара на Украине во время Гражданской войны, знакомство с геополитическими и экономическими взглядами Гитлера и влияние на его стратегическое мышление «южан» вроде Жукова. В любом случае он дал Генеральному штабу десять дней на подготовку нового плана, основанного на «южном» варианте.

14 октября Тимошенко представил Сталину свой пересмотренный план, который, в отличие от своего предшественника, напрямую провозглашал, что западный театр военных действий являлся главным и требовал иметь «главную западную группировку на Юго-Западном фронте», а конкретно — к югу от Бреста.²¹ В итоге Сталин и Тимошенко решили в еще большей степени усилить состав сил Юго-Западного фронта. Хотя второй сценарий развертывания более крупных сил к северу от Припяти категорически не отвергался, «он не получил особой поддержки». И вследствие этого *«тут произошла полная переориентация и перераспределение основных сил наших войск с северо-западного (как предлагал Шапошников) на юго-западное направление»²².*

Это стратегическое распределение и план фундаментально не менялись вплоть до начала войны — в первую очередь потому, что так решил Сталин. Вдобавок большинство ведущих военных фигур принадлежали к «южной школе». Как указал биограф Сталина Д. Волкогонов:

«Высшие посты в Генеральном штабе... занимали теперь люди, "выдвинутые" из Киевского особого военного округа: С. К. Тимошенко, как нарком обороны, Г. К. Жуков, который в феврале 1941 года стал начальником Генштаба, Н. Ф. Ватутин, первый заместитель Жукова, и С. К. Кожевников, глава политотдела Генштаба. Естественно, что эти люди,

которые были давно вовлечены в оперативные вопросы в Киевском особом военном округе, должны были до некоторой степени считать юго-западное направление наиболее важным. Точка зрения Сталина была им хорошо известна... Военный совет Киевского особого военного округа придерживался взгляда, что „надо ожидать главного удара объединенных вражеских сил в [нашей] зоне ответственности“. Документ по развертыванию войск на 1940 год, подготовленный новым начальником штаба Киевского особого военного округа М. А. Пуркаевым, прямо утверждал, что самые острые удары немецкой армии надо ожидать на юго-западном направлении»²³.

В результате Генеральный штаб планировал войну, мобилизацию и стратегическое развертывание на основе октябрьских решений. В декабре 1940 и январе 1941 года он провел в Москве совещание командного состава и военно-штабные игры с целью изучить существующие концепции ведения войны и испытать военные планы в различных сценариях. И совещание, и военно-стратегические игры подняли столько же вопросов, на сколько ответили. Не удивительно, что они выявили существенные изъяны в военном планировании. В результате этих военно-стратегических игр Мерецкова на посту начальника Генерального штаба сменил Жуков.²⁴

1 февраля 1941 года заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ватутин подготовил «Усовершенствованный план оперативных мероприятий», который начальник Генштаба генерал армии Жуков одобрил с небольшими поправками. Согласно этому «плану планов», все планирование должно было быть завершено к 1 мая 1941 года. Этого, однако, не произошло. Продолжающееся ускоренное увеличение советских вооруженных сил и меняющиеся оценки угрозы осложняли процесс планирования, поэтому «Генштаб постоянно вносил изменения в свои расчеты по стратегическому сосредоточению и развертыванию. Самые последние сведения об их развертывании в случае войны на западе и о составе сил округов были собраны генералом Ватутиным 13 и 14 июня 1941 года».²⁵

В течение всего этого периода повышенного напряжения Генштаб, безусловно, подготовил много черновых чрезвычайных планов, при этом командующие военными округами также вносили предложения. Хотя большинство этих предложений осталось погребенными в российских архивах, широкое общественное внимание привлек один весьма примечательный документ: поданная Жуковым 15 мая записка с предложением нанести упреждающий удар по немецким силам, сосредоточенным в восточной Польше.

Эта записка была опубликована и тщательно проанализирована; предложенный в ней план не соответствовал советским мобилизационным возможностям и боеготовности войск, и нет никаких прямых свидетельств, что Сталин вообще ее видел.* Но даже если записка попала к Сталину, то, учитывая его известные действия в 1941 году, можно достаточно определенно утверждать, что он не одобрил бы такого предложения.²⁶

Самым важным аспектом планирования стратегического развертывания войск было формулирование планов прикрытия границ Советского Союза. Отвечали за это западные приграничные военные округа, каждый из которых подготовил свой план прикрытия границы. Например, Западный особый военный округ представил свой план Генштабу еще 31 декабря 1940 года, а Киевский особый военный округ сделал то же самое 7 февраля 1941 года. Однако изменение внутренних и международных условий вскоре потребовало пересмотра этих планов. Поэтому в начале мая 1941 года Генштаб разработал более отточенный «План 1941 года по прикрытию государственных границ» и отправил его, вместе с директивами Наркомата обороны, в пять западных приграничных военных округов.**²⁷ Эти директивы приказывали военным округам до 25 мая 1941 года представить на рассмотрение новые оборонительные планы и планы противовоздушной обороны. Они также обозначали, какие именно районы должны защищать те или иные округа, определяли не-

* Подробнее о предложении Жукова будет рассказано в главе 8. (Прим. авт.)

** В качестве примера плановых руководств и завершенных планов см. Приложение Б. (Прим. авт.)

обходимые силы и снаряжение, конкретизировали меры взаимодействия с военным флотом и войсками соседних округов и другие соответствующие вопросы.²⁸ Между 10 и 20 июня округа поочередно представили на рассмотрение Генштабу свои планы. Эта работа была осложнена и задержана начавшейся в апреле 1941 года частичной мобилизацией.

Планы — как стратегического развертывания войск, так и защиты государственных границ — были несовершенными в нескольких отношениях. Хотя они готовились вполне компетентной группой штабных офицеров, среди начсостава, которому предназначалось выполнять их, бушевала настоящая буря. Международный климат оставался очень изменчив, всю осень 1940 года советское военное вмешательство в дела своих соседей (события в Бессарабии в июле 1940 года и в Прибалтийских государствах осенью 1940 года) увеличивало международное напряжение и еще больше расстраивало составление планов Генштабом. Сами планы стратегического развертывания войск основывались на ложных предположениях о требуемом для развертывания периоде. Генштаб считал, что немецкому вермахту потребуется 10–15 дней на мобилизацию и развертывание войск — то есть у Советов будет время полностью развернуть свои армии прикрития. Подобная посылка не принимала в расчет, что немецкая армия могла и в мирное время оказаться достаточно развернута для нанесения удара. В Генштабе не рассматривали вариант, что немцы могут воспользоваться военными обстоятельствами на западе, чтобы скрыть сосредоточение войск на востоке.

В соответствии со сложившимися за межвоенные десятилетия взглядами Генштаб игнорировал возможность внезапного нападения основных сил противника, прежде чем пройдет обычная мобилизация.* Генштабисты считали, что армий прикрития

* До 1941 года мировая военная история не знала случаев нападения до завершения мобилизации и в отсутствие явного межгосударственного конфликта, без предварительного предъявления претензий по дипломатическим каналам. Тем не менее советские военные теоретики рассматривали и такой вариант развития событий; возможность его учитывалась и в Генеральном штабе — примером чему является упомянутая выше записка Жукова от 15 мая. (*Прим. ред.*)

вполне достаточно для отражения нападения неприятеля, пока мобилизуются и развертываются для нанесения контрудара основные силы. И что еще важнее, им не удалось гарантировать, что армии прикрытия и самые боеготовые из резервов будут располагать должной живой силой и вооружением для выполнения своей решающей задачи.

Еще более катастрофической стала неспособность советского политического руководства, и особенно Сталина, оценить возросшую степень угрозы. Военное же руководство, запуганное маячащим неподалеку призраком чисток, действовало робко, в целом молчаливо соглашаясь со взглядами Сталина. Вплоть до 22 июня, несмотря на многочисленные предупреждения разведки, Сталин не мог поверить, что он не понял психологию Гитлера, и считал данные о немецких приготовлениях к нападению дезинформацией со стороны западных держав. Когда его убедили провести в качестве предосторожности частичную мобилизацию, эта мобилизация шла крайне медленно.*

* К сожалению, здесь автор излагает расхожий миф, созданный советской исторической наукой в 1960-х годах. Документы, введенные ныне в научный оборот, опровергают как существование неких «точных сведений разведки» о готовящемся немцами нападении, так и легенду о бездействии советского военного руководства. Распоряжение о преобразовании западных приграничных округов во фронты было отдано уже 17–18 июля 1941 года, одновременно предписывалось перевести штабы округов из республиканских столиц на заранее оборудованные командные пункты ближе к границе. В то же время Гитлер принял окончательное решение о приведении в действие плана «Барбаросса» лишь в июне — до этого момента советская разведка физически не могла бы получить *достоверных* сведений о дате нападения и поэтому засыпала руководство СССР крайне противоречивой информацией. К лету 1941 года времени советская экономика и без того была предельно милитаризована (что ныне дает «антисталинистам» дополнительный повод обвинять режим в ущемлении прав граждан), окончательный перевод ее на военные рельсы — в условиях *мирного* времени и на неопределенный срок — мог вызвать взрыв социального недовольства. Не имея данных о степени мобилизованности германской экономики и твердой уверенности, что Германия начнет войну в июне или вообще летом 1941 года, Сталин не решился пойти на столь крайние меры. (Прим. ред.)

«Поэтому практические меры для стратегического развертывания вооруженных сил накануне войны осуществлялись медленно, в определенных случаях носили локальный характер и не затрагивали таких существенных вопросов, как перемещение, развертывание и приведение в боевую готовность первого эшелона армий прикрытия и развертывания противовоздушной обороны, авиации и военно-морских сил»²⁹.

Общий план Генерального штаба по прикрытию государственной границы, как и планы прикрытия отдельных фронтов, тоже были неадекватны обстановке — как в смысле своевременности их подготовки, так и по конкретному содержанию каждого плана. Когда началась война, планы многих военных округов были еще не завершены, а спущенные сверху программы, вроде плана строительства укрепрайонов, никак с ними не стыковались. Поскольку военные округа не представили до 25 мая Генштабу предлагаемые ими планы, то комплексный план Генштаба был на 22 июня все еще далек от завершения.

Ни общесоюзные, ни окружные оборонительные планы не предусматривали создания буферных зон между государственной границей и передовыми оборонительными позициями армий прикрытия. Оборонительные позиции армий в основном проходили по границе и передовым линиям укрепленных районов, где находилась и пограничная охрана. Это подвергало передовые войска опасности в случае внезапного нападения и не позволяло армейским командирам гибко реагировать на атаку противника. По существу, любое нападение имело возможность сразу проникнуть в глубину обороны армии прикрытия. Значительная часть группировки оборонительных сил (особенно армии прикрытия и механизированные корпуса) была расположена в выдвинутых далеко вперед Белостокском и Львовском выступах, поэтому у советских командующих не было никакого доступного пространства для организации связных контратак или контрударов.*

* Расположение укрепленных районов непосредственно у границы объяснялось тем, что граница эта на большей своей части была проведена по «линии четырех рек» — Неман, Буг, Сан и Прут. Эта

На нескольких участках фронта требуемое планами развертывание войск способствовало из быстрому разгрому. Например, большинство дивизий Западного и Киевского особых военных округов были расположены в 30–60 километрах от секторов, подвергавшихся наибольшей угрозе. Поэтому с началом военных действий многим частям для занятия отведенных им оборонительных позиций пришлось перемещаться параллельно фронту.* План *«не предусматривал варианта, по которому дивизии первого эшелона могли занять оборонительные позиции в глубине, поблизости от своих постоянных мест дислокации»*³⁰.

Учитывая все перечисленные реалии, действенная оборона была бы трудна даже при самых благоприятных обстоятельствах. А против хорошо обученной немецкой армии она была просто невозможной. Государственный план обороны также исходил из того, что командующие достаточно своевременно узнают о предстоящем нападении, чтобы предпринять быстрое и относительно одновременное развертывание своих войск. Все команды к исполнению плана должны были передаваться в штабы шифрованными телеграммами. Время, нужное для зашифровки, передачи и расшифровки сообщений, задерживало своевременную реакцию — поэтому на самом деле многие штабы так и не получили своих «тревожных» приказов.

особенность отчасти компенсировала отсутствие предполя — во всяком случае, вопрос о критичности его отсутствия является весьма дискуссионным. Размещение значительной части сил, в том числе механизированных, в Львовском и Белостокском выступах позволяло нависать над флангами предполагаемых ударных группировок противника, поэтому также не может быть признано однозначно неверным. В целом дислокация советских войск была куда более осмысленной, чем это принято считать. (*Прим. ред.*)

* Здесь автор исходит из предположения, что все планы противника, места сосредоточения его войск и направления главных ударов можно предвидеть заранее. Но этого, как правило, не удастся добиться даже во время войны — а до начала боевых действий возможности разведки (в первую очередь воздушной) у сторон крайне ограничены. (*Прим. ред.*)

Сочетание внезапного нападения немцев, несовершенной советской системы объявления общей тревоги, приспособленной к медленной мобилизации, советских планов развертывания войск, предусматривающие как данность наличие заблаговременного предупреждения, а также страдающие изъятиями планы защиты государственных границ гарантировали, что все они будут сорваны в тот же миг, когда начнется война.

Мобилизационные планы

Постоянно меняющаяся и все более опасная политическая атмосфера Европы 1930-х годов, так же, как и постоянное появление новых технологий, неизбежно влияли на советские стратегические концепции, каждый раз делая существующую систему сосредоточения сил не отвечающей потенциальным будущим угрозам. Постулат Свечина, что Советскому Союзу следует добиться «перманентной мобилизации» созданием такого народного хозяйства, которое будет максимально поддерживать военную экономику, основанную на единстве фронта и «государственного тыла», не был реализован. И никакой советский мобилизационный план не мог совладать, изменить или преодолеть этой голой реальности.

Территориально-кадровые войска, которые подразумевали подготовку местных резервистов в приложение к кадровой армии мирного времени, хорошо послужили Советам в 1920-е годы. Однако после 1935 года стало очевидным, что растущая угроза требовала создания армии военного времени, которая была более многочисленной и технически более компетентной, нежели та, какую могла обеспечить территориальная система. Армия мирного времени попросту не могла быть достаточно увеличена, чтобы отвечать требованиям будущей войны:

«Важно отметить, что к середине 1930-х годов смешанная территориально-кадровая система комплектования и организации вооруженных сил уже исчерпала себя и стала тормозом на пути их боевого роста. Назрела реальная необходимость

*перехода на общий кадровый принцип формирования. Одна из главных причин состояла в том, что временный личный состав территориальных частей и соединений был уже не в состоянии овладеть на недолгих сборах новой сложной техникой и научиться применять ее в постоянно меняющихся условиях... Переход по большей части к кадровой системе был продиктован растущими требованиями к повышенной боевой и мобилизационной готовности, поскольку опасность войны с фашистской Германией все нарастала».*³¹

Переход этот начался в 1937 году, его предполагалось завершить к январю 1939 года, хотя преобразование некоторых соединений затянулось до последних месяцев того же года³². Официально за период с 1 января 1937 года по 1 января 1939 года общее число советских стрелковых дивизий возросло с 97 до 98, при этом число кадровых дивизий увеличилось с 49 до 84, а 35 территориальных дивизий исчезли из структуры вооруженных сил Красной Армии.* Вдобавок в течение 1938 года Народный комиссариат обороны также упразднил несколько республиканских соединений и военных училищ. Для обеспечения новых дивизий запасным личным составом и в порядке подготовки к будущей всеобщей мобилизации Верховный Совет СССР издал 1 сентября 1939 года новый закон о всеобщей воинской обязанности. Этот закон увеличил срок военной службы для рядового и старшинско-сержантского состава до трех лет и предусматривал более тщательную военную подготовку.

Одновременно НКО провел реформу системы военных округов для улучшения ее эффективности в подготовке личного состава, увеличив количество округов до 16³³. Новая система комплектования войск и реорганизованная административная структура дала возможность увеличить Красную Армию, когда та «сползала к войне» между 1939 и июнем 1941 года. Общая численность Красной Армии возросла с 1,5 миллиона человек на 1 июня 1938 г до чуть более 5 миллионов человек в июне 1941 го-

* Более полно темпы и масштабы этого процесса показаны в таблице 4.1 в конце этой главы. (Прим. авт.)

да. Структура вооруженных сил Красной Армии увеличилась с 27 до 62 стрелковых корпусов и со 106 смешанных кадровых и регулярных стрелковых дивизий до 196 регулярных стрелковых дивизий. Вдобавок Советы создали 31 моторизованную (мотострелковую) дивизию и 61 танковую дивизию, 16 воздушно-десантных бригад и свыше 100 новых укрепрайонов (см. таблицу 4.2).

К июню 1941 года штатный численный состав стрелковых дивизий военного времени был установлен в 14 483 человека, а дивизии мирного времени предполагалось держать на нескольких уровнях штатной численности. В начале 1939 года самые многочисленные дивизии (первой линии), развернутые в приграничных военных округах, насчитывали по 6959 бойцов, а расположенные во внутренних районах страны (дивизии второй линии) на бумаге имели численность в 5220 бойцов. Резервные дивизии третьей линии, имевшие в мирное время незначительное число кадровых военнослужащих, должны были формироваться в ходе мобилизации и в военное время из существующих дивизий.³⁴ После 1939 года НКО увеличил численность этих дивизий на мирное время, и к июню 1941 года большинство дивизий в пограничных военных округах имели от 60 до 85 процентов своей новой штатной численности (от 8500 до 12 000 бойцов*). Однако дивизии во внутренних областях страны по численности оставались ближе к требованиям 1939 года.

Ухудшающееся политическое положение в Европе и последующие кризисы, которые привели к массовому увеличению численности активных вооруженных сил и намечаемой мобилизации военного времени, подвергли советскую мобилизационную систему огромному напряжению. Беспрестный пересмотр военных планов и планов стратегического развертывания войск резко и часто поднимал проектируемую численность советских вооруженных сил военного времени при всяком случае,

* Эти цифры не совсем верны. В Прибалтийском особом военном округе средняя численность стрелковой дивизии накануне войны составляла 8712 человек. В Киевском округе ни одна дивизия не достигала и 11 тысяч — из 17 дивизий четырех приграничных армий в самой большой имелось 10 279 человек, в самой маленькой — 7177 человек. (Прим. ред.)

когда кризис или военный опыт подчеркивали слабости и несоответствия требованиям текущих систем мобилизации.

Вполне понятно, что эти факторы вынуждали Генштаб постоянно пересматривать мобилизационные наставления и планы — которые, как он надеялся, будут удовлетворять требованиям новых планов стратегического развертывания войск. Эти новые наставления, сработанные по образцу действовавших в 1930-е годы, стремились улучшить мобилизационную систему. Мобилизационное наставление 1940 года, в отличие от наставления 1930 года, начинались с поразительного предупреждения: *«Война против СССР, находящегося в капиталистическом окружении, может начаться внезапно. Современные войны не объявляют. Их просто начинают»*.³⁵ Это наставление 1940 года и его эквивалент 1941 года отдают возросшим чувством настоятельности и озабоченности частностями мобилизации.

В рамках параметров, изложенных этим наставлением, Главный военный совет РККА издал 16 августа 1940 года приказ о подготовке нового Мобилизационного Плана 1941 года (МП-41). Новая команда планировщиков в Генштабе во главе с Василевским представила этот план, и НКО одобрил его в феврале 1941 года. Однако, подобно планам стратегического развертывания войск, он вскоре опять потребовал изменений. Вследствие этого Генштаб в марте 1941 года решил пересмотреть план и приказал военным округам представить новые планы — так, чтобы новый МП-41 мог быть подготовлен к 1 мая. Согласно одному анализу, *«этот срок был явно недостаточен, и в результате военные округа и войска не смогли тщательно разработать весь комплекс мер, соответствующих новой схеме развертывания мобилизации. Потому многие [стратегические] направления продлили разработку мобилизационного плана до 20 июня 1940 года»*.³⁶

Центральный Комитет Коммунистической партии также внес свою лепту в рекомендации военным округам. В порядке сопровождения инструкций Генштаба округам он призвал: *«От всего нашего народа требуется поддерживать состояние мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения»*.³⁷

Мобилизация вооруженных сил была самым важным элементом мобилизационного плана. Согласно МП-41, он представлял собой *«плановый и скоординированный переход каждой отдельной воинской части, штаба, управления, организации и всей Красной Армии в целом от штатной организации мирного времени к штатной организации военного времени в сроки, предписанные планом развертывания мобилизации»*.³⁸ Планы развертывания войск приграничных военных округов предполагали различные состояния готовности, в том числе части мирного времени, укомплектованные до штатов военного времени, вспомогательные части, укомплектованные кадровыми военнослужащими, выделенными из частей мирного времени, вспомогательные части, лишенные в мирное время кадровых военнослужащих, а также части, которые сохранялись по штатам мирного времени. Мобилизация должна была быть объявлена указом Президиума Верховного Совета СССР, а набор по мобилизации и последующий призыв — происходить на основании указов Совета Народных Комиссаров и сопутствующих приказов НКО. Этот процесс охватывал все части военных округов включенных в мобилизационный план округа согласно строгому расписанию.

К июню 1941 года новый план был еще не завершен и «не был хорошо продуман»³⁹. Вдобавок планы военных округов были лишь частичными и не включали всех воинских соединений. Мобилизационный план не содержал механизма одновременно-го приведения всех войск в состояние полной боевой готовности. Все войска на театре военных действий могли быть либо приведены в состояние полной боевой готовности, либо оставлены в более низком состоянии «постоянной готовности». Сроки мобилизации тоже колебались в зависимости от важности и местонахождения войск. Соединения первого эшелона армий прикрытия должны были быть мобилизованы за 2–3 дня, а остальные соединения, части служб тыла и другие организации предполагалось мобилизовать за 4–7 дней. Полная мобилизация и развертывание вооруженных сил на театре военных действий должны были потребовать 15–30 дней от начала мобилизации. Все это соответствовало предположениям Генштаба относительно того, как начнется война.

Согласно МП-41 мобилизация могла быть либо скрытой, либо открытой. Первая предусматривала использование для прикрытия мобилизации крупномасштабных маневров и применялась в первую очередь к частичной мобилизации. При скрытой мобилизации полагалось применять для приведения частей в состояние боевой готовности так называемую схему мобилизационных телеграмм. Шифрованные телеграммы направлялись командирам частей, у которых имелись специальные запечатанные пакеты, помеченные грифами «совершенно секретно» и «вскрыть только по получении телеграммы о мобилизации». По уставу эти пакеты хранились в сейфах начальников штабов частей.⁴⁰

Приводящее в боевую готовность уведомление об открытой мобилизации должно было проходить по обычным каналам связи и не требовало раскрытия причин мобилизации. Эта мобилизация была названа «большими учебными сборами» (или БУС) и была двух типов, обозначаемых литерами «А» или «Б». Во время мобилизации литеры «А» части и соединения доводились до штатной численности. Военные округа, которые располагали централизованными методами выдачи освобождений от мобилизации и которые должны были проводить БУС, обеспечивали части и соединения начсоставом, солдатами, транспортом и лошадьми. Во время мобилизации литеры «Б» войска должны были доводиться до штатной численности за счет мобилизационных ресурсов, полученных с окружающей территории военного округа, а материальное обеспечение основывалось на нормах мирного времени за счет обычного снабжения и резервных складов⁴¹.

Несмотря на явные недостатки МП-41 и в особенности на неблагоприятные условия мобилизации и сжатые сроки ее проведения, механизм процесса позволил провести мобилизацию уже в июне 1941 года. Согласно мобилизационному плану, количество стрелковых корпусов и дивизий должно было остаться неизменным (62 и 198 соответственно), число фронтов и армий возрастало с 1 и 16 до 8 и 29. Более того, предполагалось крупное увеличение артиллерии РГК (резерва Главного командования), а также авиаполков и авиадивизий. Полный масштаб предусмотренной мобилизации по МП-41 см. в таблице 4.3.

Полное осуществление МП-41 означало призыв почти 5 миллионов резервистов, в том числе 600 000 офицеров и 885 000 старшин и сержантов, а также перевод из народного хозяйства 248 000 машин, 36 000 тракторов и 730 000 лошадей.⁴² Общее число мобилизованных и развернутых соединений было бы эквивалентно 344 дивизиям — на 25 дивизий больше, чем предусматривалось январским мобилизационным планом. Поскольку многие из этих соединений были не в полной боевой численности, то план предусматривал их пополнение во время первоначальных стадий военных действий.

Хотя мобилизационный план отводил западным военным округам 6,5 миллионов призывников из общей численности войск по мобилизации в 7,85 миллионов бойцов, к 22 июня численность войск в западных военных округах достигла лишь 2 901 000 бойцов⁴³.

Несмотря на требуемое этим планом крупномасштабное организационное увеличение, советская материальная база и производственный потенциал были недостаточны для поддержания такой крупномасштабной мобилизации. В начале 1941 года кадровые соединения и части имели в своем составе 76 процентов своей штатной артиллерии, 31 процент тяжелых, 74 процентов средних и 100 процентов легких танков, а авиапарк Красной Армии имел очень мало современных самолетов. Машин и тракторов не хватало, а гражданские мобилизационные ресурсы покрывали 81,5 процента необходимых машин и 70 процентов требуемых тракторов*. Однако многое из этого снаряжения было

* Эти цифры не вполне соответствуют действительности. Так, согласно докладу начальника ГАБТУ Н. Я. Федоренко, на 1 июня 1941 года текущий некомплект автотранспорта составлял 64 %, с учетом предполагаемой мобилизации из гражданского сектора — 32,3 %. Некомплект по тракторам (с учетом намеченных к изъятию устаревших и неисправных машин гражданских марок) составлял 70,4 %, а с учетом мобилизации — 27 %. Но при этом некомплект тракторов С-2, «Ворошиловец» и «Коминтерн», пригодных для транспортировки дивизионной и корпусной артиллерии, но отсутствующих в гражданском хозяйстве, составлял 90,7 %! См.: Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. М.: ГАБТУ МО РФ, 2005. С. 51–52. (Прим. ред.)

изношенным и вдобавок поступило бы в армию лишь спустя некоторое время после объявления мобилизации. Наконец, всю эту технику, которая должна была обеспечить Красной Армии должную мобильность, требовалось еще перевезти на изрядные расстояния, прежде чем она попала бы в свои части. Тыловое обеспечение также было очень слабым — по оценке Генштаба существующих запасов могло хватить лишь на два-три месяца операций военного времени⁴⁴.

Хотя на бумаге мобилизационный план обеспечивал армию необходимыми силами и снаряжением для создания требуемых военными планами оперативно-стратегических группировок, сопутствующие ему планы материально-технического снабжения были прискорбно неадекватными. У Красной Армии отсутствовали пригодные для мобилизации чрезвычайные стратегические резервы, необходимые для замены первоначальных потерь военного времени, пока советская промышленность не станет выпускать их в нужном количестве.

*«Существенный рост потребностей в оружии и военном оснащении по новому мобилизационному плану, особенно в танках, самолетах и зенитных системах, вызвал, учитывая существующие ресурсы, рост нехватки вооружений. Поэтому, например, механизированные корпуса, формируемые в Западном и Одесском военных округах, были обеспечены танками лишь на 35-40 процентов и укомплектованы главным образом четырьмя-пятью марками легких машин. Авиация, ПВО и другие рода войск находились примерно в том же положении».*⁴⁵

По заключению современных советских критиков, в период реформ Тимошенко и при разработке развития планов стратегического развертывания войск и мобилизации Народный Комиссариат Обороны и Генеральный штаб:

«...нарушили важное требование координации развертывания вооруженных сил с экономическим потенциалом страны, особенно в производстве средств вооруженной борьбы.

Для снабжения Красной Армии оружием и военным снаряжением, требуемым новым мобилизационным планом, понадобилось бы около пяти лет. Мобилизация в СССР проходила крайне медленно. В итоге война застала войска приграничных военных округов не полностью мобилизованными и, вследствие этого, не в полной боевой готовности»⁴⁶.

Мобилизация и стратегическое развертывание войск перед 22 июня 1941 года

Между апрелем и 22 июня, в промежутке, названном «особо угрожаемым периодом», советское правительство и НКО ускорили «сползание к войне», проводя скрытое стратегическое развертывание войск. Это было, в сущности, первой стадией растянутого процесса мобилизации и развертывания, который продолжится и после начала войны — в конечном итоге вплоть до второй половины 1942 года. С 26 апреля военные советы Забайкальского военного округа и Дальневосточного фронта отправили по распоряжению Генштаба на запад один механизированный корпус, два стрелковых корпуса и две воздушно-десантные бригады. 10 мая Уральский военный округ получил приказ направить две стрелковые дивизии в Прибалтийский особый военный округ, а через пять дней Сибирский военный округ получил схожий приказ отправить по дивизии в Западный и Киевский особые военные округа⁴⁷.

13 мая 1941 года Народный Комиссариат Обороны и начальник Генерального штаба Жуков предписал военным округам переместить из внутренних округов в приграничные 28 дивизий, 9 штаб-квартир корпусов и штаб-квартиры 4 армий (16-й, 19-й, 21-й и 22-й). Эти войска должны были собраться на позициях вдоль Западной Двины и Днепра: 16-я и 19-я армии в качестве подкреплений Киевского особого военного округа, а 21-я и 22-я — Западного особого военного округа. Перемещение этих армий началось в мае с приказом соблюдать строгий режим маскировки и развертываться осторожно и постепенно, не создавая явно ненормально усиленного движения по железным дорогам. Эти армии должны были завершить свое сосредоточение в отведенных

им районах сбора между 1 и 10 июня 1941 года и составить второй стратегический эшелон.⁴⁸

Директива от 13 мая также приказывала передислоцировать соединения из Московского, Волжского, Сибирского, Архангельского, Орловского и Дальневосточного военных округов для формирования трех дополнительных армий (20-й, 24-й и 28-й). Хотя основная масса 20-й армии, в первую очередь из Орловского военного округа, начала собираться к западу от Москвы, остальные армии к 22 июня, когда началась война, еще не начинали трогаться с места. Первоначально все эти армии предназначались для использования в качестве стратегического резерва — но с началом военных действий они стали ядром Резервного фронта под командованием маршала С. М. Буденного. Таким образом, мобилизация затронула всего семь армий и один механизированный корпус. (Пункты отправления и назначения каждой из мобилизованных частей см. в таблице 4.4).

Большинство соединений в этих резервных армиях были неполной численности. До 80 процентов дивизий имели сокращенный штат мирного времени (ближе к 6000, чем к 14 800), и только когда действительно началась война, они стали получать резервистов и дополнительное вооружение, снаряжение и транспорт отовсюду, где только могли их обрести. В конечном итоге большинство дивизий было доведено до 60 процентов штатной численности, но в них по-прежнему не хватало многих видов оружия и особенно автомашин, необходимых для перевозки войск и припасов. Эта невозможность довести дивизии до штатов военного времени была вызвана нехваткой снаряжения в военных округах и неверной оценкой Генштабом и округами возможностей железнодорожного транспорта.

Наиболее серьезной из проблем была именно недооценка пропускной способности железных дорог. Согласно плану, общий объем железнодорожного транспорта, необходимый для перевозки указанных сил, составлял 939 эшелонов, в том числе 759 эшелонов для стрелковых частей, 105 — для танков, 50 — для авиачастей и 25 — для артиллерии.

На 22 июня из запланированных 939 эшелонов было погружено 538, 455 из них еще в пути, а 83 уже разгружены в пунктах

прибытия. Погрузка оставшихся эшелонов продолжалась вплоть до 2 июля, а разгрузка была полностью завершена лишь к 14 июля. К началу войны в отведенных им районах были сосредоточены только 9 дивизий второго стратегического эшелона (19-я армия) и 19 дивизий находились в пути (16-я, 21-я и 22-я армии)⁴⁹.

В дополнение к этим скрытым переброскам войск НКО и Генштаб призвали под видом «больших учебных сборов» (БУС) 793 000 призывников. Это количество фактически было равнозначно проведению частичной скрытой мобилизации.⁵⁰ Оно позволило в значительной мере обеспечить личным составом примерно половину существующих стрелковых дивизий, а также укрепрайонов, артиллерийских полков РГК, ВВС, инженерные войска, войска связи, ПВО и служб тыла. Поскольку приоритет отдавался стрелковым дивизиям, самая значительная нехватка личного состава должна была ощущаться во вспомогательных войсках. Хотя отданные приказы обеспечили войска значительным количеством живой силы, полная их боеготовность сильно зависела от вооружения и боевого снаряжения, которых остро не хватало.

Грандиозные неудачи на фронте были отчасти вызваны внезапным нападением немцев, но в значительной мере стали следствием провалов в планировании и неэффективностью системы снабжения, оказавшейся не в состоянии обеспечить боевые войска требуемым вооружением и другим важным снаряжением. Особенно катастрофическим был провал системы мобилизации транспорта. Реквизиция для военных нужд гражданских грузовиков и тракторов просто не осуществлялась. Вследствие всего этого поднятые по тревоге части вынуждены были передвигаться в районы сбора с помощью тех средств, какими могли воспользоваться — обычно по железной дороге или пешком. Они не могли взять с собой тяжелое вооружение, артиллерию, горючее, боеприпасы и даже необходимый объем продовольствия. Особенно тяжело это ударило по дивизиям, выдвигаемым на фронт из внутренних военных округов. Большинству пришлось оставить на месте снаряжение и запасы, которые к ним позднее так и не прибыли. Практически все дивизии шли в бой без необходимого снаряжения и припасов.

В то время как войска внутренних военных округов осуществляли мобилизацию, создавали и развертывали новые части, западные военные округа в конце мая наконец-то начали ограниченную перегруппировку войск — в пределах навязанных Сталиным жестких рамок. Однако эта перегруппировка была ограничена лишь войсками в глубине округов, чтобы немцы не восприняли эти перемещения как провокации. Например, 19 июня командующий Ленинградским военным округом перевел 1-ю танковую дивизию из Псковской области в Кандалакшу в центральной Карелии. В тот же день Ленинградский военный округ перевел в стоящую у границы 8-ю армию Прибалтийского особого военного округа 1-ю стрелковую дивизию.

15 июня военные округа получили от НКО и Генштаба решение в соответствии с существующими оборонительными планами передислоцировать войска из глубины округов на более передовые позиции. Некоторые соединения перебрасывались железнодорожными эшелонами, но большинство в целях соблюдения секретности перемещалось пешим порядком и по ночам. Во время этого перемещения НКО категорически запретил командующим военных округов передислоцировать войска первого эшелона или укреплять их передовые позиции.

Как минимум один храбрый командующий военным округом нарушил эти предписания. 15 июня генерал Ф. И. Кузнецов, командующий Прибалтийского особого военного округа, встревоженный разведывательными донесениями, описывающими угрожающее наращивание вдоль границ вражеских войск, издал подробный приказ о повышении боеготовности на границе. Не упоминая конкретно немецкой подготовки к нападению, Кузнецов критиковал определенных командиров дивизий за расхлябанность и небрежность в соблюдении боевой готовности: *«Сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»*⁵¹. Затем Кузнецов приказал командирам привести в исполнение предписанные пассивные меры повышения боеготовности и обороноспособности.

Позже в тот же день Военный Совет округа повторил меры приведения войск в боевую готовность в директиве, начинавшейся со слов: *«На случай нарушения противником границы, внезапного нападения крупных его сил или перелета границы авиационным соединением устанавливаю следующий порядок оповещения...»*⁵² Наконец, 18 июня, по получении 17 июня пространной, подробной и излучающей угрозу разведывательной сводки, Кузнецов приказал привести свои войска в полную боевую готовность. Приказ, начинающийся со слов *«С целью быстрого приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ...»* — где конкретно требовал полной боеготовности от окружных ПВО, войск связи и наземных транспортных систем, инструктировал командующих 8-й и 1-й армий подготовить сооружение мостов и закладку мин, и отдавал распоряжения всем другим командирам частей провести надлежащие приготовления к обороне.⁵³ Однако, несмотря на эти смелые действия со стороны Кузнецова, нет никаких свидетельств того, что стимулированные им дополнительные приготовления сделали боеспособность округа выше к тому моменту, когда началась война.

В целом описанные меры укрепления обороноспособности приграничных военных округов потерпели неудачу. Хотя за период, непосредственно предшествовавший немецкому нападению, 33 дивизии начали двигаться из внутренних военных округов в приграничные округа, добраться до своих новых районов сосредоточения сумели только 4–5 дивизий. Это, в сочетании с распылением войск округов на глубину до 400 километров, обрекло войска на последовательный разгром по частям. В то же время в стратегических глубинах страны советское командование не сумело своевременно разместить боеготовые войска подготовленными резервами. Запланированное формирование и развертывание стратегического резерва из семи армий с 67 дивизиями тоже было хаотичным и запоздалым. Это, в сочетании с неверным анализом Генштабом того, где именно немцы нанесут главный удар, обрекло как передовые войска, так и стратегические резервы на последующий стремительный разгром.

Мобилизация также охватила огромную массу тылов, необходимых для снабжения сражающихся войск и подготовки театра

военных действий, особенно в инженерном отношении. Накануне войны на фронтах и в армиях было мало или вообще не имелось никаких тыловых служб, а те службы, что находились в подчинении у полевых частей или военных округов, содержались на сокращенных штатах мирного времени. Поэтому МП-41 наметил параметры мобилизации тыловых структур, требуя сформировать органы служб тыла армий через 7 дней, органы фронтов — через 15 дней, а органы ВВС — через 5 дней. Это требовало формирования при каждом фронте 400–500 частей и организаций тыловых служб, в том числе более 100 — при каждой армии.⁵⁴

Мобилизационный план требовал, чтобы «устойчивые и постоянные» органы фронтов содержали крупные запасы — от 9 до 10 боекомплектов боеприпасов, до 10 заправок горючего и 30-дневный запас продовольствия в дополнение к трех-шестидневному запасу в войсках. Хотя общий план мобилизации содержал в себе отдельный «План развертывания тылов», действенность этого плана сильно снизила путаница ответственностью за планирование и руководство службами тыла (об этом см. главу 6). В итоге возникла нехватка ключевых материалов, в особенности транспорта, а вдобавок обнаружилось неверное развертывание резервных запасов. По существу, план мобилизации тыловых служб и то, как он приводился в исполнение, не отвечал требованиям мобилизации войск и планам стратегического развертывания. В результате службы тылового обеспечения стали с началом войны ахиллесовой пятой Советов.

Подготовка к боям театра военных действий в инженерном отношении тоже оказалась недостаточной — частично из-за изъятий в планировании и частично из-за смещения советской границы в 1939 и 1940 годах на запад. План строительства укрепрайонов и оборонительных сооружений вдоль границы к 1941 году выполнить было невозможно, а спешная подготовка пограничной обороны привела в расстройство другие аспекты общих оборонительных планов. Особые планы восстановления сети железных дорог и распространения ее до новых западных границ тоже не были выполнены к лету 1941 года, поскольку советская промышленность не произвела потребного количества рельс-сопроката. То же относилось к планам производства колючей

провокация и средств радиосвязи — к июню 1941 года они были выполнены только на 75 процентов.⁵⁵

*«Таким образом, к началу войны театр военных действий не был хорошо подготовлен; это существенно затормозило стратегическое развертывание войск и приведение в состояние боевой готовности войск в приграничных военных округах и отрицательно сказалось на ходе оборонительных боев в начальный период войны».*⁵⁶

Хотя планы мобилизации и развертывания войск страдали сильными изъянами, что обусловило последующую серию военных катастроф в начальный период военных действий, к 1941 году советская система подготовки личного состава сумела сформировать общий резерв живой силы в 14 миллионов бойцов. Мобилизационная система Генштаба, при всех ее изъянах, позволила Красной Армии создать в начальный период войны потрясающее число новых армий, дивизий и других соединений. В конечном счете именно эта система и войска, произведенные ею в 1941 и позже, в 1942 годах, дали возможность Красной Армии и советскому государству пережить тот первоначальный период войны и оказаться победителями в 1945 году.

Статистические данные

Таблица 4.1

Кадровые и территориальные части Красной Армии

	1 января 1937 г.	1 января 1938 г.	1 января 1939 г.
Кадровые стрелковые дивизии	49	50	84
Смешанные стрелковые дивизии	4	2	0
Территориальные дивизии	35	34	0
Кадровые горнострелковые дивизии	9	10	14
Отдельные бригады	0	0	5
Отдельные территориальные полки	2	2	0
Всего	97 див. 2 полка	96 див. 2 полка	98 див. 5 бригад

Источник: И. Г. Павловский. Сухопутные войска СССР. Москва: Воениздат, 1985, 65.

Таблица 4.2

Увеличение Красной Армии с 1939 по июнь 1941 года

	1 июня 1938 г.	1 сентября 1939 г.	декабря 1940 г.	июня 1941 г.
Армии	1	2	20	20
Стрелковые корпуса	27	25	30	62
Стрелковые дивизии (регулярные)	71	96	152	196
Стрелковые дивизии (кадровые)	35	0	0	0
Моторизованные стрел- ковые и механизизиро- ванные дивизии	0	1	10	31
Кавалерийские корпуса	7	7	4	4
Кавалерийские дивизии	32	30	26	13
Стрелковые бригады	0	5	5	3
Танковые дивизии	0	0	18	61
Танковые корпуса	4	4	0	0
Укрепрайоны	13	21	21	120
Воздушно-десантные бригады	6	6	12	16
Воздушно-десантные корпуса	0	0	0	5
Численный состав РККА	1 513 000	1 520 000	4 207 000	5 373 000

Источники: И. Х. Баграмян. История войн и военного искусства. Москва: Воениздат, 1970; В. А. Анфилов. Провал блицкрига. Москва: Наука, 1974; А. Рыжаков. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // ВИЖ № 8 (август 1968).

Таблица 4.3

Мобилизация требуемая по МП-41

	В мирное время	Согласно МП-41	В целом
Штабы фронтов	1	7	8
Штабы армий	16	13	29
Штабы стрелковых корпусов	62	0	62
Стрелковые дивизии	198	0	198
Отдельные стрелковые бригады	3	0	3
Механизированные корпуса	29	0	29
Танковые дивизии	61	0	61
Моторизованные дивизии	31	0	31
Кавалерийские корпуса	4	0	4
Отдельные воздушно-десантные бригады	16	0	16
Корпусные артиллерийские полки	72	22	94
Артиллерийские полки РГК	56	18	74
Отдельные противотанковые артиллерийские бригады	10	0	10
Авиационные корпуса	5	0	5
Авиационные дивизии	53	26	79
Авиационные полки	247	106	353

Примечание: 26 авиадивизий и 106 авиаполков находились в процессе формирования и должны были быть мобилизованы по готовности.

Источник: Начальный период Великой Отечественной войны: выводы и уроки. Москва: Академия Генштаба им. Ворошилова, 1989, 40.

Таблица 4.4

**Запланированная мобилизация стратегических резервов,
май–июнь 1941 года**

	Место формирования	Место прибытия
16-я армия	Забайкальский военный округ	Проскуров, Хмельницкий (Киевский военный округ к 22 июня)
19-я армия	Северо-Кавказский военный округ	Черкассы, Белая Церковь (Киевский военный округ к 22 июня); 34-й СК — Ржищев к 22 июня; 25-й СК — Корсунь к 22 июня; 67-й СК — Тараща к 22 июня
25-й механизированный корпус (19-я армия)	Орловский военный округ	Мироновка (Киевский военный округ к 7 июля)
20-я армия	Орловский военный округ	61-й СК — Могилев к 22 июня; 69-й СК — Смоленск к 22 июня; 20-й СК — Кричев к 22 июня; 41-й СК — Дорогобуж к 22 июня (Московский военный округ к 3–5 июля)
7-й механизированный корпус	Орловский военный округ	Орша (Московский военный округ к 5 июля)
21-я армия	Приволжский военный округ	66-й СК — Чернигов к 22 июня; 63-й СК — Гомель к 22 июня; 45-й СК — Остер к 22 июня; 30-й СК — Бахмач к 9 июля; 33-й СК — Городня к 10 июля
22-я армия	Уральский военный округ	62-й СК — Себеж к 2 июля; 51-й СК — Витебск к 2 июля
24-я армия (52-й и 53-й СК)	Сибирский военный округ	Нелидово, Белый (Московский военный округ к 15 июля)
28-я армия (30-й и 31-й СК)	Архангельский военный округ	Дорогобуж, Ельня, Жуковка (Московский военный округ к 15 июля)

Источники: М. В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. Москва, Воениздат, 1989, 258–262. Заметьте, что некоторые корпуса (30-й) в ходе развертывания перешли в другое подчинение.

Глава 5

БОЕГОТОВНОСТЬ: СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА

В 1941 году Красная Армия прилагала все силы к тому, чтобы преодолеть последствия внутренней политической борьбы в стране и отнюдь не блестящих военных действий за рубежом. Внутренняя политическая борьба в Советском Союзе связывалась с укреплением диктаторской власти Сталина, которое в конце 1930-х годов прямо привело к жестоким чисткам в руководстве Красной Армии. Между 1937 и 1941 годами погибли самые сливки советских военных талантов, в том числе и те провидцы, которые начали превращать Красную Армию из пехотно-конной массовой армии в современные вооруженные силы, способные и готовые воспользоваться плодами технологии двадцатого века. На июнь 1941 год корпус советских старших офицеров состоял большей частью из политических подхалимов и подпевал Сталина — и из куда меньшего числа старших и уцелевших младших офицеров, довольно умелых, но сплошь довольно сильно запуганных страшной судьбой своих предшественников.

Некомпетентность или неопытность этого некомпетентного и запуганного офицерского корпуса частично внесла свой вклад в не слишком успешное выступление советских вооруженных сил во время занятия в сентябре 1939 года восточной Польши и в ходе последующей Финской войны 1939–1940 годов. Одновременно

уцелевшее военное руководство отменило по указанию Сталина многие из реформ своих попавших под чистку предшественников (например, осенью 1939 года были расформированы механизированные корпуса*). Разгром в мае-июне 1940 года французской армии, повторивший урок мобильной войны, преподанный немцами в сентябре 1939 года в Польше, еще сильнее ошеломил Советы и побудил их с горечью заметить, что *«фашистская Германия применила разработанный нами ранее метод глубоких операций. Немцы позаимствовали достижения советской военно-теоретической мысли и с большим успехом применили их в войне с Польшей и Западом»*¹. Но факт оставался фактом: немцы в 1940 году энергично использовали прогрессивную военную организацию, в то время как в Советском Союзе военная реформа постепенно деградировала.

Пережив шок от собственных неудач и немецких успехов, Советы запустили ускоренную программу нового укрепления своих вооруженных сил. Последующие реформы, носящие имя наркома обороны С. К. Тимошенко, повлияли практически на все грани Красной Армии. Спешно начав их с середины 1940 года, Советы попытались вновь создать структуру механизированных войск, увеличить и модернизировать артиллерийские и воздушно-десантные войска, модернизировать и усилить стрелковые части и создать для снабжения таких крупных и современных сил достаточно мощную систему тылов. Амбициозность и размах этой программы реформ и лихорадочная спешка с проведением ее в жизнь ярко продемонстрировали советскую озабоченность надвигающейся угрозой. А хаотические результаты этой попытки реформ подчеркнули полнейшую бесполезность данных усилий.

* Эта акция не была такой неоправданной, как кажется автору — в 1941 году вновь созданные корпуса были опять расформированы. Танковые и механизированные корпуса и танковые армии, созданные в 1942–1944 годах, после появления в Красной армии достаточного количества танков, имели уже *принципиально* иную структуру. (Прим. ред.)

* * *

Сухопутные войска Красной Армии состояли из стрелковых войск, бронетанковых и механизированных войск, воздушно-десантных войск, артиллерии, инженерных войск, войск химзащиты и войск связи. В мирное время сухопутные войска были организованы в 16 военных округов и Дальневосточный фронт. Когда же разразится война, западные приграничные военные округа (Ленинградский, Прибалтийский особый, Западный особый и Киевский особый) сразу же должны были стать фронтами военного времени. Каждому фронту, вкупе с приданными ему ВВС, предназначалось действовать на одном из ключевых стратегических направлений.

Фронт состоял из трех-четырех армий, включающих в себя разные рода оружия, а также мобильных войск — от двух до восьми механизированных корпусов и иногда кавалерийских корпусов, фронтовой авиации и артиллерии, инженерных войск и войск связи. В рамках фронта армиям предназначалось выполнять оперативные задачи на оперативных направлениях военного времени.

Самым высоким уровнем тактических соединений сухопутных войск были стрелковые, механизированные и кавалерийские корпуса. Основным «строительным кубиком» тактического соединения была дивизия, которая, в соответствии со своим составом, могла быть стрелковой, горно-стрелковой, мотострелковой, кавалерийской, танковой или моторизованной.

Стрелковые войска

Начиная с 1939 года советское правительство из-за нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке постоянно расширяло структуру своих вооруженных сил. Наиболее очевидным это расширение выглядело в сухопутных и стрелковых войсках. (Подробную раскладку см. в таблице 5.1 в конце данной главы). В июне 1941 года в структуре вооруженных сил Красной Армии

преобладали традиционные стрелковые войска. 63 стрелковых корпуса, 198 дивизий (177 — стрелковых, 19 — горнострелковых и 2 — мотострелковых) и 3 бригады стрелковых войск составляли 65 процентов от общего числа советских соединений и 56,6 процентов личного состава сухопутных войск².

5 апреля 1940 года НКО ввел новые штаты для стрелковой дивизии, которая должна была заменить прежнюю дивизию с двойным составом мирного времени (6000 и 12 000) — увеличив численность стрелков, подняв численность стволов дивизионной артиллерии, улучшив противотанковые и противовоздушные возможности и добавив к каждой дивизии по батальону легких танков из 16 машин. Эта новая дивизия состояла из трех стрелковых полков, двух артиллерийских полков (одного собственно артиллерийского и одного гаубичного), а также разведывательного, противотанкового, противовоздушного, саперного (инженерно-строительного), связи и танкового батальонов. На бумаге новая дивизия могла выставить в поле 14 483 бойца, 78 артиллерийских орудий (калибром свыше 50 мм), 66 82-мм и 120-мм минометов плюс 84 50-мм миномета, 54 противотанковые пушки калибром 45 мм, 12 зенитных орудий, 16 легких танков, 13 бронемашин, 558 автомобилей и 300 лошадей.

Однако накануне войны большинство дивизий во внутренних военных округах были по-прежнему организованы по старым штатам или же находились в процессе перехода на новые. Новая советская стрелковая дивизия имела на 2376 бойцов меньше, чем у ее оппонента — немецкой пехотной дивизии, но на бумаге ее вооружение почти ничем не уступало вооружению немецкой дивизии, кроме как в отношении противотанковой обороны (сравнение немецких и советских дивизий см. таблицу 5.2)*. Однако в июне 1941 года у большинства советских стрелковых дивизий не имелось ни машин, ни танков, использованных для формирования новых механизированных корпусов.

* Автор почему-то не упоминает о двукратном (!) превосходстве немецкой дивизии в штатном количестве транспортных средств, которое следует из его таблицы. (Прим. ред.)

Теоретически советские пехотинцы в стрелковых дивизиях (и в танковых частях) были оснащены самым лучшим оружием пехоты. Это были ручной пулемет ДП-27, станковый пулемет ДС-39, пистолет-пулемет ППД (изобретенные В. А. Дегтяревым) и самозарядная винтовка СВТ (изобретена Ф. В. Токаревым). Однако новое оружие внедрялось в структуру пехотных войск медленно, и к 1941 году его количество достигло лишь половины требуемого. Пистолеты-пулеметы были сделаны массовым оружием пехоты в основном благодаря опыту Финской войны, который показал, что пехоте требовалась булшая огневая мощь. Хотя по штатам 1941 года стрелковой дивизии требовалось иметь на вооружении по 1204 автомата на каждую стрелковую дивизию, у дивизий Западного особого военного округа имелось в среднем по 550 автоматов на дивизию, а в Киевском особом военном округе — по 267 на дивизию. Большая часть советской пехоты была вооружена более старой винтовкой Мосина образца 1891/1930 годов и пулеметом «Максим» образца 1910* года.

Большинство дивизий были сведены в стрелковые корпуса, каждый из которых имел в своем составе две-три стрелковые дивизии, два полка корпусной артиллерии, отдельные зенитный и саперный батальоны и меньшие подразделения связи и службы тыла. На бумаге численность корпуса из трех дивизий насчитывала 51 061 бойца, 306 полевых орудий (калибром 76 мм и выше), 162 45-мм противотанковые пушки, 48 зенитных орудий, 198 минометов (калибром свыше 50 мм), 48 легких танков (Т-38) и 39 бронемашин.³ На стрелковый корпус возлагались основные тактические задачи: тактическая оборона и прорыв тактической обороны противника (примерно на 30-километровую глубину).

Основным соединением в Красной Армии являлась сводная (стрелковая) армия, состоящая из трех стрелковых корпусов, одного механизированного корпуса, смешанной авиадивизии, артиллерийских полков и противотанковой бригады, обеспечиваемой Резервом (Верховного) Главнокомандования (Р[В]ГК), инженерно-саперных полков, батальонов связи и тыловых частей.⁴

* У автора — «1940». (Прим. ред.)

Армии выполняли оперативные оборонительные и наступательные задачи (глубиной до 100 километров), определяемые как задачи, способствующие достижению конечных стратегических целей.

Наконец, фронты, в состав которых входили многочисленные армии и резервы РГК, служили Красной Армии основным соединением стратегического уровня. Создаваемый только во время войны на базе военного округа, фронт должен был выполнять стратегические (ведущие к победе в войне) задачи на единственном стратегическом направлении на глубину до 300 километров.

На 22 июня большинство советских стрелковых частей сильно недотягивали до штатов военного времени по своей численности и, что важнее всего, по огневой мощи и материально-техническому обеспечению. В апреле НКО приказал довести до полной штатной численности 99 стрелковых дивизий в приграничных военных округах. К 22 июня до требуемой численности довели только 21 из них, но даже в тех отсутствовал полный комплект штатного вооружения. Личный состав дивизий, в зависимости от военного округа, колебался от 70 до 82 процентов от штатной численности (численный состав дивизий см. в таблице 5.3).

В корпусах и дивизиях нехватка оружия и недостатки в структурах материально технического обеспечения были еще острее. Производство новых пулеметов «Максим» и пистолет-пулеметов отставало от графика, лишая советских пехотинцев критически важной огневой мощи для отпора противникам. Вдобавок у стрелковых корпусов и дивизий имелся лишь один артиллерийский полк вместо двух, а противотанковая и зенитная артиллерия либо вообще отсутствовала, либо была скудно оснащена устаревшим оружием. Дивизионные танковые батальоны не были сформированы, поскольку все танковые ресурсы были переданы на формирование новых механизированных корпусов; по тем же причинам либо отсутствовали, либо имелись в очень недостаточном количестве автомашины. Короче говоря, большинству корпусов и дивизий недоставало личного состава, огневой мощи, материально-технического обеспечения и мобильности⁵.

Подобно другим войскам, стрелковые войска были сильно ослаблены чистками среди командных кадров. Большинство командиров занимало посты и выполняло обязанности одним-двумя уровнями выше своего опыта и подготовки, поэтому на уровне полков и батальонов преобладали неопытные офицеры. Данное положение еще больше усугублялось массовой мобилизацией и созданием новых соединений. Вот что по этому поводу говорит анализ того времени:

*«Как показали военные инспекции весной 1941 года, в подготовке стрелковых войск существовали важнейшие недостатки. Поэтому штабы корпусов, дивизий и полков справлялись со своими обязанностями на маневрах в лучшем случае удовлетворительно, но многие справлялись с ними плохо. Для поднятия боевой подготовки стрелковых войск до уровня требуемого положением дел требовалось еще больше времени».*⁶

Стрелковые дивизии, отправленные на фронт из внутренних военных округов, не были полностью отмобилизованы и зачастую лишены тылов и транспорта. Отделенные от своей мобилизационной базы, они так и не смогли полностью развернуться. Их состояние готовности было намного хуже, чем у их контрагентов в приграничных военных округах.

Приказ Прибалтийского особого военного округа от 15 июня 1941 года зафиксировал:

«Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями».

Порядок действий сбора по тревоге зачастую выполнялся неправильно, а солдаты были плохо подготовлены к боям. Доклад критиковал старших командиров 90-й и 125-й стрелковых дивизий за «халатность и легкомыслие» на маневрах и всех офицеров —

за неумение улучшить в мае и июне тягостное состояние боевой готовности дивизий⁷.

В самый канун немецкого нападения еще один доклад из Прибалтийского особого военного округа, присланный в Генеральный штаб генерал-лейтенантом П. С. Кленовым, начальником штаба военного округа, сообщал о плохой связи в округе, в том числе о слабости фронтовых и армейских частей связи и отсутствии требуемой тыловой связи и ключевого имущества связи, вызванного в первую очередь внутренней нехваткой и частичной мобилизацией.⁸ Позже, 22 июня, командующий военным округом (теперь уже Северо-Западным фронтом) генерал-полковник Ф. И. Кузнецов признал, что 184-я, 181-я и 81-я стрелковые дивизии были численно недоукомплектованными и вследствие этого «ненадежными» и затребовал у НКО прислать недостающий личный состав для этих бывших территориальных дивизий.⁹

А в докладе от 23 июня генерал П. Белов, начальник артиллерии Северо-Западного фронта, жаловался на нехватку боеприпасов и отсутствие у армейской артиллерии ремонтной базы, кроме дивизионных ремонтных мастерских.¹⁰ Схожий доклад о состоянии связи Северо-Западного фронта отмечал, что, когда началась война, полк связи округа и батальоны связи армий, корпусов и дивизий пребывали в структуре мирного времени, не имели транспорта и не могли установить связи по требованиям военного времени. Ужасное состояние частей связи фронта вкупе с уничтожением линий связи, вызванными наступающими немецкими войсками, мешали связи на всех уровнях и парализовали связь ниже уровня армий. Хотя радиосвязь «с первого дня войны работает почти без перебоев, но штабы неохотно и неумело в начале войны пользовались этими средствами связи». Еще более катастрофическим являлось отсутствие у фронтов и армий средств создания мобильной связи.¹¹

В сфере другого оружия войсковой поддержки дела обстояли едва ли лучше. Например 20 августа полковник Ивин, начальник артиллерии 8-й армии, ретроспективно доложил:

«Артиллерия армии выступила на фронт и вступила в боевые действия с большим некомплектом по штатам мир-

ного времени как в людской составе, так и в транспортных средствах, средствах связи и наблюдения. Частям не только не было приказано взять имущество до штатов военного времени, но они не были информированы о возможности боевых действий, поэтому имущество, положенное замене, транспорт, средства связи, средства наблюдения не были взяты до штатов военного времени.

Большой некомплект в людском составе, транспорте, в средствах связи и разведки, а подчас и в вооружении имел большое влияние на боевую деятельность артиллерии».¹²

Отсутствие автотранспорта и нехватка оборудования связи урезали снабжение частей боеприпасами и эвакуацию поврежденных орудий, делали невозможным ведение действенного артиллерийского огня. Полки корпусной артиллерии не имели никаких средств технической разведки и не могли сделать свой огонь по вражеским объектам массированным. Вдобавок в штабах корпусной и дивизионной артиллерии не хватало обученных кадров, поэтому действовали они плохо. Подробный доклад от 7 июля начальника штаба 27-й армии полковника Ворознева, с горечью перечислял недостатки в операциях штабов армии, корпусов и дивизий в первые дни боев.¹³ Доклад Ворознева служит типичным образцом схожих критических замечаний обнаруживаемых в военной переписке по всему Северо-Западному фронту в начальный период войны.

Фактически имеющиеся архивные материалы всех действующих фронтов содержат схожие рефрены относительно нехватки личного состава и снаряжения, а также недостатков подготовки частей и офицеров. Особенно выделяется критический отзыв, подготовленный к 23 июня Военным советом Западного фронта. Он начинается с заявления: «*Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе и больших начальников*»¹⁴. Периодические донесения о положении дел подчиненных армий Западного фронта отчетливо проиллюстрировали, как неадекватная боеготовность быстро снизила численность всех боевых частей. Генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, командующий 3-й армией, докладывал вечером 23 июня:

*«деремся без транспорта, горючего и при недостаточном вооружении. Только у Николаева [командира дивизии] не хватает 3500 винтовок»*¹⁵. Генерал-майор А. Н. Ермаков, командир 2-го стрелкового корпуса Западного фронта 25 июня доложил, что штаб-квартира и части его корпуса мобилизовались в Минске. К вечеру 24 июня собралось лишь 10 процентов состава дивизии, хотя на следующий день поступление личного состава восстановилось до нормального уровня. Однако части корпуса не имели никакого автотранспорта, а у многих солдат отсутствовало обмундирование.¹⁶ Через четыре дня, когда немецкие войска подступили к Минску, Ермаков доложил:

«К данному моменту положение корпуса весьма трудное: (а) нет огнестрелкового; (б) нет горючего; (в) нет продовольствия; (г) нет транспорта для подвоза и эвакуации; (д) нет связи 161-й стрелковой дивизии и большой некомплект в корпусном отдельном батальоне связи; (е) нет госпиталей (корпусные не отобмобилизованы)».¹⁷

Эти и многие подобные донесения хорошо объясняют, почему немецкое нападение в считанные дни вызвало полный развал Западного фронта.

Составители советских военных планов подчеркивали важность Северо-Западного направления в случае войны. И все же даже на этих критических участках соединения Красной Армии проявили многие из тех же недостатков, которые отмечали боевое выступление советских войск на других участках. Через четыре дня после начала войны начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант М. А. Пуркаев доложил в Ставку, что большой некомплект у фронта тракторов, транспортных машин, а также боеприпасов «снижает боеспособность войск». *«Это относится, — докладывал он, — в первую очередь к новым формированиям стрелковых и особенно мотомеханизированных войск»*.¹⁸ А 29 июня командующий фронтом, генерал-полковник М. П. Кирпонос раскритиковал боевые действия 36-го стрелкового корпуса и приданных ему соединений, заявив, в частности: *«Подразделения, не имеющие материальной части, в бой как*

стрелки не вводятся, загромождают тылы и дороги». Он также упомянул трудности со связью, плохую разведку, не блистающих талантами командиров, неадекватное управление частями и «случаи паники (140-я и 146-я стрелковые дивизии), когда, даже не видя противника или при незначительном его появлении, подразделения бежали в тыл, бросая все на своем пути, а командиры подразделений и частей должных мер к установлению порядка не принимали».¹⁹

Анализ состояния артиллерийских частей Киевского особого военного округа накануне войны отмечал, что *«обеспеченность стрелково-минометным вооружением, особенно формируемых частей, была низкой. Недоставало комплексных, крупнокалиберных и ручных пулеметов, револьверов, пистолетов, пистолетов-пулеметов, 82-мм минометов и т. д.»*.²⁰ Сопровождающие этот анализ списки подчеркивали острую нехватку оружия всех категорий.

Подобные доклады продолжали и продолжали поступать; по ним видно, что особенно сильный недостаток в вооружении испытывали соединения, создаваемые с марта по июнь — в том числе 2-й стрелковый и 5-й механизированный корпуса. В результате они пошли в бой неподготовленными — точно так же, как 206-я, 227-я и 147-я стрелковые дивизии и 5-й укрепрайон.

Еще один подробный анализ действий артиллерии Юго-Западного фронта, подготовленный вскоре после начала войны, перекликался с более ранним докладом — указывая, что существующее вооружение зачастую устарело и нуждается в ремонте, и подчеркивая отсутствие транспорта, необходимого для транспортировки вооружения и пополнения его боеприпасами. Множество других архивных донесений подробно описывают скверную боеготовность соединений фронтов.

Ретроспективный подробный отчет о готовности стрелковых войск 5-й армии Юго-Западного фронта подтверждает некомплект личного состава и ключевых командных кадров:

«Стрелковые дивизии, содержащиеся по штатам военного времени, имели в среднем по 10 000 бойцов, или 70 процентов от должной штатной численности. Укомплектованность

*командным составом (генералами и офицерами) в среднем составляла 68-70 процентов, старшин — 70-72 процента и рядовых — 66 процентов. Водителей в стрелковых дивизиях хватало для 60-70 процентов автомашин».*²¹

Хотя войска 5-й армии имели достаточное количество основного стрелкового оружия, оснащения других видов не хватало — в том числе от 65 до 70 процентов потребных пистолетов-пулеметов (ППД), 85 процентов станковых пулеметов и 94 процентов крупнокалиберных зенитных пулеметов. Нехватка артиллерии включала в себя 50 процентов требовавшихся 37-мм зенитных орудий, 60-67 процентов 76-мм корпусных зенитных орудий и 50-60 процентов артиллерийских тягачей. Схожая нехватка наблюдалась и с боеприпасами для этих видов оружия. После 20 мая 1941 года пошел призыв резервистов, который добавил каждой дивизии в среднем 2500 призывников и 150-200 старшин. Хотя это довело численный состав дивизий до 12-12,5 тысяч бойцов*, большинство из этих новобранцев так и не были к началу войны полностью интегрированы в боевые подразделения.²²

Таким образом, на бумаге советские стрелковые войска приграничных военных округов выглядели многочисленными. Однако простое число дивизий вводило в заблуждение. В действительности же у большинства боевых единиц отсутствовала полная штатная численность, а критическая нехватка ключевых видов оружия, средств связи, транспорта, материально-технического снабжения, вкупе с гибелью обученных, опытных и умелых руководителей, делали боевую мощь этих войск пустым звуком и предвещали стремительное советское поражение.

Механизированные войска

Потрясенные сенсационными успехами немецких бронетанковых войск в ходе французской кампании 1940 года, Советы в

* Кроме 135-й стрелковой дивизии, в которой насчитывалось 9911 человек. (Прим. ред.)

середине 1940 года лихорадочно пытались исправить ошибки, сделанные ими в 1939 году, когда они расформировали свои прежние пять танковых корпусов²³. Анализ, совместно подготовленный в начале мая 1940 года уходящим со своего поста наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и его преемником С. К. Тимошенко, лаконично обрисовал эту проблему:

«Вооружение танковых частей в своем развитии также отстает от современных требований, в результате чего современные толстобронные танки внедряются исключительно медленно.

Наличный автобронетанковый парк в течение последних двух лет подвергался напряженной эксплуатации в боевых условиях (Халхин-Гол, поход в Западную Украину и Западную Белоруссию и война с белофиннами), вследствие чего в значительной своей части требует капитального и среднего ремонта. Однако ремонт этих машин, при наличии достаточной ремонтной базы, затягивается из-за отсутствия необходимых запасных частей. Существующие ремонтные комплекты как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые детали в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

*Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта. Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мхтяге».*²⁴

Ввиду всего этого НКО 6 июля 1940 приказал создать для улучшения ударных возможностей Красной Армии 9 новых механизированных корпусов, а в феврале-марте 1941 года начали

формироваться дополнительные 20.²⁵ Значительно более крупные, нежели их предшественники, на бумаге эти новые корпуса состояли каждый из двух танковых дивизий, одной механизированной дивизии, мотоциклетного полка, моторизованного инженерного батальона и батальона связи, авиаотряда и небольших единиц материально-технического обеспечения.²⁶

Входящая в корпус танковая дивизия состояла из двух танковых полков, одного мотострелкового и одного артиллерийского полка, противотанкового, зенитного, разведывательного, понтонно-мостового батальонов, батальона связи и небольших единиц материально-технического обеспечения — всего общей численностью 11 343 бойца (в 1941 — 10 940), 60 орудий и минометов, и 375 танков (в том числе 63 тяжелых КВ и 270 средних Т-34). Моторизованная дивизия состояла из двух мотострелковых полков, одного танкового и одного артиллерийского полка, а также подразделений поддержки, сходных с такими же в танковой дивизии. Численность ее составляла 11 650 бойцов, 98 орудий и минометов, 275 легких танков и 49 бронемашин.

Теоретически общая численность каждого нового механизированного корпуса составляла 36 080 бойцов, 1031 танк (в том числе 126 новых КВ и 420 новых Т-34), 358 орудий и минометов, 268 бронемашин, 5165 автомашин и 352 тракторов. Эти новые корпуса были бронированным сердцем Красной Армии, и Советы совершенно справедливо считали, что они являются жизненно важными для достижения наступательных или оборонительных целей в современной войне.

На бумаге численность советских механизированных корпусов была намного выше, чем у их немецких «оппонентов». Сравнение численности советских и немецких танковых и моторизованных дивизий см. в таблице 5.4.

Создание своих новых огромных бронетанковых войск Советы надеялись завершить к лету 1942 года. Однако, несмотря на торопливые попытки ускорить эту программу, к 22 июня 1941 года большинству механизированных корпусов все еще прискорбно недоставало личного состава, материальной части и технического обеспечения, а служившие в них офицеры и солдаты были большей частью недостаточно подготовлены. Наиболее укомп-

лектованными были расположенные в приграничных военных округах девять первоначальных корпусов — но даже они страдали крупными недостатками, в число которых входили нехватка личного состава, плохая подготовка командиров и частей, недостаточное количество вспомогательного снаряжения (особенно раций) и абсолютно неадекватная система материально-технического обеспечения. Численность всех советских механизированных корпусов см. в таблице 5.5.

Несмотря на эти слабости, два из этих корпусов (1-й и 6-й) имели повышенную численность танков (хотя в основном и старых марок), а два корпуса (4-й и 8-й)* получили свыше 75 процентов машин новых марок. Остальные же 20 мехкорпусов были почти не готовы к каким-либо боям и обладали лишь 53 процентами штатного числа танков. Особенно не хватало новых тяжелых танков КВ и средних танков Т-34 — к 22 июня этих машин имелось в общей сложности 1861²⁷, из этого общего числа 1475 танков были неравномерно распределены по корпусам западных военных округов. Всего эти корпуса имели только 19 процентов требовавшихся им тяжелых танков и 11,2 процента своих средних танков.

Для доведения всех механизированных корпусов до полной боевой численности требовалось еще 16 500 танков новых марок, поэтому НКО предвидел, что промышленности понадобится не меньше трех лет для удовлетворения этой потребности. А тем временем на вооружении мехкорпусов стояли в основном легкие танки более старых марок — БТ и Т-26. Ожидая скорого прибытия на замену им танков новых марок, советские командиры допустили доведение этих танков прежних марок до совершенного износа. На 15 июня 1941 года 29 процентам танков прежних марок требовался капитальный ремонт, а 44 процентам — средний ремонт.²⁸

В новых механизированных корпусах имелось также 39 процентов положенных им автомашин, 44 процентов тракторов (для артиллерии на механической тяге) и 17 процентов мотоциклов (для разведки).²⁹ В целом численность личного состава корпусов

* Так в оригинале книги. Очевидно, 4-й и 8-й. (Прим. ред.)

колебалась в диапазоне от 22 до 40 процентов от штатной рядовых и от 16 до 50 процентов младших офицеров. Нехватка опытных старших командиров и штабных офицеров была еще более резко выраженной. На 22 июня корпуса в западных приграничных округах имели в среднем 75 процентов личного состава от штатного и 53 процента снаряжения от штатного. У половины механизированных корпусов в западных округах было лишь 50 процентов требовавшихся им танков, а современные танки были распределены не поровну (точное распределение танков см. в таблице 5.6).

Во многих корпусах оставались вакантными штабные должности и отсутствовали многие вспомогательные подразделения; органы материально-технического обеспечения были слабыми, боеприпасов не хватало, имелось мало офицеров с хоть каким-то опытом деятельности по поддержанию материально-технического обеспечения войск в современной механизированной войне. Например, в штабах 15-го, 16-го, 19-го и 22-го механизированных корпусов отсутствовали оперативный и разведывательный отделы. Доклад командующего 9-м механизированным корпусом генерал-майора К. К. Рокоссовского отмечал, что на 28 апреля 1941 года у частей корпуса имелись лишь 3 процента его инженерно-саперного состава (5 из 165 бойцов) и 22 процента от штатного числа техников (110 из 489 бойцов).³⁰

Поскольку механизированные корпуса формировались на базе существующих кавалерийских корпусов и дивизий, вышеперечисленные недостатки усугублялись еще и тем, что многие из их новых офицеров были совершенно не знакомы с основами действий бронетанковых сил. Спешно организованные курсы переобучения не смогли решить эту проблему. Более того, поскольку танки новых марок КВ и Т-34 являлись секретными, обучение применению их было ограниченным, и к 22 июня лишь 20 процентов военнослужащих корпуса имели хоть какой-то опыт использования этих машин.

Постоянно меняющееся подчинение механизированных корпусов порождало некоторую неразбериху относительно их предполагаемого применения в военное время. Часть корпусов была подчинена армиям прикрытия, расположенным вдоль границы,

а другие были напрямую подчинены командующим военными округами. В случае войны корпуса в Прибалтийском особом военном округе находились под началом командующего этим военным округом, однако после остановки наступления противника они переходили в подчинение командующего 8-й армией для участия в запланированных контрударах. В Западном особом военном округе четыре из шести корпусов входили в состав армий прикрытия, а два подчинялись командованию округа. Корпуса, расположенные в полосе прикрывающих армий, предполагалось использовать в основном во втором эшелоне — для контратак против прорывающихся вражеских сил на заранее спланированных маршрутах развертывания и направлениях атак. С другой стороны, у механизированных корпусов, находившихся под прямым управлением военных округов, не было никаких заранее намеченных к выполнению задач. Хотя использование механизированных корпусов под управлением армии позволяло раньше наносить тактические контрудары, оно лишало командующего округом возможности собрать свои бронетанковые силы в кулак для выполнения более важных оперативных задач.

Эти проблемы организации и субординации еще больше осложнялись тем, что механизированные корпуса в западных военных округах были неудачно развернуты и не могли эффективно проводить ни оборонительных, ни наступательных операций. Они располагались на расстоянии от 40 до 100 километров друг от друга, составляющие их дивизии тоже были разбросаны так, что не могли быстро сосредоточиться; зачастую они находились далеко от своих баз материально-технического снабжения (если такие вообще существовали) и у них не имелось транспорта для адекватного пополнения критически необходимых запасов горючего и боеприпасов (географическое распределение советских механизированных корпусов см. в таблице 5.7).

Однако в целом, несмотря на все описанные трудности с организацией, структурой и оснащением, советские танки как старых, так и новых марок, помимо своей большей численности, явно превосходили аналогичные немецкие машины. Немецкие легкие танки (PzKpfw I и PzKpfw II) уступали советским серии

БТ и Т-26*, а средние танки PzKpfw III и IV не могли тягаться со средним танком Т-34 и тяжелым КВ.³¹ Новые советские танки Т-34 и КВ превосходили любые выставленные немцами марки по огневой мощи, толщине брони и мобильности. Их дизельные моторы загорались не так охотно как бензиновые двигатели немецких танков, лобовую броню Т-34 могли пробить только 50-мм противотанковые снаряды (с дистанции до 500 метров), а КВ был неуязвим для всего существующего танкового оружия. Вдобавок советские танки и более старых марок могли победить любой существующий немецкий танк. Советские танки с дизельными моторами Т-26, БТ-5 и БТ-7 могли уничтожить все немецкие танки, и даже 45-мм снаряды советских легких танков пробивали любую немецкую броню, кроме брони PzKpfw IV.**

Однако плохая подготовка танкистов и отвратительная работа служб тыла и материально технического обеспечения сводили на нет преимущества советских танковых войск. Особо много проблем возникало с ходовой частью советских танков — двигателями и трансмиссиями. Многочисленные советские архивные документы указывают, что накануне войны многим из советских танков прежних марок позволили прийти в негодность, а у новых советских танков зачастую даже не были отъюстированы прице-

* Танков Pz I в войсках вермахта на Востоке имелось около 180, танков Pz II — 746. Последние имели такой же вес, как советские Т-26 (9–10 тонн), и лучшую бронезащиту (30 мм против 15); несмотря на разный калибр пушек, друг друга они могли поразить примерно на одном расстоянии — до 400 метров. (Прим. ред.)

** Бронепробиваемость советской 45-мм танковой (и противотанковой) пушки против немецкой цементированной брони равнялась 32 мм на дистанции 400 метров. Лобовая броня немецких танков Pz 38(t), Pz III и Pz IV большинства модификаций в 1941 году составляла 50 мм. Танки Т-26, БТ-5 оснащались только карбюраторными двигателями, дизель стоял лишь на модификации БТ-7М. В целом же для эффективности боевого применения танка главным является не столько калибр пушки и толщина брони, сколько удобство его применения — надежность ходовой части, простота управления, обзор и оснащенность средствами связи. (Прим. ред.)

лы — то есть они не могли стрелять. Более того, многие экипажи танков не получили требуемой подготовки.

Все это вкупе со внезапностью немецкого нападения нивелировало численное и качественное преимущество советских танков. Это подтверждается многочисленными немецкими боевыми донесениями. В конечном счете немецкое превосходство в подготовке личного состава, в организации и материально-техническом обеспечении перевесило все советские преимущества. Немцы воевали настолько успешно и были настолько уверены в себе, что не вполне оценили новые советские танки и начали изобретать контрмеры против них только осенью 1941 года.*

Многочисленные боевые донесения Красной Армии и немцев свидетельствуют о плачевном состоянии механизированных корпусов. 27 июня генерал-майор Р. М. Шестопалов, командующий 12-м механизированным корпусом, доложил командованию Северо-Западного фронта о состоянии и боеготовности своего корпуса до немецкого нападения и после пяти дней боев. Начал он с заявления, что

*«Части до начала войны отдельными приказами и распоряжениями отрывались от боевой подготовки, и в первый же день боя стало видно, что они не представляют собой таких мотомеханизированных единиц, какие хотелось бы иметь».*³²

Впоследствии, по приказу командующего фронтом, части корпуса были брошены в бой по кускам:

«С первых же дней операции стали ежедневно по 2–3 раза поступать оперативные приказы или боевые распоряжения,

* Основным средством борьбы с тяжелыми и средними танками в вермахте с 1941 года и практически до конца войны оставалась 88-мм зенитная пушка на механической тяге. Такие орудия с начала войны входили в состав противовоздушных частей и подразделений Люфтваффе, в большом количестве приданных в оперативное подчинение наступающим наземным войскам. (Прим. ред.)

противоречащие друг другу. В результате войска напрасно дергались, и это положение не давало возможности целесообразно использовать силы и средства для выполнения приказа, это не давало возможности с эффектом применить крупное соединение»³³.

Относительно же боевой техники и снабжения корпуса Шестопалов заявил:

«4. Боевая материальная часть в соединениях оставалась старой, изношенной, в частности, по машинам БТ материальная часть участвовали в походе по освобождению Западной Белоруссии, походе в Литву и т.д.

После первого дня марша и особенно после первого дня боя машины стали быстро выбывать из строя целыми десятками. Эти машины вследствие отсутствия запасных частей, как на маршрутах, так и при боевых действиях не восстанавливались, а если восстанавливались, то некоторые, и только на поле боя, так как отсутствие тягачей не позволяло отбуксировать их на пункты сбора аварийных машин. По этой же причине много материальной части оставлялось на территории противника.

5. Зенитные дивизионы снарядами были обеспечены плохо. Так, например, 37-мм снарядов батареи имели только по 600 штук (это незначительное количество 37-мм снарядов было израсходовано в первые два дня операции), а полное отсутствие 85-мм зенитных снарядов еще в момент выхода частей по тревоге дает полную картину состояния противовоздушной обороны корпуса (ее активных форм). Это обстоятельство, а также отсутствие нашей истребительной авиации на этом направлении дали в руки неприятеля полное господство его авиации в воздухе. Поэтому неприятельские бомбардировщики совершенно безнаказанно делали то, что они хотели. Они громили части на маршах, на переправах, при расположении на месте, уничтожая материальную часть и выводя людей из строя, понижая тем самым боеспособность частей. При совершении одного марша авиация противника в течение одного дня успевала

производить бомбежку одной и той же части по 2–3 раза. 26.6.41 г. авиацией противника уничтожено и сожжено 17 боевых и около 20 транспортных машин.

В результате боевых действий только [в] одной 28-й танковой дивизии в период ее действий в направлении к шауляйскому шоссе выбыло 27 танков; в 23-й танковой дивизии — 17 танков.*

6. В дивизиях совершенно отсутствуют снаряды к 152-мм орудиям, несмотря на неоднократные заявки еще до начала войны. Необходимо учесть пополнение материальной частью, так как старая имеющаяся материальная часть вряд ли будет боеспособной (БТ и старые Т-26).

7. Материальное обеспечение бойцов удовлетворительное. Сухим пайком обеспечены были нормально. Плохо обстоит дело с питанием начальствующего состава.

8. В процессе боевых действий выявлена чрезвычайно низкая требовательность начальствующего состава, установлены случаи трусости.

9. На путях отхода стрелковых частей творилось что-то невероятное, и не было зачастую людей, которые наводили бы при отходе порядок. Не было представителей высших штабов, несущих службу контроля отхода частей.

10. Наряду с этим есть много случаев героического поведения начальствующего и рядового состава. Героической смертью погиб вместе с экипажем в сгоревшей машине заместитель командира полка майор Попов. При налете авиации противника на расположение части двумя красноармейцами были сбиты зенитками два германских бомбардировщика.

11. Убыли в личном начальствующем составе очень велики. Так, например, один танковый полк 28-й танковой дивизии в течение одного боя потерял убитыми и ранеными заместителя командира полка, двух командиров батальонов, политического руководителя.

12. Отмечена низкая требовательность начальствующего состава в смысле искоренения панибратства.

* Подчеркнутый фрагмент в книге был опущен. (Прим. ред.)

13. Наблюдается усталость личного состава вследствие выполняемых ежедневных заданий.

14. Управление войсками было слабое вследствие отсутствия радиосвязи. Постоянных проводов не было. Штатных проводных средств связи ввиду чрезмерной разбросанности дивизий не хватало. Радиосвязь почти совершенно не работала. Единственным средством связи за все время операции являлись делегаты связи»³⁴.

Генерал-майор Лелюшенко, командир 21-го механизированного корпуса, докладывал 29 июня, что его корпус вступил в бой около Двинска, и сообщал, что фактически это соединение состоит из управления корпуса и «сводных отрядов, организованных из 42-й и 46-й танковых и 185-й мотострелковой дивизий и именуемых номерами дивизий». Далее он объяснял:

«Части корпуса фактически представляют собой моторизованные группы, сформированные за счет старослужащих и частью молодых бойцов. В корпусе танков нет, кроме незначительного числа машин учебного временного парка, так как корпус к началу войны не закончил своего формирования и подготовки специалистов».

Закончил Лелюшенко свой доклад утверждением: *«Настроение бойцов и командного состава, несмотря на отсутствие штатной материальной части, недостаток горючего, боеприпасов и продовольствия, — отличное»*.³⁵

11 июля 1941 года генерал-майор Вершинин, заместитель командующего бронетанковыми войсками Северо-Западного фронта, писал генерал-лейтенанту Я. Н. Федоренко, начальнику бронетанковых войск Красной Армии: *«Только сегодня получил возможность написать Вам первый отчет по танковым войскам Северо-Западного фронта»*. Отчет же свой Вершинин начинал так:

«Общее впечатление [таково], что танки используются неправильно: без пехоты и взаимодействия с артиллери-

ей и авиацией. Хуже всего — механизированные корпуса не существуют, так как генерал-полковник Кузнецов растащил их совершенно, что способствовало огромнейшим потерям в материальной части, невиданным по своим размерам. Подробные цифры дает [полковник] Полубояров*, я же укажу только на то, что осталось в частях. Так, например, у [генерал-майора] Лелюшенко осталось 25 „КВ“, 10 „Т-26“, 4 „БТ“, 2 „Т-34“. В 3-й танковой дивизии 1-го механизированного корпуса осталось 35 „БТ“. Все танки требуют ремонта, но обстоятельства заставляют держать их в бою»³⁶.

Вершинин жаловался на отсутствие материально-технического снабжения и средств эвакуации танков и на прискорбное управление танковых частей. Вследствие этого «наши бойцы отходят не видя немцев, лишь под воздействием авиации, незначительных групп танков и часто только от немецкого огня артиллерии»³⁷. В тот же день полковник П. П. Полубояров отправил Федоренко сжатый доклад о состоянии своего механизированного корпуса. Он, в частности, гласил:

«Коротко о действиях механизированных соединений.

*а) 3-й механизированный корпус (Куркин)** погиб весь. Подробно доложит Кукушкин. Выведено пока и уже собрано до 400 человек остатков, вышедших из окружения, [из состава] 2-й танковой дивизии (Солянкин) и один танк „БТ-7“.*

5-я танковая дивизия погибла вся также в ряде окружений. Личного состава совершенно нет. Считаю, что остатки можно искать в составе войск Западного фронта.

84-я мотострелковая дивизия в боях по существу не была, отходила и окружалась несколько раз совместно с частями 16-го стрелкового корпуса.

б) 12-й механизированный корпус — в непрерывных боях около 20 суток. Первоначально при Кузнецове вводился в бой

* Начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта. (Прим. авт.)

** Генерал-майор, командир 3-го механизированного корпуса. (Прим. авт.)

крупными группами, но без пехоты, без взаимодействия с артиллерией и авиацией. В дальнейшем десятки раз вел частые контратаки и в основном вынес на себе всю тяжесть по прикрытию войск 8-й армии при ее непрерывном отходе на север.* В обеих дивизиях осталось до 80 совершенно изношенных танков и 15–17 бронемашин. Корпус, жертвуя собой, спасал пехоту от полного уничтожения и разгрома. Задачу выполнил хорошо, но сам обескровлен и требует немедленного отвода в тыл и доукомплектования. Военный совет фронта это мое мероприятие утвердил. Основные части механизированного корпуса отведены на восточный берег оз. Ильмень сегодня к утру 11.7.41 г. Однако обстановка потребовала вернуть всю пехоту механизированного корпуса (и артиллерию) с задачей занять район ст. Борок (30 км юго-западнее Новгорода) для прикрытия новгородского направления.

Подробные материалы по составу и потерям 12-го механизированного корпуса вручены капитану Кавтуненко для передачи Вам.

в) 21-й механизированный корпус не представляет из себя механизированного соединения, Это мотопехота, а чаще просто пехота, усиленная небольшим количеством танков. По последним данным, 21-й механизированный корпус (по данным генерал-майора Вершинина) располагает только „КВ” — 25 штук, „БТ” — 7 штук, „Т-26” — 4 штуки и „Т-34” — 3 штуки и действует отдельными мотострелковыми отрядами.

г) 1-й механизированный корпус, по докладу помощника командира 1-го механизированного корпуса по технической части, имеет в настоящий момент меньше 100 танков, 3-я танковая дивизия провела целый ряд тяжелых боев в районе Остров и северо-восточнее, 163-я мотострелковая дивизия действует на отдельном направлении. Командир механизированного корпуса, по сути, дивизий не имеет и „освобожден” от оперативного руководства дивизиями. Командующему фронтом доложено.

* Здесь и далее подчеркнуты фрагменты, опущенные автором книги. (Прим. ред.)

д) С 10.7.41 г. в распоряжение фронта поступила 21-я танковая дивизия 10-го механизированного корпуса. Состав: один танковый полк, мотострелковый полк, артиллерийский дивизион и другие дивизионные части. Танки старые „Т-26” около 100 штук. Всего с химическими танками — 115 штук.

4. Положение с запасными частями [в связи] с потерей подвижного склада очень острое. По сути дела, нормальное снабжение начинается лишь с 11–12.7.41»³⁸.

Затем Полубояров привел список причин этой серии катастроф, в число которых входили поспешность ввода в бой механизированных соединений без организации взаимодействия с другими родами войск, потеря управления высшими штабами, плохое управление внутри самих танковых соединений, отсутствие любой воздушной поддержки, плохое техническое состояние ходовой части старого танкового парка (Т-26 и БТ) и хорошо организованная немцами противотанковая оборона и разведка. В итоге Полубояров делал вывод: «Механизированных соединений во фронте нет, имеются лишь обескровленные танковые части, не могущие решать сколько-нибудь серьезные задачи». И далее: «Механизированные соединения и войска фронта не имеют минимально необходимого транспорта. Народное хозяйство дало фронту по мобилизации около 200 машин при потребностях более 10 000»³⁹.

23 июля 1941 года Лелюшенко, командир 21-го механизированного корпуса Северо-Западного фронта, предоставил полный доклад о состоянии своего корпуса на 22 июня и о его действиях на начальной стадии войны:

«Корпус организационно начал создаваться лишь в апреле 1941 г. с расчетом (по плану Генерального штаба) укомплектования боевой материальной частью не ранее 1942 года...

К началу войны корпус был укомплектован личным составом на 80–90%, из них до 70% апрельско-июньского призыва.

Материальной частью корпус был обеспечен на 10–15% (колесные и специальные машины). На фронт корпус выступил со значительным некомплектом артиллерии, станковых и ручных пулеметов и автоматических винтовок, а также

минометов. Большинство 76-мм пушек были без панорам, а малокалиберные зенитные пушки — без дальномеров (были даны за два дня до войны и в процессе войны)»⁴⁰.

Лелюшенко жаловался на плохую подготовку офицеров и солдат и заявлял, что из-за отсутствия подготовки и некомплекта вооружения он вынужден был оставить 17 000 бойцов в районе первоначальной дислокации для их дальнейшего обучения. Он заявлял, что на момент составления доклада эти 17 000 бойцов передвигаются в сторону лежащего в тылу Осташкова,

«...испытывая крайние трудности как в питании, так и в обучении: ни 22-я армия, ни любые другие снабженческие органы не хотят снабжать второй эшелон корпуса, считая его чужим, в то же время [они] принимают самые решительные меры к растаскиванию его кадров и материальной части, лишая меня перспективы когда-либо вновь сформироваться в механизированный корпус».⁴¹

По словам Лелюшенко, за первый месяц боев потери корпуса составили 6284 бойца, или 60 процентов его боевой численности.* Потери эти частично были вызваны трудностями, с которыми столкнулся корпус и которые Лелюшенко далее описал:

«Испытывая крайний недостаток в артиллерии, станковых и ручных пулеметах, автоматических винтовках и минометах, средствах связи всех видов (имеющихся средств связи недостаточно даже для организации управления ог-

* 21-й механизированный корпус Лелюшенко совместно с группой генерал-лейтенанта Акимова (полторы воздушно-десантные бригады) в течение недели сдерживал у Двинска наступление значительно превосходящих сил 56-го моторизованного корпуса Эриха фон Манштейна, нанеся ему существенные потери и в ходе контратак захватив до трех сотен пленных. В целом действия корпуса можно оценить как весьма удачные — особенно по меркам 1941 года. (Прим. ред.)

нем артиллерии), при значительном некомплекте в командном и политическом составе, неукомплектованности штабов, корпус продолжает драться, не снижая своего боевого духа, но долго так протянуть не сможет из-за отсутствия пополнения как людьми, так и материальной частью, в то время как кадры его несут значительные потери».

Полковник Гринберг, временно исполняющий обязанности командира 12-го механизированного корпуса после смерти первоначального командующего корпусом генерал-майора Н. М. Шестопалова, докладывал 26 июля, что его 28-я танковая дивизия вступила в бой без своего мотострелкового полка (из-за неудачного развертывания корпуса и приказов командования военного округа). Разведданные о противнике отсутствовали, радиосвязь не действовала из-за нехватки раций, снабжение оказалось плохим, а недостаток горючего и боеприпасов сковывал последующие войсковые операции. В результате численность корпуса за первые две недели боев упала с 28 832 бойцов до менее чем 17 000⁴². Сопровождающие донесения ярко описывают выход из строя старой техники, в особенности танков, плохое управление и катастрофическое положение с материально-техническим обеспечением.

С другой стороны, полковник Лимаренко, начальник штаба 1-го механизированного корпуса, 2 августа писал про свой корпус, что к началу войны он *«был укомплектован личным составом и боевой материальной частью и вполне боеспособным соединением»*. Несмотря на это первоначальное замечание, далее Лимаренко заявлял, что у корпуса полностью отсутствовали положенные ему подразделения связи и инженерно-саперные структуры и не было ни одного танка КВ (20 танков Т-34 были доставлены уже после начала боев).⁴³ Днем раньше Лимаренко направил подчиненным корпусу частям распоряжения, которые определяли длинный список недостатков и требовали их исправления.⁴⁴ Среди этих недостатков он перечислил чрезмерный «формализм» в штабной работе, снижавший боевую эффективность части, некомпетентную работу штабов, плохой или вообще отсутствующий сбор разведданных и плохую связь, которые мешали корпусу вести эффективные действия.

Боевые донесения, касающиеся боеготовности и боевого выступления механизированных войск Западного фронта в начальной стадии войны, менее многочисленны из-за стремительного и полного разгрома на этом участке советских войск и уничтожения или захвата штабных архивов. Однако некоторые документы все же сохранились.

Один из немногих уцелевших докладов дивизионного уровня был подготовлен 28 июля 1941 года генерал-майором танковых войск С. В. Борзиловым, командующим 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса. Борзилов заявлял, что *«6-й механизированный корпус... не использовался в целом как механизированное соединение, он перебрасывался с одного направления на другое, находясь [постоянно] под ударами авиации противника»*⁴⁵. Борзилов жаловался на разрозненное использование в боях его и других дивизий и на невозможность для его дивизии противостоять небольшими объединенным группам немецких танков, пехоты и артиллерии.

Подавленное настроение Борзилова отражает те трудности, с которыми столкнулись 6-й и 11-й механизированные корпуса, когда они тщетно пытались согласовать действенную контратаку против южного фланга немецкой группировки, наносившей удар из Восточной Пруссии через Вильнюс к Минску. Части немецкой 3-й танковой группы, о которых советским механизированным войскам не было ничего известно, устремились вглубь к Минску, оставив для противодействия советской контратаке к югу от Гродно только пехотные части, подкрепленные артиллерией и небольшим количеством танков. К еще большей досаде Советов, их механизированные части понесли большие потери от немецкой авиации и артиллерии. В итоге контрнаступление провалилось. Приказ командования Западного фронта командующему 10-й армией, которая предположительно осуществляла эту операцию, запечатлел растущую подавленность советского командования:

«Почему механизированный корпус не наступал, кто виноват, немедленно активизируйте свою операцию, не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления.

Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда и что делает и какие результаты.

Почему вы не даете задачу на атаку механизированному корпусу?

Найти, где 49-я и 113-я стрелковые дивизии, и вывести.

Исправьте свои ошибки. Подвозите снаряды и горючее.

Лучше продовольствие берите на месте.

Запомните, если вы не будете действовать активно — Военный совет больше терпеть не будет.

[подписано] Павлов, Фоминых».⁴⁶

Данный приказ демонстрировал схожие трудности с управлением, имевшиеся у всех трех армий Западного фронта. Вскоре командование Западного фронта вообще потеряло всякое управление, и отдельные соединения были предоставлены самим себе. В последующем хаосе все механизированные корпуса погибли за несколько дней вместе с массой других войск фронта. Уцелевшие отрывочные советские документы зафиксировали эту бойню. 25 июня боевое донесение в Генеральный штаб Красной Армии о положении Западного фронта указывало на тяжелые первоначальные потери механизированных корпусов: «4-я танковая дивизия, 6-й кавалерийский корпус — в районе Индура и западнее. Части 4-й танковой дивизии [6-го механизированного корпуса] доносят, что не имеют боеприпасов. По докладу командира корпуса, потери достигают 50 процентов».⁴⁷

Другая оперативная сводка, отправленная позже в тот же день, отмечала, что «остатки 5-й танковой дивизии Северо-Западного фронта сосредоточены в 5 километрах юго-восточнее Молодечно. В наличии — три танка, двенадцать бронемашин, сорок грузовых автомашин». Та же оперативная сводка зафиксировала гибель 14-го механизированного корпуса: «14-й механизированный корпус, ведя весь день активную оборону и неоднократно переходя в контратаки... понес большие потери в материальной части и в личном составе. К 26.6.41 г. корпус не является боеспособным».⁴⁸

Оперативная сводка о положении на Западном фронте от 27 июня зафиксировала, что 4-я танковая дивизия 6-го механизированного

корпуса потеряла 20 процентов своих танков, но заканчивалась оптимистическим замечанием, что *«танки КВ не всегда бывают поражены даже прямыми попаданиями бомб»*⁴⁹. В той же оперсводке упоминались остатки 13-го механизированного корпуса и говорилось, что *«20-й механизированный корпус к 20:00 26.6.41 г. пешим порядком сосредоточился и организовал оборону»*⁵⁰.

Направленное 29 июля донесение начальника бронетанковых войск Западного фронта полковника Иванина начальнику управления бронетанковых войск Красной Армии давало краткий обзор состояния механизированных войск фронта и степени, до которой штаб фронта утратил контроль над ситуацией:

«Действуют в целом 6-й, 17-й и 20-й механизированные корпуса как стрелковые [части]; об 11-м механизированном корпусе сведений нет, 14-й механизированный корпус отправляется в Смоленск.

*Общие потери материальной части [составляют] 70-80%. Прибывают части 7-го механизированного корпуса из Забайкальского военного округа. Один головной склад автобронетанкового имущества работает, два подготовлены к развертыванию. В тылу организованы и работают ремонтно-эвакуационные склады... От начальников автобронетанковых войск армий до 29.6.41 г. сведений не поступало»*⁵¹.

Донесения, полученные позже в тот же день, отмечали ухудшение положения с горючим и боеприпасами в оставшихся механизированных корпусах. Позднее ежедневные оперативные сводки фронта уже отмечали полную потерю связи с 3-й и 10-й армиями и поддерживающими их механизированными корпусами. Донесение полковника Иванина от 1 июля отражало это положение:

«Состояние автобронетанковых войск: 6-й механизированный корпус — тылы разгромлены, боевая материальная часть в бою. Потери предположительно 30–40%. 11-й и 13-й механизированные корпуса — сведений нет. 14-й меха-

низированный корпус потерял всю материальную часть и выведен для формирования в Смоленск. 17-й и 20-й механизированные корпуса — как стрелковые корпуса — дерутся на фронте, потери неизвестны. Необходима материальная часть новых марок с экипажами, сначала для 14-го механизированного корпуса, а затем для 17-го и 20-го... Точных сведений о наличии и потерях материальной части, несмотря на неоднократные попытки, получить в настоящее время невозможно. По уточнении — будет донесено».⁵²

Последующие донесения отмечали, что остатки 3-й и 10-й армий пробились к советским линиям обороны восточнее Минска, но основная часть войск этих армий, в том числе 6-й и 11-й механизированные корпуса, предположительно погибли.

5 августа 1941 года полковник Иванин направил заместителю наркома обороны по автобронетанковым войскам генерал-майору Я.Н. Федоренко подробный итоговый доклад, в котором дал обзор состояния механизированных войск Западного фронта на 22 июня.⁵³ В нем он сообщал, что, за исключением 5-го, 6-го и 7-го механизированных корпусов, корпуса фронта имели только 20 процентов своей боевой и вспомогательной техники, от 10 до 15 процентов требовавшейся им по штату артиллерии и тракторов, и недостаточное количество 76-мм и 45-мм снарядов. Танковый парк, состоящий исключительно из машин старых марок, имел в среднем запас хода только 75–100 моточасов, а нехватка техники вынуждала применять скорее программу обучения для пехоты, чем для танковых войск. Поэтому *«тактическая подготовка механизированных корпусов проводилась по программе для танковых войск, но в большинстве случаев им пришлось действовать как пехоте, не имея в достаточном количестве положенного вооружения»*.⁵⁴

Хотя горюче-смазочных материалов и хватало для поддержки первых операций, действия противника и отсутствие транспорта впоследствии вызвали в большинстве частей серьезные трудности со снабжением. Наряду с изначально неудачным развертыванием механизированных соединений это привело к скорому уничтожению корпусов в боях.

Далее в докладе приводился длинный список недостатков в технике и боевой подготовке, которые сделали эти и последующие операции бронетанковых войск дорогостоящими и бесплодными. Среди наиболее серьезных отмеченных слабостей назывались отсутствие воздушной разведки, плохое взаимодействие между танками и другими родами войск и полнейшее отсутствие адекватной артиллерийской поддержки.

Далее Иванов с неоправданной уверенностью описывал проблемы конкретных механизированных корпусов:

«К моменту начала военных действий на Западном фронте из механизированных соединений был полностью укомплектован только 6-й механизированный корпус.

14-й механизированный корпус имел две танковые дивизии, укомплектованные легкими танками на 50%, а в 11-м механизированном корпусе только одна дивизия имела 50% легких танков. Остальные корпуса (17-й и 20-й) не были укомплектованы боевой материальной частью и представляли из себя отдельные части невооруженных танкистов, группировавшихся вокруг нескольких машин учебного парка.

Командир 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал-майор танковых войск Борзилов в своем отчете пишет: „Нужно на данном этапе иметь не корпуса, а ограничиться танковыми дивизиями и отдельными полками, которые будут больше приспособлены к тактике германской армии“. Последнее положение целиком неправильное, не нам надо приспосабливаться к тактике противника, а заставлять противника приспосабливаться к нашей тактике.

Механизированные корпуса, полностью укомплектованные материальной частью, могут решать задачи в армейском и даже во фронтовом масштабе, однако действия 6-го механизированного корпуса в начале войны и 5-го и 7-го механизированных корпусов в последующем существенных результатов не дали.

Причины неуспеха их применения заключались в следующем:

1. Отсутствие воздушной разведки и самолетов наведения приводили к действиям вслепую.

2. Отсутствие сопровождения боевой авиацией, при слабости собственной артиллерии, приводило к неподготовленным атакам на совершенно неподдавленную оборону.

3. Отсутствие прикрытия истребительной авиацией позволяло пикирующим бомбардировщикам противника безнаказанно бомбить и поливать танки фосфорной смесью.

4. Неправильное использование механизированных корпусов на труднодоступной местности вне всякой связи с пехотой, артиллерией и авиацией и наступательной операции при общефронтовой оборонительной операции. (См. доклад командира 7-й танковой дивизии.)

Вывод. Механизированные соединения, конечно, не потеряли своего значения и являются мощным ударным средством в руках армейского и главного командования, однако применять их следует не изолированно от действий остальных войск, а в полном соответствии с идеей общей операции и при обязательной поддержке мощной авиацией». ⁵³

Еще один доклад, проанализировав боевые действия бронетанковых и механизированных войск Западного фронта за период с 22 июня по 13 июля, жалуется:

«14-й механизированный корпус в три дня был выведен из строя из-за отсутствия готовности, недостаточно умелых действий, отсутствия воздушной поддержки, отсутствия противотанкового и противовоздушного вооружения, слабого взаимодействия с пехотой, плохой организации службы тыла и снабжения, также из-за внезапности нападения противника и сильных действий его авиации». ⁵⁶

В начале июля 1941 года Западный фронт в попытке остановить немецкие бронетанковые клинья задействовал в бою у Лепеля, к юго-западу от Витебска, свои свежие 5-й и 7-й мехкорпуса. 6 и 7 июля эти два корпуса под управлением 20-й армии

ввязались в бой с передовыми частями немецких XXXIX и XXXVII танковых корпусов. За два дня тяжелых боев эти два советских корпуса были сильно потрепаны и вынуждены отступить. В отличие от других советских механизированных корпусов западных военных округов, у 5-го и 7-го было время подготовиться и спланировать свою атаку. Однако это не вызвало ни малейшей разницы в исходе боя.

Среди многих документов с критическим анализом боевых действий механизированных корпусов имеется и датированное 8 июля донесение командующего 20-й армии генерал-лейтенанта П. А. Курочкина. Он критиковал два механизированных корпуса за неуклюжее ведение боевых действий:

«Опыт двухдневных боев механизированных корпусов показал следующие недочеты в ведении танкового боя:

1. Мелкие танковые подразделения (рота, взвод) во время наступления двигаются большей частью по дорогам, в колонне, один танк за другим. При встрече с противотанковой артиллерией обычно головной танк выводится из строя, а остальные вместо того, чтобы быстро развернуться, атаковать и уничтожить противника, теряются, топчутся на месте и часто отходят назад.

2. В действиях отдельных подразделений и частей отсутствует маневр. Напоровшись на противотанковый рубеж или заграждение, танки пытаются их атаковать в лоб или отходят, не используя присущей им маневренности, не обходят противотанковые укрепления и не ищут обходных путей.

3. Отсутствует взаимодействие танков с пехотой и артиллерией. Артиллерия не прокладывает дороги танкам и пехоте, стреляет по площадям, а не по конкретным целям, недостаточно метко уничтожает противотанковую артиллерию противника. При встрече танков с противотанковой артиллерией и инженерными препятствиями пехота не помогает им преодолевать их. Необходимо даже с самыми мелкими танковыми подразделениями посылать пехоту для того, чтобы она помогала танкам своим огнем подав-

лять противотанковые орудия и преодолевать противотанковые укрепления, а затем танки должны прокладывать путь пехоте.

4. Командиры полков и дивизий вместо массовой и решительной атаки противостоящего противника высылают без нужды много различных разведывательных и охраняющих групп, распыляют свои силы и ослабляют танковый удар.

5. Преступно обстоит дело с донесениями и информацией. Командиры частей и соединений находятся в танках, теряют свои рации для связи с вышестоящими штабами. Никто не несет ответственности за информацию вышестоящего штаба. Часто сведения о противнике, о состоянии своих частей, характере и формах боя искажаются, перевираются и приносят вред. В тылу много разнообразных слухов, причем при проверке оказывается, что никто ничего не знает, один передает со слов другого. Даже разведывательные органы, высылаемые с целью добыть достоверные данные боем, докладывают командованию неверные данные и со слов других вместо того, чтобы доносить то, что выяснил личным наблюдением и боем. И никто за это не привлекается к суровой ответственности.

6. Приказ об отрядах заграждения и наведения порядка в тылу не выполняется. Дисциплина марша не соблюдается. Одиночные машины без руководства и без конкретной необходимости сотнями катают по дорогам, обгоняя друг друга и нарушая нормальное передвижение. Бойцы одиночками и целыми толпами бродят в тылу, не находя себе места»⁵⁷.

Курочкин заканчивал свой анализ рядом жестких инструкций, призванных исправить указанные недостатки. Многочисленные приказы и доклады генерал-майора В. И. Виноградова, командира 7-го механизированного корпуса, и генерал-майора И. П. Алексенко, командира 5-го механизированного корпуса, уточняют жалобы Курочкина, включая резкое осуждение Виноградовым «преступного» пренебрежения командиров мерами эвакуации танков с поля боя.⁵⁸

Генерал-майор А. В. Борзилов, начальник отдела боевой учебы управления бронетанковых войск Красной Армии, позже подытожил штабные оценки эффективности тех двух корпусов:

*«Штабы [5-го и 7-го механизированных]... корпусов работали плохо и медленно, и, что еще хуже, многие машины [танки] попали в руки противника из-за неисправностей. Ни дивизии, мехкорпуса, армии, ни фронт не организовывали ремонта и эвакуации. Не было ни запчастей, ни резины [шин], а снабжали ими плохо. У мехкорпусов не было никакой авиации, и вследствие этого они были слепыми и иногда... лишеными связи».*⁵⁹

4 августа 1941 года генерал-майор Б. С. Васильевич, исполнявший тогда обязанности командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса, доложил управлению бронетанковых войск Красной Армии о боевых действиях своей дивизии за первые пять недель войны. В отличие от многих других дивизий, дивизия Васильевича была почти полной численности, имея 98 процентов требуемого личного состава и 60–80 процентов старших и младших офицеров. В число ее 348 танков входили 51 KB и 150 Т-34. «Ахиллесовой пятой» 7-й танковой дивизии была ситуация со снабжением. Когда она начала выдвигаться в боевые порядки, то имела лишь один-полтора боекомплекта 76-мм снарядов, вовсе не имела бронебойных снарядов для своих танков, располагала всего тремя заправкам бензина и единственной заправкой дизельного топлива. Путанные приказы требовали от дивизии передислоцироваться за первые два дня войны поочередно в три новых района сосредоточения. Учитывая эти чрезмерные передвижения, горючее иссякло быстро, и дивизия вскоре лишилась подвижности к югу от Гродно.⁶⁰

Эти отрывочные донесения о положении и ретроспективные анализы более чем адекватно запечатлели судьбу механизированных корпусов Западного фронта. Они четко описывают состояние корпусов на 22 июня и уменьшение их боеспособности, которое в конечном итоге привело к практически полному уничтожению их менее чем за две недели боев.

Подробные доклады войск Юго-Западного фронта отражают схожие трудности, несмотря на то, что там советские механизированные войска действовали намного успешней, чем их коллеги на других фронтах. Довольно полное собрание боевых донесений отдельных механизированных корпусов и танковых дивизий за начальный период войны описывает боевые действия и проблемы этих соединений. Например, первым из механизированных корпусов Юго-Западного фронта вступил в бой 15-й механизированный корпус генерал-майора И. И. Карпезо, который 23 и 24 июня нанес удар по южному флангу немецкой 1-й танковой группы севернее города Броды. Анализ боя, сделанный 28 июня полковником Ф. Г. Аникушкиным, командиром 37-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, описал состояние его дивизии во время этих неудачных советских контратак. После обзора недели боев, он делал вывод: *«37-й мотострелковый полк к выполнению очередных задач не готов... боевая материальная часть вследствие неправильного ее использования с 22 по 26.6.41 г. начинает в большом количестве выходить из строя и требует просмотра»*⁶¹.

Чуть позже основательный доклад генерал-майора Д. И. Рябышева, командующего 8-м механизированным корпусом, представил обширную хронику неудачных действий этого корпуса во время тяжелых контрударов к северу от Бродов против немецкого XLVIII танкового корпуса. Рябышев отметил, что его корпус *«до начала боев прошел в среднем 496 км, оставив на дорогах за время маршей до 50% наличной боевой материальной части»*⁶². Доклад Рябышева заканчивался следующими выводами:

«1. Корпус к началу войны полностью материальной частью по штату не был укомплектован. (Пример: положено по штату танков „КВ“ — 126, „Т-34“ — 420; состояло в наличии на 22.6.41 г. танков „КВ“ — 71 (из них в ремонте — 5), а танков „Т-34“ — 100. Обеспеченность танками новых марок — 25–30%).

Водительский состав боевых машин „КВ“ и „Т-34“ в своем большинстве имел стаж практического вождения от

3 до 5 часов. За весь период существования корпуса боевая материальная часть и личный состав полностью на тактические учения не выводились и не были практически проверены как по вопросам маршевой подготовки, так и по действиям в основных видах боя. Тактическая сколоченность проводилась не выше масштаба роты, батальона и частично полка.

Это явилось одной из основных причин слабости в организации управления на марше и в бою в звене дивизия-полк.

2. В период с 22 по 26.6.41 г. корпус совершал напряженные „сверхфорсированные” марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания материальной части и отдыха личного состава и был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега боевой материальной части.

Из-за этого 40–50% боевых машин было выведено из строя по техническим причинам...

5. Отсутствие взаимодействия корпуса с авиацией, работающей на данных направлениях, лишало корпус прикрытия с воздуха и не позволяло уточнять положение и характер действий противника в наиболее ответственные моменты на главных направлениях.

9. Отсутствие эвакуационных средств в корпусе и неорганизованность службы эвакуации фронтом и армией приводило к большим ненужным потерям в материальной части, а отсутствие запасных ходовых частей вынуждало большое количество материальной части оставлять на месте без оказания технической помощи.

10. Слабое знание тактики использования и применения мотомеханизированных частей, а также плохое представление о технических возможностях боевой материальной части и вооружения со стороны некоторой части командно-начальствующего состава, ставившей задачи корпусу, часто приводило к постановке непосильных задач как по объектам, так и по времени и пространству»⁶³.

13 июля 1941 года полковник В. С. Ермолаев, ставший временным командующим 15-м механизированным корпусом пос-

ле ранения генерала Карпезо, подготовил пространный анализ состояния своего корпуса на 22 июня, его боевых действий в первые три недели войны и его состояния на середину июля. Он ярко изобразил первоначальную численность корпуса (см. таблицы 5.8 и 5.9).⁶⁴ Хотя подчиненные корпусу соединения и части имели в среднем 50 процентов старшего командного состава и от 16 и 75 процентов младшего командного состава, штатного рядового состава имелось от 63 до 131 процента. В танковых дивизиях корпуса было соответственно 318 и 272 танка, в том числе 69 Т-34 и 64 КВ. Однако у его моторизованной дивизии, как и почти у всех мотодивизий других корпусов, отсутствовала большая часть вооружения и транспорта. Затем Ермолаев описал боеготовность корпуса:

«15 механизированный корпус вступил в войну окончательно не сформированным... мотострелковый полк [37-й танковой дивизии] полностью не был сформирован, не укомплектован и не обучен, находился в 160 км от дивизии (в Бережанах) и не имел средств передвижения... Артиллерийский полк находился в составе 12 орудий 122-мм без панорам, 4 орудия 152-мм и всего 5 тракторов. Остальная часть орудий тракторов не имела и находилась в районе Кременец. Была выведена всего лишь одна 122-мм батарея, а через 4 дня было привезено еще 4 152-мм орудия на тракторах, прибывших из народного хозяйства.

Мостовой батальон находился на лагерных сборах на р. Днестр южнее Львов и был подвергнут бомбардировке авиацией противника в первый же день войны 22.6.41 г.

10-я танковая дивизия, лучше всех укомплектованная, имела танков КВ — 63 штуки, Т-34 — 37 штук, Т-28 — 44 штуки, БТ-7 — 147 штук, Т-26 — 27 штук, бронемашин БА-10 — 53 штуки и БА-20 — 19 штук

Понтонно-мостовой батальон находился на сборах на р. Днестр южнее Львов. 10-й артиллерийский полк, 10-й зенитный артиллерийский дивизион и полковая артиллерия*

* Подчеркнуты фрагменты, опущенные автором книги. (Прим. ред.)

10-го мотострелкового полка находились на полигоне в районе Янув.

212-я моторизованная дивизия, имея почти полную обеспеченность личным составом красноармейцев, не имела совершенно машин для перевозки личного состава и не могла даже обеспечить себя автотранспортом для подвоза боеприпасов, продовольствия и горюче-смазочных материалов, а также для перевозки вооружения.

Артиллерийский полк имел 8 — 76-мм орудий, 16 — 122-мм орудий и 4 — 152-мм орудия, а средств тяги было лишь на один дивизион и то без тылов.

Поэтому на огневые позиции орудия выводились по мере освобождения механизированной тяги и вручную. Полковая артиллерия была послана в полки почти вся неисправная. Зенитная артиллерия имела крайне ограниченное количество снарядов. Противотанковый дивизион дивизии не имел средств тяги. 131-й танковый полк с разведывательным батальоном имели: танков БТ — 32 штуки, Т-26 — 5 штук, бронемашин БА-10 — 18 штук, БА-20 — 17 штук и Т-40 — 17 штук.

Мотоциклетный полк корпуса имел укомплектованность личным составом: красноармейцами — 100 %, начсоставом — 30 %. Из материальной части имел: бронемашин — 5 штук, мотоциклов — 74 штуки, 45-мм пушек — 5 штук, винтовок — 1039 штук и пулеметов 4 штуки.

Личный состав не обучен, даже ни разу не стрелял.

Остальные корпусные части, батальон связи и инженерный батальон были укомплектованы молодым пополнением, проходящим первую ступень обучения молодого бойца, но среднего начсостава был большой некомплект, так что ротами командовали младшие командиры. Имуществом и материальной частью эти части только начали укомплектовываться. Обе части были совершенно не сформированными и выполнять боевые задачи не могли».⁶⁵

Подробный доклад Ермолаева дает в высшей степени правдивый отчет о действиях корпуса день за днем и текущий под-

счет боевых потерь корпуса и численности танков, ярко задокументировав ужасную и стремительную дезинтеграцию корпуса в боях (см. таблицу 5.10).

Ермолаев добавил пространный критический разбор боевых действий своего корпуса. Передовое развертывание корпуса по частям, наряду с выделенным ему слишком широким фронтом и досадными задержками (один танковый полк вообще застрял в болотистой местности) позволили немцам разбить части корпуса одну за другой. Отсутствие шести положенных корпусу радиостанций сделало связь в лучшем случае слабой, а плохая разведка заставляла корпус действовать вслепую. Но важнее всего — долгие переходы по дорогам, общее отсутствие походной дисциплины и отсутствие любых возможностей ремонта и эвакуации вкупе с недостаточным снабжением горючим и боеприпасами привели к быстрой эрозии танковой численности корпуса. Путанные и постоянно меняющиеся приказы и частые переподчинения корпуса более высоким штабам лишь добавили сумятицы и ускорили поражение.

Подготовленный генерал-майором Моргуновым, начальником бронетанковых войск Юго-Западного фронта, ряд общих анализов боевой эффективности механизированных корпусов перечислял трудности, с которыми столкнулись войска фронта. В докладе Военному совету фронта от 30 июня Моргунов критически оценил расстояние, пройденное корпусами с начала войны, и тяжелую дань танками и двигателями, взятую этим передвижением. Он описал вредное воздействие этих маршей на боеготовность техники и систему материально-технического обеспечения:

«Весь период времени механизированные корпуса, совершая марши и ведя бой с противником, не имели и не могли иметь ни одного дня для осмотра материальной части, ее регулировки и ремонта. Отсутствие средств эвакуации, удаленность ремонтных стационарных баз и отсутствие ремонтных средств непосредственно в частях ремонтно-восстановительных батальонов соединений и их укомплектованности летучками типа „А” и „Б” создали условия

огромного выхода материальной части из строя по техническим неисправностям.

Отсутствие запасных частей к танкам „КВ” и „Т-34” во всех частях до сего времени приводит к невозможности производить текущий и средний ремонт непосредственно в частях

Совершение большого количества маршей в трудных условиях лесисто-болотистой местности под воздействием авиации, противотанковых средств и артиллерии противника, без проведения технических осмотров и невозможности восстановления из-за отсутствия запасных частей привело к большому проценту потерь танков за первые 9 дней боя. Эти потери, по далеко не полным данным, составляют 25–30% всей боевой материальной части танковых соединений». ⁶⁶

1 июля Моргунов направил Военному совету фронта еще один доклад, подытоживший состояние механизированных соединений фронта после недели боев и попросил Военный совет обратиться к Ставке за помощью в восстановлении механизированных возможностей фронта:

«1. 8-й механизированный корпус небоеспособен. В боях в районе Броды и Дубно 80–90% боевой материальной части уничтожено на поле боя и не эвакуировано, так как территория занята противником. Остатки группируются в районе Черняхов, Чистулов.

2. 4-й механизированный корпус — положение частей и состояния корпуса выясняется.

3. 15-й механизированный корпус в боях в районе Станиславчин, Лопатин, Радзехув, Топорув понес большие потери, его боеспособность на 1.7.41 г. — 25–30%. Остатками отходит в район Заложцы-Нове, Доброводы, Кобыла.

4. 22-й механизированный корпус своей 41-й танковой дивизией прикрывает Ковель. 215-я мотострелковая дивизия в составе 15-го стрелкового корпуса отходит на р. Стоход. Боеспособность и потери материальной части устанавливаются.

5. 9-й механизированный корпус действует как стрелковый корпус и обороняется по р. Стубла в районе п. Клевань.

6. 19-й механизированный корпус действует как стрелковый корпус и обороняется по р. Замчиско в районе Костополь.

7. 24-й механизированный корпус подготавливает отсечные позиции на фронте Ямполь, Жеснювка. Боев еще не вел.

Прошу:

Ускорить отвод 4-го, 8-го и 15-го механизированных корпусов с задачей быстрее всего восстановления материальной части, доукомплектования и приведения в боевую готовность...»⁶⁷

Далее Моргунов добавил просьбу: *«Ускорить пополнение материальной частью 19-го, 9-го, 24-го, 22-го и пополнить убыль в 8-м, 4-м и 15-м механизированных корпусах»* и в дальнейшем *«формирование механизированных корпусов производить во внутренних округах и отправлять на фронт полностью сформированными»*.⁶⁸

Еще один доклад Моргунова, подготовленный 3 июля, сообщал:

«Отсутствие средств эвакуации, запасных частей для „КВ” и „Т-34”, наличие заводских дефектов, неосвоенность эксплуатации, недостаточная обученность личного состава, слабая разведка противника в противотанковом отношении, систематические бомбардировки на марше, в районах сосредоточения и в наступлении при большой маневренности 800–900 км без прикрытия нашей авиацией, отсутствие взаимодействия с артиллерией [на] почти танконедоступной лесисто-болотистой местности, упорное сопротивление со стороны преобладающего противника и отсутствие бронебойных снарядов для „КВ” и „Т-34” — привело механизированные корпуса к огромным потерям и к неспособности с оставшейся в наличии материальной частью».⁶⁹

Моргунов жаловался на отсутствие тракторов для передвижной артиллерии и грузовиков для перевозки боеприпасов и предлагал обширный список мер для устранения проблем с

материально-техническим обеспечением. Довольно любопытно, что даже на этой стадии войны он заметил, что броню танков KV и Т-34 надо усилить для защиты от немецких противотанковых пушек*.

Так же, как и на Северо-Западном и Западном фронтах, механизированные корпуса Юго-Западного фронта в первых боях испытали в трудности с организацией и управлением. Директива командующего фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса подчиненным ему армиям отмечала: *«Десятидневный опыт применения танковых соединений показал, что Военные советы и штабы армий слабо организуют и руководят боем механизированных соединений»*⁷⁰. Кирпонос конкретно упомянул плохое взаимодействие механизированных войск с другими войсками, отсутствие материально-технического обеспечения и эвакуации подбитых машин и отсутствие учета потерь боевой и вспомогательной матчасти и личного состава.

17 июля Моргунов подготовил свой самый пространственный доклад. В этой справке он представил яркую и тревожную картину боеготовности механизированных корпусов Юго-Западного фронта:

«Юго-Западный фронт в своем составе на 22.6.41 г. имел восемь механизированных корпусов и один дивизион бронепоездов.

Механизированные корпуса полностью еще не были организационно сколоченными и укомплектованы боевой материальной частью.

Наиболее полнокровными механизированными корпусами являлись 4-й, 8-й и 15-й механизированные корпуса, но и в этих механизированных корпусах моторизованные дивизии в танковых полках имели только учебно-боевой парк. Боевого парка машин в моторизованных дивизиях не было.

Остальные механизированные корпуса в вопросах боевостности выглядели следующим образом:

* Совершенно очевидно, что имеется в виду широкое применение немцами 88-мм зенитных орудий Люфтваффе. (Прим. ред.)

16-й механизированный корпус — из всех дивизий боеспособной была 15-я танковая дивизия, но на своем вооружении она имела старую материальную часть; остальные дивизии имели только учебно-боевой парк в ограниченном составе.

19-й механизированный корпус имел в своем составе боеспособную только 43-ю танковую дивизию, но со старой материальной частью.

22-й механизированный корпус — из всех дивизий боеспособной была только 41-я танковая дивизия, которая имела на вооружении танки Т-26 и 31 танк КВ; остальные дивизии имели только учебно-боевой парк.

24-й механизированный корпус — во всех его дивизиях имелся только учебно-боевой парк.

9-й механизированный корпус имел в своем составе боеспособную 35-ю танковую дивизию, вооруженную главным образом танками Т-26 одно- и двухбашенными — один полк; остальные дивизии имели в ограниченном количестве учебно-боевой парк.

Дивизион бронепоездов имел в своем составе два легких бронепоезда и один тяжелый.

К началу боевых действий на всем Юго-Западном фронте в составе этих корпусов было:

танков — 4297 штук* ;

бронемашин — 1014 штук**.

Танки по маркам машин выглядели следующим образом: танков КВ — 265 штук, Т-34 — 496 штук, БТ — 1486 штук, Т-26 — 1962 штуки, Т-35 — 44 штуки, Т-28 — 195 штук, Т-40 — 88 штук, БА-10 — 749 штук, БА-20 — 365 штук.

Колесных и вспомогательных машин всего на фронте было 12 506 штук только в механизированных корпусах.

Такое вооружение механизированных корпусов привело к тому, что в первый день танковые полки 9-го, 16-го, 19-го,

* Так в документе. Итоговый подсчет дает 4536 танков. (Прим. ред.)

** Так в документе. Итоговый подсчет дает 1114 бронемашин. (Прим. ред.)

22-го и 24-го механизированных корпусов, как не имеющие специального вооружения, были вооружены 45- и 76-мм пушками и представляли из себя противотанковые полки.

Автобронетанковые войска Юго-Западного фронта, имея в своем составе указанную материальную часть, выступили на фронт».⁷¹

Далее о боевых действиях механизированных корпусов Моргунов писал следующее:

«Все механизированные корпуса в течение 25 дней боя, выполняя задачи по уничтожению противника, имеют значительную убыль в боевой материальной части [...]

Основными причинами большого количества потерь являются: недостаточная обученность личного состава, особенно призыва весны 1941 года; артиллерийский противотанковый огонь противника; авиационная бомбардировка; технические неисправности; действия в лесисто-болотистой местности.

Кроме того, отсутствие групп эвакуации, как непосредственно в соединениях, а также и в армиях; несвоевременная подача эшелонов для эвакуации в центр с армейских сборных пунктов аварийных машин привело к тому, что большой процент боевых машин был оставлен по техническим неисправностям».⁷²

Поэтому, по словам Моргунова, *«все механизированные корпуса на 17.7.41 г. являются, как механизированные корпуса, неспособными из-за отсутствия боевой материальной части»⁷³.*

Направленный 5 августа пространный доклад генерал-майора Б. Т. Вольского, заместителя командующего Юго-Западным фронтом по бронетанковым войскам, заместителю наркома обороны Я. Н. Федоренко вновь перечислял трудности, испытанные механизированными корпусами. Вольский вкратце подытожил создание и состояние корпусов на 22 июня:

*«Киевский особый военный округ, впоследствии реорганизованный в Юго-Западный фронт, имел в своем составе следующие механизированные корпуса: 4-й, 8-й, 9-й, 15-й, 19-й, 22-й и 24-й, причем 4-й и 8-й механизированные корпуса были сформированы осенью 1940 года, остальные корпуса в апреле 1941 года. Таким образом времени на сколачивание было крайне недостаточно, тем более, что в новых механизированных корпусах отсутствовала длительный период времени боевая материальная часть».*⁷⁴

И к этому Вольский добавил: *«На 1 августа Юго-Западный фронт не имеет в своем составе механизированных соединений как боевых сколоченных единиц, оснащенных боевой материальной частью, но имеет кадры».*⁷⁵

Вольский критиковал неправильное боевое применение механизированных корпусов, отсутствие разведки, неадекватное материально-техническое снабжение, ужасающее отсутствие подготовленности командования и штабов, плохую связь, отсутствие личной инициативы со стороны всех командиров и целый ворох меньших трудностей, которые, вместе взятые, образовывали мрачную картину состояния готовности корпусов к войне.

Причитания Вольского конкретизируются множеством советских документов. Полковник П. П. Павлов, командир 41-й танковой дивизии, писал 25 июля, что после начала военных действий он четыре-пять дней не получал никаких приказов от своего 22-го механизированного корпуса, хотя командующий корпусом «знал место сосредоточения дивизии». Когда дивизия собралась, то артиллерийский полк дивизии *«не имел ни одного трактора. 31 [танк] KB... не имел ни одного снаряда. Зенитный дивизион... снарядов также не имел. Колесного парка недоставало около 700 машин, которые до сего времени не получили из народного хозяйства».* Хотя в двух танковых полках дивизии имелось 95 процентов требуемых танков, включая 31 KB и 312 Т-26, *«водительский состав танков „KB” еще не был обучен, так как танки получены за 7–8 дней до*

начала войны».⁷⁶ И что еще больше ухудшало дело, имеющиеся в дивизии танки страдали многочисленными неисправностями.*

Полковник Е. Г. Пушкин, командир 32-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса, докладывал 14 июля, что его дивизия была создана в апреле-мае из 30-й бригады легких танков и на начало войны имела 50 процентов личного состава, 77–78 процентов современных танков, 110 процентов танков старых марок и 42 процента бронемашин. Однако механики-водители этой танковой дивизии не были обучены, и у нее имелось лишь 22 процента требовавшегося ей транспорта, 13 процентов ремонтных мастерских, 2 процента от потребных запчастей, 30 процентов раций и 50 процентов потребной инженерно-саперной поддержки. Между 22 июня и 31 июля дивизия потеряла 307 танков из своих первоначальных 361.⁷⁷

В 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса при почти полной численности личного состава тоже отсутствовал положенный ей по штату автотранспорт, а бойцы были необучены. По словам врио командира дивизии подполковника Сухоручкина:

«Материальная же обеспеченность дивизии, а также неполная укомплектованность дивизии автотранспортом по грузоподъемности и специальными машинами несколько снижала эффективность боевой деятельности дивизии»⁷⁸.

* 41-я танковая дивизия, не получив в первый день войны приказов от командира корпуса, действовала в соответствии с предвоенным планом из «красного пакета» и распоряжениями командующего 5-й армией. В итоге артиллерийский и один из танковых полков прикрывали ковельское направление, 41-й мотострелковый полк был придан 45-й стрелковой дивизии и успешно контратаковал противника в районе Рымачей, другой танковый полк поддерживал 87-ю стрелковую дивизию, 22 и 23 июля отбив у немцев часть города Устилуг и отбросив противника за линию укрепрайона. В целом дивизия действовала наиболее успешно из всего корпуса, к 30 июня в ней сохранилось 16 танков КВ, 106 танков Т-26, и 12 орудий артполка. (Прим. ред.)

Из 355 танков дивизии на 22 июня боееспособными были 310. Между 22 июня и 15 июля дивизия потеряла 307 танков, причем 151 — из-за трудностей с текущим ремонтом или из-за невозможности эвакуировать поврежденные машины. Пространный доклад командира дивизии ясно продемонстрировал, что боевая задача дивизии была сильно испорчена недостатками снабжения и неадекватной подготовкой командных кадров и солдат.

Схожий итоговый доклад полковника Аникушкина из 37-й танковой дивизии того же 15-го механизированного корпуса, утверждал:

*«На основании директивы Народного Комиссара Обороны СССР № ОПГ/1/521114, 37-я танковая дивизия 15-го механизированного корпуса должна была быть полностью сформирована к 1.7.41 (укомплектована личным составом, материальной частью, вооружением и всеми видами имущества)».*⁷⁹

На 22 июня дивизия была укомплектована и оснащена на следующем уровне:⁸⁰

«1. Личным составом:

Командно-начальствующим составом 41,2%

Младшим командно-начальствующим составом 48,3%

Рядовым составом 111%

2. Штатной материальной частью:

Танками „КВ” 1 (1,6%)

— » — „Т-34” 34 (11,4%)

— » — „БТ-7” 258

(нештатная материальная часть)

— » — „Т-26” 22

— » — „Т-26”

огнеметными 1

3. Артиллерийским вооружением:

37-мм зенитными пушками 33,3%

122-мм гаубицами 56,0%

152-мм гаубицами 33,3%»

Около 60 процентов рядового состава состояли из новобранцев, призванных в ряды Красной Армии в мае 1941 года. Никто из них не прошел даже полного курса подготовки молодого бойца. 600 новобранцев, зачисленных в мотострелковый полк, были безоружными из-за нехватки у корпуса оружия. Этот мотострелковый полк, расположенный в 150 километрах от двух танковых полков дивизии, не имел никакого автотранспорта и потому не мог действовать вместе с ними. Из-за нехватки артиллерии дивизия шла в бой, располагая лишь одной артиллерийской батареей 122-мм гаубиц и одной батареей 152-мм гаубиц. Вместо положенных ему по штату 12 орудий (3 батареи), зенитный артиллерийский батальон дивизии располагал лишь одной батареей из 4 зениток. Наконец, понтонно-мостовой батальон дивизии располагался в лагере на Днестре и тоже не мог сопровождать дивизию в бой.

Когда эта дивизия поднялась по тревоге и начала движение, то собрала 70 процентов своего личного состава и 315 танков (из которых 258 были БТ-7). Танкам пришлось действовать без сопровождения пехоты и с лишь ограниченной поддержкой артиллерии. Но безотносительно к этому, по словам командира дивизии: *«несмотря на все вышеперечисленное [неукомплектованность], дивизия представляла их себя стойкую боевую единицу и, как в дальнейшем будет указано, успешно решала все возложенные на нее задачи»*.⁸¹

37-я танковая дивизия сражалась к югу от Дубно до 29 июня, а позже, когда советские войска отступали на восток, служила тыловым охранением. Многочисленные архивные данные показывают, как в последующих боях численность этой дивизии снизилась с 10 900 бойцов и 316 танков на 22 июня до 2423 бойцов и 6 танков на 15 июля (подробности см. в таблице 5.11). Такая эрозия боевой численности являлась типичной для тех дивизий, которые не были уничтожены сразу же.

Относительно полные архивные данные также освещают опыт 43-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса. 28 августа командир дивизии полковник И. Г. Цыбин подготовил пространный ретроспективный доклад, который подробно описывал состояние дивизии на 22 июня и ее судьбу в последующих

боях вплоть до начала августа. Дивизия насчитывала 8434 бойца из требуемых по штату 9876 и была укомплектована 237 танками из требуемых по штату 373 (из них машин новых марок вместо положенных 273 имелось только 7). Но самый важный штрих: в дивизии насчитывалось только 655 из необходимых 1720 грузовиков и тракторов (см. таблицу 5.12).⁸²

Штаб полковника Цыбина был укомплектован обученными кадрами, унаследованными от 35-й танковой бригады, на базе которой сформировалась дивизия. Командиры старшего и среднего уровня участвовали в Финской войне, так же, как и многие экипажи танков. С другой стороны, командный состав нижнего уровня и младший командный состав, особенно в мотострелковом полку, был переведен в нее из других частей и оставался по большей части «зеленым» и необученным. Хотя танки и экипажи являлись боееспособными, все боевые машины прослужили уже немалый срок и почти исчерпали свой ресурс. Около 150 из 571 грузовика не годились для марша, а запчастями дивизия была укомплектована на 40–45 процентов.

«Наличное количество автомашин ни в коей мере не обеспечивало дивизию для выступления в поход и поднятия всех запасов. Вследствие этого основная масса личного состава мотострелкового полка и другие специалисты небоевых машин автотранспортом подняты быть не могли. Также не могли быть подняты бойцы первых батальонов танковых полков, не имевших материальной части.

*Таким образом, к началу боевых действий дивизия состояла из двух групп: а) подвижной группы — танковые полки, каждый двухбатальонного состава (перед боем у Дубно сведены в один полк) и два батальона мотострелкового полка на автомашинах; б) пешей группы в количестве около полутора тысяч человек, состоявшей из части мотострелкового полка и остальных специалистов без машин (разведчики, саперы)».*⁸³

Цыбин отмечал нехватку 37-мм снарядов; к 122-мм и 152-мм орудиям имелся только один боекомплект, а у 10–15 процентов пехоты не было автоматического оружия. Он добавлял:

*«Несмотря на то, что дивизия находилась еще в стадии формирования и имела некомплект по основным видам вооружения, техники и в личном составе, к боевым действиям была подготовлена и могла вести бои в том составе, в котором находилась на 22.6.41».*⁸⁴

До конца июня 43-я танковая дивизия участвовала в тяжелых боях. К 7 июля эта дивизия, численность которой снизилась до 20 легких танков, сражалась уже как пехотное соединение.

Пример этой дивизии являлся типичным. К началу июля большинство механизированных частей стали тенью своей прежней силы. 7 июля командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос доложил Генеральному штабу о состоянии своих некогда грозных механизированных войск. Он доложил о следующей их численности:⁸⁵

4-й механизированный корпус:	126 танков
8-й механизированный корпус:	43 танка
9-й механизированный корпус:	164 танка
15-й механизированный корпус:	66 танков
19-й механизированный корпус:	66 танков
22-й механизированный корпус:	340 танков
24-й механизированный корпус:	100 танков
Потери в личном составе по всем	от 25 до 30 процентов

Последующий доклад Юго-Западного фронта, направленный 15 июля в управление автобронетанковых войск Красной Армии генералу Федоренко, показал быстрое падение оснащенности соединений:

Мехкорпуса	Численность танков
4-й	68 танков (6 KB, 39 T-34 и 23 БТ), 36 бронемашин
8-й	Выведен из боя
9-й	32 танка (7 БТ и 25 T-26), 30 бронемашин
15-й	Выведен из боя
19-й	33 танка (4 KB, 7 T-34 и 22 T-26), 2 бронемшины
22-й	30 танков (2 БТ и 28 T-26), 17 бронемашин
24-й	действует как стрелковый корпус

В оперативной сводке, подготовленной 8 июля, генерал-майор Д. С. Писаревский, начальник штаба 5-й армии, ярко описал плачевное состояние двух механизированных корпусов своей армии:

«Корпус [22-й механизированный] с 22.6.41 г., находясь в боях, понес большие потери в личном составе и материальной части. Из-за отсутствия транспорта мотострелковые полки и экипажи выбывших из строя машин совершали длительные переходы пешим порядком. В результате личный состав устал и изнурен. Обувь на 70 % выносила срок и требует замены (в мотополках).

В корпусе на 7.7.41 г. осталось в строю: людей — 55 %, танков — 21 штука, орудий ПТО — 8 штук, орудий разных калибров — 6, бронемашин — 4. Оставшиеся без материальной части танковые экипажи и артиллеристы вооружены винтовками и действуют как пехота, что является недопустимым при недостатке кадров. Оставшиеся кадры специалистов необходимо сохранить и для приведения корпуса в боевое состояние доукомплектовать личным составом, вооружением, боевой материальной частью и транспортом.

*5. 19-й механизированный корпус сосредоточен и приводит себя в порядок в районе кол. Ужачинская Рута, Романовская Слобода, Федоровка.**

Корпус, будучи неуккомплектован личным составом и материальной частью, в течение тринадцатидневных боев в направлении активных действий противника сильно потрепан и понес большие потери. Оставшееся незначительное количество материальной части непригодно к бою и требует восстановления.

На 6.7.41 г. первый эшелон корпуса вышел из боя в количестве 1 500 человек (40-я и 43-я танковые дивизии), вооруженных только винтовками, имея одну зенитную батарею и три танка. Кроме того, 50 танков находятся в ремонте.

* Подчеркнут фрагмент, опущенный автором книги. (Прим. ред.)

Из-за отсутствия положенной материальной части корпус потерял большое количество специалистов, выполнявших должность стрелка. Сейчас в части поступает новая материальная часть, но личным составом не освоена. Управление корпуса не укомплектовано начальствующим составом на 50 %. Положенных по табелю средств связи корпус не имеет. Все это влияет на руководство боем».⁸⁶

Это скорбное перечисление трудностей, сохраненное советскими архивными источниками, подкрепляется немецкими боевыми донесениями. Один лейтенант из разведывательного батальона 6-й танковой дивизии ярко описал бой с советской 2-й танковой дивизией 3-го механизированного корпуса на окраинах Расейня в Литве на второй день войны.⁸⁷ Советские танки КВ тараном врезались в легкие бронемашины его части, без единого выстрела проехали по немецким разведывательным машинам и вдавили их в грязь у русла близлежащей реки. После нескольких часов отчаянного боя советские танки внезапно остановились в виде угрожающих, но неподвижных дотов. На протяжении двух с лишним дней немецкие саперы сражались с железными монстрами, взрывая их один за другим ранцевыми зарядами. Когда же храбрые защитники танков были убиты или взяты в плен, немцы обнаружили, что у танков кончилось горючее и боеприпасы, и они получили приказ «таранить» противостоящие им немецкие танки. Более того, орудия этих советских КВ не были даже отрегулированы перед боем.

Немецкие донесения с этого и других участков фронта вновь и вновь сообщают об отсутствии у советских танков горючего и боеприпасов и неоднократно докладывают, что советские танковые экипажи не умеют маневрировать на своих бронированных машинах. Показания военнопленных из советской 41-й танковой дивизии и других частей указывают, что советские механики-водители танков не получили требуемой водительской подготовки, а их офицеры были совершенно не знакомы с местностью или с последствиями съезда с дороги в болотистых районах. Вследствие этого целые батальоны беспомощно увязали в грязи и болотах.⁸⁸

Доклад советского 8-го механизированного корпуса подготовленный командиром корпуса генерал-майором Д. И. Рябышевым, подтвердил, что водительский состав танков КВ и Т-34 в большинстве своем имел стаж практического вождения от трех до пяти часов.⁸⁹ Это объясняет, почему немецкая пехота XXXVIII армейского корпуса без поддержки танков смогла успешно противостоять контратаке 12-го механизированного корпуса в Литве, а XX и VII армейские корпуса смогли сделать то же самое против грозных (на бумаге) сил 6-го и 11-го механизированных корпусов к югу от Гродно.*

Таким образом, на 22 июня 1941 года советские механизированные корпуса в приграничных военных округах и во всем этом роду войск вооруженных сил не были готовы к боям. Они на четверть не дотягивали до штатной численности личного состава, и им не хватало еще большего числа командиров и сержантов. Личный состав был плохо обучен, особенно в корпусах, сформированных в 1941 году. Численность боевой техники корпусов, особенно танков, составляла в среднем 53 процента от штатной, при этом большинство танков были старых марок, которые требовали ремонта или переоборудования. Трудности эти еще больше умножались неправильным развертыванием корпусов и отсутствием у них ясных задач.

Громадные советские механизированные войска обладали таким существенным боевым потенциалом. Однако для реализации этого потенциала понадобился бы не один месяц — а, быть может, целый год. Как наглядно и ярко показали последующие бои и донесения командного состава, эти корпуса были просто не готовы к боям с самой опытной армией на лето 1941 года.

* Ни в одном из описанных случаев советские механизированные соединения не имели шанса одержать победу, даже если бы обладали штатной численностью. В первую очередь превосходство немецких войск на этом этапе войны определялось существенным перевесом в живой силе и гораздо более высокой мобильностью, обусловленной значительно большим количеством транспортных средств. (*Прим. ред.*)

Кавалерия

Недостатки, присущие стрелковым и механизированным войскам Красной Армии, разделяли и другие рода войск. Одним из немногих исключений был любимый род войск Сталина — кавалерия. В 1939 году кавалерийские войска составляли 10 процентов сухопутных войск Красной Армии — больше, чем автобронетанковые войска и артиллерия РККА, вместе взятые. Однако в 1940 и 1941 годах численность кавалерийских войск существенно сократилась, так как НКВД использовал многие кавалерийские корпуса и дивизии как ядра для создания новых механизированных корпусов. К июню 1941 года из существовавших в 1937 году 7 кавалерийских корпусов (32 кавалерийские дивизии) в структуре кавалерийских войск оставалось только 4 корпуса (13 дивизий, включая 4 горно-кавалерийские) численностью в 80 000 бойцов.⁹⁰

По штату кавалерийская дивизия состояла из четырех кавалерийских полков, одного танкового полка, артиллерийского и зенитного дивизионов и вспомогательных подразделений, имея численность в 9240 бойцов при 68 орудиях, 64 минометах, 64 легких танках, 18 бронемашинах, 555 автомашинах и 7 940 лошадях. Горно-кавалерийская дивизия была несколько более легкой, чем линейная дивизия. Она состояла из трех кавалерийских полков, танкового и артиллерийского батальонов и более облегченных вспомогательных частей, насчитывая 6574 бойца, 14 орудий, 42 миномета, 12 танков, 17 бронемашин и 6853 лошади. Кавалерийский корпус включал две дивизии и вспомогательные корпусные части, он насчитывал 19 430 бойцов, 136 орудий и 128 танков. (Более подробную организацию корпуса и дивизии см. в таблице 5.13).

Не подвергаясь массовой реорганизации в ходе реформ Тимошенко, 4 кавалерийских корпуса и 13 кавалерийских дивизий обладали большей боеготовностью, нежели стрелковые войска. На 22 июня кавалерийские соединения в западных приграничных военных округах были на 85–90 процентов укомплектованы личным составом и техникой; у стоявших во внутренних во-

енных округах кавдивизий средняя численность составляла примерно по 6000 бойцов в каждой. Командные кадры этих дивизий состояли из опытных ветеранов Гражданской войны, большинство кавалеристов тоже были весьма опытны. Однако без положенных им по штату танковых частей кавалерийские дивизии не значили ровным счетом ничего, так как на современном поле боя являлись весьма уязвимыми анахронизмами.

Вдобавок к отсутствию бронетехники они имели только 45–50 процентов положенных им по штату машин, не обладали никакой ПВО и имели всего по несколько танков, поскольку вся наличная бронетехника перешла в формируемые новые механизированные корпуса. Именно это большей частью и объясняло, почему 36-я кавдивизия 6-го кавкорпуса так быстро лишилась боеспособности еще до того, как смогла принять участие в сражении к югу от Гродно.⁹¹

Существует мало архивных документов, описывающих состав и боевое выступление советских кавалерийских дивизий в первые несколько дней войны. Вызвано это тем, что действовали они обычно в тандеме с механизированными корпусами и затмевались своими более могучими спутниками — или же быстро перемалывались в боях либо воевали в относительной безвестности в качестве спешенной пехоты.*

Воздушно-десантные войска

Среди самых элитных советских боевых частей числились 5 воздушно-десантных корпусов, сформированных к 1 июня из 6 ранее

* Кавалерийские соединения в принципе не приспособлены ни для прорыва вражеской обороны, ни для нанесения контрударов, а в обороне их ценность (из-за слабого оснащения артиллерией) будет ниже, чем у обычных стрелковых соединений — даже при значительно более высоком уровне подготовки каждого бойца. Кавдивизии предназначены в первую очередь для маневренных рейдовых действий против вражеских тылов и коммуникаций при введении в прорыв либо через открытый фланг противника. Поэтому в летней кампании 1941 года имело место лишь одно массированное применение кавалерии — в июле, в ходе Смоленского сражения. (*Прим. ред.*)

существовавших воздушно-десантных бригад и личного состава 11 стрелковых дивизий.⁹² Воздушно-десантные бригады были созданы в начале 30-х годов, и, согласно теории, образовывали вертикальное измерение глубокого сражения и глубокой операции. В теории во время войны они должны были выполнять различные боевые, разведывательные и диверсионные задачи в тактическом и оперативном тылу противника. Наиболее важной их задачей считались побригадные действия в тандеме с наземными мобильными группами глубокого прорыва (танковыми, механизированными или кавалерийскими корпусами) для окружения или отсечения крупных вражеских соединений. На другом же конце спектра находились действия мелкими командами для выполнения диверсионных заданий в интересах фронта или армии.

Воздушно-десантная бригада 1941 года в своей тактической конфигурации состояла из трех групп — парашютной, планерной и посадочно-десантной. В целом бригада состояла из 4 батальонов парашютистов по 546 бойцов в каждом, артиллерийского дивизиона (4 — 75-мм и 4 — 45-мм орудия), минометной роты (9 — 82-мм минометов), роты ПВО (12 станковых пулеметов), роты легких танков (11 танков Т-40 или Т-38), велосипедной разведроты и роты связи. Общая численность бригады составляла свыше 3000 бойцов при 11 танках и 4 полевых пушках.⁹³ Личный состав воздушно-десантных корпусов входил в число лучше всего обученных и наиболее высокомотивированных войск Красной Армии.

В апреле 1941 года, после пристального изучения немецких воздушно-десантных операций в Бельгии, советский Народный Комиссариат Обороны решил резко увеличить в масштабах структуру своих ВДВ, сформировав новые воздушно-десантные корпуса. 1 апреля 1941 года вышел приказ создать пять новых корпусов. Каждый такой корпус численностью в 10 400 бойцов состоял из трех воздушно-десантных бригад по 2634 бойца в каждой и отдельного батальона легких танков. В бригаду входило по три парашютных батальона, артиллерийский батальон, велосипедная разведрота и рота ПВО. Корпусам полагалось тесно взаимодействовать с назначенной им транспортной авиачастью.

И вновь с началом войны отсутствие огневой и материально-технической поддержки, а особенно авиасил для доставки на место действия, вынудило командование использовать эти корпуса в качестве пехотных «пожарных бригад». Когда началась война, новые воздушно-десантные корпуса пребывали в самом разгаре формирования. Вдобавок к отсутствию значительной части тяжелой техники и необходимых самолетов многие из бригад не были обучены основам воздушно-десантного дела. Многие бойцы получили лишь элементарную парашютную подготовку, а 10 из 16 бригад вообще не имели никакой подготовки по прыжкам с парашютом и действиям в качестве боевой части. 5-й воздушно-десантный корпус проходил эту подготовку в полевых условиях, когда уже разразилась война.*

Согласно директиве НКО от 5 июня 1941 года воздушный транспорт для воздушно-десантных корпусов полагалось предоставить приданным каждому воздушно-десантному корпусу двум полкам бомбардировочной авиации с учетом аэродромного десантирования. Эти авиаполки должны были быть укомплектованы старыми и специально модифицированными бомбардировщиками ТБ-3, не имевшими высокой скорости современных самолетов,³ но вполне способных безопасно доставить десантников к их целям. Однако на 22 июня ни одной из подобных частей не было сформировано.

После 22 июня советское командование попыталось использовать по крайней мере два из своих воздушно-десантных корпусов для выполнения тех задач, для которых они и предназначались. 28 июня, когда немецкие войска стремительно приближались к Минску и далее к Днепру, командующий Западным фронтом генерал-полковник Д. Г. Павлов приказал 4-му воздушно-десантному корпусу высадить десанта к западу от Бобруйска для остановки немецкого наступления и действовать совместно с 20-м механизированным корпусом, атакующим к югу от Минска:

* В конце июня — начале июля этот корпус частью своих сил (в виде группы генерал-лейтенанта Акимова) при поддержке 21-го мехкорпуса Лелюшенко весьма успешно противостоял 56-му моторизованному корпусу Манштейна у Двинска. (Прим. ред.)

«214-ю воздушно-десантную бригаду на рассвете 29.6.41 г. распоряжением командующего Военно-воздушными силами Западного фронта выбросить в качестве парашютного десанта в районе Слуцк с задачей перехватить пути на Бобруйск со стороны Барановичи и Тимковичи, Синявка и не допустить подхода подкреплений противника с запада к передовым частям у Бобруйска. В дальнейшем бригаде содействовать 210-й моторизованной дивизии, которая перебрасывается в район Слуцк для уничтожения бобруйской группировки противника, нарушая работу тыла и управление путем подрыва мостов, уничтожения линий связи и диверсионных актов. При попытке противника прорваться обратно на запад в сторону Слуцк уничтожать его всеми средствами бригады»».⁹⁴

Не успел 4-й воздушно-десантный корпус добраться вечером 28 июня до реки Березина, как планы изменились. Самолетов для доставки десанта к месту боя не хватало, поэтому 29 июня 214-я воздушно-десантная бригада получила приказ Павлова двигаться

«...на автомашинах по свободным маршрутам в общем направлении на Глуск и захватить район Груша, Глуск, Стар. Дороги. Лишить противника всех путей подвоза, разрушать переправы и мосты, ночными действиями бить транспорта, одиночные машины, выжигать и истреблять танки... Остаться в этом районе до полного уничтожения Бобруйской группировки противника, по выполнении задачи самостоятельно присоединиться к своим войскам, исходя из обстановки»».⁹⁵

214-я воздушно-десантная бригада так и не сумела выполнить свое первоначальное задание, но несколько недель действовала в немецком тылу, прежде чем распалась. Некоторые из ее солдат присоединились к партизанским отрядам, а некоторые сумели добраться до советских передовых линий обороны, которые к тому времени находились уже далеко на востоке.

Эта злополучная попытка использовать едва оперившиеся воздушно-десантные войска закончилась неудачей, так же, как и схожая попытка на Юго-Западном фронте. Эти два случая указывают, что воздушно-десантные бригады, хотя и отличались неплохой мотивацией, но не обладали должной боеготовностью.

Укрепленные районы

Последним компонентом боевой структуры сухопутных войск Красной Армии в июне 1941 года был укрепленный район (УР) — соединение, сильное огневой мощью, но весьма скромное по части живой силы. Укрепрайону полагалось быть становым хребтом советских укрепленных оборонительных линий. Созданная в 1923 году первоначально в качестве отдельного рода войск Красной Армии, к середине 1930-х годов цепь укрепрайонов в сочетании с регулярными пограничными войсками защищала крупные участки западных границ СССР. К 1938 году Советы построили вдоль своей западной границы 13 укрепрайонов, защищаемых 25 пулеметными батальонами, насчитывающими 18 000 бойцов. В конце 1938 и начале 1939 года к существующей структуре добавились еще 8 укрепрайонов, а после захвата Советами Восточной Польши в 1939 году и прибалтийских государств в 1940 году укрепрайоны были также созданы и вдоль новой западной границы.

Советский интерес к укрепрайонам резко возрос после советско-финской войны из-за сильного впечатления, произведенного на Генштаб Красной Армии прочной обороной Финляндии. Вследствие этого, в конце 1940 года Советы начали расширять свою программу строительства и развертывания укрепленных районов. Советы намеревались использовать новые укрепрайоны для создания прочного оборонительного барьера, чтобы вынудить войска противника наступать там, где они могут быть уничтожены контратакующими механизированными силами. В течение 1940 и 1941 годов Советы создали вдоль своей новой границы 20 новых укрепрайонов, каждый из которых состоял из двух оборонительных поясов 15–20 километров глубиной.

Каждый укрепрайон защищало несколько пулеметно-артиллерийских батальонов, а также отдельные пулеметные роты (которые с началом войны должны были развергиваться в батальоны), отдельные артиллерийские батальоны или артиллерийские полки и подразделения службы тыла. Средняя численность укрепленного района военного времени составляла около 4000 бойцов.⁹⁶ Группы развернутых войск укрепрайонов создавали более крупные территориальные соединения — тоже называвшиеся укрепрайонами и именуемые по конкретному местонахождению (например, Полоцкий, Владимир-Волынский). К 1941 году система укрепрайонов охватывала все приграничные районы Советского Союза.

21 мая НКО приказал западным укрепрайонам начать с 6 июня 1941 года полное развертывание и принял меры по их укреплению, добавив к существующей структуре семнадцать новых укрепрайонов, 110 батальонов, 16 рот, 6 артиллерийских батальонов, 16 артиллерийских батарей и другие более мелкие части общей численностью 129 695 бойцов. Для укрепрайонов вдоль новой границы это увеличение мощи должно было быть завершено к 1 июля, а к 1 октября — и для укрепрайонов вдоль старой границы. В течение этого периода полный личный состав укрепрайонов должен был удвоиться, а численность и мощь каждого батальона подняться до 1000 бойцов. Однако к 22 июня ни одна из этих мер не была завершена. Более того, спеша усилить укрепрайоны вдоль новой границы, укрепления вдоль старой границы буквально раздели догола.

В существующих в июне 1941 года 57 укрепрайонах, 42 из которых располагались на западе, служило 192 240 бойцов, организованных в 7 полков и 160 артиллерийских и пулеметных батальонов, вооруженных 1700 орудиями и минометами и 9800 ручными и станковыми пулеметами.⁹⁷ Эти укрепрайоны располагались на подготовленных оборонительных позициях вдоль границы, а также в глубине, неподалеку от старой границы 1939 года и на подходах к некоторым крупным городам. Накануне войны в укрепрайонах служили 34 процента положенных им по штату офицеров, 27,7 процентов сержантов и старшин и 47,2 процента рядового состава.⁹⁸ Была закончена лишь половина требовав-

шихся им укреплений, все подразделения испытывали острую нехватку пулеметов современного образца. Поэтому 22 июня укрепрайоны не были полностью боееспособными, а оборонительные линии, которые они защищали, тоже не отличались полной боеготовностью.

Статистические данные

Таблица 5.1.

Увеличение числа стрелковых соединений в 1939–1941 годах

Формирования	На 1 января			22 июня 1941 г.
	1939 г.	1940 г.	1941 г.	
Стрелковые корпуса	25	48	50	62
Дивизии	97	168	179	198
стрелковые	86	155	166	177
горнстрелковые	11	11	10	19
мотострелковые	0	2	3	3
Отдельные стрелковые бригады	3	3	3	3
Отдельные стрелковые полки	0	0	44	44

Источники: Начальный период... С. 43

Таблица 5.2.

Сравнительная численность советских стрелковых
и немецких пехотных дивизий военного времени

	Советская стрелковая дивизия	Немецкая пехотная дивизия
Личный состав	14 483	16 859
Винтовки и карабины	10 420	11 500
Тяжелые пулеметы	166	142
Легкие (ручные) пулеметы	392	434
Зенитные пулеметы	33	0
Автоматы	1204	787
Противотанковые ружья	0	81

Продолжение табл. 5.2.

	Советская стрелковая дивизия	Немецкая пехотная дивизия
Пушки	144	161
Минометы	66	54
Автомобили	558	902
Лошади	3039	6358
Легкие танки	16	0
Бронеавтомобили	13	16
Тракторы	99	62

Источники: Начальный период... С. 44; Раманичев, 80–84, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 264, л. 2–6.

Таблица 5.3.1

Средняя боеготовность советских стрелковых дивизий на 22 июня 1941 года

	Люди	Пушки (76 мм и выше)	Минометы	Зенитные пушки	Автомобили
Дивизии мирного времени (на 5 апреля 1941 года)					
12-тысячные	10 298	140	66	32	414
6-тысячные	5864	126	48	8	155
горнострелковые	8829				
Стрелковые дивизии военного времени	14 483	132	66	12	558
Германская пехотная дивизия военного времени	16 859	74	54		902

Таблица 5.3.2

Средняя численность стрелковых дивизий на 22 июня 1941 года по округам

Ленинградский военный округ	11 985
Прибалтийский особый военный округ	8712
Западный особый военный округ	9327
Киевский особый военный округ	8792
Одесский военный округ	8400

Таблица 5.3.3

**Боеготовность дивизий Киевского особого военного округа
на 22 июня 1941 года**

	Люди	Пушки (76 мм и выше)	Автомобили	Тракторы
45-я сд (5-я армия)	8373 (10 010)	78 (84)	127	50
62-я сд (5-я армия)	9546 (9973)	70 (82)	63	86
87-я сд (5-я армия)	9973 (9872)	85 (82)	328	58
124-я сд (5-я армия)	9471 (9426)	75 (82)	229	8
135-я сд (5-я армия)	9232 (9911)	44 (80)	194	0
41-я сд (6-я армия)	9912	74	222	17
97-я сд (6-я армия)	10 050	86	143	78
159-я сд (6-я армия)	9548	69	395	40
72-я гсд (26-я армия)	9904	62	433	44
99-я сд (26-я армия)	9912	69	345	28
173-я сд (26-я армия)	7177	59	251	50
43-я мд (12-я армия)	9159	56	189	30
192-я гсд (12-я армия)	8865	56	134	1
60-я мд (12-я армия)	8313	56	10	1
96-я мд (12-я армия)	8477	56	138	17
58-я мд (12-я армия)	10 279	56	366	39
164-я сд (12-я армия)	9930	78	283	29

Источники: А. А. Гуров. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальный период войны // «Военно-исторический журнал», № 8-1988, 33; Начальный период... С. 43-44; А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: ВАГШ, 1989, 7. Цифры в скобках — численность на 1 июня 1941 года по: А. В. Владимирский. На киевском направлении. Москва: Воениздат, 1989, 22-23. Все источники ссылаются на архивные документы. Расхождения, вероятно, отражают противоречивые донесения.

Таблица 5.4

Сравнительная численность советских и немецких танковых
и моторизованных дивизий

	Танковые дивизии		Моторизованные дивизии	
	РККА	Вермахт	РККА	Вермахт
Личный состав	10 940	16 000	11 650	14 029
Танки	375	135-209	275	0
Бронеавтомобили	95	25	49	37
Мотоциклы	454	1289	183	1323
Пушки	40	72	86	129
Минометы	18	30	12	42
Тракторы	84	200	153	0
Автомобили	1568	1275	1587	2278

Источники: Начальный период... С. 46.

Таблица 5.5

Расположение и состав советских механизированных корпусов
в западных военных округах на 22 июня 1941 года

Военный округ	Номер МК	Дата формирования	Людей	Танков	Бронеавтомобилей	Орудий	Минометов	Автомашин	Тракторов	Мотоциклов
По штату			36 080	1031	268	172	186	5165	352	1678
Ленинградский	1	март 1940 г.	31 439	1037	239	148	146	4730	246	467
	10	март 1941 г.	26 168	469	86	75	157	1000	34	460
Прибалтийский										
особый	3	июль 1940 г.	31 975	651	220	186	181	3897	308	457
	12	март 1941 г.	28 832	749	23	92	221	2531	194	39
Западный										
особый	6	июль 1940 г.	32 382	1131	242	162	187	4779	294	1042
	11	март 1941 г.	21 605	414	84	40	104	920	55	148

Продолжение табл. 5.4

Военный округ	Номер МК	Дата формирования	Людей	Танков	Бронеавтомобилей	Орудий	Минометов	Автомашин	Тракторов	Мотоциклов
Киевский особый	13	март 1941 г.	17 809	282	34	132	117	982	103	246
	14	март 1941 г.	19 332	518	44	126	114	1361	99	216
	17	март 1941 г.	16 578	63	38	12	104	607	40	26
	20	март 1941 г.	20 391	94	11	58	76	431	25	92
	4	июль 1940 г.	28 098	979	175	134	152	2854	274	1050
	8	июль 1940 г.	28 713	898	172	142	152	3237	359	461
	9	март 1941 г.	26 833	298	73	101	118	1067	133	181
	15	март 1941 г.	33 395	749	160	88	139	2035	165	131
	16	март 1941 г.	26 920	482	118	72	137	1777	193	91
	19	март 1941 г.	21 654	453	26	65	27	865	85	18
	22	март 1941 г.	24 087	712	82	122	178	1226	114	47
	24	март 1941 г.	21 556	222	16	0	0	229	69	5
Одесский	2	июнь 1940 г.	32 396	517	186	162	189	3794	266	375
	18	март 1941 г.	26 879	282	6	83	30	1334	58	157
Всего в мех-корпусах			517 047	11 000	2035	2000	2529	39 816	3111	5699

Источник: Начальный период... С. 46.

Таблица 5.6.

Численность танков механизированных корпусов
в западных военных округах

Военные округа и МК	Всего танков		Новых танков	
	кол-во	% от штота	кол-во	% от штата
Ленинградский				
1-й	1037	100,1	0	0
10-й	469	45,5	0	0
Прибалтийский особый				
3-й	651	63,1	110	20,1
12-й	749	72,6	0	0
Западный особый				
6-й	1131	109,7	452	82,7
11-й	414	40,2	20	3,6
13-й	282	27,4	0	0
14-й	518	50,2	0	0
17-й	63	6,1	0	0
20-й	94	9,1	7	1,2
Киевский особый				
4-й	979	95,0	414	75,8
8-й	898	87,0	171	31,2
9-й	298	29,0	0	0
15-й	749	72,6	136	24,9
16-й	482	46,8	0	0
19-й	453	43,9	5	0,9
22-й	712	69,1	31	5,6
24-й	222	21,5	0	0
Одесский				
2-й	517	50,1	60	10,9
18-й	282	27,4	0	0

Примечание: номера корпусов для Одесского военного округа даны на 1 июня 1941 года.

Источник: Начальный период... С. 49–50; Раманичев, 90–92, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 38, оп. 11 353, д. 5, л. 139; оп. 11360, д. 5, л. 13, 35; ф. 15, оп. 881454, д. 12; ф. 10а, оп. 2766, д. 101, л. 83–116.

Таблица 5.7.

Расположение механизированных корпусов на 22 июня 1941 года

Военный округ	Мехкорпус	Расстояние от границы (км)	Расстояние между частями корпуса (км)
Прибалтийский особый	12	80–120	50–70
	3	50–100	60–75
Западный особый	6	70–90	10–15
	11	40–100	35–60
	13	35–60	40–50
	14	10–100	65–90
	17	150–220	60–100
Киевский особый	20	280–340	70–110
	4	50–80	10–15
	8	40–90	40–60
	9	200–250	50–60
	15	90–130	50–60
	16	30–70	70–140
	19	380–400	40–115
	22	20–190	140–180
	24	130–170	50–60

Источник: Начальный период... С. 51.

Таблица 5.8

Реальная численность 15 мехкорпуса на 22 июня 1941 года
(в процентах от штата)

	Командиры	Младшие командиры	Списочный состав
Штаб корпуса	50,0	44,5	78,0
Отдельный батальон связи	40,0	16,5	131,0
Саперный батальон	45,0	23,0	63,0
Мотоциклетный полк	30,0	53,0	105,0
10-я танковая дивизия	87,0	75,0	91,0
37-я танковая дивизия	50,0	45,0	101,5
212-я моторизованная дивизия	56,0	60,0	94,0

Источник: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, выпуск 36. Москва: Воениздат, 1958. С. 253. (Далее — СБД ВОВ).

Таблица 5.9

Численность боевой техники 15-го мехкорпуса на 22 июня 1941 года

Техника	10-я танковая дивизия	37-я танковая дивизия	212-я моторизованная дивизия
Танки			
КВ	63	1	0
Т-34	37	32	0
Т-28	44	0	0
БТ-7	147	239	32
Т-26	27	13	5
Бронеавтомобили			
БА-10	53	35	18
БА-20	19	10	17
Всего	318 танков, 72 бронемашины	272 танков, 45 бронемашин	37 танков, 35 бронемашин

Источник: СБД ВОВ 36 (1958), 253.

Таблица 5.10

Численность боевой техники 15-го мехкорпуса
с 22 июня по 12 июля 1941 года

	22 июня 1940 г.	26 июня 1940 г.		6 июля 1941 г.	12 июля 1941 г.	
	танки	танки	артиллерия	танки	танки	артиллерия
10-я танковая дивизия	318	39	36	20	6	4
37-я танковая дивизия	285	219	11	10	3	1
212-я моторизованная дивизия	37	2	0	0	0	1
8-я танковая дивизия (приданная)	0	65	0	0	0	0
Всего по мехкорпусу	640	325	0	30	9	0

Источник: СБД ВОВ, вып. 36 (1958), 253–269.

Таблица 5.11

**Изменение численности личного состава и боевой техники
37-й танковой дивизии с 22 июня по 15 июля 1941 года**

	22 июня	28 июня	15 июля
Личный состав	10 900 (прибл.)	5067	2423
КВ	1	0	0
Т-34	34	26	1
БТ-7	258	177	5
Т-26	22	8	0
Т-26 (огнеметные)	1	0	0
Артиллерия			
37-мм ЗП	4	4	0
122-мм гаубицы	6	3	2
152-мм гаубицы	4	4	0
76-мм пушки	?	26	1
45-мм ПТП	?	201	16

Источник: СБД ВОВ, вып. 33, 216–231.

Таблица 5.12

**Численность личного состава и боевой техники 43-й танковой дивизии
на 22 июня 1941 года**

	По штату	По списку	Некомплект
Личный состав			
командиры	1253	711	542
младшие командиры	2172	1054	1118
бойцы	6451	6669	—
Всего	9876	8434	1442
Танки			
КВ	63	5	58
Т-34	210	2	208
Т-26	74	230	—
БТ	26	0	26
грузовики и спецмашины	1500	571	929
гусеничные тракторы	137	69	68
Тракторы	83	15	68
152-мм орудия	12	4	8
122-мм орудия	12	12	0
76-мм полевые орудия	4	4	0
37-мм зенитные пушки	12	4	8

Источник: СБД ВОВ, вып. 36 (1957), 233.

Таблица 5.13

**Организация и численный состав кавалерийских дивизий и корпусов
на 22 июня 1941 года**

	Кавдивизия	Кавкорпус
Личный состав	9240	19,430
Лошади	7940	16,020
Легкие танки	64	128
Бронеавтомобили	18	36
Пушки:		
Всего	68	136
полевые (76 и 122 мм)	32	64
противотанковые	16	32
зенитные	20	40
Минометы (50-мм и 82-мм)	64	128
Автомобили	555	1270
Тракторы	21	42

Источник: Начальный период... С. 53.

Глава 6

БОЕГОТОВНОСТЬ: ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА И СЛУЖБЫ ТЫЛА

Артиллерия

Накануне войны артиллерия Красной Армии состояла из войсковой артиллерии и артиллерии Резерва Главного Командования (РГК). Первая, сведенная в полки и дивизионы, предназначалась для огневой поддержки частей Красной Армии и была включена в штатную структуру укрепрайонов, стрелковых и воздушно-десантных бригад, стрелковых, танковых, механизированных и кавалерийских дивизий, стрелковых, механизированных и воздушно-десантных корпусов. Вторая состояла из артиллерийских соединений, частей и подразделений под управлением РГК, которые в военное время либо придавались армиям и корпусам Красной Армии, либо поддерживали их огнем.

В целом на 22 июня 1941 года советский артиллерийский парк состоял из 117 600 орудий и минометов всех калибров. Из этого общего числа 37 500 орудий и минометов располагались в соединениях в западных приграничных военных округах.¹ Большая часть артиллерии Красной Армии находилась в 94 корпусных артиллерийских полках, имевших задачу поддерживать

огнем армии, корпуса и дивизии (см. таблицу 6.1 в конце этой главы).

На бумаге корпусная артиллерия располагала в целом 1320 орудиями калибра 107 и 122 мм и 2201 гаубицей-пушкой, сведенными в три вида полков: смешанные полки по 24 107-мм и 122-мм орудия и 12 152-мм орудий; гаубично-пушечные полки из 36 гаубиц-пушек; полки из 24 122-мм орудий и 24 152-мм гаубиц-пушек.

Артиллерия РГК, составлявшая 8 процентов всей советской артиллерии, состояла из крупнокалиберных пушек и гаубиц, сведенных в 60 гаубичных полков (27 — с 48 152-мм гаубицами и 33 — с 24 203-мм гаубицами), 14 орудийных полков (по 48 122-мм и 152-мм орудий), 15 артиллерийских дивизионов большой мощности (БМ), 2 отдельных артиллерийских батарей особой мощности (ОМ) и 12 отдельных мортирных дивизионов.

Советские артиллерийские системы были самых современных моделей и технологически ни в чем не уступали своим немецким аналогам. Полковая, дивизионная и горная пушка калибром 76 мм предназначалась для полковых артиллерийских батарей и дивизионных артиллерийских полков. Артиллерийские полки дивизий и корпусов, так же, как многие полки РГК, были вооружены 122-мм и 152-мм гаубицами. Артиллерийские полки корпусов и РГК имели также 107-мм и 122-мм орудия. Более крупнокалиберная артиллерия, включая 152-мм и 210-мм орудия, 203-мм и 305-мм гаубицы и 280-мм мортиры, находились на вооружении артиллерийских полков, батальонов и батарей РГК. Другие минометные системы включали легкий 50-мм миномет, который входил в состав вооружения стрелковых рот, а также кавалерии и воздушно-десантных войск, 82-мм минометы стрелкового батальона и полковые 120-мм минометы.*

Накануне войны советские конструкторы оружия создали систему полевой реактивной артиллерии под кодовым обозначением БМ-13, однако доводка новой системы шла медленно, и к июню 1941 года существовало только семь эксперименталь-

* В английском языке и 280-мм мортира, и 50-мм миномет обозначаются одним термином — mortar. (Прим. ред.)

ных машин с установленными на них системами залпового ракетного огня; пять из них находились в научно-исследовательском институте, а две других — на воронежском заводе. 21 июня 1941 года советское правительство распорядилось начать серийное производство этих новых «Катюш», как их позже назовут². Первые «Катюши» вступили в бой в июле 1941 года — слишком поздно, чтобы как-то повлиять на ход боев начального периода. Немцы тоже имели собственный эквивалент этого оружия — шестиствольный реактивный миномет, который первоначально находился на вооружении инженерно-саперных войск и предназначался для стрельбы химическими снарядами («Небельверфер»).

Кроме недооценки важности ракетных систем, советское руководство до Финской войны вообще игнорировало боевые возможности и потенциальный боевой вклад, который могли оказать минометы на исход сражения. После тяжелых боев по преодолению финской «линии Маннергейма», Красная Армия запустила ускоренную программу увеличения производства и поставки в войска минометов. Между 1 января 1939 года и июнем 1941 года арсенал Красной Армии увеличился с 3200 минометов до 56 900, а практически ко всем соединениям и частям были добавлены минометные части и подразделения. К несчастью, изрядная часть этих усилий была сосредоточена на производстве 50-мм минометов (35 100 из 56 900), которые были слишком легкими для сколько-нибудь заметного воздействия на ход современного боя. Кроме того, увеличение производства минометов также отвлекло силы от производства 45-мм и 76-мм орудий и противотанковых ружей.

Большинство полков РГК, которым предназначалось содействовать армиям, были вооружены лучше своих эквивалентов в корпусной артиллерии. Однако даже у них отсутствовало 85 процентов требуемых для перемещения специальных тягачей, вдобавок на 22 июня большинству имевшихся машин требовался капитальный ремонт. Крупной слабостью артиллерии РГК было то обстоятельство, что лишь 8 процентов ее полков находилось в резерве РГК. К тому же в артиллерии РГК вообще отсутствовали противотанковые артиллерийские системы, как и противотанковые соединения и части³.

Наверное, самой большой слабостью артиллерии Красной Армии было отсутствие у нее мобильности, вызванное острой нехваткой накануне войны транспортных машин и тракторов. Всей артиллерии стрелковой дивизии, за исключением гаубичного полка, полагалось передвигаться на конной тяге, а гаубичной артиллерии — с помощью тихоходных тракторов, предоставленных сельским хозяйством. Хотя советская промышленность и создала несколько специальных марок гусеничных тягачей для буксирования артиллерии, производство их, как и в случае с другими видами оружия, шло медленно, и их получили лишь немногие части. В июне 1941 года боевые соединения располагали лишь 37,8 процентами требующихся им тракторов.

Схожая картина наблюдалась и в сфере материально-технического обеспечения. Как и в случае с механизированными войсками, у артиллерийских соединений и частей отсутствовали какие-либо возможности ремонта, реконструкции или эвакуации поврежденной техники. В приграничных военных округах половина артиллерийских полков РГК не располагала никакими структурами для выполнения подобных задач.

Еще один крупный недостаток советской артиллерии заключался в отсутствии современной и эффективной системы обнаружения целей и управления огнем. Хотя наземные системы действовали адекватно, если ими занимались опытные кадры, воздушными системами пренебрегали. На корпус полагалось иметь только один самолет-корректировщик, но на самом деле такие были лишь в немногих. В мае 1941 года НКО приказал создать 15 аэростатных подразделений для обнаружения целей и корректировки артиллерийского огня, но к началу войны успели создать лишь 3 таких.

Значительное число докладов и ретроспективных анализов тех лет, сохранившихся в советских архивах, отмечало несколько крупных недостатков в структуре и организации артиллерийских подразделений. Проведенные весной 1941 года проверки показали, что полковые кадры, в особенности командиры младшего и среднего звена, были плохо обучены и не способны действительно использовать огонь своей артиллерии в бою. Расчеты испытывали большие трудности с обнаружением це-

лей и наводкой и были не в состоянии скоординировать свой огонь с огнем взаимодействующих с ними частей. Наиболее серьезным недостатком в пушечной артиллерии была ее неспособность вести эффективный огонь по вражеским танкам, что являлось одной из важнейших задач, возлагаемых на артиллерийские части довоенными уставами. Возможно, частично это было вызвано созданием Советами накануне войны специализированных противотанковых войск и склонностью полагаться на них.

Доклад, подготовленный 14 июля 1941 года генерал-лейтенантом М. А. Парсеговым, начальником артиллерии Юго-Западного фронта, проиллюстрировал состояние вооружений Красной Армии и может служить образцом схожих докладов других отделов фронта: *«До начала военных действий обеспеченность стрелково-минометным вооружением, особенно формируемых частей, была низкой. Недоставало комплексных, крупнокалиберных и ручных пулеметов, револьверов, пистолетов, пистолетов-пулеметов, 82-мм минометов и т. д.»* (подробнее данные Парсегова о положении на 22 июня см. в таблице 6.24). В докладе сообщалось, что недавно сформированные соединения, такие как 2-й стрелковый и 5-й механизированный корпуса, испытывали особенно сильную нехватку винтовок и минометов. Более того, после объявления мобилизации *«на театре военных действий имелись части, которые не были вооружены даже обыкновенными винтовками»*⁵. Среди этих частей был пятнадцатитысячный корпус железнодорожных войск Красной Армии, более 15 строительных батальонов, многие регулярные подразделения из других военных округов (например, не хватало оружия в 206-й, 227-й и 147-й стрелковых дивизиях), 5 укрепрайонов второй линии обороны (в которых вообще не имелось какого бы то ни было оружия), противодиверсионные подразделения, некоторые мобилизуемые части и мобилизующиеся войска внутренней безопасности. В то же время, по утверждению Парсегова, на момент подготовки доклада в военном округе не было никаких запасов оружия — за исключением 6000 винтовок и 450 пулеметов «Максим», которые нуждались в ремонте. Сопровождающие доклад Парсегова данные о положении с артиллерийским вооружением

в военном округе рисовал и ничуть не менее удручающую картину (см. таблицу 6.3).

В отношении же боеприпасов на 22 июня стрелковые и кавалерийские дивизии, части корпусов и полки РКГ имели по 1,5 боекомплекта на каждый ствол, а танковые и мотострелковые дивизии — от 1,5 до 3 боекомплектов на ствол. Особенно остро не хватало 37 и 85-мм зенитных снарядов и бронебойных снарядов для танков. Самая серьезная проблема относилась к транспорту для перевозки боеприпасов:

«С начала военных действий большинство частей пограничной полосы, не имея достаточного количества автомехтранспорта для перевозки боеприпасов, вынуждено было большую половину выстрелов оставить в пунктах дислокации, а в связи со скоротечностью военных действий артиллерийские выстрелы, оставленные частями, взрывались или оставались противнику»⁶.

Советы давно по достоинству оценили значение и важность механизированных и танковых войск в современном бою. Однако степень их одержимости идеей танковой войны не гармонизировала с заботой о развитии способности противостоять танкам. В конечном итоге лишь немецкое боевое выступление на западе в 1940 году породило обеспокоенность противотанковой обороной войск.

Отражая эту растущую советскую заботу, НКО начал в мае формировать в приграничных военных округах 10 специализированных противотанковых артиллерийских бригад (см. таблицу 6.1). Обычно они распределялись из расчета по одной бригаде на передовую стрелковую армию. Каждая бригада состояла из 120 76-мм и 85-мм противотанковых орудий* и 16 37-мм зенитных орудий, сведенных в два подчиненных бригаде полка. Новые бригады испытывали те же трудности, что и механизированные корпуса, с которыми они должны были взаимодействовать.

* Имеются в виду зенитные орудия 3-К и 52-К на механической тяге. (Прим. ред.)

вать. К 22 июня в бригадах имелось, большей частью из-за трудностей с их промышленным производством, всего от 30 до 78 процентов требуемых артсистем и крайне мало 85-мм орудий.

Подобно механизированным корпусам и другим артиллерийским войскам, им тоже не хватало автотранспорта, тракторов и материально-технического обеспечения. На 13 июня у четырех из десяти противотанковых бригад имелось от 4 до 46 из требовавшихся им 189 тракторов, а у остальных бригад тракторов вообще не было. И одновременно у бригад было лишь 18 процентов (1308) из полагавшихся им 7070 автомашин⁷. Эти факторы лишали противотанковые артбригады необходимой им мобильности военного времени. Вполне предсказуемо, что когда началась война, они оказались быстро уничтожены.

Как и в случае с танками, которые накануне войны свели в механизированные войска в ущерб стрелковым соединениям, большая часть дивизионных и корпусных противотанковых орудий также была использована для создания новых противотанковых бригад. Это оставило большую часть советских войск лишенными способности противостоять танкам, и с началом войны этим войскам приходилось обходиться более дешевыми и более легкими в производстве, но куда менее действенными противотанковыми ружьями.

Таким образом, накануне войны советская артиллерия хотя численно и превосходила немецкую, но сильно уступала ей в мобильности, материально-техническом обеспечении, определении целей, связи и управлении огнем. Советам не удалось сравняться с немцами в сфере ракетной артиллерии и противотанкового оружия. Советская артиллерия уступала немецкой, особенно на дивизионном уровне. И самое важное в Красной Армии из артиллерии не сколотили действенную команду из разных родов войск в той степени, в какой этого добились в немецкой армии. У нее отсутствовала адекватная разведка, она плохо взаимодействовала с пехотой, механизированными и воздушными войсками. Эти изъяны значительно снизили воздействие артиллерии на ход боев и более чем компенсировали советское численное преимущество в артиллерийских стволах.

Инженерно-саперные войска

Подобно артиллерии, инженерно-саперные войска Красной Армии состояли из инженерных частей и подразделений на уровне армии и ниже, и инженерно-саперных войск РКК, используемых для усиления фронтов и армий. Инженерно-саперные войска существовали на основе одна саперная рота на стрелковый полк, двухротный саперный батальон на стрелковую дивизию, и трехротный инженерно-саперный батальон при каждом стрелковом корпусе. У танковой дивизии имелся моторизованный саперный батальон, а в состав армии входили инженерные батальоны и отдельные специализированные инженерные роты. Инженерно-саперные войска РКК состояли из отдельных инженерно-саперных и понтонно-мостовых батальонов.

Накануне войны советские инженерно-саперные войска тоже пребывали в самом разгаре структурного и технического преобразования. С февраля по май 1941 года НКО сформировал из существующих инженерно-саперных батальонов и рот РКК 18 инженерно-саперных и 16 понтонно-мостовых полков (см. таблицу 6.1). Предполагалось, что между вторым и десятым днем мобилизации эти полки численностью по 1000 бойцов в каждом будут развернуты в 156 инженерно-саперных полков, батальонов и отдельных рот. В действительности же большинство этих полков посвятили все свои силы больше строительству новых укреплений, чем поддержке действующих войск. На 22 июня все 160 корпусных и дивизионных инженерно-саперных батальонов и 9 из 10 инженерно-саперных полков в западных приграничных военных округах вместе с 41 саперным батальоном из внутренних военных округов строили пограничные оборонительные сооружения. Когда началась война, это лишило действующие войска и многие резервные силы какой-либо инженерно-саперной поддержки и в конечном итоге снизило их боеготовность⁸. Более того, когда началась война, критически важные инженерно-саперные войска находились слишком близко к линиям фронта и были перемолоты в самых первых боях.

Когда началась война, система мобилизации инженерно-саперных войск тоже потерпела провал. В тех немногих частях, которые успели создать, отсутствовали подготовленные кадры и имелось лишь 50 процентов положенной им по штату строительной и инженерной техники. В результате такие важные боевые задачи, как минирование, восстановление поврежденных мостов, строительство новых укрепленных рубежей в глубине обороны и поддержка контратак механизированных корпусов просто не выполнялись.

Многочисленные донесения документально фиксируют то опасно уязвимое положение, в котором оказались инженерно-саперные войска в начале войны, а также трудности с обеспечением инженерно-саперной поддержки действующих войск. Доклад, подготовленный вскоре после 13 августа генерал-майором Воробьевым, начальником управления инженерно-саперных войск Западного фронта, подробно излагает трудности, с которыми столкнулись саперы фронта, и может служить типичным примером донесений с других фронтов:

«Первое. С февраля-марта 1941 года все саперные батальоны и инженерные полки Западного особого военного округа находились на специальных работах по укреплению госграницы. Из года в год привлекаемые на оборонительные строительства в отрыве от своих соединений, при отсутствии достаточного времени для боевой, а порой и политической подготовки, инженерные части превращались в рабочие команды. Саперы, в отрыве от своих соединений, не обучались инженерному обеспечению боя и взаимодействию с другими родами войск.

Второе. К моменту начала военных действий все инженерные части находились в пограничной полосе и в боях понесли большие потери убитыми и ранеными командно-политического состава и красноармейцев. Потери во всех видах материального обеспечения большие. Тяжелая инженерная техника (дорожные машины, компрессоры и другие) частью уничтожена артиллерийским огнем и авиацией противника, а частью оставлена. По состоянию на 24.6.41 г. 23-й

инженерный полк в районе Сопоткин дезорганизован и рассеян, 10-й инженерный полк основными подразделениями втянулся в бой на госгранице, командование полка со спецподразделениями при 1-м стрелковом корпусе — Визна. По данным прибывающих с фронта военнослужащих управлений начальника строительства, все саперные батальоны стрелковых дивизий и стрелковых корпусов, работающие на границе, втянулись в бой и понесли большие потери, отдельные подразделения перемешались с другими родами войск»⁹.

Воробьев заявлял, что к 27 июня на Западном фронте остались действующими только три саперных батальона и два понтонно-мостовых батальона. Их использовали для строительства преград немецкому наступлению на Оршу, Витебск и далее до Днепра. Фронт собрал на помощь им гражданских рабочих, но усилия оказались тщетными — частично потому, что у саперов не было ни транспортных средств, ни мин, а также имелось очень мало взрывчатки. После фронт создавал новые инженерно-саперные части, но слишком поздно и в недостаточных количествах, чтобы остановить немецкое наступление.

Войска связи

Со схожими трудностями столкнулись и войска связи. В июне 1941 года они состояли из войсковых, армейских и фронтовых полков и подразделений. Общевойсковые войска связи были распределены по одному взводу связи на каждый боевой батальон, по роте связи на каждый полк и по батальону связи на дивизию и корпус. Батальоны связи, приданные дивизиям и корпусам, отвечали за связь в пределах своих организаций и между данными организациями.

В мирное время при каждом штабе армии находился отдельный батальон связи, который по завершении мобилизации полагалось увеличить до полного полка. Каждый военный округ (в военное время — фронт) обслуживался своим собственным полком связи, а другие отдельные полки связи находились в под-

чинении у РГК. Полк связи, в военное время насчитывающий 799 бойцов, должен был состоять из двухротного радиобатальона, оснащенного 10 радиостанциями, и телеграфно-телефонного батальона, оснащенного 57 телеграфами и 2 рациями. Организованный схожим образом армейский полк должен был иметь в своем составе 684 бойца, 9 радиостанций и 45 телеграфов¹⁰.

Довоенные войска связи РГК состояли из 19 отдельных полков связи (14 окружных и 5 армейских), 25 отдельных батальонов связи, 16 отдельных радиобатальонов спецназначения (для ведения радиоперехвата) и 17 центров связи (одного для НКО и по одному на каждый военный округ). По планам Генштаба они должны были образовать во время войны структуру войск связи из 37 отдельных полков связи, 98 отдельных батальонов проводочной связи и 298 отдельных рот связи. В действительности же удалось создать лишь 17 полков (нехватка 48,6 процентов), 25 батальонов (нехватка 74,4 процента) и 4 роты (нехватка 98 процентов).

Оснащены войска связи были недостаточным количеством радиостанций, вдобавок большей частью устаревших — советская промышленность сильно отставала по части производства всех видов современного оборудования связи. Мобилизованные в июне 1941 года части связи были на 39 процентов оснащены переносными рациями, на 46 процентов — армейскими и аэродромными радиостанциями, на 77 процентов — полковыми рациями, на 35 процентов — телеграфными аппаратами [«Бодо»] и располагали всего 43 процентами требовавшихся им телефонных проводов. В среднем фронты имели 75 процентов требовавшихся им раций, армии — 24 процента, дивизии — 89 процентов и полки — 63 процента. Такое количество, вкупе с общим отсутствием опыта использования радио со стороны не знакомых с методикой работы с радио командиров сделали связь в начальный период войны настоящим кошмаром.

По причине указанной нехватки раций и малого количества умеющих работать с ними командиров войска Красной Армии в очень сильной степени полагались на телефонную связь. Та же, в свою очередь, быстро нарушалась в первые же часы войны немецкими диверсантами, а впоследствии — стремительным

наступлением немецких сухопутных сил. НКО пытался бороться со стремлением командиров полагаться на телефонную связь. 15 февраля 1941 года он приказал всем командирам и штабам «научиться искусству управлять войсками по радио»¹¹.

В целом мобилизация потерпела провал, и войска шли в бой с недостаточным количеством по большей части устаревшей аппаратуры связи. Вдобавок кадры частей связи были лишь частично обучены или вообще не обучены, а командиры большей частью не имели опыта работы в боевых условиях. Это сильно мешало войскам осуществлять координацию действий в условиях мобильной войны. Многочисленные документы советских архивов констатируют страшные последствия такой ситуации.¹²

Еще до начала войны прозвучали предупреждения о трудностях, которые Красная Армия испытывала со связью. Менее чем за час до нападения немцев начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П.С. Кленов отправил в Генеральный штаб тревожное донесение:

«Слабыми местами связи округа, могущими вызвать кризис, являются:

- 1. Слабость фронтовых и армейских частей связи по численному составу и мощности относительно своих задач.*
- 2. Необорудованность узлов связи армии и фронта.*
- 3. Недостаточная развитость проводов из паневежского и двинского узлов связи.*
- 4. Отсутствие средств связи для обеспечения тыловой связи.*
- 5. Слабая обеспеченность имуществом связи окружных, армейских частей связи и военно-воздушных сил»¹³.*

Опасения Кленова очень скоро подтвердились. Через четыре дня полковник Курочкин, начальник управления войск связи Северо-Западного фронта, доложил ситуацию со связью фронта после четырех дней боев. В докладе, озаглавленном «Условия связи с начала кампании» он писал:

«Отдельные батальоны связи дивизий и корпусов, будучи в штатах мирного времени и имея автотранспорт в комплекте, не могли поднять полностью проводное имущество связи, находящееся в неприкосновенном запасе, и оставили его на складах постоянных квартир. Пограничные сражения произошли в обстановке, когда дивизии и корпуса дрались на весьма широком фронте....

С первого момента войны авиацией противника и диверсионными группами постоянные провода вдоль границы были разрушены, поэтому дивизии и корпуса вынуждены были восполнять этот пробел полевыми средствами.

На второй и третий день войны произошли весьма динамичные и кровопролитные бои, в результате которых наши части стали быстро отходить на тыловой рубеж обороны — Зап. Двина.

Этот отход не носил планомерного характера. Почти все дивизии находились в полуокружении или окружении и самостоятельно пробивали себе путь к р. Зап. Двина.

Отдельные батальоны связи дивизий и корпусов часто принимали непосредственное участие в боях с противником совместно со своими штабами.

В итоге произошла потеря почти всего наличного комплекта проводной связи и значительной части радиостанций. Личный состав этих батальонов в значительной мере погиб в боях.*

На второй-третий день войны главными видами связи в звене дивизия-корпус стали радио и служба делегатов связи...

Радиосвязь

1. Радиосвязь с первого дня войны работает почти без перебоев, но штабы неохотно и неумело в начале войны пользовались этим средством связи...

** В настоящее время некомплект радистов — 2950 человек, проводчиков — 5520 человек. Недостает раций — 1300, кабеля — 17 520. (Прим. документа)*

Средства подвижной связи

Штабы фронта и армий в начале кампании не имели табельных средств (авиации, автомашин, мотоциклов) для организации связи подвижными средствами.

Начальники штабов очень неохотно шли на выделение этих средств из состава боевых частей».¹⁴

Доклады с других фронтов многократно повторяют данное описание поддержки войск связью и связанных с ней трудностей.

Противовоздушная оборона

Проблема противовоздушной обороны в современной войне была естественным следствием возросшей важности воздушной мощи и в особенности усиления бомбардировочной авиации. Несмотря на это, советские военные руководители до 1940 года в целом недооценивали важность противовоздушной обороны в современной войне.* Однако весной 1940 года немецкие военные в ходе своих операций на Западе ярко продемонстрировали, чего может достичь воздушная мощь. В то время массированные немецкие бомбардировки войск, экономических объектов и узлов связи, умелая интеграция воздушной поддержки с наземными операциями, террористические бомбежки населенных центров и стремительный захват превосходства в воздухе произвели отрезвляющее воздействие на советских военных.

Советские военные теоретики подробно проанализировали роль воздушной мощи в немецких военных победах и много писали о ней в своих военных журналах. Однако они ошибочно

* Это утверждение ничем не обосновано — напомним, что даже штатный танковый зенитный пулемет впервые появился именно на советских машинах в конце 1930-х годов. Другое дело, что средства ПВО крупнее счетверенного «Максима» советская промышленность не могла производить в достаточных количествах из-за слабости технологической базы. (Прим. ред.)

сделали вывод, что воздушная мощь была полезна только против небольших и слабых государств, лишенных большой, хорошо развитой экономики и изрядной военной силы:

*«Они признали подобные средства [воздушную мощь] неосновательными в войне с крупным государством, обладающим равным или даже бульшим военно-экономическим потенциалом, которое оставалось бы бдительным, и которое располагало вооруженными силами высокой боеготовности».*¹⁵

Вследствие этого в июне 1941 года они «не создали надежной системы для противовоздушной обороны войск и важных национальных объектов»¹⁶. Приказ НКО от 14 февраля 1941 года «Об усилении противовоздушной обороны страны» создал под управлением Главного управления ПВО Красной Армии новую национальную систему противовоздушной обороны (ПВО страны). Было выделено 13 особых зон ПВО, охватывающих «угрожаемую территорию» на западе Советского Союза глубиной в 1200 километров, чьи границы совпадали с границами военных округов, и которые, в свою очередь, подразделялись на ПВО областей и населенных пунктов.¹⁷

Специально выделенные соединения, части и подразделения ПВО (корпусов, дивизий и бригад) защищали воинские части этой территориальной системы, а другие защищали крупные населенные центры (Москву, Ленинград, Киев) и важные объекты в пределах 400–600 километров от западной границы (на Кавказе — в пределах 200–250 километров) совместно с частями ПВО сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил. Эти соединенные войска отвечали за противовоздушную оборону в пределах своих военных округов через командующего зоной ПВО.

Общенациональные войска противовоздушной обороны (ПВО страны) имели в своем арсенале истребительную авиацию, зенитные орудия и пулеметы, прожектора, аэростаты и оптику. В арсенал огнестрельного оружия входили 7,62-мм спаренные пулеметы образца 1931 г. и крупнокалиберный 12,7-мм

пулемет, созданный В.А. Дегтяревым и Г. С. Шпагиным. Обе системы успешно соперничали с аналогичными немецкими моделями.

Хотя войска ПВО отвечали через своих командующих артиллерией перед соответствующими родами войск, в военных округах не было никаких специальных органов для управления ПВО или для подготовки и обучения ПВО фронта или армии военного времени. Вместо этого НКО возложил ответственность за боевую и специальную подготовку частей ПВО на Главное управление ПВО Красной Армии. В соответствии с решением НКО от 31 января 1941 года Главное управление ПВО должно было *«заведовать боевой подготовкой и использованием зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, зенитных прожекторов, истребительной авиации, заградительных аэростатов и частей ВНОС [воздушного наблюдения, оповещения и связи], предназначенных для противовоздушной обороны территории СССР»*¹⁸.

Хотя создание новой системы рассматривалось как положительное развитие, оно не сумело обеспечить унитарной системой ни государство в целом, ни конкретные потенциальные цели военного времени. Истребительная авиация подчинялась командующему ВВС военного округа, а полки истребительной авиации, которым поставили задачей обеспечить защиту Москвы, Ленинграда и Баку, находились в оперативном подчинении у командующих корпусными ПВО. Зенитная же артиллерия несла ответственность перед двумя штабами: в отношении боевой и специальной подготовки — перед Главным управлением ПВО, а в отношении стрелковой подготовки и материально-технического снабжения — перед командующим артиллерией. Эти и другие противоречащие друг другу виды ответственности сильно затрудняли развитие и материально-техническое обеспечение действенной системы ПВО.

Вдобавок сильная кадровая текучесть в командовании ПВО на всех уровнях тоже не способствовали боеготовности данных войск. Например, на протяжении 1940 и 1941 годов в Управлении ПВО Красной Армии (после 27 декабря 1940 года — Главном управлении ПВО) сменилось шесть разных командующих.

В их число входили генерал-майоры артиллерии Я. К. Поляков и М. Ф. Королев, генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин, генерал-полковник Г. М. Штерн и, с 14 июня по 19 июля 1941 года — генерал-полковник Н. Н. Воронов. В сфере противовоздушной обороны, как и везде, немалую долю этой текучести вызвали чистки, вызванная ими реакция пошла вглубь и вширь, породив хаос и на нижних уровнях.

Эти организационные трудности и текучесть командных кадров неблагоприятно повлияли на общее и частное планирование противовоздушной обороны, подготовку офицерского состава, руководство и управление системой и на ее способность осуществить действенную мобилизацию военного времени. Планирование оставалось поверхностным:

*«Планы для зон ПВО не были конкретными. Они лишь отражали фактическое расположение частей и подразделений ПВО, снабженные краткими характеристиками обороняемых объектов, и идентифицировали наиболее вероятные направления воздушных налетов. Эти планы не отражали средств управления этими войсками».*¹⁹

Попытки ускорить подготовку специалистов ПВО в мае 1941 года привели к неожиданным неприятным последствиям и отрицательно сказались на эффективности командования, штабов, частей и отдельных расчетов. В частности, соединения, части и подразделения ПВО оказались в целом не способны действовать ночью. Накануне войны не было введено никаких современных уставов или расписаний штатного порядка действий для противовоздушной обороны, а существующие уставы являлись устаревшими версиями, подготовленными в середине 1930-х годов. Единый порядок действий штабов также еще только разрабатывался²⁰.

Связь ПВО, которой полагалось основываться на круглосуточной радиосвязи, обеспеченной наркоматом связи, еще не была организована. В одних только Западном и Киевском особых военных округах было по 119 и 110 центров связи, все еще не соединенных единой системой, а в Ленинградском военном округе

связь между ПВО, ВВС и Балтфлотом была крайне запутанной. Посты наблюдения и радиосвязи в системе ВНОС либо не существовали, либо не работали, либо передаваемая ими информация запаздывала из-за чрезмерной склонности полагаться на телефонную связь. Система ВНОС в пределах военного округа состояла на 70–75 процентов из телефонной связи, на 15–20 процентов из прямых линий связи и на 20–25 процентов из радиосвязи. Более того, большинство личного состава сталкивалось с трудностями в использовании раций. Поэтому для уведомления войск, объектов и аэродромов о воздушных налетах противника требовалось от 4,5 до 15 минут. В результате между 1 января и 10 июня 1941 года не последовало никакой действенной реакции системы ВНОС на 84 процента из 122 немецких разведывательных полетов над советской территорией перед немецким вторжением.²¹

Эти организационные и системные трудности усугублялись еще и тем, что вооружение ПВО (37-мм и 25-мм автоматические пушки, 85-мм пушки и 12,7-мм пулеметы) было старым и неэффективным, а производство 45-мм, 100-мм и 130-мм автоматических пушек более новых образцов шло очень плохо.* Запас же боеприпасов даже для тех устаревших пушек был мал, в диапазоне от 13 до 75 процентов от требуемого запаса на три месяца войны.²² Нехватку пушек старого образца (7190 калибром 37-мм и 1308 калибром 85-мм) удалось устранить только к середине 1942 года. Производство новых зенитных орудий калибром 85-мм увеличилось в 1941 году в 1,7 раза по сравнению с 1940 годом.

* Так у автора. В действительности 85-мм пушка 52-К и 37-мм автомат 61-К были приняты на вооружение только в 1939 году, 25-мм автомат 72-К — лишь в 1941 году. Напротив, 45-мм неавтоматическая пушка 21-К к 1941 году была явно устаревшей, она использовалась практически только на флоте. 100-мм зенитная пушка к началу войны также состояла лишь на вооружении флота, а 130-мм зенитная пушка начала проектироваться только в 1947 году; оба этих орудия также не были автоматическими. Из приведенных ниже цифр хорошо видно, что зенитных автоматов в РККА крайне не хватало — их производство тормозилось технологической слабостью промышленности. (Прим. ред.)

Это новое оружие распределили в первую очередь по соединениям и частям ПВО в западных военных округах или по крупным населенным центрам, таким, как Москва и Ленинград. Еще 480 «восьмидесятипяток» специально выделили для применения против танков.

В июне 1941 года советские наземные войска противовоздушной обороны состояли из трех корпусов ПВО, двух дивизий ПВО, шести бригад ПВО, 26 областных бригад ПВО, двух отдельных полков ПВО и девяти отдельных противовоздушных батальонов, всего общей численностью 182 000 бойцов при 3329 85-мм зенитках, 335 37-мм зенитках, 649 12,7-мм пулеметах, 1597 зенитных прожекторах, 853 заградительных аэростатах и 75 радиолокационных станциях (с радиолокаторами РУС-2 и РУС-1) (см. таблицу 6.1).²³

В сухопутных войсках Красной Армии на каждую стрелковую дивизию имелся один зенитно-артиллерийский дивизион из восьми 37-мм автоматов и четырех 76,2-мм зениток, а в каждом полку — рота зенитных пулеметов из трех тяжелых пулеметов и 8 пулеметных установок на грузовиках. На вооружении корпусного зенитно-артиллерийского дивизиона имелось двенадцать 76,2-мм зенитных орудий, два крупнокалиберных пулемета и три пулеметных установки на грузовиках. Хотя по штату для этих подразделений требовалось 4900 37-мм автоматов, в июне 1941 года в войсках имелось только 1382 таких автоматов. Поэтому в большинстве боевых дивизий имелось лишь 4–8 автоматических пушек вместо положенных 12.²⁴

Реальное прикрытие с воздуха эти дивизионы обеспечить не могли, поскольку даже в атаке при фронте стрелкового корпуса в 10 километров имели возможность действительно атаковать только одну компактную воздушную цель, подлетающую на высоте в 3000 метров, или две — на такой же высоте в глубине своей обороны. Всего обстрелу подвергалось до 14–15 атакующих самолетов. Если же фронт корпуса удлинялся, эффективность ПВО резко снижалась. Более того, зенитные средства не могли вести огонь на ходу, а стрельба ночью ограничивалась нехваткой зенитных прожекторов. Распределение соединений и частей авиации ПВО показано в таблице 6.4.

ВВС Красной Армии выделили для выполнения задач противовоздушной обороны в общей сложности 40 полков истребительной авиации, имеющих на вооружении (по штатной численности) 2520 истребителей. В их число входили приданные дивизии и полки в приведенных выше списках и другие полки, подчиненные ВВС военных округов. Однако эти полки обладали лишь 60 процентами требовавшихся по штату летных экипажей и 83 процентами самолетов и другой техники. Примерно 91 процент их самолетов были устаревшие И-16, И-15 и И-153, а остальные — новые ЯК-3 и МиГ-3. Ни у одного из этих самолетов не было радаров, радиостанции на новых самолетах не отвечали ожиданиям, и пилоты неохотно пользовались ими. Пилоты были не обучены ночным боям, да и для поддержки этих ночных боев не хватало прожекторов. Сами же эти прожектора тоже уступали по своим возможностям зарубежным образцам.

Соединения и части ВНОС использовали для обнаружения целей визуальные средства, а для определения курса вражеских самолетов — весьма примитивные приборы. И даже эти методы определения целей сильно затруднялись нехваткой на постах ВНОС биноклей, которая достигала 74 процентов. В июне 1941 года только шесть станций ВНОС были оснащены новыми экспериментальными РЛС РУС-2, а выпуск прежних РЛС РУС-1 прекратился в 1940 году. Хотя в 1941 году Главным управлением ПВО Красной Армии была проведена серия маневров ПВО, немецкое вторжение нарушило процесс подготовки войск прежде, чем были достигнуты какие-либо заметные результаты. Поэтому *«в целом, боевая подготовка летчиков, зенитчиков, прожектористов и штабных офицеров областных и зональных ПВО оставалась низкой, и это отрицательно повлияло на отражение первоначальных ударов противника»*²⁵.

В июне 1941 года войска ПВО, защищающие тыловые объекты на европейской территории Советского Союза, образовывали два пояса зон ПВО. Первый пояс, состоящий из Северной, Северо-Западной, Западной, Киевской и Южной зон ПВО, защищало 579 зенитных батарей — 50 процентов от общего числа, и 17 полков истребительной авиации — 42,5 процента от обще-

го числа авиаполков, выделенных для защиты крупных центров страны.²⁶ Из этих 17 полков 9 защищали Ленинград, 4 — Киев и по одному полку — Ригу, Минск, Одессу и Кривой Рог.

Зенитная артиллерия образовывала оборонительные кольца вокруг этих потенциальных целей авиации противника, ее подразделения имели численность от 86 до 97 процентов штатной. 82 батареи защищали небо на северо-западном направлении (Северная и Северо-Западная зоны ПВО), 69 — на западном направлении (Западная зона ПВО) и 73 — на юго-западном направлении (Киевская и Южная зоны ПВО). Оставшиеся 355 батарей были приданы дивизиям ПВО, обороняющим Киев и Львов, и корпусу ПВО, обороняющему Ленинград.

Второй пояс зон ПВО состоял из Московской, Орловской и Харьковской зон ПВО и имел на вооружении 223 зенитных батареи (19 процентов от общего числа). 137 из них (более 61 процента) использовались для защиты Москвы. Кроме того, столице защищало 11 истребительных авиаполков (27,5 от общего числа). Однако только у шести из этих авиаполков имелась необходимая боевая техника, а другие пять находились в процессе формирования.

18 июня, когда резко возросло число признаков близкой войны, войска ПВО в передовых районах были приведены в состояние повышенной боевой готовности. В тот день генерал-полковник Кузнецов, командующий Прибалтийским особым военным округом, издал совершенно секретный приказ:

«С целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа, для чего:

а) организовать круглосуточное дежурство на всех постах воздушного наблюдения, оповещения и связи и обеспечить их непрерывной связью;

б) изготовить всю зенитную артиллерию и прожекторные батареи, назначив круглосуточное дежурство на батареях, организовав бесперебойную связь их с постами, тщательно

подготовив в инженерном отношении и обеспечив огнеприпасами;

в) организовать взаимодействие истребительной авиации с зенитными частями;

г) организовать бесперебойную связи постов воздушного наблюдения, оповещения и связи с аэродромами истребительной авиации;

д) к 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района.

19.6.41 г. доложить порядок прикрытия от пикирующих бомбардировщиков крупных железнодорожных и грунтовых мостов, артиллерийских складов и важнейших объектов.

До 21.6.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать затемнение городов Рига, Каунас, Вильнюс, Двинск, Митава, Либава, Шауляй, противопожарную борьбу в них, медицинскую помощь пострадавшим и определить помещения, которые могут быть использованы в качестве бомбоубежищ;

е) максимально форсировать все организационные мероприятия, закончив их не позднее 1 июля 1941 г.»²⁷

Схожие приказы были изданы командующими всех приграничных военных округов. В Западном и Киевском особых военных округах все зенитные батареи в секторе от Гродно до Львова, на глубину от Минска до Новограда-Волынского, заняли огневые позиции. Однако многие батареи Западного фронта занимались боевой учебой в тылу и не могли быть развернуты. К 21 июня Москву защищали 60 дежурных батарей, а Ленинград — 30. Остальные 50 процентов батарей в Московской области оставались в своем лагере в Костерове. Войска ВНОС в приграничных военных округах тоже были выдвинуты по тревоге на глубину от 150 до 250 километров. Восточнее же другие войска ВНОС должны были выступить по тревоге только накануне войны.

Несмотря на все эти меры, согласно одному официальному анализу:

*«В целом в начале войны боеготовность войск ПВО находилась на сравнительно низком уровне. Хотя в то время произошли серьезные изменения в организации и структуре войск ПВО для усиления централизованного управления, советскому правительству не удалось создать объединенное управление всей системы ПВО».*²⁸

Тот же критический анализ привел список многочисленных трудностей, включая слабость организационной структуры, недостаточное количество и без того устаревшего вооружения, плохую подготовку личного состава и частей, особенно в отношении ночных действий, нехватку аппаратуры связи, ненадежность управления, отсутствие единых правил и порядка действий в зональных и областных ПВО и многочисленные трудности у авиации ПВО. В целом последствия этих трудностей во время войны продемонстрировали насколько опасно вступать в бой без адекватной противовоздушной обороны.

Пограничные войска и войска НКВД

Основные пограничные силы накануне войны были сведены в 49 погранотрядов, находящихся вдоль границы и охраняющих рубежи Советского Союза. Каждый из этих погранотрядов включал 4 линейных пограничных аванпоста (заставы) — три с 42–64 пограничниками и резервная застава с 42 пограничниками, а также маневренную группу (от трех до пяти застав по 50 пограничников в каждой) и училища НКО с 70–100 курсантами. В каждом погранотряде имелось от 1400 до 2000 бойцов, 20–30 50-мм минометов, 80–122 пистолетов-пулеметов, 48–60 станковых пулеметов «Максим», 25–30 автомашин, 200–300 лошадей и 120–160 собак.²⁹

Пограничные силы представляли собой легкие охранные войсками, предназначенные для патрулирования границы, задержания нарушителей, противодействия разведывательным и диверсионным акциям противника и создания некоторого препятствия

для действий вражеских войск. Они ни при каких обстоятельствах не оснащались и не обучались, чтобы вести бои с боевыми соединениями регулярных вооруженных сил.

Еще одна первоочередная задача войск НКВД и пограничных войск в мирное время, которая продолжалась и во время войны состояла в поставке и обеспечении охраны советской системы исправительно-трудовых лагерей (ГУЛагов). В случае войны их инструкции предписывали им либо вывезти заключенных, либо ликвидировать их. Есть все указания на то, что когда войска НКВД призывали на фронт, они делали последнее.*

Перед началом войны войска НКВД насчитывали 171 900 военнослужащих. Этим силам перед войной уделялось первостепенное внимание, поэтому они в целом были хорошо подготовлены к выполнению порученных им задач. Однако после стремительного развала обороны Красной Армии от них потребовалось большее, нежели обычная охрана лагерей и обеспечение внутренней безопасности. По существу, войска НКВД часто действовали как боевые соединения, вдобавок высокие потери среди стрелковых частей вынуждали использовать вместе с ними многих бойцов НКВД (см. главу 8).

Внезапность немецкого нападения нарушила запланированную мобилизацию в силы НКВД. Как утверждалось в боевом донесении подполковника Головки, командующего 22-й моторизованной дивизией НКВД:

«В соответствии с мобилизационным планом была создана 22-я мотострелковая дивизия НКВД состоящая из 1-го, 3-го и 5-го мотострелковых полков. Однако, поскольку 1-й и 3-й полки были уже втянуты в боевые действия в Литве, установить с ними связь было уже невозможно, а положение требовало срочной боеготовности для отпора фашистской регулярной армии, я включил в состав 22-й мотострелковой

* Так в тексте. Последнее утверждение остается целиком на совести автора и неуказанных источников, которыми он пользовался. Пограничные войска не имели никакого отношения к конвойным войскам за исключением подчиненности одному наркомату. (Прим. ред.)

*дивизии 83-й железнодорожный полк, 5-й мотострелковый полк НКВД и 155-й конвойный батальон и организовал полк красногвардейцев из батальонов рижских рабочих. Таким образом, 22-я дивизия НКВД фактически состояла из трех полков и отдельного батальона».*³⁰

После 30 июня 22-я мотострелковая дивизия была вынуждена действовать в составе 10-го стрелкового корпуса 8-й армии; однако у нее не было ни своей артиллерии, ни саперов, ни материально-технического снабжения. Обзор небольшого числа доступных документов НКВД указывает, что некоторые соединения испытывали существенную нехватку снаряжения. Например, журнал боевых действий 2-й дивизии НКВД (охрана железных дорог), подчиненной Северо-Западному фронту, сообщал 2 июля, что хотя «оружие и боеприпасы поставлены полностью», у 109-го полка данного соединения «отсутствовали 250 комплектов обмундирования и 900 котелков»³¹.

Последующее донесение из того же полка указывало, что на 30 июля «полк состоял из трех рот по 67 бойцов, резервной роты численностью в 52 бойца и других подразделений общей численностью в 280 бойцов, при трех станковых пулеметах на полк общей численностью в 399 бойцов».³² Из-за такой слабости его включили в 320-й стрелковый полк Красной Армии. Фактически, хотя мобилизация в НКВД шла в ускоренном темпе, большая часть войск НКВД в западных военных округах вскоре оказалась переподчинена полковому командованию Красной Армии. Войска НКВД в целом оказались хорошо подготовленными для выполнения задач военного времени, а процесс мобилизации в НКВД, похоже, шел успешно, однако части НКВД не были ни оснащены, ни обучены для участия в полевом бою в качестве стрелковых частей. В результате, судя по всему, они понесли тяжелые потери.

Службы тыла

В мирное время Красная Армия держала все части и учреждения службы тыла в структуре своих боевых сил на резко

сокращенном уровне — как по личному составу, так и по оснащению. Служб тыла армий и фронтов вообще не существовало. Было лишь несколько отдельных госпиталей, ремонтных баз и складов для снабжения войск мирного времени; им предназначалось послужить основой для последующей мобилизации.

Мобилизационный план (МП-41) требовал мобилизовать дивизиям в 3 дня, а армиям за 7 дней после начала мобилизации более 100 тыловых подразделений, а фронтам сформировать 400–500 подобных подразделений за 15 дней. Администрация службы тыла вооруженных сил страны должна была быть полностью мобилизована за 30 дней.

Основываясь на опыте Первой мировой войны и последующих менее крупных конфликтов, советское военное руководство запланировало резервные запасы для обеспечения 3 дней боевых действий и содержащие продовольствие на 5–6 дней. Постоянная система фронтовых складов и пунктов снабжения должна была иметь 9–10 боекомплектов, 10 заправок горючего и провиант на 30 дней. У этих действующих частей службы тыла отсутствовало единое командование, а подчинялись они и Управлению служб тыла Красной Армии, и наркомату обороны.³³ В мобилизационном плане был учтен и план дальнейшего развертывания служб тыла. Он требовал создания складов на уровне, достаточном для снабжения фронта оружием и боеприпасами в течение трех месяцев боев (и в течение шести месяцев — продовольствием). Однако в приграничных военных округах резервные запасы были ограничены нехваткой места на складах, поэтому здесь хранился лишь месячный запас горючего и боеприпасов. С другой стороны, 38 процентов существующих складов (340 из 887) располагались в западных военных округах поблизости от действующих войск, а большинство этих войск стояло близ границы, где они были наиболее уязвимы для вражеского нападения. На центральных базах Главного артиллерийского управления хранилось 20 процентов всех резервных артиллерийских снарядов и 9 процентов мин, в то время как в западных приграничных округах большая часть этих припасов хранилась неподалеку от границы. Например, 25 процентов всех боеприпасов на Западном театре военных действий, числом свы-

ше 30 миллионов снарядов и мин, хранилось на расстоянии от 50 до 200 километров от границы. В итоге значительная часть этих припасов после начала войны попала в руки противника.

В отношении доступности боеприпасов для действующих войск были как доктринальные, так и структурные сложности. В 1938 году, основываясь на анализе расходования боеприпасов в предыдущих военных конфликтах, Красная Армия установила норму расхода боеприпасов в 5000–6000 выстрелов на ствол за всю войну. Основываясь на новых данных, полученных из анализа боев Финской войны и боев на Халхин-Голе в 1940 и 1941 годах, Генеральный штаб сократил эту норму в среднем до 1000 выстрелов на ствол. В зависимости от того, сколько боеприпасов будет выдавать промышленность, Красная Армия планировала накопить двухмесячный запас боеприпасов в западных и южных приграничных военных округах, трехмесячный запас в Забайкальском военном округе и четырехмесячный запас на Дальнем Востоке.³⁴ Двухмесячная норма составляла 600–800 выстрелов на ружейный ствол и 1000–1600 выстрелов на миномет.

Несмотря на это тщательное планирование, запас боеприпасов в июне 1941 года не отвечал штатным нормам (о запасах боеприпасов на человека в Красной Армии на 22 июня см. таблицу 6.5). Общего запаса хватало на 1700 выстрелов из каждой 45-мм противотанковой пушки, более чем на 1000 выстрелов каждой 76-мм полевой пушки, 700–800 выстрелов для каждого 122-мм и 152-мм орудия и 453 выстрела для каждой 203-мм гаубицы. Таким образом, штатного двухмесячного запаса не имелось ни для одного орудия. В абсолютных цифрах запас боеприпасов в западных военных округах также не соответствовал потребностям и составлял от 6 до 84 процентов.

Накануне войны части службы тыла в действующих войсках имели 25–30 процентов штатной численности личного состава и должны были достичь полной комплектности на третий день мобилизации. Однако нехватка транспорта (недоставало от 50 до 80 процентов требуемых автомашин) и отсутствие планов распределения припасов в случае войны сделало мобилизацию существующих войск службы тыла хаотической и неэффективной.

Особенно остро сказалось отсутствие транспорта. Для снабжения действующих войск в соответствии с нормами требовалось более 60 процентов из общих запасов боеприпасов. Однако многие из этих боеприпасов хранились на складах во внутренних военных округах, откуда их требовалось доставить в действующую армию на большое расстояние. К тому же примерно треть боеприпасов в западных военных округах (менее уязвимая часть их) располагалась в 700 километрах в тылу. Их тоже требовалось подвезти на передовую.

Вся беда в том, что та же нехватка автомашин и тракторов, которая существовала в боевых частях, в большей степени имела место в службах тыла. В конечном итоге именно это отсутствие транспорта парализовало усилия по снабжению войск боеприпасами и лишило действующие войска боеприпасов, когда те особенно в них нуждались.

Хотя железнодорожный транспорт перевозил в 1941 году около 90 процентов советских грузов, а автотранспорт — всего 1,8 процента, из-за его гибкости и доступности для полевых войск, грузовой автотранспорт был более критичен для обеспечения военных действий. С 1937 года в соответствии с программой моторизации и механизации автотранспортный парк Красной Армии возрос семикратно. Советская промышленность ускоренными темпами произвела 145 390 автомашин в 1940 году и 124 176 автомашин в 1941 году — причем надо полагать, что свыше половины этих последних (62 тысячи) — до июня.³⁵ На 22 июня советский парк грузовых машин в целом насчитывал около 700 000 автомашин, в основном полутоннажных грузовиков модели ГАЗ-АА. Однако плохие дорожные условия, отсутствие запчастей, ремонтных мастерских и шин, а также низкая квалификация водителей и механиков взяла с этих машин тяжелую дань — примерно 45 процентов их было непригодно к мобилизации, а имеющийся запас шин составлял лишь 25 процента от требуемого.

В период мобилизации и военное время Красной Армии требовалось 744 000 автомашин и 92 000 тракторов, а на 22 июня имелось в наличии только 272 000 автомашин и 42 000 тракто-

ров*. Это составляло всего 36 процентов от требуемого штата, причем лишь 193 200 из указанных автомобилей являлись грузовыми. Вдобавок более 58 процентов грузовиков были более старых моделей ГАЗ-АА с низкой грузоподъемностью — этот фактор, в свою очередь, приводил к их повышенной эксплуатации, а следовательно — к частым поломкам. Из-за этого и из-за недостатка ремонтных мощностей 23,1 процента автомашин Красной Армии накануне войны были неисправными (см. таблицу 6.7).

В целом армия планировала мобилизовать 240 000 машин из народного хозяйства, в том числе 210 000 грузовиков ГАЗ-АА и ЗиС. Однако существующие организованные мобилизационные органы имели лишь 90 000 машин, и мобилизационным властям пришлось организовать новые меры для приобретения из народного хозяйства остальных грузовиков. К 22 августа 1941 года Красная Армия мобилизовала в целом 206 000 машин, тогда как за то же время потеряла в ходе боев 271 400.³⁶

Еще одной крупной проблемой для советских военных было создание сил, которые могли бы поддерживать пропускную способность дорог в период мобилизации и военное время, учитывая плохое состояние дорог и предвидимый поток дорожного движения. Во время советско-финской войны Красная Армия создала значительное число дорожных частей, но в конце войны большинство из них были демобилизованы и вернулись в народное хозяйство. Вследствие этого Красная Армия держала в мирное время в военных округах и под управлением Генштаба 8 учебных дорожно-эксплуатационных полков и 35 полковых штабов с сокращенными штатами, однако в армиях, дивизиях или полках не существовало практически никаких дорожно-строительных войск. В период мобилизации и военного времени немногие существующие части должны были за пять-восемь дней быть развернуты в 49 полков и 39 батальонов. Однако гражданские

* Из них свыше 14 тысяч, согласно отчету Н. Я. Федоренко от 15 июня 1941 года, подлежали демобилизации из-за невозможности использования в армии. (Прим. ред.)

ресурсы вновь оказались недостаточными для обеспечения подобного развертывания, и даже если бы оно все же произошло полностью, без должного обслуживания в первую же неделю войны дороги вышли бы из строя и стали совершенно непроезжими ни для чего, кроме танков. Положение еще больше осложнялось тем, что многие дорожные части находились под управлением НКВД и крайне сомнительно, что они оказались бы доступны для использования их армией.³⁷

Аналогичная ситуация существовала и с запасами и пополнением горючего. Меры по экономии горючего ввиду его неадекватного производства препятствовали боевой подготовке, в особенности мобильных войск в 1941 году. Хотя в июне 1941 года запасы горюче-смазочных материалов почти достигли требуемых норм, на снабжение топливом влияла та же нехватка мест на складах и проблемы с транспортом, какие преследовали снабжение боеприпасами. Более того, в отличие от боеприпасов, 40–60 процентов драгоценного топлива хранилось на складах в Московском, Орловском и Харьковском военных округах и на заводах по производству топлива. Попытки переместить это горючее поближе к передовым базам ни к чему не привели. В результате 22 июня 1941 года действующие войска в Прибалтийском, Западном и Киевском особых военных округах имели запас горючего соответственно на 6, 8 и 15 дней, а не требуемую норму на два месяца.

Последним важным видом снабжения являлось продовольствие, необходимое для питания личного состава Красной Армии. Увеличение армии между 1937 и 1941 годами легло тяжелым бременем на советское сельское хозяйство, а мобилизация должна была еще и удвоить это бремя. В целом экономика была не в состоянии давать армии все необходимое, поэтому снабжение продовольствием оставалось по западным стандартам весьма скудным и примитивным. Согласно одному источнику:

*«...с 1939 г. резервы продовольствия и фуража оказались недостаточными... Армия имела лишь трех-четырёхмесячный запас основных традиционных продуктов питания (хлеба, муки, овсяной крупы, макарон, сахара, чая и соли) и двухмесячный запас мясопродуктов и табака».*³⁸

Главной трудностью оставалось доставка продовольствия с места его производства в войска на транспорте. Такое же положение существовало и с запасами одежды и обмундирования.³⁹

Многочисленные боевые донесения описывают трудности с тыловым обеспечением в первые дни войны. Из них видно, что органы службы тыла были парализованы немецким нападением, и прослеживается ослабляющее воздействие этого паралича на боеготовность и боевые действия частей и соединений:

*«В целом действующие органы службы тыла были недостаточно подготовлены к большой войне и не были своевременно отобилизованы. При спешно собранном и неполном транспорте, они не смогли в начале войны в полной мере выполнять задачи по снабжению войск, особенно в условиях отступления и окружения. Эшелонирование и накопление материальных резервов не соответствовал транспортным возможностям. Поэтому в начале войны войска западных фронтов оставались без необходимой поддержки служб тыла, а многие склады были уничтожены или захвачены противником».*⁴⁰

Статистические данные

Таблица 6.1

Артиллерия и инженерно-саперные войска Красной Армии
на 22 июня 1941 года

	Армейская артиллерия	Артиллерия РК	ПВО	Инженерные войска
Северный фронт				
7-я армия			208-й зенад	184-й сб
14-я армия		104-й гап		31-й сб
23-я армия	24-й, 28-й, 43-й кап; 573-й пап; 20-й минб	101-й гап; 108-й, 519-й гап БМ	27-й, 241-й зенад	153-й инжб; 109-й мотоинжб

	Армейская артиллерия	Артиллерия РГК	ПВО	Инженерные войска
Фронт		541-й, 577-й гап	2-й корпус ПВО (115-й, 169-й, 189-й, 192-й, 194-й, 351-й зенап)	12-й, 29-й инжп; 6-я понб
Северо-Западный фронт				
8-я армия	9-я иптабр; 47-й, 51-й, 73-й кап		39-й, 242-й зенад	25-й инжп
11-я армия	10-я иптабр; 270-й, 448-й, 615-й кап	110-й гап БМ; 429-й гап	19-й, 247-й зенад	38-й инжб
27-я армия	613-й, 614-й кап		103-й, 111-й зенад	
Фронтового подчинения		402-й гап БМ	10-й, 12-й, 14-я бригада ПВО; 11-й зенад	4-я, 30-я понб
Западный фронт				
3-я армия	7-я иптабр; 152-й, 444-й коп		16-й зенад	
4-я армия	447-й, 455-й, 462-й кап	120-й гап БМ	12-й зенад	
10-я армия	6-я иптабр; 130-й, 156-й, 262-й, 315-й кап	311-й пап; 124-й, 375-й гап	38-й, 71-й зенад	
Фронтового подчинения	8-я иптабр; 29-й, 49-й, 56-й, 151-й, 467-й, 587-й кап; 24-й минб	293-й, 611-й пап; 360-й гап; 5-й, 318-й, 612-й гап БМ; 32-й адн ОМ	4-я, 7-я бригада ПВО; 86-й зенад	10-й, 23-й, 33-й инжп; 34-й, 35-й понб; 275-й инжб
Юго-Западный фронт				
5-я армия	1-я иптабр; 21-й, 231-й, 264-й, 460-й кап		23-й, 243-й зенад	5-й понб

Продолжение табл. 6.1

	Армейская артиллерия	Артиллерия РКК	ПВО	Инженерные войска
6-я армия	3-я иптабр; 209-й, 229-й, 441-й, 445-й кап	135-й пап	17-й, 307-й зенад	9-й инжп
12-я армия	4-я иптабр; 269-й, 274-й, 283-й, 468-й кап		20-й, 30-й зенад	37-й инжп; 19-й понб
26-я армия	2-я иптабр; 233-й, 236-й кап		28-й зенад	17-й понб
Фронтового подчинения	5-я иптабр; 205-й, 207-й, 368-й, 437-й, 458-й, 507-й, 543-й, 646-й кап	305-й, 555-й пап; 4-й, 168-й, 324-й, 330-й, 526-й гап БМ; 331-й, 376-й, 529-й, 538-й, 589-й гап; 34-й, 245-й, 315-й, 316-й адн ОМ	3-я, 4-я дивизии ПВО; 11-я бригада ПВО; 263-й зенад	45-й инжп; 1-й понб
9-я отдельная армия		320-й пап; 430-й гап БМ; 265-й, 266-й, 374-й, 648-й кап; 317-й ади ОМ	26-й, 268-й зенад	8-й, 16-й инжб; 121-й мотоинжб
Резерв Ставки				
16-я армия	126-й кап		12-й зенад	
19-я армия	442-й, 471-й кап			111-й мотоинжп; 238-й, 321-й сб
20-я армия	438-й кап	301-й гап; 537-й гап БМ		60-й понб
21-й армия	420-й, 546-й кап	387-й гап		
22-я армия	336-й, 545-й кап	524-й Нпап		
24-я армия	392-й, 542-й, 685-й кап			
Ставка	267-й, 390-й кап			

	Армейская артиллерия	Артиллерия РГК	ПВО	Инженерные войска
Военные округа				
Московский ВО	275-й, 396-й, 649-й кап	403-й, 590-й гап БМ; 594-й пап; 40-й, 226-й, 228-й, 23-й адн ОМ	1-й корпус ПВО (176-й, 193-й, 250-й, 251-й, 329-й, 745-й зенап)	28-й инжб; 40-й инжб
Приволжский ВО		637-й кап; 592-й пап		
Орловский ВО	364-й, 488-й, 643-й, 644-й кап	281-й гап ОМ; 399-й гап	733-й, 46-й, 123-й зенад	
Уральский ВО				22-й инжп
Сибирский ВО	11-й минб	486-й, 544-й гап БМ		27-й инжп
Харьковский ВО	435-й, 645-й кап	191-й гап БМ		
Северо-Кавказский ВО	394-й, 596-й кап; 138-й, 302-й гап; 440-й гап БМ; 5-й минб			
Одесский ВО	268-й, 272-й, 377-й кап	137-й, 515-й, 522-й, 527-й гап БМ	296-й, 391-й зенад	7-й понб; 8-й инжп
Закавказский ВО	25-й, 456-й, 457-й, 647-й кап	116-й, 337-й, 547-й гап; 136-й, 350-й гап БМ	3-й корпус ПВО (180-й, 190-й, 195-й, 252-й, 335-й, 339-й, 513-й зенап); 31-й зенад	21-й инжп
Среднеазиатский ВО	123-й, 450-й кап; 9-й минб		143-й, 187-й, 189-й зенад	20-й инжп
Архангельский ВО		310-й пап; 1-я, 6-я батареи БМ		

Продолжение табл. 6.1

	Армейская артиллерия	Артиллерия РКК	ПВО	Инженерные войска
Забайкальский ВО: 17-я армия Механизиро- ванные войска	13-й минб	185-й гап 106-й гап БМ; 216-й, 413-й гап	68-й зенад	17-й панб 31-й инжп; 15-й панб; 39-й сап. полк
Дальневосточный фронт				
1-я армия	50-й, 273-й кап	165-й гап; 199-й, 549-й гап БМ	115-й, 129-й зенад	29-й инжб
2-я армия	42-й кап	114-й, 550-й гап БМ		2-й тпанб; 36-й понб
15-я армия	52-й, 76-й кап		110-й зенад	3-й тпанб; 11-й, 16-й понб; 129-й сб
25-я армия	282-й, 548-й кап; 215-й, 386-й гап		59-й зенад	32-й инжп; 69-й сб
Механизиро- ванные войска	187-й кап; 362-й, 367-й адн; 21-й, 22-й минб	181-й, 372-й, 411-й гап	70-й зенад	26-й инжп; 60-й сб

Источник: «Боевой состав советской армии», 7–14.

Таблица 6.2

**Стрелково-минометное оружие Юго-Западного фронта
на 22 июня 1941 года**

	По плану на 1941 г.	В наличии на 22 июня	Нехватка
7,62-мм винтовки	140 434	66 228	74 206
7,62-мм автоматы	61 207	15 780	45 427
7,62-мм пистолеты/револьверы	245 931	165 205	80 726
7,62-мм ручные пулеметы	28 336	21 334	7002
7,62-мм станковые пулеметы	2330	956	1375
12,7-мм пулеметы (зен.)	1087	186	901
82-мм минометы	2283	1829	454
120-мм минометы	432	264	168

Таблица 6.3

Артиллерийское оружие Юго-Западного фронта на 22 июня 1941 года

	Требуется	В наличии	Нехватка
45-мм пушки (ПТ)	2134	1912 (62)	222
76-мм пушки обр. 1927	714	641	73
76-мм пушки обр. 1936	1037	797 (23)	1301
76-мм пушки обр. 1939		84	
76-мм пушки обр. 1902/03		420(66)	
76-мм горные пушки	192	200	
122-мм гаубицы обр. 1910/30, 1909/37	1074	999 (46)	75
122-мм гаубицы обр. 1938	320	278(102)	42
122-мм корпусные пушки	358	187	171
107-мм пушки	0	213 (105)	
152-мм гаубицы обр. 1909/30	357	310 (30)	47
152-мм гаубицы обр. 1938	492	236	256
152-мм пушки обр. 1910/30	12	28	
152-мм пушки-гаубицы обр. 1937	622	523	99
152-мм пушки-гаубицы обр. 1910/34	0	43	
203-мм гаубицы	192	192	
280-мм гаубицы БР-5	24	18	6
280-мм гаубицы обр. 1914/15	0	6	
37-мм зенитные пушки	984	240	744
76-мм зенитные пушки	796	599 (53)	197
85-мм зенитные пушки	600	542	58

Источник: СБД ВОВ, выпуск 36 (1958), 93–100

Таблица 6.4

Распределение авиации войск ПВО на 22 июня 1941 года

Наземные силы	Силы ПВО
Северный фронт	3-я истребительная авиадивизия ПВО 54-я истребительная авиадивизия ПВО
Северо-Западный фронт	21-й истребительный авиаполк ПВО
Западный фронт	184-й истребительный авиаполк ПВО
Юго-Западный фронт	36-я истребительная авиадивизия ПВО
9-я отдельная армия	131-й истребительный авиаполк ПВО

Продолжение табл. 6.4

Наземные силы	Силы ПВО
Закавказский военный округ	27-я истребительная авиадивизия ПВО
Забайкальский военный округ	71-я истребительная авиадивизия ПВО
Дальневосточный фронт	9-й истребительный авиаполк ПВО
	18-й истребительный авиаполк ПВО

Источник: «Боевой состав советской армии», 7–12.

Таблица 6.5

Запас боеприпасов Красной Армии на 22 июня 1941 года

	Всего выстрелов		Выстрелов на ствол	
	ЗапОВО	РККА	ЗапОВО	РККА
Полевая артиллерия	27 326 500	55 492 000	1135	1150
Зенитная артиллерия	9 838 000	6 101 600	588	710
Минометы	15 732 200	26 560 900	641	472
Всего	36 585 400	88 154 500	697	788

Источник: Раманичев, 145–146, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 81, оп. 12076, д. 8, л. 98–101; оп. 12074, д. 36, л. 6–7; оп. 11624, д. 296, л. 9–77.

Таблица 6.6

Уровень снабжения артиллерийскими боеприпасами
в западных военных округах на 22 июня 1941 года
по военным округам (в процентах от требуемого)

Орудия	Ленинградский	Прибалтийский	Западный	Киевский	Одесский	Всего
45-мм противотанковые	48,5	30,9	48,9	29,1	59,2	37,7
76-мм дивизионные	74,7	24,7	42,1	25,2	57,6	33,4
122-мм гаубицы	91,9	72,2	82,4	36,5	44,4	57,2
152-мм гаубицы	100,3	73,0	66,6	45,1	94,9	61,1
152-мм гаубицы-пушки	60,2	67,1	81,0	39,0	57,4	55,5
37-мм зенитные	5,3	9,6	8,9	7,8	2,4	7,5
76-мм зенитные	159,6	90,4	83,5	66,8	50,8	84,4
50-мм минометы	19,8	31,6	36,1	16,5	31,5	24,0
82-мм минометы	57,5	38,3	53,1	29,0	64,2	40,7
120-мм минометы	8,2	6,2	8,2	4,8	13,1	6,6

Источник: Раманичев, 148–149, со ссылкой на: Архив ГШ, ф. 10, оп. 370, д. 30, л. 1–2.

Таблица 6.7

Распределение автомашин и автотранспортных частей Красной армии
на 22 июня 1941 года

Военные округа	Кол-во автомашин	Кол-во автомобильных частей		
		полки	батальоны	базы
Западные военные округа	149 300	9	6	8
Внутренние и южные приграничные округа	57 700	4	10	57
Забайкальский округ и Дальневосточный фронт	63 600	6	21	
Центральные склады	1 600			
Всего	272 200	19	37	65

Примечание: Во время мобилизации учебные части образовывали автотранспортные батальоны, состоящие из резервистов и машин мобилизованных из народного хозяйства.

Источник: Раманичев, 163–164, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 41, оп. 34880, д. 3, л. 1; ф. 38, оп. 11492, л. 44.

Глава 7

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ

Согласно широким теоретическим изысканиям межвоенных лет, важность военно-воздушных сил в современной войне должна была значительно возрасти. На советскую военную теорию сильно повлияли западные теоретические разработки о природе будущей войны, отмечавшие возросшее влияние воздушной мощи на исход войны. Теоретические работы Альберта Дуэ* о стратегическом использовании воздушной мощи против экономики и населения страны были переведены на русский язык и пристально изучались советскими военными теоретиками.

Советские военные теоретики 1930-х годов создали схожие концепции «глубокого боя» и «глубокой операции»; они отчетливо осознавали вертикальное измерение войны и тот факт, что успех сухопутной военной мощи основывается на достижении и сохранении превосходства в воздухе. Поэтому широкий спектр межвоенных теоретиков вроде М. Н. Тухачевского и В. К. Триандафилова включал в свои расчеты воздушную мощь, а такие советские авторы, как А. Н. Лапчинский, А. С. Алгазин и С. А. Меженинов, много писали о роли и задаче воздушной мощи в современной войне.¹ Поэтому к июню 1941 года ВВС Красной Армии заняли место рядом с сухопутными войсками и флотом как один из трех советских родов войск.

* Так у автора, правильно — Джулио Дуэ. (Прим. ред.)

Основываясь на здоровом теоретическом фундаменте в отношении использования воздушной мощи, Советы в конце 1930-х годов стремительно двигались к созданию промышленной базы, способной производить широкий спектр специфических типов самолетов, а также к организации войсковой структуры для эффективного применения этих самолетов на войне. К 1940 году 40 процентов советского военного бюджета отводилось на ВВС, а число самолетостроительных заводов возросло на 75 процентов. В результате к июню 1941 года советская авиапромышленность удвоила выпуск своей продукции и произвела 22 685 боевых самолетов.²

В то время как производство самолетов все возрастало, советские авиаконструкторские бюро (КБ) выставили на летное поле совершенно новое поколение самолетов, в том числе истребители Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и штурмовик Ил-2. Серийное производство этих новых самолетов началось в конце 1940 года, когда заводы произвели 96 самолетов (20 МиГ-3, 64 Як-1 и 12 Пе-2). К 1 июня 1941 года со сборочных конвейеров сошли еще 2653 самолета, но это составляло только 48 процентов плана.³ Они присоединились к и так уже большому воздушному флоту из самолетов более старых конструкций. Полное производство новых самолетов и полное оснащение ими реформированной структуры советских ВВС должно было быть завершено к лету 1942 года.

Как и в случае с механизированными войсками, изучение Советами военного опыта в конце 1930-х годов, особенно боев Гражданской войны в Испании, на Халхин-Голе и в Финляндии, побудили советских военных теоретиков модифицировать свои взгляды на полезность стратегической и оперативной воздушной мощи. Усиление воздушной мощи явно позволяло ВВС решать более крупные оперативно-стратегические задачи. На первом месте среди этих задач стояла поддержка операций сухопутных сил и достижение превосходства в воздухе. От ВВС также ожидали прикрытия своей мобилизации, приведения в расстройство мобилизации противника, уничтожения скоплений неприятельских войск и ключевых политико-административных и военно-экономических центров. Теоретически ВВС могли действовать не-

зависимо или же в тесном контакте с сухопутными войсками и флотом.

Опыт советских летчиков и самолетов во время Гражданской войны в Испании подчеркнул необходимость реформы советской авиации. Бои в Испании ярко продемонстрировали слабость советских самолетов в боях с их немецкими противниками. Даже немецкие бомбардировщики превосходили И-16 и И-153 в огневой мощи и маневренности. Примерно у 90 процентов советских истребителей имелись на вооружении только пулеметы, тогда как на немецких самолетах устанавливали пулеметы и пушки.* И совсем не по случайному совпадению советская программа конструирования более новых современных самолетов началась вскоре после окончания этой войны.

Во время Финской войны Советы применяли свою воздушную мощь главным образом для поддержки сухопутных войск, которые пытались прорвать сильно укрепленные оборонительные линии. В борьбе с незначительными финскими ВВС с их 114 самолетами** атак против авиации противника не требовалось. Хотя немцы на Западе централизованно применяли воздушную мощь для поражения стратегических целей и поддержки сухопутных армий с невероятной эффективностью, советское руководство не прореагировало на этот опыт. Вместо этого оно наоборот, децентрализовало бомбардировочную авиацию дальнего радиуса действия и предоставило большую часть ее воздушной мощи в распоряжение командующих фронтами и армиями. По новой схеме применения ВВС задача приобретения воздушного превосходства должна была достигаться скорее в воздушных боях с авиасоединениями противника, нежели борьбой с неприятельскими аэродромами, которые считались слишком

* Истребитель И-153 был запущен в серию только с 1938 года и в Испании не поставлялся. Автор имеет в виду И-15бис (иногда обозначаемый как И-152). Большинство действовавших в Испании немецких и итальянских самолетов пушечного вооружения не имело. (Прим. ред.)

** К началу войны финская военная авиация имела 114 исправных и 31 неисправный самолет; за время войны из-за рубежа было получено еще около 180 военных самолетов. (Прим. ред.)

трудными целями для эффективных налетов*. Как покажет июнь 1941 года, это лишило командование советских ВВС возможности эффективно среагировать на внезапное немецкое нападение и буквально подставило их для стремительного уничтожения по частям.

В соответствии с этими изменениями в доктрине НКО осенью 1940 года принял решение о создании более многочисленных сил истребительной авиации за счет бомбардировщиков. В октябре 1940 года соотношение бомбардировщиков и истребителей составляло примерно 57 процентов к 43 процентам, и планы увеличения ВВС Красной армии отражали это соотношение. Однако между октябрем и ноябрем 1940 года нарком обороны запустил новую программу, которая сместила приоритет в формировании частей ВВС с бомбардировщиков на истребители. По ноябрьской программе, которую предполагалось выполнить к 31 декабря 1941 года, соотношение менялось на 60 к 40 в пользу истребителей (см. таблицу 7.1 в конце этой главы). Эта программа ставила целью увеличить число авиаполков с 249 до 323, а число самолетов — с 19 977 до 20 607. Схожие изменения НКО сделал и в программе подготовке летчиков, по которой предполагалось к 1 января 1942 году более чем удвоить число летчиков и других служащих в авиации (см. таблицу 7.2).

К лету 1941 года из-за этого смещения приоритетов и того факта, что истребители производить дешевле, прежнее соотношение сменилось на обратное — 53 к 41 в пользу истребителей. В декабре 1940 года на совещании в Москве командующих Красной Армии, начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П. В. Рычагов и командующий ВВС Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант Г. П. Кравченко посвятили свои доклады задачам ВВС. Их речи и другие советские теоретические разработки обращались главным образом к теме поддержке наступательных операций. Другим задачам уделялось гораздо меньше внимания. Один анализ отмечал:

* Этот вывод был сделан по результатам воздушных боев на Халхин-Голе в 1939 году. (Прим. ред.)

*«Степень практической разработки задач к началу войны была недостаточной. Многие оценки ожидаемых результатов действий авиации были преувеличенными и не имели под собой научной основы. Уровень взаимодействия с войсками, особенно на тактическом уровне, был низок. Положение еще больше усугублялось отсутствием связи, управления и соответствующей информации».*⁴

Словом, опыт показывал, что требовалось сделать больший упор на роль воздушной поддержки сухопутных войск, особенно тактической. Поэтому в ноябре 1940 года, после роспуска годом раньше механизированных корпусов, Советы положили на полку ранее существовавшие планы выставить на летное поле отдельные воздушные армии бомбардировочной авиации дальнего радиуса действия, способной вести независимые воздушные операции. Вместо этого было создано 5 авиакорпусов и 3 отдельных авиадивизии дальнебомбардировочной авиации, подчиненных командующим военными округами для поддержки боевых действий сухопутных войск. Оставшиеся 61 дивизия бомбардировочной, истребительной и смешанной авиации тоже осталась в роли поддержки сухопутных войск.

Структура, боевая техника и управление

Накануне войны советские сухопутные войска поддерживались фронтовой и войсковой авиацией. Первая, подчиненная в мирное время командующим западными приграничными военными округами, была сведена в две основных группы: фронтовую и армейскую. Фронтовая группа состояла из подчиненных непосредственно военным округам бомбардировочных, истребительных и, в некоторых случаях, смешанных авиадивизий, а также отдельных полков воздушной разведки. Авиация, подчиненная армии, состояла из одной-двух смешанных авиадивизий и эскадрилий связи и разведки. Смешанные авиадивизии, в которые входили пять авиаполков бомбардировщиков, истребителей

или штурмовиков, должны были выполнять задачи, поставленные командующим армией. Войсковая же авиация, подчиненная стрелковым и механизированным корпусам, состояла из отдельных авиаэскадрилий, в каждую из которых входили самолеты разведки, корректировки артогня и связи.

К июню 1941 года в западных приграничных военных округах находилось 22 авиадивизии, в том числе 5 дивизий бомбардировочной, 8 — истребительной (включая 4 формируемые) и 19 — смешанной авиации (см. таблицу 1.4)⁵. Учитывая это общее число, фронтовая авиация составляла 40,5 процента ВВС Красной Армии, а армейская авиация — 43,7 процента⁶.

Всего в советских ВВС, то есть в дальнебомбардировочной авиации (ДБА) и военных округах (исключая самолеты ПВО, летных училищ и школ) имелось 15 599 самолетов. Из них 53,4 процента составляли истребители, 41,2 процента — бомбардировщики, 3,2 процента — разведчики и 0,2 процента — штурмовики разных марок.⁷ 80 процентов этих машин были устаревших марок, вроде истребителей И-15, И-15-бис и И-16, бомбардировщиков СБ, ТБ-3 и ДБ-3 и разведчиков Р-5. Немецкая разведка во время Финской войны сделала правильный вывод, что эти советские самолеты старых марок были «неэффективны против незначительных финских ВВС»⁸. Когда в 1941 году в войска начали поступать новые модели самолетов, множественность типов и модификаций (20 типов и 70 модифицированных версий), вкупе с более чем 86 типами бомб, сильно усложнили организацию авиасоединений и их материально-техническое обеспечение. Это весьма затруднило эффективное использование самолетов в военное время.⁹

В то время как промышленность набирала обороты для более широкого серийного производства самолетов новых марок, НКО усиленно пытался обучить требуемые кадры для управления этими самолетами и руководить растущим числом требуемых соединений и частей. С 1939 по лето 1941 года общее число военнотружающих ВВС возросло втрое, дойдя до 476 000 человек. За тот же период число летных училищ увеличилось с 32 до 111, включая более 60 летных школ. 25 февраля 1941 года постановлением Центрального Комитета «О реорганизации военно-воздушных сил

Красной Армии» было решено сформировать к лету 1942 года 106 новых авиаполков вдобавок к 242 уже существующим.

К июню 1941 года стали очевидны трудности введения этой новой программы, поэтому было сформировано лишь 19 новых авиаполков¹⁰. Одновременно советское командование стремилось увеличить сеть аэродромов для размещения запланированных новых авиасоединений. Каждому новому полку из 63 самолетов требовались для нормальных операций три аэродрома. Учитывая число запланированных полков, это означало, что к 1 мая 1941 года одним только западным военным округам требовалось 592 новых аэродрома. Поэтому для ускорения строительства новых аэродромов и переоборудования старых в более современные авиабазы, Советы сформировали 100 новых строительных батальонов численностью в 25 000 бойцов.

К 31 декабря 1941 года эти новые строительные войска соорудили в западных военных округах 480 новых аэродромов. Это, в свою очередь, потребовало массового перемещения самолетов на временные аэродромы, пока шло строительство новых и реконструкция старых. В итоге это привело к сильному скоплению самолетов на небольшом количестве аэродромов и увеличило их уязвимость для вражеского нападения. В итоге новая программа строительства также не достигла своих целей, лишь увеличив хаос с развертыванием ВВС накануне войны.

Накануне войны из-за спешки с этой программой перебазирования и ее частичного осуществления два полка во многих случаях делили один аэродром, создавая плотность до 150 самолетов на один аэродром и громадную уязвимость для вражеской атаки. Многие полки базировались на аэродромах, расположенных слишком близко к границе — даже в пределах досягаемости вражеской артиллерии. Например, 9-я смешанная авиадивизия Западного фронта с 358 самолетами (из них 233 новых) была развернута на аэродромах в 12–40 километрах от границы. Зачастую из-за неурядиц в руководстве не использовались все наличные аэродромы — так, командующий Западным особым военным округом задействовал лишь малую долю из своих 382 аэродромов.

Увеличение ВВС и сети аэродромов требовало также переформирования и увеличения структуры тылов ВВС. Существующая структура подходила для поддержания требований мирного времени ВВС 1940 года. В этой структуре у каждой авиачасти был свой собственный орган службы тыла — авиапарк. Когда бы ни перебазировали полк, его авиапарк тоже должен был переезжать с ним. Пока полк и его авиапарк совершали этот отнимающий немалое времени переезд, часть оказывалась небоеспособной.¹¹

В апреле 1941 года ВВС ввели новую «автономную» систему тылов, создав «районы авиационного базирования» (РАБ), каждый из которых был связан с определенной авиационной частью или соединением. Каждый РАБ состоял из двух-трех авиабаз, на которых, в свою очередь, находилось четыре-пять батальонов аэродромного обслуживания. Предполагалось, что каждый РАБ способен обслужить свою собственную плюс две-три дополнительных авиадивизии в своем районе ответственности, а каждый батальон аэродромного обслуживания мог обслужить один авиаполк. Вся эта система создавалась в преддверии массового увеличения авиационных соединений и частей. Однако к 22 июня 1941 года было создано только 8 из 54 запланированных РАБ, да и эти новые структуры оказались сформированы лишь частично — у них имелся лишь 28,1 процент требуемой техники.¹²

Не стоит говорить, что система управления ВВС оставалась неэффективной. Не была создана единая система командных постов, а штабы для связи друг с другом полагались в основном на проводную сеть. Эта система была лишена мобильности и гибкости и могла быть приведена в расстройство диверсионными акциями противника, как и доказали первые же дни войны. Как и во всей структуре войск, авиации не хватало подготовленных связистов и техники связи, особенно раций. Радиосвязь была редкой и ненадежной, а там, где радиостанции все же имелись, зачастую ими не умели правильно пользоваться.

Подготовка и тактика кадров и частей

Резкое расширение структуры ВВС, добавление к арсеналу вооружений сложных новых самолетов и рост вспомогательной

инфраструктуры вызвали необходимость в подготовке тысяч новых летчиков, штабных офицеров и техников. То обстоятельство, что развертывание баз подготовки кадров отставало от других программ развертывания ВВС, вызвало временное снижение боеготовности существующих частей, многим опытным кадрам из которых поручили помогать формировать новые части. Вдобавок выставленное на летное поле новое вооружение требовало создания новых программ подготовки и переподготовки существующих офицеров и техников для новых самолетов.

Фактически общая боеспособность ВВС страдала до тех пор, пока к лету 1942 года не была сформирована новая структура подготовки кадров. И все это накладывалось на системные проблемы, начавшиеся в 1937 году после чистки командиров высшего и среднего звена и продолжавшиеся до самого начала войны. Как и в сухопутных войсках, это ускорило повышение в чинах менее квалифицированных офицеров, занимающих должности, которым они пока не соответствовали — а их самих заменяли еще менее опытные офицеры.

Резкая текучесть кадров на самом верху структуры ВВС была характерной для всего периода после чисток в Красной Армии и в целом мало способствовала командной и кадровой стабильности на нижних уровнях. В результате соединениями и частями ВВС командовали офицеры, не имевшие достаточного опыта. За четыре предшествующих войне года в ВВС сменилось четверо командующих. Все четверо — командарм первого ранга Я. И. Алкснис, генерал-полковник А. Д. Локтионов и генерал-лейтенанты Я. В. Смушкевич и П. В. Рычагов — погибли в лагерях НКВД как враги народа. В апреле 1941 года командующим ВВС был назначен генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев, он уцелел только для того, чтобы пережить катастрофу 22 июня.¹³

В еще более губительной степени тот же ослабляющий эффект неопытности ощущался в нижних эшелонах ВВС:

«Большинство летных экипажей не имело боевого опыта. Стремительный рост ВС привел к выдвижению большого числа молодых командиров на всех уровнях организационной

структуры ВВС. К июню 1941 года более 43 процента командиров авиасоединений командовали ими меньше шести месяцев, 65 процентов командиров на всех уровнях занимали свои посты меньше года, а 91 процента — меньше полутора лет. Прибывшим в линейные части молодым летным экипажам, особенно поступившим в результате ускоренного выпуска из авиационных училищ, все еще требовалась серьезная подготовка».¹⁴

Все это отрицательно сказывалось на боеготовности ВВС. Например, зимой 1940/1941 года доклад НКО констатировал: *«Боевая подготовка военно-воздушных сил Красной Армии неудовлетворительна. Летно-технический состав плохо освоил новую технику»*¹⁵. Проведенная в марте-апреле Главным управлением ВВС проверка боевой подготовки в западных военных округах эхом отражала эти предыдущие наблюдения. Проверяющие отметили, что вдобавок к плохой летной подготовке летчики даже не умели выполнять маневры, ведя пулеметный огонь по наземным целям. Боеготовность частей была низкой, а техника содержалась просто ужасающе.¹⁶ Например, в зимний период среднее число летных часов пилота находилось в диапазоне от 18 часов для пилотов в Прибалтийском особом военном округе до 6 часов в Киевском особом военном округе.¹⁷ Зимой в военных округах не происходило практически никаких совместных учений сухопутных войск и ВВС, а Главный штаб ВВС практически не проводил никаких учений — ни по отработке связи с аэродромом, ни командно-штабных.

Впоследствии 8 мая 1941 года Главный военный совет заслушал доклад заместителя наркома Мерецкова и начальника Главного управления ВВС Красной Армии Жигарева, который подытожил недостатки подготовки в зимний период. Итоговое постановление отмечало:

*«В целом боевая подготовка, хотя и улучшилась по сравнению с 1940 годом, по-прежнему не отвечает современным оперативным и боевым требованиям и характеризуется неспособностью выполнять задачи, поставленные приказом наркома обороны за № 30».*¹⁸

Отражая абсолютную точность этих и других последующих докладов, 919 (12,9 процентов) самолетов в западных приграничных военных округах находились на 22 июня 1941 года в неисправном состоянии. При общем числе в 7133 самолетов обученные экипажи имелись только для 5 937 из них. Что еще хуже — хотя новые самолеты составляли 14 процентов от общего количества, имелось лишь 208 экипажей, способных летать на этих новых машинах.¹⁹

Таким образом, в июне 1941 года большинство офицеров и техников ВВС Красной Армии были лишь частично обученными и не имели опыта. К июню 1941 года более 91 процента командиров соединений находились на своих постах менее шести месяцев. 65 процентов всех офицеров служили на своих постах менее года и 43 процента прослужили менее полутора лет.²⁰ Особенно резко это сказалось на летчиках, выпуск которых из летных училищ часто бывал ускоренным.

Трудности в подготовке летчиков усложнялись и наличием большого числа устаревших самолетов, препятствующих развитию современной воздушной тактики. Устаревшие самолеты летали медленно и неповоротливо, и даже более новый деревянный ЛаГГ-3, хотя и выделявшийся прочностью, отличался тихоходностью и плохой маневренностью. По словам одного аналитика, *«низкое качество ЛаГГ-3 быстро стяжало ему в представлении многих советских летчиков-истребителей репутацию гарантированной гибели. Его полированная оболочка (дерево, пропитанное особой полимерной смолой) дала повод расшифровывать сокращение ЛаГГ-3 как „лакированный гарантированный гроб“»*.²¹ Аналог ЛаГГ-3, немецкий истребитель «Мессершмитт» Мf 109G, во всех отношениях превосходил его.

Тактически советские истребители действовали плотными построениями — звеньями из трех самолетов, которые были куда менее гибкими, чем более свободные построения их противников в два-четыре самолета. В целом тактика советских истребителей была, согласно анализу одного командира советских ВВС, *«осторожной и негибкой, ограниченной большей частью горизонтальным маневром и лишенной взаимодействия с сухопутной*

армией»²². Тактика бомбардировщиков была немногим лучше в том плане, что они демонстрировали заметное отсутствие осторожности, учитывая устарелость и тихоходность их самолетов:

«С первых же минут бомбардировщики бросали в бой в большом числе для замедления немецкого наступления, особенно на переправах через реки... Все эти бомбардировщики были тихоходными, с ограниченной дальностью и грузоподъемностью, и крайне уязвимыми для немецких перехватчиков и противовоздушных частей.

*Советские бомбардировщики обычно летали, построившись „клином“ или „линией“... Чтобы снизить потери и максимизировать свою защитную огневую мощь, бомбардировщики стали летать очень плотными построениями. Несмотря на эти корректировки тактики, летом 1941 года бомбардировщики ВС понесли очень большие потери».*²³

Подготовка к войне

Советский Союз принял амбициозную и форсированную программу одновременного увеличения, реформирования и перестройки ВВС Красной Армии, а также создания промышленной и экономической базы для обеспечения воздушных сил в случае войны. Нет никаких сомнений в том, что такая программа была необходима. Единственная проблема заключалась в том, что, осуществляя эту программу, Советский Союз подвергал себя огромному риску. По сути, он должен был выиграть гонку между реформой и войной. Поражение в этом состязании поставило бы вооруженные силы страны в крайне невыгодное положение. Правительство пошло на этот риск, считая, что сможет избежать войны по крайней мере до лета 1942 года.

В итоге к началу войны эта реформа создала воздушные силы численностью свыше 15 000 самолетов, входивших в дальнейбомбардировочную авиацию и авиацию военных округов. Все эти силы были сведены в 5 корпусов и 3 дивизии ДБА, а также 61 истребительную, бомбардировочную и смешанную авиади-

визию, опирающиеся на частично реформированную структуру материально-технического обеспечения.

Каждый корпус дальнебомбардировочной авиации состоял из двух дивизий. Эти и другие дивизии считались основным тактическим соединением в ВВС и состояли из 3–4, а иногда 5–6 полков с общим числом до 350 самолетов. Истребительные, бомбардировочные и смешанные полки насчитывали 4–5 эскадрилий по 12–15 самолетов в каждой — за исключением полков тяжелых бомбардировщиков, которые насчитывали по 40 самолетов. Каждая эскадрилья делилась на звенья из 3 самолетов при общем числе в 63 самолета на полк.²⁴

Авиационные дивизии и разведывательные авиаполки придавались военным округам, а в военное время — фронтам. Обычно авиация округа состояла из 1–2 смешанных авиадивизий и 2 эскадрилий (связи и разведки), которые поддерживали каждую передовую армию. Смешанная авиадивизия, в которую входило 3–5 полков бомбардировщиков, истребителей или штурмовиков, подчинялась командующему общевойсковой армией и выполняла поставленные им задачи. Войсковая авиация включала в себя отдельные эскадрильи связи, разведки и корректировки артогня, распределенные по одной на корпус.

По очевидным стратегическим причинам основная масса советской воздушной мощи в июне 1941 года была сосредоточена в западных приграничных военных округах. Однако из 7133 самолетов, имевшихся в этих пяти округах, только 1448 (20 процентов) составляли машины новых моделей (более точное распределение самолетов см. в таблице 7.3). Из этих самолетов 2481 были сосредоточены на Северо-Западном (Прибалтийском) направлении, 1789 — на западном (Минско-Смоленском) направлении и 2863 — на юго-западном (Киевском) направлении.

Большинство истребителей (77 процентов) относилось к старым и устаревающим моделям — И-15, И-15бис, И-153 и И-16. Большинство (886) новых истребителей были марки МиГ-3, лишенные пушек и менее маневренные на средних высотах, нежели их немецкие аналоги.²⁵ Бомбардировочные дивизии в приграничных военных округах были главным образом (на 94 процента) оснащены бомбардировщиками СБ старой конструкции, а более

новые машины Пе-2 только начали поступать в войска. В полках штурмовой авиации стояли на вооружении самолеты И-15бис, И-153 и Р-5, которые не подходили для роли штурмовиков, и лишь горстка новых штурмовиков Ил-2.

Немногим лучше обстояли дела и в дальнебомбардировочной авиации. Девять дивизий ДБА общим числом в 29 авиаполков размещались на европейской территории Советского Союза в Новгородской, Смоленской, Курской и Запорожской областях. Из имевшихся в них 1399 самолетов около 16 процентов составляли старые машины ТБ-3, 24 процента — ДБ-3 с плохим бомбовым запасом, а 60 процентов — ДБ-3ф (Ил-4). Кроме того, на экспериментальной основе этим частям были приданы новые бомбардировщики ТБ-7 (Пе-8).²⁶

В дополнение к описанным силам приграничных округов и ДБА у Советов на западе имелось 1445 самолетов из состава Северного, Балтийского и Черноморского флотов — в основном истребителей и бомбардировщиков.

Таким образом, общее число самолетов в западных приграничных военных округах, дальнебомбардировочной авиации и ВВС трех флотов составляло 9917 машин. Однако по различным причинам не все из них можно было использовать в боевых действиях. Во-первых, авиация ВМФ предназначалась в первую очередь для защиты интересов флота — в частности, обороны баз. Эти самолеты могли взаимодействовать с авиацией военных округов только при особых обстоятельствах. Во-вторых, что еще важнее, многие из имеющихся самолетов не годились для боев. Из 8472 машин ВВС округов и дальнебомбардировочной авиации на 22 июня ВВС округов 1090 (13 процентов) по разным причинам находились в ремонте²⁷, а из 7133 самолетов западных округов 919 (12,9 процентов) не были боеготовы²⁸. Одна директива НКО, анализируя учебные занятия зимой 1940/41 года, констатировала: *«Боевая подготовка ВС Красной Армии неудовлетворительна. Летно-технический состав слабо владеет мастерством эксплуатации новой техники»*²⁹.

В-третьих, для этих 7133 самолетов в западных приграничных военных округах имелось лишь 5937 обученных летных экипажей, а 1196 машин оставались без экипажей. Если учиты-

вать дальнебомбардировочную авиацию, то на 8472 самолетов только 1285 экипажей умели летать днем при трудных метеоусловиях, а еще 6385 экипажей — днем при средних метеоусловиях. 1192 экипажей могли летать ночью при нормальных метеоусловиях, и лишь 23 умели летать ночью при плохой погоде. наконец, лишь 208 экипажей были обучены летать на новых самолетах, то есть хотя бы поднимать их в воздух.³⁰ Фактически 15 из 35 перевооруженных полков имели меньше половины требуемой им по штату боевой техники.

Сравнение численности ВВС Красной Армии и Германии на 22 июня 1941 года нельзя делать только на основе абсолютного числа самолетов. При таком подходе соотношение будет 9917 к 4275 или 2,3:1 в пользу Советов, то есть явное советское превосходство. Если учесть отсутствующие летные экипажи и неисправные самолеты, то данное соотношение падает до 1,8:1, все еще оставаясь существенным советским преимуществом.

Однако советское численное преимущество значительно нивелировалось другими факторами. Самым важным из них было заметное превосходство в качестве немецких самолетов и подготовленных экипажей. По летно-боевым характеристикам и огневой мощи немецкие машины намного опережали большинство своих советских аналогов. Более того, приобретенный немецкими пилотами и экипажами в предшествующих боях богатый опыт оказывал решающее воздействие на исход тактических воздушных схваток.

Это немецкое качественное превосходство умножалось еще и организационными преимуществами. В то время как советские соединения и части были распределены по военным округам (фронтам) и армиям, то есть не могли действовать сосредоточенно, немецкие воздушные части были сконцентрированы в воздушных флотах численностью до 1000 самолетов в каждом. Поэтому советские воздушные силы действовали вразнобой, тогда как немцы оказывали массированное воздействие на противника сосредоточенными силами в ключевых местах и в самые критические моменты. Более того, немецкие воздушные части за два года предшествующих боев научились взаимодействовать друг с другом и с сухопутными войсками. С другой стороны, когда

требовалось, они могли эффективно выполнять и независимые задачи.

В 1941 году НКО предпринял меры для улучшения подготовки военно-воздушных сил приграничных военных округов, но многие из этих мер были сведены на нет официальной советской политикой, стремящейся ни в коем случае не провоцировать немцев, пусть и ценой собственной боеготовности. С 1 января по 2 июня НКО увеличил число авиаполков в западном регионе со 116 до 130, а численность самолетов — на 1000. Вдобавок часть военно-воздушных сил в приграничных округах (в том числе 16 звеньев истребителей в Западном особом военном округе) была приведена в состояние повышенной боевой готовности. Однако в тот же период немцам позволяли без всякого советского противодействия осуществлять частые разведывательные полеты над советской территорией на глубину до 350 километров. Было зарегистрировано более 150 таких полетов.³¹

19 июня 1941 года, когда резко возросло число признаков скорого нападения, НКО приказал командующим военными округами замаскировать аэродромы, рассредоточить и спрятать самолеты. Приказ этот был повторен в ночь на 22 июня. Этот последний приказ пришел с запозданием — как раз тогда, когда немецкие самолеты уже наносили удар.

Таким образом, в отношении долгосрочных программ подготовки и краткосрочных мер готовности исполненные благих намерений советские усилия потерпели полную неудачу. Программы реорганизации и увеличения ВВС, строительства новых аэродромов, создания новых систем базирования, материально-технического обеспечения и подготовки новых экипажей были масштабными и верными. Однако они не оказались своевременными. Предположение о том, что мир продержится как минимум до 1942 года, не оправдалось, а немецкое нападение произошло в наихудший момент из возможных — когда советские ВВС находились в самом разгаре структурной перестройки. Паралич в политическом руководстве СССР сделал авиацию особенно уязвимой перед внезапным нападением.

Боеготовность на практике

Советские полевые донесения запечатлели серьезность первых потерь и неготовность ВВС справиться с внезапным немецким нападением. Первое оперативное донесение Северо-Западного фронта, датированное 22:00 часами 22 июня, отмечало, что воздушные атаки противника уничтожили 56 советских самолетов в воздухе и 32 — на самих аэродромах.³² Сопутствующее донесение, отправленное фронтом в НКО, повысило оценку потерь до 100 самолетов, объявив, что противник достиг превосходства в воздухе. В нем выражалось сожаление, что «неготовность аэродромов создает тяжелую ситуацию для военно-воздушных сил фронта»³³. Через считанные часы после нападения повторяющиеся одно за другим донесения жаловались на отсутствие связи с воздушными соединениями. Счет потерям нарастал с каждым днем до катастрофических масштабов.

26 июня командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов оценил потери так:

«Военно-воздушные силы фронта понесли тяжелые потери [вследствие] малого количества аэродромов. В данное время эффективно поддерживать, прикрывать наземные войска и наносить удары по противнику не способны.

Экипажей сохранено 75%. Потери материальной части 80%.

*Прошу усилить фронт тремя смешанными авиационными дивизиями. Пополнить части военно-воздушных сил фронта материальной частью в первую очередь и летным составом».*³⁴

Лишенный адекватной воздушной поддержки, Северо-Западный фронт продолжал отступать через Прибалтику под сильным давлением немцев. К 4 июля причиненный военно-воздушным силам фронта ущерб стал явственно очевиден из присланного из штаба фронта в Генштаб донесения о боевом и численном составе войск фронта, оценивающего численность боевой техники

фронта следующим образом: 6-я смешанная авиадивизия — 69 самолетов; 7-я смешанная авиадивизия — 26 самолетов (2 И-16, 19 И-15бис, 2 И-153 и 3 СБ); 8-я авиадивизия — 29 самолетов (14 МиГ-3, 8 И-153, 1 И-16, 6 И-15бис) и 57-я смешанная авиадивизия — 29 самолетов (6 И-16, 18 И-153, 5 СБ)³⁵. За 12 дней с начала военных действий уцелело 153 самолета из первоначального числа в 887 пригодных к боевым действиям машин в смешанных авиадивизиях фронта.

21 июня 1942 года генерал-майор авиации Д. Ф. Кондратюк, тогдашний командующий 6-й воздушной армии, подготовил ретроспективный отчет о воздушных боях на Северо-Западном фронте в первые дни войны. В этом отчете он подробно разобрал численность боевой техники пяти смешанных авиадивизий фронта (4-й, 6-й, 7-й, 8-й и 57-й) и проанализировал трудности, с которыми столкнулись эти дивизии. Начинался отчет Кондратюка с позитивной ноты: *«Существующая организация Военно-воздушных сил Красной Армии в основном оправдала себя для мирного времени, несмотря на некоторые организационные недостатки, которые выявились в ходе войны»*. Затем Кондратюк упомянул конкретные слабости. Он отметил нехватку аэродромов и тот факт, что строительство шло практически на всех аэродромах — 21 постоянном и 49 временных. Несмотря на попытки замаскировать самолеты, немецкие нарушители воздушной границы свели эту работу на нет. Далее отчет упомянул следующие проблемы:

- Концентрация самолетов на существующих аэродромах и отсутствие аэродромов в оперативной глубине, что увеличивало уязвимость для немецкого нападения.

- Близость аэродромов к границе и плохое планирование, разбрасывание и перебазирование самолетов.

- Наличие большого количества старых самолетов и техники.

- Неумение летчиков работать ночью и при плохой погоде.

- Плохая подготовка летчиков

- Слабая работа штабов и отсутствие взаимодействия между родами войск.

- Плохая радио- и телефонная связь.

- Полное отсутствие возможности разведки.

- Незавершенность базовых реформ и неадекватное планирование мобилизации материально-технического обеспечения. В заключение Кондратюк писал:

«Год войны показал, что организация Военно-воздушных сил Красной Армии в некоторых ее звеньях не отвечала требованиям войны. В частности, авиационные полки четырехэскадрильного состава были громоздкими. Полк базировался на двух-трех аэродромах, терял оперативное руководство над своими подразделениями, организация штабов не обеспечивала боевого управления с двух-трех точек.

Организация авиационных дивизий мирного времени в основном оправдала себя и на военное время... Необходимо отметить, что частая реорганизация авиации отрицательно сказывалась на боевой сколоченности частей.

Нападение на Советский Союз произошло в период реорганизации частей. Части еще не были сколочены. Многие части переучивались на новой материальной части, да к тому же за пределами округа.

Отсутствие четкого плана по использованию Военно-воздушных сил на случай войны привело к потере значительно-го числа самолетов и летного состава.

*Не было отработано управление по радио и скрытое управление».*³⁶

Военно-воздушные силы Западного фронта понесли в первые часы и дни войны еще более тяжелый ущерб. Немцы начали военные действия с опустошительных атак на всю сеть аэродромов Западного особого военного округа, а немецкие диверсионные группы перерезали наземные линии связи. В результате доклады о потерях поступали чрезвычайно медленно, если вообще поступали, и командующие верхнего уровня могли лишь представлять себе, какая бойня творилась на аэродромах и в небесах. Однако представлялось очевидным, что немцы учинили настоящее побоище на советских аэродромах и достигли полного и подавляющего превосходства в воздухе. После такой катастрофы командующий авиацией фронта И. И. Копец покончил с

собой — избежав тем самым судьбы командующего фронтом Д. Г. Павлова, расстрелянного по приказу Сталина.

Первый внятный анализ положения военно-воздушных сил Западного фронта появился 31 декабря 1941 года. Написанный командующим ВВС Западного фронта генерал-лейтенантом авиации Н. Ф. Науменко, этот доклад содержит в первых двух разделах пусть и пугающий, но объективный анализ, который высвечивает ситуацию, описывая действия советских ВВС в первые восемь дней боев:

«...к 15 апреля 1941 года боевую готовность частей Военно-воздушных сил Западного особого военного округа можно охарактеризовать следующим: истребители — небоеспособны (в воздухе почти не стреляли и воздушных боев не вели); бомбардировщики — ограниченно боееспособны (мало бомбили, мало стреляли, мало летали на маршрутные полеты). Разведывательной авиации округ не имел, так как имеющиеся восемь корпусных авиаэскадрилий получили шесть самолетов Р-зет и приступили к переучиванию.

313-й и 314-й разведывательные полки были полностью укомплектованы молодым летным составом, но материальной части не имели.

314-й разведывательный авиационный полк начал получать самолеты ЯК-2 и ЯК-4 в апреле месяце и к началу войны имел лишь шесть экипажей, только что вылетавших на ЯК-4.

Штурмовиков округ вовсе не имел. 215-й штурмовой авиационный полк, только что сформированный, к началу войны имел двенадцать И-15 и подготавливал летчиков для перехода на ИЛ-2, которых округ в то время не имел [...]».³⁷

Науменко отметил, что на вооружении всех авиадивизий стояли устаревшие самолеты — кроме 9-й смешанной, получившей 262 новых самолета МиГ-1 и МиГ-3. Но даже у этого соединения имелось лишь 140 летчиков, способных летать на этих новых самолетах, да и то их подготовка еще не была закончена: «Материальная часть к началу войны была не освоена, и диви-

зия имела ряд тяжелых катастроф в процессе ее освоения». Вдобавок 13-й авиаполк 9-й смешанной авиадивизии и 15-й авиаполк 11-й смешанной авиадивизии получили 42 самолета Пе-2.³⁸ Таким образом, по словам Науменко, «с начала войны округ переживал период перевооружения на новую материальную часть, а интерес к старой материальной части заметно снизился. Все сверху донизу были охвачены скорейшим выпуском летчиков на новой материальной части».³⁹

Командующий ВВС фронта повторил жалобы своих коллег в других военных округах на критические проблемы базирования самолетов и уязвимости баз перед нападением противника. Он подчеркнул трудности с материально-техническим обеспечением при лишь частично введенной в действие системе РАБ. Несмотря на проводимые в округе в 1940 и 1941 годах оперативные игры, командиры штаба, по словам Науменко, «достаточного опыта не имели», а «последующий ход событий показал, что штаб военно-воздушных сил округа был сколочен не достаточно хорошо*».⁴⁰

Науменко подробно изложил действия немцев до начала войны, констатировал:

«В результате действий германских диверсантов и польских белогвардейцев с 23:00 21.6.41 г. вся проволочная связь штаба военно-воздушных сил Западного особого военного округа со штабами дивизий и штабов дивизий со своими полками была прервана, и каждый аэродром был представлен самому себе.

*В таких условиях началась Великая Отечественная война».*⁴¹

Затем он подытожил последствия отсутствия боеготовности ВВС. Ссылаясь на первоначальную численность самолетов Западного фронта в 1909 машин (куда входил и базирующийся у Смоленска корпус дальнебомбардировочной авиации), из них

* Так в книге Гланца. В документе из оригинала СБД — «достаточно хорошо», без «не». (Прим. ред.)

1022 истребителей и 887 бомбардировщиков, Науменко описал воздействие первых восьми дней боев:

«Части Военно-воздушных сил Западного фронта вступили в войну с утра 22.6.41 г. День тот характеризуется большими потерями, понесенными авиацией фронта от налетов противника...

За день 22.6.41 авиацией противника были уничтожены на аэродромах и в воздушных боях 538 самолетов при 143 самолетах, потерянных противником. На следующий день потери сторон составляли 125 и 124 и к концу июня, т.е. за 8 дней войны наши потери составляли в целом 1163 самолета, потери противника 422.

*К исходу 30.6.41 г. военно-воздушные силы фронта имели истребителей 124 и бомбардировщиков 374, всего 479 самолетов, объединенных в семь дивизий».*⁴²

Как и в случае с сухопутными войсками, самые большие по количеству техники и личного состава ВВС имелись в Киевском особом военном округе. Несмотря на их булышную численность, эти войска страдали от тех же трудностей, какие испытывали и другие фронты. Самый тщательный анализ боеготовности военно-воздушных сил округа накануне войны содержался в докладе, поданном 21 августа 1941 года генерал-лейтенантом авиации Ф. А. Астаховым командующему ВВС Красной Армии генерал-лейтенанту П. Ф. Жигареву. Доклад этот содержал подробную роспись организации, численности и боеготовности военно-воздушных сил Киевского особого военного округа накануне войны и обзор его боевых действий с начала войны.

По словам Астахова, 11 авиадивизий и 2 авиаполка округа (в число которых входила и одна приданная дивизия дальнебомбардировочной авиации) насчитывали в своем составе 1166 истребителей, 578 бомбардировщиков, 197 штурмовиков и 53 самолета-разведчика, а всего 2003 самолета. В их число входили 223 новых истребителя МиГ-3 и Як-1, 231 новый бомбардировщик Пе-2, Як-2/4 и Су-2, а также 31 новый самолет-разведчик Як-44³. 1865 экипажей самолетов были подготовлены к боевым

действиям днем в простых метеорологических условиях, 595 — к боевым действиям днем при сложных метеоусловиях, 361 — к боевым действиям ночью и 535 — к боевым действиям ночью при плохой погоде.

Большинство пилотов самолетов более старых марок были достаточно подготовлены к нормальным летным условиям, но менее готовы выполнять более сложные задания. С другой стороны, пилоты для самолетов новых моделей получили лишь начальную подготовку и не могли быть признаны готовыми к боям.

Боеготовность же всех ВВС фронта Астахов расценивал следующим образом:

«В целом Военно-воздушные силы Юго-Западного фронта к боевым действиям были подготовлены недостаточно по причинам:

а) При перевооружении частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта на новую материальную часть некоторые старые сколоченные авиационные полки (52-й, 48-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) к началу боевых действий не имели необходимого количества самолетов новых типов, а старая материальная часть у них была взята для новых формирований, в результате чего эти полки оказались перед началом войны в состоянии пониженной боеспособности;

б) Летный состав всех авиационных полков, перевооруженных на новую материальную часть в период, непосредственно предшествовавший войне, стрелковым и бомбардировочным вооружением самолетов новых типов не овладел, в результате чего в первые дни войны новая материальная часть использовалась недостаточно эффективно;

в) Некоторые авиационные полки формирования 1940 г. (224-й, 225-й, 138-й ближне-бомбардировочные авиационные полки и другие) были укомплектованы материальной частью только на 20–50 % от штатной нормы, в результате чего их удельный вес в боевых действиях был незначителен;

г) Командирами авиационных дивизий и авиационных полков Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта зимний

период 1940–41 гг. очень слабо был использован для проведения боевой подготовки с полетами при снежном покрове аэродромов на колесах, в результате чего молодые летчики в своем подавляющем большинстве зимой летали очень мало и введены в строй не были, а период май-июнь (период напряженной летной работы) не обеспечил необходимой их подготовки к боевым действиям;

д) В частях Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта до начала войны вопросы маскировки аэродромов и находящихся на них самолетов решены не были, противовоздушная оборона аэродромов была организована неудовлетворительно, что объясняется не только отсутствием необходимых маскировочных средств, некомплектом средств противовоздушной обороны, но и тем, что этим вопросом со стороны командиров всех степеней должного внимания не уделялось;

е) Отсутствие необходимой организованности и четкости в действиях летных и наземных частей Военно-воздушных сил фронта при отражении налетов авиации противника на наши аэродромы в первые три дня войны подтверждают, что боевая готовность частей Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта была на низком уровне, и в этот ответственный период действия летных и наземных частей Военно-воздушных сил по боевой тревоге не соответствовали требованиям приказа Народного комиссара обороны СССР № 075-38 г. [приказа о введении состояния повышенной боеготовности]». ⁴⁴

На взгляд Астахова, из-за этих и других проблем

«военно-воздушные силы Юго-Западного фронта в целом не были подготовлены к отражению внезапных налетов Военно-воздушных сил противника на наши аэродромы и к выходу из под удара... 22.6.41 г.»

В результате с 22 по 24 июня включительно немцы уничтожили 237 советских самолетов на слишком уязвимых аэро-

дромах. Неисправная боевая техника и плохая боевая подготовка привели за период с 22 июня по 10 августа к потере еще 242 самолетов из-за аварий и катастроф, что составляло 13 процентов от общего числа потерь в самолетах (1861) за этот период⁴⁵.

Подобно советским механизированным войскам, ВВС Красной Армии были громадной организацией с внушительным боевым потенциалом. В июне 1941 года на летные поля поступала новая боевая техника, которая, если бы ей управляли подготовленные кадры, стала бы грозным противником для хваленых немецких Люфтваффе. Многопрофильная программа реформ в целом была хорошо продуманной и подходящей для создания первоклассных ВВС. К несчастью для Советов, время и обстоятельства превратили эти перспективы в трагедию для тысяч пилотов и экипажей.

Статистические данные

Таблица 7.1

Планы увеличения ВВС Красной армии с октября по ноябрь 1940 года

Полки	План октября 1940 г.		План ноября 1940 г.	
	полки	самолеты	полки	самолеты
Тяжелобомбардировочные	6	306	6	306
Дальнебомбардировочные	49	3675	36	2196
Ближнебомбардировочные	84	6552	102	6222
Штурмовые	11	858	15	945
Смешанные	3	234	3	165
Истребительные	96	8352	161	10 773
Всего	249	19 977	323	20 607

Источник: А. А. Волков. Критический пролог. Москва: АВИАР, 1992, 40, со ссылкой на: ЦГАСА, ф. 4044, оп. 2, д. 169, л. 321–324, 351, 355.

Таблица 7.2

Запланированная подготовка летного состава на 1941 год

	В наличии на 20 октября 1940 г.	По плану на 1 января 1942 г.	Процент увеличения
Пилоты дальних бомбардировщиков	1975	10 000	506,3
Пилоты ближних бомбардировщиков	12 200	25 000	204,9
Пилоты-истребители	13 383	25 000	186,8
Пилоты-наблюдатели	16 051	35 000	218,8
Стрелки и радисты	15 558	32 563	209,3
Техники и механики	31 677	47 261	149,2
Инструкторы	18 277	40 121	219,5
Всего	109 121	214 945	196,0

Источник: А. А. Волков. Критический пролог, 40, со ссылкой на: ЦГАСА, ф. 40442, оп. 2, д. 169, л. 328–335.

Таблица 7.3

Распределение самолетов в западных военных округах
на 22 июня 1941 года

Военный округ	Бомбардировщики	Штурмовики	Истребители	Разведчики	Всего
Ленинградский	308	74	857	31	1270
Прибалтийский особый	425	93	621	72	1211
Западный особый	695	70	870	154	1789
Киевский особый	516	80	1238	79	1913
Одесский	268	0	640	42	950
Всего самолетов	2212	317	4226	378	7133
Самолетов новых марок	360	18	1022	48	1448
Процент новых машин	(31%)	(4.5%)	(59%)	(5.3%)	(100%)

Источник: Начальный период, 62, 64; Раманичев, 116–118, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 35, оп. 107559, д. 5, л. 116–233; л. 4–82; д. 16, л. 276–319; оп. 10756, д. 8, л. 216–271; д. 9, л. 159–216; оп. 107562, д. 13, л. 171–258; оп. 74313, д. 6, л. 274–379; оп. 107567, д. 3, л. 3–68; оп. 107559, д. 5, л. 1.

Глава 8

СТАВКА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕЗЕРВЫ

Первоначальные резервы (с июня по 15 июля 1941)

Начавшаяся за несколько месяцев до начала войны частичная мобилизация и последовавшая затем полная мобилизация образовали десятки новых армий и сотни новых боевых соединений. До 22 июня и все лето и осень 1941 года в советских боевых порядках волна за волной появлялись все новые армии, и эти армии, в свою очередь, образовывали один стратегический эшелон за другим. В них вошла ошеломляющая масса стрелковых дивизий — номера стрелковых дивизий перевалили за 400, а кавалерийских дивизий — за 100. К осени 1941 года к этой армии присоединились сотни танковых и стрелковых бригад. Хотя этот процесс мобилизации в конечном итоге спас советское государство от уничтожения, добиться этого удалось ценой ужасающих потерь в живой силе и технике. Фактически система мобилизации в 1941 году не подготовила Советов к успешному ведению войны, а скорее дала им возможность пережить войну, но лишь едва-едва.

Система мобилизации и сформированные в ходе нее войска страдали серьезными изъянами, но эти изъяны следует оценивать в более широком контексте. Как и предсказал менее 20 лет назад А. А. Свечин, Советскому Союзу было трудно мобилизовать

для войны свой «крестьянский тыл». Все грани мобилизации — связи, военного управления, правительственных органов, промышленной базы и экономики в целом — оказались в высшей степени трудными. Сталин, Ставка и высшие военные органы подгоняли и принуждали к действию громоздкую советскую управленческую, военную и экономическую инфраструктуру. Но эта структура, как и следовало ожидать, реагировала весьма медленно и неторопливо, даже несмотря на свершение таких изумительных подвигов, как довольно-таки успешный перевод значительной части промышленности в относительно безопасные районы на востоке. Однако на каждый такой трудовой подвиг, которыми советские власти гордились после войны, имелась масса поразительных примеров, ярко подчеркивающих неспособность советского государства быстро и действенно реагировать на брошенные войной вызовы.

Тем не менее именно сам этот замедленный характер реакции Советов на войну в конечном итоге и расстроил планы их противников. Коль скоро советский процесс мобилизации был запущен, он неуклонно шел дальше и породил военную машину, масштабов которой немцам понять было не дано. Подобно многим советским политическим и военным лидерам, немцы тоже не сумели осознать природу и боевой потенциал «крестьянского тыла» Советского Союза. Понимать они понемногу начали в июле под Смоленском и в декабре у Москвы, но полностью оценят это обстоятельство только летом 1943 года. В конечном итоге на более позднем этапе войны последствия этого непонимания скажутся на судьбе Германии столь же сильно, как сказались на участии Советов в начале войны.

В рамках этого более широкого контекста советская мобилизация произвела живую силу, которая довела много существующих частей почти до полной штатной численности, но не сумела снабдить эти новые соединения боевой техникой и тыловыми органами, требующимися им для того, чтобы эффективно действовать и уцелеть в бою. Вопреки плану, народное хозяйство не сумело обеспечить эти войска автотранспортом, тракторами и лошадьми, вследствие чего части материально-технического снабжения были ограничены в возможностях подвоза тяжелого воо-

ружения и снабжения соединений необходимым количеством горючего, боеприпасов, продовольствия и других средств. Соединения, создаваемые во внутренних военных округах, получали транспортные средства по старым, сокращенным штатам дивизии численностью в 6000 бойцов — а так как у них также отсутствовал необходимый транспорт, то они оказывались уменьшенной численности и не имели полного комплекта вооружения.

Из первой волны мобилизованных резервов шести армиям (14 стрелковых корпусов в 42 стрелковые дивизии) с 13 мая по 15 июня было предписано выдвигаться на передовые позиции. 14 дивизий остались на месте формирования, 19 дивизий на 22 июня еще следовали к назначенным им районам сосредоточения, и только 9 дивизий (19-я армия) добрались к началу войны до этих районов.¹ Какая-то часть этих передислокаций осуществлялась по железным дорогам, пропускная способность которых была недостаточной, но большинству соединений приходилось передвигаться пешим ходом и по ночам. Из-за трудностей с мобилизацией и транспортом эти и другие резервы прибывали на театр военных действий (ТВД) поэтапно. А это, вкупе с последующим стремительным наступлением немцев, раз за разом приводило к разгрому по частям все новых и новых линий обороны советских стратегических резервов.

Первые армии, прибывшие в качестве подкреплений сражающимся приграничным армиям, были резервными армиями действующих фронтов. На участке Западного фронта такой стала 13-я армия генерал-лейтенанта П. М. Филатова, которая на 22 июня не имела никаких приданных боевых сил. При мобилизации она должна была создаваться в глубине Западного особого военного округа из 2-го, 21-го и 44-го корпусов. Однако эти корпуса оказались втянуты в бои под Минском и либо понесли тяжелые потери, либо попали в окружение и погибли при обороне города. К 7 июля 13-я армия была восстановлена, на этот раз в составе 61-го и 45-го стрелковых корпусов из резерва Ставки (первоначально из Московского и Орловского военных округов) и остатков 20-го механизированного корпуса, который пробился из окруженного Минска на восток. Новый 61-й стрелковый корпус состоял из 53-й, 172-й и 110-й стрелковых дивизий, а в состав

45-го стрелкового корпуса входили 132-я, 148-я и 187-я стрелковые дивизии.² Все эти дивизии уже существовали на 22 июня 1941 года.

Через два дня сменивший генерала П. М. Филатова на посту командующего армией генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов доложил о состоянии 13-й армии. Он констатировал, что армия насчитывает в своем составе шесть стрелковых дивизий, но лишь пять из них полностью сосредоточены, а в штабе армии имеется сильный недокомплект штатов:

«Управление 13 армии укомплектовано начсоставом только на 30 %, не хватает следующих основных работников: оперативный отдел — 6 человек, шифр. отделение — 10 человек, разведотдел — 7 человек, отдел ВОСО — 14 человек, отдел тыла — 24 человека, отдел укомплектования — 10 человек, топоотделение — 4 человека, АХО — 6 человек, отдел кадров — 8 человек, инженерный отдел — 3 человека, хим. отдел — 3 человека, ПВО — 3 человека, отдел связи — 9 ч., ОСГ — 6 человек, АБТВ — 10 человек, арт. отдел — 20 человек, интендантский отдел — 27 человек, сан. отдел — 14 человек, вет. отдел — 5 человек, фин. отдел — 7 человек.

Батальон связи не сформирован.

В большом некомплекте легковые и грузовые автомашины.

В армии совершенно нет авиации как для боя, так и для связи.

*Прошу об укомплектовании управления армии».*³

Прежде чем армия Ремизова успела перегруппироваться, она угодила в окружение под Могилевым, потеряла там большую часть своих первоначальных сил, в том числе основную массу 61-го стрелкового корпуса, и снова отправилась на переформирование, комплектуясь на этот раз из своих остатков и остатков 4-й армии.

Многочисленные архивные документы также подчеркивают отсутствие подготовки у первоначальных резервных армий, которые Ставка задействовала в боях по линии Днепра для содействия отступающим действующим армиям. Например, в доне-

сении полковника М. А. Шалина, начальника штаба 16-й армии, о боевом составе армии говорилось следующее: «*Управление армии с частями обслуживания, 32 ск, а также некоторые части 5 мк [по-прежнему] находятся в штатах мирного времени*»⁴. Тем не менее эта армия вместе с остатками 5-го механизированного корпуса, который всего два дня назад перенес катастрофическое поражение около Лепеля, вступила в сражение вместе с двумя дивизиями стрелкового корпуса (46-й и 152-й) и отдельной 57-й танковой дивизией, прибывшей с Дальнего Востока. К 20 июля к ним присоединились части свежей 129-й стрелковой дивизии. Непосредственной задачей этой армии являлась оборона смоленского направления, но для ее выполнения не имелось боевой техники.

Последующее донесение о состоянии от 20 июля отмечало:

*«В частях армии продолжает ощущаться недостаток продовольствия, боеприпасов, особенно для полковой и дивизионной артиллерии (107-мм), зенитных пушек. В штабах ряда частей отсутствуют средства связи, что, в свою очередь чрезвычайно усложняет организацию управления боем. Мед. помощь до сих пор не налажена как следует»*⁵.

В тот же день четыре задействованных в боях батальона 129-й стрелковой дивизии, обороняясь в пригородах Смоленска, понесли 40-процентные потери. Получив в подкрепление 34-й стрелковый корпус, 16-я армия генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина защищала Смоленск до тех пор, пока не была окружена и практически уничтожена в начале августа. Подготовленная Западным фронтом 23 июля патетическая оперативная сводка засвидетельствовала плачевное состояние 16-й армии:

«Части 16 А в течение 22.7 продолжали вести упорные уличные бои за овладение Смоленск...

*34 ск — 127 сд (до 600 человек) и 158 сд (около 100 чел.), обученных и вооруженных (почти без пулеметов), в 12:00 22.7 перешли в наступление...»*⁶

В то же самое время, то есть в начале июля, 19-я армия генерал-лейтенанта И. С. Конева вместе с шестью стрелковыми дивизиями 25-го и 34-го стрелковых корпусов и при поддержке частей 23-го механизированного корпуса (220-я моторизованная дивизия), прибывающего из Орловского военного округа, передислоцировалась из Киевской области и поэтапно вступила в бой в районе Витебска. Вскоре она получила в подкрепление остатки отступающих советских стрелковых дивизий и 7-й механизированный корпус, который вместе с 5-м механизированным корпусом понес тяжелые потери в боях под Лепелем.

Подготовленная 24 июля пространная справка начальника штаба 19-й армии генерал-майора Рубцова охватывала боевые действия армии между 9 и 24 июля и указывала, что 220-я моторизованная дивизия — это *«фактически едва сформированное по штатам мсд соединение без танков и машин при неполном оснащении артиллерией»*. Далее в справке описывалась боеготовность армии:

«1. Войска 25 ск были отмобилизованы к моменту выступления в поход. Войска 34 ск находились лишь в состоянии усиленной боевой готовности. Дивизии были доведены лишь до состава 12 000, но не отмобилизованы.

На походе дивизии 12-тысячного состава испытывали огромные трудности из-за отсутствия транспорта и были неманевреспособны. Они не могли поднять положенного им количества боеприпасов, не могли возить минометы и т. д.

*2. Артиллерия подошла поздно по той причине, что в район Киева артиллерия подошла первым эшелоном и первой заняла огневые позиции в районах будущего расположения войск. По этой причине артиллерия оказалась в хвосте при погрузке, так как районы ее ОП находились в большом удалении от ст. Артиллерия потратила много времени на подход к ж.-д. станциям».*⁷

Дальше в справке признавалось:

«Войска армии дрались частями, группами, без артиллерийского оснащения. Дрались неплохо, но быстро истоща-

лись в бою, не имея резервов. Бой под Витебском, под Улановичи, бои под Смоленском показали, что войска смело идут в бой, дерутся и уничтожают танки, атакуют штыком пехоту, одерживают первоначальный успех, но не имеют сил для развития и даже закрепления достигнутого успеха — это одна сторона.

Вторая — отсутствие тылов не позволяет питать бой огнеприпасами. Бой прожорлив, огнеприпасы истощаются быстро, особенно в том случае, когда к началу боя их имеется менее положенного. А отдельные полки вступили в бой, не имея при себе положенного боекомплекта. Вступили в бой с 1/2 — 1/4 боекомплекта, с малым запасом горючего. Поэтому боеприпасы истратились быстро, что парализовало наступательный порыв. Затруднение с горючим и боеприпасами — постоянное явление.»⁸.*

Говоря об управлении, Рубцов отмечал, что

«Войска исключительно плохо владеют радиосредствами, управление по радио помощью шифра — мука, а радиосигналами пользоваться не умеют. Лишь в самое последнее время, когда все убедились, что радио — основное техническое средство в бою, начинают появляться известные признаки радиокультуры. Кроме того, я заметил, что корпуса и 34, и 25 к радио прибегают очень неохотно из-за того, что немцы будто бы очень быстро засекают рации и обрушиваются на районы расположения раций авиацией.»^{**}

Практика работы штабма и корпусов это не подтвердила. Если противник штабы и обнаруживает, то не по

* Здесь и далее в главе отмечены фрагменты документов, опущенные автором. (Прим. ред.)

** Это наблюдение было абсолютно верным — германская радиоразведка эффективно вела перехват радиосообщений и пеленгацию советских командных пунктов. Именно по этой причине сами немцы предпочитали полагаться на проводную связь, используя радио только для оперативных переговоров либо для передачи шифрованных сообщений. (Прим. ред.)

рациям, а по беспорядку, творящемуся в районе расположения штабов».

По этим и по другим причинам управление осуществлялось в лучшем случае с трудом⁹. Более того:

«В общем необходимо сказать, что управление осуществляется очень нервно, рывками.

Я это объясняю тем, что такой командной инстанции, как штаб 19, приходилось действовать вслепую. Отсутствие авиации и наземных средств разведки исключало возможность своевременного добывания данных о противнике, а следовательно, и осуществление заблаговременных боевых мероприятий на основе более или менее достоверных данных о противнике. В практике получалось, что события надвигались внезапно. Данные о противнике получались или от войск, уже вступивших в бой, или от органов местной власти, или НКГБ, или от бежавших с поля боя бойцов и командиров. О Витебске первые данные были получены от бежавших командиров 186-й сд.»¹⁰

Вследствие этого 19-я армия увязла в обороне Смоленска и также была большей частью уничтожена. Ее тоже в начале августа сформировали заново на Днепре к востоку от Смоленска.

Еще одну из своих недавно сформированных армий, 20-ю из Московского военного округа, Ставка задействовала в боях южнее Витебска, на участке между 19-й и 13-й армиями. Армия эта первоначально состояла из семи стрелковых дивизий, сведенных в 61-й и 69-й стрелковые корпуса, и 7-го механизированного корпуса, который вместе с 5-м механизированным корпусом должен был возглавить советский танковый удар в направлении на Лепель. Сразу же после своего создания армия устремилась в наступление, которое провалилось после двух дней кровавых боев. Впоследствии 61-й стрелковый корпус был выведен из ее состава и передан 13-й армии.

Доклад от 27 июля генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, командующего 20-й армией, описывал состояние его армии между 1 и 25 июля:

«Армия, не успев полностью сосредоточиться перед операцией, имела значительный некомплект в людском составе и материальной части, к 28.7 находится в следующем состоянии:

а) За период с 1 по 25 июля армия нанесла 7–8 крупных контрударов противнику, не считая контрударов, организованных командирами соединений. С 1 по 20 июля потери армии исчисляются в 24 000 человек. Кроме того, с 20 по 26 июля в самый напряженный период боев потери предположительно, составляют менее 10 000 человек.

Соединения армии: 73 сд, 5 мк, 57 тд, 229 сд, 144 сд и тд прибыли в армию с большим некомплектom. К настоящему времени в связи с этим, а также потерями, состав дивизий армии исчисляется в 30–35 % от их численности. Численность дивизии армии определяется от 4000 до 6500 человек, причем это количество людей падает в значительной степени на тыловые и обслуживающие части. Состав, который ведет непосредственно бой, значительно меньше.

За все время боев армия получила 1600 человек пополнения, тогда как ей требуется 70000 человек и 9000 лошадей. Попытки комплектовать армию за счет рядового и младшего начсостава, отбившегося от своих частей, большого эффекта не дали, т. к. большинство из этого состава не вооружено и не обмундировано, а запаса вооружения и обмундирования в армии нет.

б) Части связи армии и соединения обеспечены имуществом связи и транспортными средствами не более чем на 25–30 %.

в) Инженерных и понтонных частей в армии очень мало.

Укомплектованность саперных подразделений войсковых частей определяется в 30–35 %. Совершенно отсутствуют дорожно-мостовые средства».¹¹

26 июля Курочкин доложил о следующей численности танков армии: 17-я танковая дивизия — 29 танков, 13-я танковая дивизия — 29 танков и 57-я танковая дивизия — 7–8 танков;

численность артиллерии — у 229-й, 133-й, 144-й, 153-й и 73-й стрелковых дивизий и 5-го механизированного корпуса было соответственно 28, 18, 30, 20, 47 и 34 орудия. Артиллерийский полк армии имел 98 артиллерийских орудий и 120 противотанковых пушек, и ему недоставало 75 процентов артиллерийских тягачей, примерно 500 километров троса и 100 автомашин.¹² Запасы боеприпасов и горючего в армии были исключительно низкими (от 0,5 до 1 боекомплекта и 1,5 заправки топлива).

К 5 августа конечные последствия этих трудностей сделали в высшей степени очевидными. К этому времени изначальная неподготовленность армии и свыше 30 дней последующих боев сократили ее до голого костяка. Численность живой силы и техники 229-й стрелковой дивизии снизилась до 285 бойцов, 17 пулеметов, 1 противотанковой пушки; 73-й стрелковой дивизии — до 100 бойцов и 4–5 пулеметов; 144-й стрелковой дивизии — до 440 бойцов и 153-й стрелковой дивизии — до 750 бойцов.¹³

Короткий доклад штаба Западного направления от 14 июля отмечал несколько проблем с отступающими и недавно развертываемыми дивизиями:

*Наши войска вследствие длительных отходов, упорных за последнее время боев, а также укомплектования их нас-
спех, больших потерь вооружения не устойчивы.*

Особенно это сказывается при наступлении. Имели место случаи бегства частей от воздействия авиации и передовых танковых отрядов противника. Положение осложняется тем, что прибытие новых соединений замедлено и дезорганизовано железными дорогами. В головных эшелонах прибывают тыловые части, а боевые части длительно задерживаются в пути.

*Вследствие этого фронт не имеет резервов и вынужден поспешно вводить на передовую линию части организационно плохо подготовленные. Много дивизий состоит из разных частей. Что касается танковых соединений, они не имеют материальной части и превратились, по существу, в технически слабо оснащенную пехоту».*¹⁴

Еще один доклад, подготовленный 21 июля оперативным отделом Западного направления, отражал трудности, связанные с поспешным и неупорядоченным формированием и задействованием резервов:

«В настоящий момент Западный фронт не имеет в наличии резервов для парирования прорывов противника и неопределенностей и для развития успехов.

По плану сосредоточения должны были быть две резервные армии — 19-я и 4-я, однако первая сосредоточивалась юго-восточнее Витебск, в то время как фронт проходил по линии Лепель, Толочин, то есть на удалении 110–120 км, а 4-я армия формировалась в районе Пропойск, имея две дивизии в районе Новозыбков, т. е. на удалении от линии фронта до 40 км. Такое удаление от фронта резервных армий не обеспечило их сосредоточение и формирование, т. к. при теперешних темпах наступления (40 км в сутки) части подвержены случайностям и непрерывному воздействию авиации противника.

Ход событий при начале второй последовательной операции противника подтвердил вышеизложенное.

Части, не будучи готовы, вынуждены были втянуться в бой по частям, без средств управления, тылов (19 армия), недоформированные и невооруженные (4-я армия), и фронт потерял в течение первых дней резервы».¹⁵

Далее доклад требовал полной реорганизации, переподчинения войск фронта с целью включения в состав армии ликвидированных 5-го и 7-го механизированных корпусов и использования их остатков для формирования двух новых танковых дивизий (укомплектованных предположительно танками новых марок).

Штабы Западного направления подготовили несколько докладов, критикующих состояние сил боевой поддержки в первоначальной волне резервных армий Западного фронта, брошенных в бой в начале и середине июля. Многие недостатки отражали трудности, преследовавшие соединения фронта с самого начала войны, некоторые из них были продуктом изъянов в

мобилизационных планах, и все они обострились после впечатляющих немецких успехов первого месяца войны.

28 июля временно исполняющий обязанности начальника связи фронта рассмотрел деятельность связи в войсках и структурах более высокого уровня:

«Фактически отдел радиослужбы Зап. фронта был сформирован 3.7.41. Ценных документов о радиосвязи Зап. фронта с начала войны и до 3.7.41 не сохранилось, т. к. документы Рад. бюро были частью уничтожены или пропали при отходе штаба из Минска и Могилева на Смоленск.

По штату отдела — 7 чел.: налицо — 5: н-к, помощник и 3 инспектора. Практически весь наличный состав целиком занят оперативной связью в качестве дежурных по связи и по выполнению отдельных важнейших поручений в этой области (выезд в отдельные группы с рациями).

Вследствие этого в должной мере не обеспечена систематическая работа с документами по связи, кроме радиоданных.

*В течение 25 дней радиоданные менялись три раза, из которых один раз — вследствие предположения, что данные по 19-й армии попали в руки противника».*¹⁶

Далее доклад сообщал, что связи с соседними войсками не было из-за нехватки аппаратуры, а связь с Москвой была в лучшем случае ненадежной. Завершался он настойчивой просьбой прислать дополнительную аппаратуру, необходимую для установления надлежащей связи со всеми армиями. Указывая, что состав отдела имел вполне адекватную подготовку и мог выполнять полный спектр задач, доклад в то же время жаловался на плохую подготовку отдельных радиооператоров и связистов, а также на общую нехватку раций.

Более поздний доклад капитана Макарова, начальника 4-го отдела Управления связи Западного фронта, делал обзор положения со связью фронта после 22 июня:

Отдел связи Западного особого военного округа до момента объявления войны совершенно не имел подвижных

средств. Существовавшая по мобилизационным планам рота подвижных средств связи была укомплектована только личным составом, приписанным из запаса, материальная часть роты отсутствовала. В результате чего это подразделение не могло быть использовано по назначению.

Со дня начала войны вплоть до 1 июля, несмотря на неоднократную просьбу помочь мне, дать возможность развернуть работу подчиненного мне 4-го отдела, укомплектовать роту подвижных средств материальной частью, решительных мер со стороны быв. начальника связи Григорьева принято не было, и положение с этим видом связи оставалось катастрофическим».¹⁷

Макаров также перечислил список необходимых мер и просил Управление связи Красной Армии прислать для исправления положения автотранспорт, бронемашины и самолет.

Воздушная поддержка тоже оставалась неадекватной, особенно ввиду катастрофических потерь, понесенных Советами в начальные дни войны. Подготовленный 31 декабря 1941 года краткий доклад генерал-майора Н. Ф. Науменко, командующего ВВС Западного фронта, давал обзор положения в июле, усиленно подчеркивая слабость авиации фронта и постоянные проблемы, которые создавало немецкое превосходство в воздухе. Первоначально в июле военно-воздушные силы сосредоточились на поддержке действующих армий (22-й, 20-й, 21-й, 13-й, 16-й и 19-й), но после середины месяца основная часть усилий была направлена на помощь 16-й, 19-й и 20-й армиям, сражавшимся тогда в Смоленской области. Посвятив все усилия поддержке наземных войск, Советы не имели никаких ресурсов для ударов по вражеским аэродромам. Большая часть поддержки осуществлялась на уровне армий.

Авиация Западного фронта на 22 июля состояла из пяти авиадивизий (13-й и 46-й бомбардировочных и 11-й, 23-й и 28-й смешанных) в подчинении армий, а также фронтовой авиации в составе двух дивизий (43-й истребительной и 47-й бомбардировочной) и пяти отдельных авиаполков (1-го, 3-го и 410-го бомбардировочных, 313-го и 314-го разведывательных). Всего эти

силы располагали 389 самолетами (подробности см. в таблице 8.1 в конце этой главы). Таким образом, численность боевой техники ВВС Западного фронта катастрофически упала с 1789 самолетов на 22 июня до менее чем 400 на 22 июля. При такой численности военно-воздушные силы фронта не могли удовлетворительно выполнять ни одной из своих задач. И самое важное — сухопутные войска все равно оставались незащищенными от опустошительных немецких воздушных атак.

Весь июнь и июль Ставка не предоставляла Юго-Западному направлению новых резервных армий. Более того, она забрала 16-ю и 19-ю армии, которые первоначально предназначались в качестве резерва на Юго-Западном направлении, и перевела их на север для противостояния самой серьезной немецкой угрозе. Несмотря на это, на юге было мобилизовано много дивизий, и Ставка продолжала направлять сюда недавно сформированные соединения.

25 июля командование Юго-Западного направления уведомило Ставку о том, как оно планирует использовать свежие дивизии, одновременно жалуясь на состояние этих новых соединений. Командующий направлением, маршал Советского Союза С. М. Буденный, писал:

*«Из общего числа 19 стрелковых и пяти кавалерийских дивизий только четыре стрелковых и одна кавалерийская заканчивают формирование. Сроки готовности остальных растянуты до второй половины августа, и поэтому вопрос об их использовании прошу временно отложить».*¹⁸

Последующий доклад, подготовленный маршалом Буденным 31 июля и адресованный прямо «Москва. Ставка Верховного Командования, товарищу Сталину, штаб главкома войсками Юго-Западного направления», добавлял подробности к этой жалобе и рисовал ясную картину, весьма схожую с той, которая имела место на других фронтах:

«Приказом Ставки № 00495 в мое распоряжение переданы 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, формируемые в

ХВО, 10 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, формируемые в ОДВО.

К 30.7.41 должны быть сформированы в ХВО 6 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. На сегодня положение следующее.

1. В ХВО с трудом удалось сформировать 2 стрелковые дивизии (223 и 254), собрав для них материальную часть, вооружение и обмундирование непосредственно из складов, где только возможно было взять.

2. 4 стрелковые (289, 301, 284, 297) и 2 кавалерийские (34 и 37) дивизии, несмотря на то, что срок готовности истек, не готовы.

Вооружение стрелковых дивизий автоматикой неполное. 289 дивизия имеет ручных пулеметов только 17 %.

284 дивизия не имеет совершенно артиллерии.

297 дивизия к 30 июля совершенно не имеет автоматического оружия, последнее только 27.7 отгружено. Москве: материальной части артиллерии и амуниции в дивизии совершенно нет, и неизвестно, откуда и когда будет получено.

3. Инженерное имущество. 289 дивизия имеет только в размере 40 % табельной потребности. Для 297 дивизии — высылается из Сызрани. 301 и 284 дивизии не имеют извещения, когда и откуда инженерное имущество будет получено.

4. Имущество связи в сокращенной норме только 27.7 отправлено из Москвы и придет к месту назначения не ранее 1.8.

5. Обмундирование: во всех дивизиях полностью отсутствуют вещевые мешки, полотенца, портянки, стальные шлемы, плащ-палатки, котелки (кроме 301 дивизии, в которой котелков не хватает 3729 штук), поясные ремни, продуктовые сумки.

6. Походных кухонь для каждой дивизии не хватает от 16 до 25 штук.

Почти полностью отсутствуют седла.

7. В кавалерийских дивизиях полностью отсутствуют шашки, автоматическое оружие, артиллерия, амуниция, инженерное имущество, имущество связи, шаровары, гимнастерки,

стальные шлемы, плащ-палатки, походные кухни, котелки, санитарное имущество.

8. Формирование дивизий в Одесском военном округе происходит также неудовлетворительно: 273 дивизия, срок готовности которой определен к 1.8.41, на сегодня имеет не выше 45 % личного состава, совершенно не имеет вооружения, инженерного имущества, снаряжения и обмундирования.

Считаю необходимым доложить, что сроки формирования, установленные Генеральным штабом, оказались не реальными, центральные доводящие управления ничего не сделали для того, чтобы обеспечить формируемые дивизии материальной частью и положенным по таблице имуществом.

Прошу Вашего вмешательства в дело материального обеспечения и вооружения формируемых дивизий в Харьковском и Одесском военных округах».¹⁹

В то время как численность сухопутных войск на Юго-Западном направлении постепенно уменьшалась без крупных подкреплений, численность военно-воздушных сил тоже постоянно снижалась и к 11 июля составляла 20 процентов от первоначальных сил фронта во время войны (подробнее см. в таблице 8.2). До 29 июля доклады показывали общую численность самолетов, стабильно державшуюся около цифры 419, из которых в строю находилось порядка 278 машин.²⁰

Последующие резервы (с 15 июля по август 1941)

К середине июля немцы нанесли развернутым до войны армиям и армиям первого резервного эшелона столь большой урон, что Ставка и Западное направление вынуждены были задействовать новую волну резервных армий с целью поддержать истощившиеся силы действующих войск и помочь им остановить немецкое наступление. Приказ Ставки за № 003334, изданный 14 июля, гласил:

«1. Для руководства резервными армиями на второй полосе обороны создать штаб Фронта резервных армий.

На формирование штаба фронта обратить штаб Группы армий.

Начальником штаба фронта назначить генерал-майора Ляпина.

Штаб фронта с 13 июля — Можайск.

2. В состав фронта включить:

а) 29 армию в составе пяти дивизий, двух корпусных арт. полков и трех арт. полков ПТО, одного истребительного авиационного полка, одного бомбардировочного полка и одной эскадрильи Ил-2;

б) 30 армию в составе пяти дивизий, одного корпусного арт. полка и двух арт. полков ПТО;

в) 24 армию в составе 10 дивизий, трех пушечных, одного гаубичного и трех корпусных арт. полков, четырех арт. полков ПТО;

г) 28 армию в составе девяти дивизий, одного пушечного, одного гаубичного и четырех корпусных арт. полков, четырех арт. полков ПТО;

д) 31 армию в составе шести дивизий, одного корпусного арт. полка и двух полков ПТО».²¹

Почти сразу же стало очевидным, что ни Ставка, ни Западное направление не смогут набрать необходимые силы для своевременного укомплектования новых армий, чтобы остановить немецкий натиск на Смоленск. Поэтому после неудачной попытки Генерального штаба сократить 19 июля численность всех новых армий Ставка и Западное направление принялись образовывать простые оперативные группы, призванные затыкать разрывы между армиями. У этих групп, сформированных в разгар сражения за Смоленск (в первую очередь для облегчения давления на окруженные в городе советские 16-ю и 20-ю армии), были маленькие штабы, легкая бронетехника и артиллерийская поддержка, и никаких промежуточных штабов корпусов. По существу это были просто группы дивизий, подкрепленные теми

средствами огневой поддержки, какие можно было спешно собрать. Например, группа Калинина, созданная 22 июля к северо-востоку от Смоленска и находящаяся под командованием генерал-лейтенанта С. А. Калинина, состояла лишь из 166-й, 91-й и 89-й стрелковых дивизий.²² Схожие группы были созданы под командованием генерал-лейтенантов И. И. Масленникова, К. К. Рокоссовского, В. А. Хоменко и В. Я. Качалова.²³

Фактически большинство дивизий и других соединений в этих и сформированных впоследствии резервных армиях не были готовы к боям. До 80 процентов этих дивизий были укомплектованы личным составом по штатам мирного времени — в 6000 бойцов. Дополнительный личный состав и добавочную боевую технику они получили только после объявления полной мобилизации. И даже тогда их численность редко превышала 60 процентов от должной. Вторая волна дивизий, мобилизованных между 22 июня и 10 июля, едва ли находилась в лучшем состоянии. Из 38 этих дивизий 13 были спешно собранными из войск НКВД — наиболее легкодоступного источника надежной и частично обученной живой силы. Приказ по НКВД от 29 июня первоначально требовал создать к 17 июля 25 таких дивизий, начиная с 15 стрелковых дивизий (серии 240–260) и пяти горнострелковых дивизий:

«Решением Правительства Союза ССР на НКВД СССР возложено формирование пятнадцати дивизий. Во исполнение этого решения приказываю:

1. Руководство формированием пятнадцати стрелковых дивизий войск НКВД возложить на генерал-лейтенанта Масленникова И. И.

2. Создать при генерал-лейтенанте Масленникове оперативную группу в составе полковника Мирошниченко П. П., комбрига Шередега И. С., комбрига Шишкарёва М. Н., подполковника Фролова С. И.

3. К формированию дивизий приступить немедленно и вернуть: 243-ю стрелковую дивизию, 244-ю стрелковую дивизию, 246-ю стрелковую дивизию, 247-ю стрелковую дивизию, 249-ю стрелковую дивизию, 250-ю стрелковую дивизию,

251-ю стрелковую дивизию, 252-ю стрелковую дивизию, 254-ю стрелковую дивизию, 256-ю стрелковую дивизию, 15-ю горнострелковую дивизию, 16-ю горнострелковую дивизию, 17-ю горнострелковую дивизию, 26-ю горнострелковую дивизию, 12-ю горнострелковую дивизию.

4. На формирование указанных выше дивизий выделить из кадров войск НКВД по 1000 человек рядового и младшего начальствующего состава и 500 человек командно-начальствующего состава на каждую дивизию. На остальной состав дать заявки в Генеральный штаб Красной Армии на призыв из запаса всех категорий военнослужащих.

5. Сосредоточение кадра, выделяемого из войск НКВД, в пункты формирования закончить к 17 июля 1941 г.

6. Генерал-лейтенанту Масленникову представить на утверждение план формирования и материально-технического обеспечения, а также расстановку личного состава».²⁴

Хотя эти дивизии были лучше мотивированы, чем другие соединения Красной Армии, их кадровое ядро НКВД было относительно небольшим. Вдобавок они страдали от той же или даже еще худшей недоукомплектованности личным составом и боевой техникой, что и другие мобилизованные соединения. Учитывая общую нехватку обмундирования, у многих бойцов даже не было красноармейской формы, и они шли в бой в своей форме НКВД.

Армии, в состав которых вошли эти дивизии, были бледными тенями сильных армий, мобилизовавшихся по довоенным советским планам. Например, 29-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова, сформированная 12 июля 1941 года из штаба 30-го стрелкового корпуса, состояла из трех стрелковых дивизий, созданных на базе войск НКВД (256-й, 252-й и 254-й), 245-й стрелковой дивизии, 69-го моторизованного дивизиона, двух полков корпусной артиллерии (264-го и 644-го), трех полков противотанковой артиллерии (11-го, 753-го и 759-го), двух авиаполков и эскадрильи авиаразведки на самолетах Ил-225. 30-я армия генерал-майора В.А. Хоменко, сформированная на следующий день на основе 52-го стрелкового корпуса, состояла

из двух стрелковых дивизий Красной Армии (119-й и 242-й), двух стрелковых дивизий, созданных на базе войск НКВД (243-й и 251-й), единственной танковой дивизии (51-й), одного полка корпусной артиллерии (43-го) и двух полков противотанковой артиллерии (533-го и 758-го).²⁶

Из 38 дивизий, мобилизованных к 10 июля, 15 были дивизиями народного ополчения, сформированными в основном партийными организациями в Ленинградском и Московском военных округах. Дивизии эти состояли большей частью из добровольцев или мобилизованных фабричных рабочих в возрасте между 17 и 50 годами, прошедших лишь ограниченную военную подготовку в резерве. Первые 3 дивизии, сформированные в Ленинградском военном округе, имели численность от 8700 до 12 100 бойцов или 80 процентов от штата. 12 первоначальных московских дивизий народного ополчения имели от 7500 до 15 000 бойцов при средней численности в 10 000 (подробнее см. в таблицах 8.3 и 8.4).

Все эти дивизии позже получили номера дивизий, уничтоженных в первоначальных боях.²⁷ Хотя численность личного состава у них была вполне достаточной, вооружения и материально-технического обеспечения часто не хватало из-за того, что этим дивизиям по части боевой техники приходилось полагаться на местные ресурсы. 32-я и 33-я армии из резервов Ставки были укомплектованы почти исключительно дивизиями народного ополчения. Например, 33-я армия, введенная в бой в конце июля, состояла из пяти дивизий народного ополчения (1-й, 5-й, 9-й, 17-й и 21-й) и двух полков противотанковой артиллерии (876-го и 878-го). Для поддержки действий своих примерно 60 000 бойцов у нее не имелось ни танков, ни полевой артиллерии.²⁸

Ставка придала 4-ю и 6-ю дивизии народного ополчения 24-й армии, а 2-ю, 7-ю, 8-ю, 13-ю и 18-ю дивизии народного ополчения — 32-й армии. Боевые донесения из этих армий красноречиво говорят о состоянии этих дивизий. 13 июля генерал С. А. Калинин, командующий 24-й армией, подготовил пространный доклад по оборонительным мерам и боевому составу своей армии. В эту армию, которая сосредотачивалась вокруг Вязьмы,

входили 166-я стрелковая дивизия и 4-я дивизия народного ополчения, 6-й моторизованный инженерный батальон, приданные 392-й и 575-й артиллерийские полки (20 орудий), 248-я стрелковая дивизия, 91-я стрелковая дивизия с 537-м моторизованным инженерным батальоном и приданные 524-й и 32-й артиллерийские полки (артиллерии большой мощности, еще в пути); 53-й стрелковый корпус (133-я, 178-я, 107-я стрелковые дивизии и 6-я дивизия народного ополчения), а также 275-й, 264-й, 685-й полки корпусной артиллерии, 573-й полком пушечной артиллерии, 509-й, 700-й, 701-й полки противотанковой артиллерии, 303-й, 544-й и 403-й полки артиллерии большой мощности; приданные армии 40-й и 305-й полки пушечной артиллерии и 43-й полк зенитной артиллерии, а также еще только прибывающий 26-й механизированный корпус.²⁹

На 17 июля состав 24-й армии уменьшился, так как некоторые ее части перевели в другие места. Армия реорганизовала 26-й механизированный корпус в две новые дивизии, 102-ю танковую и 103-ю моторизованную, и разбросала оставшиеся командные и штабные штаты по другим соединениям и частям армии³⁰.

Сопутствующие донесения наглядно демонстрируют уменьшение численности армии, дивизии которой постоянно перебрасывались на другие угрожаемые участки. Ввиду этого армия получила 5 августа пять новых дивизий, только что спешно сформированных в Московском и Орловском военных округах: 269-ю, 279-ю, 280-ю, 298-ю и 309-ю.³¹ Эти дивизии занимали оборону, прямо выгружаясь из эшелонов, и были далеки от полной численности.

Когда 14 июля наконец-то начала собираться 28-я армия генерал-лейтенанта В. Я. Качалова, она состояла из следующих соединений: 19-й стрелковой дивизии с одной батареей из 488-го полка корпусной артиллерии, 148-й дивизии с тремя батареями из 488-го артиллерийского полка и 537-го полка артиллерии большой мощности, 217-й стрелковой дивизии и 33-го стрелкового корпуса (145-я, 120-я и 222-я стрелковые дивизии), поддерживаемого 364-м полком корпусной артиллерии и несколькими другими артиллерийскими дивизионами. Сюда же входили 104-я

и 105-я танковые дивизии, вновь сформированные из остатков механизированного корпуса (из 9-й и 53-й танковых дивизий 27-го механизированного корпуса), и 89-я стрелковая дивизии.³² Ставка и Западное направление приказали Качалову и его войскам произвести крупное наступление с юга к Смоленску прямо в зубы немецкой 2-й танковой группы Гудериана. Однако вскоре последовала катастрофа, когда войска Качалова были окружены и уничтожены в ходе крупного немецкого контрудара.

Еще в самом начале своего злополучного наступления Качалов отправил в штаб Западного направления два боевых отчета, которые ярко обрисовывали проблемы его армии. В боевом приказе, датированном 23 июля, он признавал: *«Поставленная задача на 23.7 частями не выполнена»*³³. Качалов отнес это на счет многочисленных причин, связанных с подготовкой, включая отсутствие инициативности со стороны всех командиров, начиная с командиров отделений, неспособность организовать и использовать огневую поддержку, плохо организованное наблюдение за полем боя и скверное взаимодействие между различными родами войск.

Через неделю Качалов написал еще более гневный приказ, начинающийся с заявления: *«Опыт боев показал, что крайне медленное продвижение и уничтожение обессиленного противника происходит по причинам слабого руководства боем со стороны всех звеньев нач. состава»*. И добавил: *«Военный совет армии требует от командного состава быть непосредственно в войсках, руководить войсками на поле боя, вмешиваться лично и требовали продвижения там, где приостановилось продвижение или войска проявляют недостаточную активность»*³⁴. Качалов подробно перечислил недостатки командования и особо выделил разведку и нежелание командиров чересчур приближаться к боевым порядкам. Через неделю войска Качалова были окружены и большей частью уничтожены, а сам он погиб в бою.

Недавно сформированная 29-я армия избежала судьбы 28-й армии, но страдала во многом от тех же трудностей. К 19 июля армия генерала Масленникова состояла из созданных на базе НКВД 252-й и 256-й стрелковых дивизий, поддерживаемых каждая 1–2 полками корпусной артиллерии, и 243-й стрелковой

дивизии³⁵. Вскоре после этого 29-я армия провела неоднократные атаки на немецкие войска вокруг Смоленска из района Демидова к северо-востоку от города, но все они были тщетны. В своем анализе первых трех дней тяжелых боев Масленников отмечал:

«Не имея резерва, Военный совет не может использовать частных успехов как 252, так и 243 сд, утомленных ночными переходами и непрерывающимися трехсуточными боевыми действиями...»

*Для выполнения поставленной армии задачи необходимы гаубичная артиллерия, а также взрывчатые вещества и саперы, подготовленные к уничтожению опорных пунктов противника; кроме того, понтонные подразделения и переправочное имущество. Все это в армии отсутствует».*³⁶

Доклад от 12 августа начальника артиллерии 29-й армии генерал-майора Кутейникова рисовал мрачную картину состояния артиллерии армии, когда та первоначально мобилизовалась. Он вполне объяснял, почему артиллерийская поддержка была неадекватной:

*«Артиллерия 29-й армии состоит в большом некомплекте: нет вовсе полковой артиллерии, всего 50% 45-мм артиллерии, 33 процентов 122-мм гаубиц дивизионного типа, и только получены 4152-мм гаубицы обр. 1938 г., орудий корпусной артиллерии всего 12 152-мм гаубиц-пушек обр. 1937 г. ...Личный состав артиллерийских частей армии исключительно молодой, командный состав и штабы не сработаны и за эти 10 дней получили первое боевое крещение».*³⁷

Этот доклад подчеркивал неопытную и неквалифицированную работу артиллерийских штабов, в особенности по части целеуказания, контрбатарейного огня, артиллерийского маневра, взаимодействия с иными войсками, кроме пехоты, маскировки и выполнения множества других критически важных задач. Однако заканчивался доклад оптимистическим утверждением:

*«Артиллерийские и минометные части армии, в основном не имеющие должного обучения, учатся в ходе боя, в последнее время имеют уже значительные достижения в овладении техникой и искусством стрельбы».*³⁸

30-я армия генерал-майора В. А. Хоменко была на 14 июля сильнее 28-й или 29-й армий. Она состояла из 119-й и 242-й стрелковых дивизий, созданных на базе сил НКВД, 243-й и 251-й стрелковых дивизий, 51-й танковой дивизии, 43-го полка корпусной артиллерии и 533-го и 758-го полков противотанковой артиллерии.³⁹ Первоначально она находилась в резерве, прикрывая подходы к Ржеву.

Боеготовность своей армии генерал Хоменко проанализировал в приказе об изжитии недостатков от 27 июля. В нем он перечислил многие проблемы, включая постоянную неспособность штабов и командиров надлежащим образом довести приказы до бойцов, неудовлетворительную организацию марша и боевых порядков, очень плохое, а подчас и тактически безграмотное использование огневой мощи пулеметов, минометов и артиллерии, недостаточность и неэффективность служб тыла в обслуживании действующих войск, нарушения командным составом самых элементарных правил и, наконец, недостаточную помощь командованию со стороны партийных и комсомольских организаций.⁴⁰

В подготовленном 4 августа пространном последующем докладе Хоменко изложил командованию Западного фронта трудности, испытанные его армией с начала мобилизации. Он подробно описал организационные неурядицы, возникшие в процессе формирования и придания его армии новых дивизий, и последующую путаницу с приказами о передислокациях и сборе. Первоначально его армия имела четыре стрелковые дивизии (119-я, 242-я, 243-я и 251-я) и 51-ю танковую дивизию. Но почти сразу же дивизии были перетасованы между другими формируемыми армиями. Три первоначальные дивизии (242-я, 250-я и 251-я) должны были двигаться в район сосредоточения пешим порядком и, по словам Хоменко, «были сняты с пунктов развертывания в самый разгар сколачивания, укомплектования,

к походу подготовлены не были и в бой вступили малобоеспособными»⁴¹.

С целью проиллюстрировать сказанное Хоменко обратился к примеру 251-й стрелковой дивизии, сформированной в Коломне. Эту дивизию направили в 30-ю армию спешным порядком, недоукомплектованной и «совершенно несcolоченной». Прежде чем отправить ее к армии, представитель Московского военного округа обнадежил командование дивизии, что все недостающее снаряжение будет получено на месте сосредоточения. Состояние прибывающей дивизии Хоменко описал так:

«1) дивизия вынуждена была выступить в поход, не имея в своем составе ряда подразделений (артиллерия, химрота и пр.). Не имея материальной части, люди этих подразделений двигались в 3 эшелоне и прибыли в район действий дивизии только в начале августа месяца, а некоторые еще до сих пор не прибыли;

2) дивизия не успела сформировать и сколотить тыловые учреждения;

3) в ряде частей, подразделений не были созданы партийные и комсомольские организации;

4) личный состав дивизии — в подавляющем большинстве мобилизованные из запаса. На всю дивизию только около 400 человек кадровых бойцов из войск НКВД;

5) в спешке формирования конский состав был неправильно распределен. Артиллерийские лошади оказались в обозе и, наоборот, по той же причине, что артиллерийские лошади поступили на пополнение уже после того, как артполк грузился в эшелон;

6) поспешность формирования привела к тому, что командиры в подразделениях не знали своих подчиненных, а подчиненные не знали командиров, в результате чего в частях дивизии низкая дисциплина.

*Эти и ряд других моментов, которые свойственны 251 сд, привели к тому, что дивизия вступила в бой малобоеспособной и задачи, которые ставились перед ней, плохо решала, неся большие потери».*⁴²

Хоменко добавлял, что 250-я стрелковая дивизия находилась в схожем состоянии, а боеготовность 242-й была лишь немногим выше. В том же докладе он подробно изложил все трудности армии. В штабе армии первоначально имелось лишь 40 процентов от требуемого по штату состава, а ко времени доклада наличествовало лишь 50 процентов. Противовоздушный и авиационный отделы вообще отсутствовали, в артиллерийском отделе крайне не хватало сотрудников, так же, как в интендантской службе и ключевых органах снабжения, а тылами занимались всего 3 работника из требуемых 37. Частично из-за этих трудностей потери армии меньше чем за три недели составили свыше 18 000 бойцов из общей численности примерно в 45 000 бойцов⁴³.

Артиллерия Хоменко насчитывала 24 37-мм и 12 76-мм зенитных орудий и лишь 46 процентов требовавшихся ей по штату противотанковых пушек. У 250-й и 251-й стрелковых дивизий вообще не было никаких гаубиц. Кроме того, остро не хватало полевых орудий и минометов, а также боеприпасов всех видов. Из трех танковых батальонов (65 машин), предоставленных для поддержки пехоты 110-й танковой дивизией, 24 машины так и остались на месте и лишь 10 танков находились в распоряжении армии⁴⁴. В заключение Хоменко писал:

«1. 30 армия получила боевую задачу в период своего формирования и сколачивания. В силу того, что на укомплектование армии поступал слабо обученный состав, боевые качества армии в период получения боевой задачи были не на должной высоте, что подтвердилось в исходе боевых действий.

2. Оснащенность армии предметами вооружения и боевой техники не удовлетворительна. Армия не прикрыта с воздуха.

3. Обеспечение армии всем положенным и необходимым со стороны вышестоящих довольствующих органов происходит медленно, неполно, недостаточно качественно.

*4. Армия понесла большие потери в людях и материальной части. Требуется ускоренная посылка пополнений и усиление темпов оснащения армии».*⁴⁵

Хоменко вполне мог написать то же самое обо всех резервных армиях, так как его подробное описание было универсальным. В течении двух месяцев большинство резервных армий, которые едва уцелели в жестоких боях под Смоленском, Демидовым, Ельней и на реке Сож, будут уничтожены. Осенью потребуется еще две мобилизационных волны, чтобы наконец остановить немецкий натиск у ворот Москвы.

Механизированные резервы

В начале войны немецкие войска вдребезги разгромили советские механизированные войска в западных приграничных военных округах, лишив как находящуюся под сильным нажимом советскую пехоту первого стратегического эшелона, так и разворачивающиеся войска второго стратегического эшелона критически важной поддержки танковых сил. С целью укрепить прогибающуюся оборону, а также действуя в соответствии с довоенными оборонительными планами, Ставка выдвинула вперед механизированные войска второго эшелона. Первые три механизированных корпуса этого эшелона были брошены против немецких войск, наступавших к оборонительной линии по Днепру. 12 июля, когда немецкие войска достигли Днепра и форсировали его, советские танковые войска второго эшелона состояли здесь из 5-го и 7-го механизированных корпусов (с 57-й танковой дивизией), которые только что контратаковали немецкий танковый клин около Лепеля (к западу от Витебска), а также 25-го механизированного корпуса, выдвигавшегося на передовую поддержать 21-ю армию возле Рогачева, и остатков 20-го механизированного корпуса, которые защищали Могилев.

В это время общая численность всех советских танков на всем участке Западного направления от Полоцка до Гомеля составляла 203 KB, 676 Т-34 и 617 устаревших легких танков. Эти 1396 танков лишь немного превышали численностью один довоенный механизированный корпус полного штата и явно не могли обеспечить надежной танковой поддержкой разворачивающиеся стратегические резервы⁴⁶.

Чтобы поддержать спешно выставленные на поле и большей частью неподготовленные новые резервные армии, Ставка преобразовала танковые дивизии механизированных корпусов внутренних военных округов и механизированных корпусов, избежавших уничтожения в первые несколько недель войны, в новые танковые дивизии «сотой» нумерации. Некоторые из них, например 101-я, 102-я, 104-я, 105-я, 108-я и 107-я, были просто перенумерованными существующими дивизиями (например 52-я и 56-я из 26-го механизированного корпуса, 9-я и 53-я из 27-го механизированного корпуса, 51-я танковая дивизия 23-го механизированного корпуса и отдельная 69-я механизированная дивизия с Дальнего Востока)⁴⁷. Другие, вроде 111-й и 112-й, были созданы на Дальнем Востоке из местных кадров и расформированных частей 30-го механизированного корпуса. Другие создавались из резерва танковых кадров и уцелевших частей прежних механизированных корпусов.⁴⁸

Создание новых танковых дивизий представляло собой средство обеспечить находящимся под сильным нажимом стрелковым частям хотя бы минимум танковой поддержки. Численность этих дивизий была произвольной. В танковых дивизиях механизированных корпусов из внутренних военных округов имела собственная бронетехника, дополненная той, какую могла дать Ставка из резервов боевой техники, и недавно выпущенной промышленностью. Другие же дивизии укомплектовывались из наличных местных ресурсов. Например, в 108-й танковой дивизии на 28 августа было 62 танка (5 KB, 32 Т-34 и 25 Т-40)⁴⁹. Хотя в некоторых дивизиях насчитывалось до 150 танков, к октябрю практически все они были уничтожены или переформированы в численно меньшие танковые бригады (подробности процесса переформирования см. в таблице 8.5).

Уровень танковой поддержки резервных армий лучше всего иллюстрируется приказом Ставки от 21 июля Резервному фронту, который приказывал выделить 24-й и 28-й армиям генералов Калинина и Хоменко 60 танков 110-й и 102-й танковых дивизий для поддержки каждой стрелковой дивизии.⁵⁰ Приказ особо подчеркивал:

«Танковую дивизию [104-ю] и танковые батальоны использовать в бою в тесном взаимодействии с пехотой, ар-

тиллерией и авиацией, не допуская отрыва танков от пехоты, и ни в коем случае не бросать танки на организованную оборону противника».⁵¹

Этот приказ показывает, что Ставка оставила всякую надежду массово использовать танковые дивизии и вместо этого молчаливо согласилась с практикой распределения всех существующих танковых сил небольшими группами для поддержки подвергающихся сильному нажиму стрелковых войск.

Поскольку основные усилия немцев сосредоточились на направлении Минск—Смоленск—Москва, то именно там и была развернута большая часть советских стратегических резервов. Это означало, что советские войска, действующие на Юго-Западном направлении (Юго-Западный и Южный фронты) должны были обходиться теми силами, какие у них имелись в начале войны. Конечно, сюда также мобилизовались и отправлялись новые дивизии, но при этом здесь не разворачивалось целых резервных армий до тех пор, пока в августе не нависла угроза над Киевом. В течение этого периода два советских южных фронта держались с помощью существующих танковых соединений. В отличие от положения на западе и северо-западе, здесь советские механизированные корпуса понесли меньше потерь и оставались в боевом строю, нанеся некоторый ущерб наступающим немцам. Однако цена этих успехов также оказалась немалой.

Доклад, подготовленный 15 июля генерал-лейтенантом М. А. Пуркаевым, начальником штаба Юго-Западного фронта, представил Ставке яркую картину того, какую дань взяли бои с боевой техники фронта. В то время, как численность стрелковых дивизий колебалась в диапазоне от 100 до 11 000 бойцов, а целые корпуса иногда «усыхали» менее чем до тысячи бойцов (15-й стрелковый корпус — 2614 человек, 36-й стрелковый корпус — 287 человек, 37-й стрелковый корпус — 720 человек), некогда могущественные механизированные корпуса пребывали и вовсе в ужасном состоянии (подробности см. в таблице 8.6). Самым сильным из оставшихся механизированных корпусов был 16-й с его 87 танками, но он пока активно не участвовал в боях.

В каждом же из остальных механизированных корпусов было в среднем менее 50 танков, а в каждой танковой дивизии — около 20 танков. У 15-го механизированного корпуса, принявшего на себя основной удар первоначальных боев, осталось только 6 танков.

Схожий доклад за тот же период из штаба Южного фронта, где не действовало никаких значительных немецких танковых войск, показывал чуть более высокие цифры численности техники (см. таблицу 8.7). Там во 2-м и 18-м механизированных корпусах числилось соответственно 468 и 297 танков. Однако многие из этих войск вскоре будут поглощены катастрофами, обрушившимися на Юго-Западный фронт.

Войска боевого обеспечения

Резервные армии Фронта Резервных армий и вновь сформированные танковые дивизии страдали от тех же проблем с боевой поддержкой, что и первоначальные резервные армии. Это отсутствие поддержки документирует широкий спектр анализов боевых действий. Например, доклад командующего фронтом генерал-лейтенанта И. А. Богданова от 19 июля, указывал, что проверка артиллерийских частей 24-й армии продемонстрировала широко распространенные трудности с организацией и ведением артиллерийского огня — в частности, ненадлежащее применение противотанковой артиллерии, плохую поддержку пехотных атак, неумение использовать противотанковую артиллерию по прямому назначению, то есть против танков, недостаточную организацию артиллерийского наблюдения и плохую артиллерийскую разведку⁵².

Когда армии фронта не сумели исправить эти недостатки, начальник артиллерии фронта издал 21 июля еще один приказ, который подтверждал первоначальный приказ и требовал принять меры к исправлению недостатков:

«Первые столкновения частей фронта с противником указывают на то, что, несмотря на приказ № 03/оп, служба артиллерийского противотанкового наблюдения, опове-

жения и постоянной готовности орудий к уничтожению танков противника прямой наводкой организована в войсках плохо.

*Противник, безнаказанно появляясь перед передним краем обороны, проникает также и в глубину ее, не встречая нужного отпора огнем артиллерии. Объяснением этому является исключительная беспечность и безответственность артиллерийских начальников в организации службы разведки и наблюдения и отсутствие строгого их контроля и постоянной готовности к бою орудий противотанковой борьбы».*⁵³

Резервному фронту трудности со связью создавали ничуть не меньше проблем, чем Западному фронту. В докладе от 29 июля генерал-майор Булычев, начальник связи фронта, вновь обрисовал эти трудности с продолжающейся нехваткой аппаратуры:

*«Штабы частей и соединений радиостанциями обеспечены слабо. Особенно слабой была и остается обеспеченность радиостанциями артчастей. Ряд артполков радиостанций не имеет вовсе. Мелкие радиостанции стрелковых полков выпуска 1932–33 гг. в своем большинстве некондиционны. Абсолютное большинство штабов дивизии не имеют радиостанций РСБ, а рации 5-АК-1 непосредственную связь штадива со штармом не обеспечивают (корпусные управления в армии расформированы). Радиостанции для штабов ВВС прибыли 27.7.41 года».*⁵⁴

Булычев порекомендовал серию мер для устранения этих трудностей. Он особо указывал на необходимость иметь подготовленных переводчиков для укомплектования фронтовых станций радиоперехвата и перевода потока немецких сообщений:

«Радиостанции штаба фронта систематически ведут перехват работы радиостанций противника. Весь материал передается в шифровальный и разведывательный отделы фронта. Как недостаток — нет радистов, отлично владеющих

*немецких языком, которые могли бы в процессе приема определять степень важности перехватываемого материала».*⁵⁵

Как и раньше, воздушная поддержка у фронта Резервных армий оставалась такой же, как и у Западного фронта. Короткий доклад, подготовленный 28 июля генерал-майором Погребовым, командующим ВВС Резервного фронта, сжато подытожил эти трудности:

«На основе краткого опыта войны считаю, что ВВС КА несут значительные потери в личном составе и материальной части и не дают полной отдачи по следующим причинам:

1. Слабой подготовки летно-технического состава, прибывшего на фронт на новой матчасти (ЛАГГ, МИГ-3, ПЕ-2, ИЛ-2, ЯК-1 и т. п.). Так, например, прибывшая в мое подчинение дивизия полковника Зотова в первый же день вывела из строя 7 самолетов (2 ПЕ-2, 2 ИЛ-2, 2 ЛАГГ и МИГ-3) из общего числа 32 самолетов, причем самолеты разбиты при взлете и посадке. Два ИЛ-2 разбиты командиром эскадрильи и его заместителем при взлете и посадке.

Летно-технический состав, в том числе и руководящий состав, слабо усвоил эксплуатацию материальной части на земле и в воздухе.

2. Слабой штурманской подготовки летного состава, в результате чего происходят „блудежки” и вынужденные посадки вне аэродрома. Так, например, в 38 иад с 15 по 26.7.41 года было 16 случаев потери ориентировки, в результате чего 9 самолетов разбито и 2 человека погибло; в дивизии полковника Зотова с 22 по 26.7.41 г. — 4 случая потери ориентировки при одной поломке самолета. В дивизии полковника Белова в первый же день вылета на боевое задание не вернулись на свой аэродром 7 самолетов, причина — потеря ориентировки.

3. Отсутствие системы в снабжении частей и соединений ВВС. Так, например, 31 сад (командир — полковник Руденко), 12 сад (командир — полковник Аладинский), 38 иад

(командир — генерал-майор авиации Евсеев), дивизия полковника Зотова (номера не имеет) и 10 сад (командир — полковник Белов) прибыли на фронт без тылов, на неподготовленные в материальном отношении аэродромы.

Я вынужден был приказать командирам авиадивизий подчинять себе находящиеся в районе их расположения батальоны аэродромного обслуживания, не имеющие обслуживаемых частей, и, таким образом, обеспечил боевую работу этих соединений.

Отсутствие головных армейских авиаскладов и станций снабжения, а также в штабе ВВС фронта начальника снабжения и ремонта Отдела тыла ВВС значительно затруднило планирование, снабжение частей и организацию восстановления матчасти на полевых аэродромах.

Тыл ВВС громоздок и не отвечает основным свойствам авиации — подвижности и большой мобильности. Тыл авиации (бао) должен быть полностью моторизован, чтобы не загружать при перемещении железной дороги и быть способным при перебазировании на новый аэродром передвигаться на автотранспорте. Кроме того, бао должен быть численно сокращен в два раза и может быть более, ибо численность самолетов в обслуживаемых ими полках также сокращена сейчас в два раза.

Такая неорганизованность тыла ВВС, бессистемность в снабжении приводила к срыву боевых заданий и создавала трудные условия для выполнения боевых приказов высшего командования.

4. Отсутствие системы и мобильности в восстановлении частей ВВС, имеющих большую убыль в материальной части, но малые потери среди летно-технического состава. Так, например, в 38 сад с 22.7.41 года имеется свыше 30 человек летчиков и такое же количество техсостава без матчасти, но указаний, куда их направлять для получения материальной части и быстрейшего их возвращения вновь на фронт, до сих пор нет, несмотря на мои неоднократные запросы. Много летчиков и техсостава и в других авиасоединениях.

Мое личное мнение — отправлять для восстановления не отдельные экипажи, а целиком части с целью сохранить традиции и спайку среди личного состава частей, добытые в ходе боевых действий. Или пополнять их материальной частью путем доставки ее из тыла на фронт.

Целесообразно создать фронтовые резервные авиаполки, где бы происходило быстрое восстановление частей, потерявших в боях матчасть, но сохранивших кадры.

5. Слабое управление частями ВВС из-за отсутствия средств связи, как-то радиостанций и аппаратов СТ, БОДО и т. п. Необходимо авиации иметь свою связь, не зависимую от общей войсковой связи, и в первую очередь иметь хорошо налаженную радиосвязь, ибо, как показал опыт, проволочная связь, в особенности в армиях, является ненадежным средством связи и на нее полагаться нельзя. В авиации считаю основным средством связи радио и самолет, а дублирующим — проволочную. Хорошо разработанная таблица коротких авиасигналов позволит очень гибко управлять частями ВВС и обеспечит своевременное выполнение авиацией боевых заданий.

Между тем вопросам связи (основам управления войсками, в том числе и ВВС) уделяется крайне слабое внимание. Так, например, штаб ВВС Фронта резервных армии существует с 6.7.41 года и до сих пор не имеет роты связи, ни в одном авиасоединении в штабах ВВС армий — радиостанций. Только сейчас штаб ВВС КА начал снабжать нас радиостанциями и другими средствами связи, но все это происходит крайне медленно.

Для общей пользы обстановка требует принятия срочных мер к устранению причин, ослабляющих боевую мощь нашей авиации и тормозящих организацию победы над врагом»⁵⁶.

Таким образом, все резервные армии были лишь бледной тенью мощных армейских структур, предусмотренных довоенными уставами и наступательно-оборонительной военной доктриной. Все были лишены адекватной боевой и материально-технической поддержки. Более того, их количество ни в коей мере не служило указанием на их силу. Довоенная советская

теория предписывала выставять в поле армии численностью в 200 000 бойцов, поддерживаемых 1400 танками и 2700 орудиями и минометами. В июне 1941 года армии в приграничных военных округах насчитывали в среднем по 100 000 бойцов, 400–700 танков и 1200–1300 орудий. А наскоро мобилизованные армии второго эшелона состояли из 50–60 тысяч бойцов, менее 100 танков и примерно 200 орудий.

Для ведения Советами успешной обороны, не говоря уже о наступлении, явно потребовалось бы много таких армий. К счастью для Советского Союза, к декабрю 1941 года его мобилизационная система произвела в конечном итоге требуемое число армий не только для отражения, но и для отбрасывания немецких войск.

Статистические данные

Таблица 8.1

Наличие самолетов в боевой авиации Западного фронта
на 22 июня 1941 года

	20-я армия	21-я армия	22-я армия	Фронт	Всего
<i>Истребители</i>					
И-153	15	6	0	20	41
И-16	4	7	0	12	23
МиГ-3	12	11	0	0	23
Як-1	0	0	0	16	16
<i>Бомбардировщики</i>					
СБ	11	12	31	18	72
АР-2	3	0	9	0	12
Пе-2	0	10	0	50	60
Су-2	0	57	0	0	57
Р-5, Р-З	0	10	4	0	14
ТБ-3	0	0	0	50	50
Ил-2	13	8	0	0	21
Всего	58	121	44	166	389

Источник: Из отчета командующего военно-воздушными силами Западного фронта от 31 декабря 1941 года. О боевых действиях военно-воздушных сил западного фронта за 1941 года, СБД ВОВ, выпуск 37 (1959), 133–135.

Таблица 8.2

Численность боевой техники ВВС Юго-Западного фронта на 11 июля 1941 года (исправные/неисправные самолеты)

	МиГ-3	И-153	И-16	И-156*	Пе-2	СБ	Су-2	Як-1	Як-2	Як-4	Ар-2	Ил-2	Всего
15-я смешанная авиадивизия	8/3	2/3	3/1	3/4									16/11
14-я смешанная авиадивизия		6/6	6/8										12/14
62-я смешанная авиадивизия					4/1	2/14	6/21						12/36
17-я смешанная авиадивизия		24/6		6/0	0/4	3/2		14/8					47/20
16-я смешанная авиадивизия	2/0	11/2	19/4			2/1						10/10	44/17
36-я истребительная авиадивизия		23/2	77/13										100/15
19-я бомбардировочная авиационная дивизия					2/1	3/6				3/4	2/2		10/13
315-й разведывательный авиалек						3/1							3/1
316-й разведывательный авиалек						1/0			2/2	2/1			5/3
Всего	10/3	66/20	105/26	9/4	6/6	14/24	6/21	14/8	2/2	5/5	2/2	10/10	249/131

Источники: Сведения штаба военно-воздушных сил Красной армии о боевом составе частей военно-воздушных сил Юго-Западного фронта по состоянию на 11 июля 1941 года. СБД ВОВ, выпуск 38 (1959), 7–8.

* Так в книге. Очевидно, И-156бис. (Прим. ред.)

Таблица 8.3

**Дивизии народного ополчения,
сформированные в Ленинградском военном округе**

	Штат	В наличии	Нехватка
1-я гвардейская	14 926	12 102	2824
2-я гвардейская	11 739	8721	3018
3-я гвардейская	12 154	10 094	2060
4-я гвардейская (позднее переименована в 5-ю)	Только кадровый	4267	
1-я	10 815	10 538	277
2-я	10 836	11 489	
3-я		10 334	
4-я	9961	8924	1037

Источник: А. Д. Колесник. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1988, 16–19.

Таблица 8.4

**Дивизии народного ополчения, сформированные
в Московском военном округе**

	Исходный номер	Последующее обозначение	Состав
<i>Летнего формирования</i>			
Ленинская	1-я	60-я стрелковая	10 000
Сталинская	2д	2-я стрелковая	8385
Куйбышевская	4-я	110-я стрелковая	11 755
Фрунзенская	5-я	113-я стрелковая	11 700
Дзержинская	6-я	160-я стрелковая	9000
Бауманская	7-я	29-я стрелковая	15 000
Краснопресненская	8-я	8-я стрелковая	7500
Кировская	9-я	139-я стрелковая	10 500
Ростокинская	13-я	140-я стрелковая	8010
Москворецкая	17-я	17-я стрелковая	10 000
Ленинградская	18-я	18-я стрелковая	10 000
Киевская	21-я	173-я стрелковая	7660
<i>Осеннего формирования</i>			
3-я московская рабочая		130-я стрелковая	9753
4-я московская рабочая		155-я стрелковая	7260
5-я московская рабочая		158-я стрелковая	7291

Источник: Колесник, 22.

Таблица 8.5

Распределение и численность советских танковых войск
с 22 июня по октябрь 1941 года

Мех- корпуса	22 июня 1941 г.		С июля по октябрь 1941 г.			
	дивизии	состав	июль	август	сентябрь	октябрь
1-й	1-я тд 3-я тд 163-я мд	+	1-я тд 3-я тд 163-я мд	1-я тд 163-я сд	123-я тбр 163-я сд	123-я тбр 163-я сд
2-й	11-я тд 16-я тд 15-я мд	163 (15) / 1037 489 (60) / 517	11-я тд 16-я тд 15-я мд	11-я тд (Умань) 15-я сд	132-я тбр 15-я сд	132-я тбр 15-я сд
3-й	2-я тд 5-я тд 84-я мд	460 (109) / 651	(Расейняй) (Минск) 84-я сд	84-я сд	84-я сд	84-я сд
4-й	8-я тд 32-я тд 81-я мд	325 (190) 892 (414) / 979	8-я тд 32-я тд 81-я сд	8-я тд (Умань) 81-я сд	130-я тбр 1-я и 8-я тбр 81-я сд	130-я тбр 1-я и 8-я тбр 81-я сд
5-й	13-я тд 17-я тд 109-я мд	2602 (0)* / 350 (на 5 июля)	13-я тд 17-я тд 304-я сд	(Смоленск) (Смоленск) 304-я сд	126-я тбр 304-я сд	(Вязьма) 304-я сд
6-й	4-я тд 7-я тд 29-я мд	368 (201) 1021 (352) / 1131	(Белосток) (Белосток) (Белосток)			
7-й	14-я тд 18-я тд 1-я мд	1036 (9) / 350 (на 5 июля)	14-я тд 18-я тд 1-я мд	14-я тд 18-я тд 1-я тд	27-я и 28-я тбр 127-я тбр 1-я мсд	(Вязьма) (Вязьма) 1-я мсд
8-й	12-я тд 34-я тд		12-я тд 34-я тд	(Умань) (Дубно)	129-я тбр 2-я и 16-я тбр	129-я тбр 2-я и 16-я тбр

Легенда: Численность (в том числе новых танков) согласно недавно вышедшим российским статьям / Численность согласно «Начальному периоду». Названия в скобках указывают, где было уничтожено данное соединение.

* Включая 57-ю и 61-ю танковую и 82-ю моторизованную дивизии.

Продолжение табл. 8.5

Мех- корпуса	22 июня 1941 г.		С июля по октябрь 1941 г.			
	дивизии	состав	июль	август	сентябрь	октябрь
9-й	7-я мд	858 (171) / 898 36 (0) 142 (0) 122 (0) 285 (0) / 298	7-я мд	7-я мд	(Киев)	
	20-я тд		20-я тд	20-я тд	(Киев)	
	35-я тд		35-я тд	35-я тд	(Киев)	
	131-я мд		131-я сд	131-я сд	(Киев)	
10-й	21-я тд	1343 (0) / 469	21-я тд	21-я тд	21-я тд	21-я тд
	24-я тд		24-я тд	24-я тд	124-я тбр и 12-й тп	124-я тбр и 12-й тп
	198-я мд		198-я мд	198-я мд	198-я сд	198-я сд
11-й	29-я тд	237 (31) / 414	(Белосток)			
	33-я тд		(Белосток)			
	204-я мд		(Белосток)			
12-й	23-я тд	933 (0) / 749	23-я тд	(расфор- миров.)		
	28-я тд		28-я тд	28-я тд	28-я тд	241-я сд
	202-я мд		202-я мд	202-я сд	202-я сд	202-я сд
13-й	25-я тд	294 (0) / 282	(Белосток)			
	31-я тд		(Белосток)			
	208-я мд		(Белосток)			
14-й	22-я тд	520 (0) / 518	(Белосток)			
	30-я тд		(Белосток)			
	205-я мд		(Белосток)			
15-й	10-я тд	318 (100) 285 (33) 37(0) 640 (133) / 749	10-я тд	10-я тд	131-я и 133-я тбр	131-я и 133-я тбр
	37-я тд		37-я тд	(Умань)	3-я тбр	3-я тбр
	212-я мд		212-я сд	212-я сд	212-я сд	212-я сд
16-й	15-я тд	608 (0) / 482	15-я тд	(Умань)	4-я тбр	4-я тбр
	39-я тд		39-я тд	(Умань)		
	240-я мд		240-я мд	(Умань)		
17-й	27-я тд	36 (0) / 63	(Минск)			
	36-я тд		(Минск)			
	209-я мд		(Минск)			

Мех- корпуса	22 июня 1941 г.		С июля по октябрь 1941 г.			
	дивизии	состав	июль	август	сентябрь	октябрь
18-й	44-я тд	280 (0) / 282 158 (0)	44-я тд	(Умань)	44-я тд, ХарькВО	142-я тбр
	47-я тд		47-я тд	(Умань) 47-я тд, ЮЗФ	47-я тд	
	218-я мд		218-я мд	218-я мд	218-я сд	
19-й	40-я тд	237 (7)	40-я тд	(Коростень) 40-я тд, СКВО	45-я и 47-я ТВс	45-я и 47-я тбр
	43-я тд		43-я тд	(Коростень) 43-я тд, ХарькВО	10-я тбр	10-я тбр
	213-я мд		213-я мд	(Коростень)		
20-й	26-я тд	54(0) 449 (7) / 453	(Могилев)			
	38-я тд		(Могилев)			
	210-я мд		(Могилев)			
21-й	42-я тд	93 (0) / 94	42-я тд	(расформиров.)	42-я тбр	(Брянск)
	46-я тд		46-я тд	(расформиров.)	46-я тбр	46-я тбр
	185-я мд		185-я мд	185-я сд	185-я сд	185-я сд
22д	19-я тд	98 (0) 163 (0) 425 (31) 94 (0) 682 (31) / 712	19-я тд	19-я тд	(Киев)	
	41-я тд		41-я тд	41-я тд	(Киев)	
	215-я мд		215-я мд	215-я мд	(Киев)	
23д	48-я тд	413 (21)	48-я тд	48-я тд	17-я, 18-я тбр	(Вязьма)
	51-я тд		110-я тд	110-я тд	141-я и 142-я тбр	(Брянск) 142-я тбр
	220-я мд		220-я сд	220-я сд	220-я сд	220-я сд
24-й	45-я тд	222 (0)/222	45-я тд	(Умань)		
	49-я тд		49-я тд	(Умань)		
	216-я мд		216-я мд	(Умань)		
25-й	50-я тд		50-я тд	50-я тд	150-я тбр	(Вязьма)

Продолжение табл. 8.5

Мех- корпуса	22 июня 1941 г.		С июля по октябрь 1941 г.			
	дивизии	состав	июль	август	сентябрь	октябрь
26-й	55-я тд	300 (20)	55-я тд	(Чернигов)	8-я и 14-й отд тбн	8-я и 14-й отд тбн
	219-я мд		219-я мд	(Чернигов)		
	52-я тд		101-я тд	101-я тд	101-я мсд	(Вязьма)
	56-я тд		102-я тд	102-я тд	144-я тбр (предп.)	(Вязьма)
27-й	103-я мд	184 (0)	103-я мд	103-я мд	103-я сд	(Вязьма)
	9-я тд		104-я тд	104-я тд	145-я тбр	(Вязьма)
	53-я тд		105-я тд	105-я тд	146-я тбр	(Вязьма)
	221-я мд		(расформ.)			
28-й	6-я тд	356 (0)	6-я тд	6-я тд	6-я тд	6-я, 55-я, и 56-я тбр
	54-я тд		54-я тд	54-я тд	54-я тд	54-я тбр
	236-я мд		236-я сд	236-я сд	236-я сд	236-я сд
30-й	58-я тд	2969 (0)*	58-я тд	58-я тд	58-я тд	58-я тбр
	60-я тд		60-я тд	60-я тд	60-я тд	60-я тд
	239-я мд		239-я мд	239-я сд	239-я сд	239-я сд
	57-я тд		57-я тд	(Смоленск)	128-я тбр	(Брянск)
	59-я тд		301-й, 356-й, 362-й тбн			
	61-я тд		61-я тд	61-я тд	61-я тд	61-я тд
	69-я мд			111-я тд	111-я тд	111-я тд
				112-я тд	112-я тд	112-я тд
			107-я тд	107-я тд	107-я мсд	107-я мсд
			108-я тд	109-я тд	148-я тбр	(Вязьма)
				108-я тд	108-я тд	108-я тд

Источники: Боевой состав советской армии, т. 1; Командование корпусного и дивизионного звена советских вооруженных сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945. Москва: Академия им. Фрунзе, 1964.

* Включая 59-ю танковую и 69-ю моторизованную дивизии.

Таблица 8.6

**Боевой и численный состав механизированных войск
Юго-Западного фронта на 15 июля 1941 года**

Формирование	Личного состава	Танков	Пушек	Автомобилей
9-й механизированный корпус	721	38	0	70
20-я танковая дивизия	5633	1	8	260
35-я танковая дивизия	961	24	23	116
131-я механизированная дивизия	4283	12	27	349
19-й механизированный корпус	315	0	0	40
40-я танковая дивизия	2040	30	0	99
43-я танковая дивизия	2625	52	17	342
22-й механизированный корпус	1122	0	1	79
19-я танковая дивизия	3518	3	23	273
41-я танковая дивизия	4826	28	32	407
215-я механизированная дивизия	5118	0	19	208
4-й механизированный корпус	1845	2	12	104
8-я танковая дивизия	1306	29	11	137
32-я танковая дивизия	736	7	18	32
81-я механизированная дивизия	3287	13	33	344
15-й механизированный корпус	неизвестно	неизвестно	неизвестно	неизвестно
10-я танковая дивизия	342	6	0	30
37-я танковая дивизия	0	0	0	0
212-я механизированная дивизия	0	0	0	0
16-й механизированный корпус	неизвестно	неизвестно	неизвестно	неизвестно
15-я танковая дивизия	2066	87	35	162
39-я танковая дивизия	неизвестно	неизвестно	неизвестно	неизвестно
240-я механизированная дивизия	9847	13	41	381
24-й механизированный корпус	неизвестно	неизвестно	неизвестно	неизвестно
44-я танковая дивизия (18-го мехкорпуса)	1797	125	20	139

И с т о ч н и к: «Сведения штаба Юго-Западного фронта о боевом и численном составе соединений и отдельных частей фронта по состоянию на 15.7.41 г.», СБД ВОВ, выпуск 38 (1959), 35–36.

Таблица 8.7

**Численность боевой техники в танковых войсках Южного фронта
на 22 июля 1941 года**

Формирование	Танков	Автомобилей	Тракторов
2-й механизированный корпус			
11-я танковая дивизия	181 (81 в строю)	1070	71
16-я танковая дивизия	99	870	16
15-я механизированная дивизия	188 (102 в строю)	0	122
18-й механизированный корпус			
39-я танковая дивизия	198 (132 в строю)	465	43
47-я танковая дивизия	54	731	48
218-я механизированная дивизия	45	741	91
2-й кавалерийский корпус			
5-я кавалерийская дивизия	45	148	13
9-я кавалерийская дивизия	56	188	20

И с т о ч н и к: «Донесение помощника командующего войсками южного фронта по автотанковым войскам от 22 июля 1941 г. начальнику главного автотанкового управления Красной армии о наличии материальной части в танковых войсках фронта на 20 июля 1941 г.», СБД ВОВ, выпуск 38 (1959), 138.

Глава 9

РАЗВЕДКА КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Существующие свидетельства о состоянии советской разведки накануне операции «Барбаросса» дают адекватную основу для ответа на два фундаментальных вопроса: «Что знала Красная Армия о немецких агрессивных намерениях?» и «Когда она о них узнала?» Менее ясен ответ на весьма важный третий вопрос: «Почему же тогда Советы не прореагировали?»

Из опубликованных недавно обширных документальных материалов из партийных, дипломатических, военных архивов и архивов НКВД становится очевидным, что советские разведывательные организации располагали обильными предупреждениями об агрессивных замыслах немцев практически на всех уровнях. И даже еще до последних архивных откровений генерал А. М. Василевский писал в своих послевоенных воспоминаниях:

«В июне 1941 г. в Генеральный штаб постоянно от оперативных отделов западных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местностях, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям.

Крупные танковые группировки выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей».¹

Точность взгляда Василевского с тех пор подтвердили сотни советских воспоминаний и множество военных исследований. В одном из них отмечалось:

«Документы и факты свидетельствуют о том, что политическое и военное руководство Советского Союза еще до начала военных действий располагало информацией о приготовлениях нацистской Германии к нападению на СССР. Генеральный штаб имел достаточно полную информацию об усилении войск противника вдоль наших западных границ. Советское командование получало из разных источников информацию о возможном нападении врага и времени его атаки. Пограничные войска, также как военные советы приграничных военных округов, информировали правительство и Народный Комиссариат Обороны о частых нарушениях государственных границ самолетами и агентами врага»².

Предупреждения о войне

В советских архивных источниках содержится множество дипломатических донесений и информации от зарубежных агентов НКВД и военной разведки (ГРУ), свидетельствующих о близости войны. Жуков в своих воспоминаниях отмечал:

«Как известно, в конце апреля 1941 года У. Черчилль направил И. В. Сталину послание. В нем говорилось: “Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, т.е. 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех бронетанковых дивизий из пяти находящихся в Румынии. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов”»³.

Далее Жуков прямо указал, почему Сталин не мог поверить ни в какие подобные сообщения:

*«И. В. Сталин к этому посланию отнесся с недоверием. В 1940 году в мировой печати стали циркулировать слухи о том, что английские и французские военные силы сами готовятся предпринять нападение на Северный Кавказ, бомбить Баку, Грозный, Майкоп. Затем появились документы, подтверждающие это. Одним словом, не только никогда не скрывавшиеся У. Черчиллем антисоветские, антикоммунистические взгляды и высказывания, но и многие конкретные факты дипломатической жизни того времени могли побуждать И. В. Сталина настороженно воспринимать информацию из западных империалистических кругов».*⁴

Фактически это недоверие со стороны Сталина обусловило и его реакцию на материалы советской разведки. Страх Сталина перед дезинформацией и его твердая вера в то, что он понимает своего коллегу-диктатора, Гитлера, существенно исказили его умение судить здраво в тот роковой период перед началом войны. В число многочисленных дипломатических и агентурных донесений входили и хорошо известные конкретные сообщения, переданные знаменитым Рихардом Зорге (кодовое имя — Рамзай) из Японии. В том числе и короткая передача 15 мая: *«Война начнется 20–22 июня... Рамзай»**, и последующее сообщение 19 мая, гласившее: *«Против Советского Союза будут сосредоточены 9 армий и 150 дивизий... Рамзай»*⁵.

30 мая Зорге направил ГРУ следующую телеграмму:

* Данная цитата (в отличие от двух последующих) является фальшивкой, запущенной в начале 1960-х годов на пике разоблачения «культа личности». 15 мая Зорге вообще не отправлял никаких донесений. В донесении от 2 мая он оценивал вероятную дату немецкого нападения как «время окончания сева в СССР», причем указывал, что решение о войне Гитлером еще не принято. В сообщении от 1 июня он называл предположительную дату нападения 15 июня — причем уточнял, что она *«базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда выехал 3 мая в Бангкок»*. Полную подборку донесений Зорге см. в книге: Дело Рихарда Зорге. Известные документы. СПб.; М.: Летний Сад, 2000. Ранее эти донесения публиковались лишь выборочно, причем зачастую — со значительными искажениями. (Прим. ред.)

«Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против Советского Союза начнется во второй половине июня. Отт на 95 процентов уверен, что война начнется. Косвенные доказательства, которые я вижу к этому, в настоящее время таковы:

Технический департамент германских воздушных сил в моем городе получил указания вскоре возвратиться. Отт потребовал от ВАТ [военный атташе], чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспортировка каучука через СССР сокращена до минимума.

Причины для германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того, чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная Армия должна быть отогнана как можно скорее. Так заявил Отт»⁶.

Недавно рассекреченные партийные архивы содержат и другие образцы таких предупреждений. Сообщения, отправленные 2 июня, 19 июня и 21 июня работниками партаппарата в Кишиневе, Мурманске и Раве-Русской на Украине, подробно доносят, соответственно, о румынских военных приготовлениях, участвовавших нарушениях немцами воздушных границ СССР и враждебных действиях в воздухе в советском Заполярье и на юге Советского Союза.⁷

Для нас наиболее интересны действия советской военной разведки по всей ее иерархии, как в верхах, так и за рубежом, особенно военных атташе в зарубежных посольствах. И вновь свидетельства говорят нам, что сведения о предстоящем немецком нападении поступали со всех сторон. Донесение советского военного атташе в Берлине от 29 декабря гласило:

«Источник... доложил, что ему известно из хорошо информированных военных кругов, что Гитлер отдал приказ о подготовке войны с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г.»⁸

Донесение другого военного атташе, отправленное в ГРУ 9 марта 1941 года из Белграда, утверждало:

*«Источник... докладывает сведения от министра двора: (1) Немецкий Генеральный штаб оставил [мысль] о нападении на Британские острова и поставил непосредственной задачей захват Украины и Баку, которая должна быть выполнена в апреле-мае этого года, и к которой готовятся Венгрия, Румыния и Болгария... (2) Идет усиленный перевод войск через Берлин и Венгрию в Румынию».*⁹

В марте 1941 года Сталину по каналам НКВД были отправлены два пространных донесения от агента в Берлине под кодовым именем «Корсиканец». Засвидетельствованные начальником 1-го Управления НКВД, оба донесения четко изложили подробности немецких наступательных планов и указывали, что нападение произойдет в апреле или в мае. Последнее из них гласило:

*«Имеются сведения, что начальник генерального штаба Сухопутных сил генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими силами Советского Союза, и в первую очередь Украины, где, по оценкам Гальдера, успешные операции могут быть ускорены хорошей сетью железных и автомобильных дорог. Гальдер полагает, что захват Баку и нефтяных месторождений будет простым делом, их можно будет быстро восстановить после окончания военных действий. Гальдер считает, что Красная Армия не сможет оказать сопротивление немецкому блицкригу, и русским даже не удастся уничтожить запасы нефти».*¹⁰

30 апреля похожее донесение пришло через те же каналы от агента ГРУ в Берлине по кличке «Старшина»:

«Источник, работающий в штабе Люфтваффе, сообщает... согласно информации, полученной от Грегора, офицера

связи между Германским МИДом и штабом Люфтваффе, вопрос о действиях Германии против Советского Союза окончательно решен, и его выполнение ожидается со дня на день. Риббентроп, который до этих пор не поддерживал акцию против Советского Союза, зная твердую решимость Гитлера в этом деле, изменил свою позицию и начал защищать атаку на Советский Союз».¹¹

Далее Старшина доносил о подробностях тайного сговора с Гитлером финнов, румынов, венгров и болгар, поверивших немецким аналитическим выкладкам о неэффективности советских ВВС. В тот же день донесение от агента ГРУ в Варшаве доставило сведения о передвижениях немецких войск в Польше и других приготовлениях к наступлению. Оно, в частности, сообщало:

«С 10 по 20 апреля немецкие войска днем и ночью постоянно двигаются через Варшаву. Из-за непрерывного потока войск все движение на улицах Варшавы было остановлено. Эшелоны загруженные в первую очередь тяжелой артиллерией, грузовиками и частями самолетов, идут по железной дороге в восточном направлении. С середины апреля на улицах Варшавы появилось большое число военных грузовиков и машин Красного Креста».¹²

Этот поток разведдонесений не уменьшился и в мае. 6 мая адмирал Н. Г. Кузнецов, нарком ВМФ и командующий советским флотом, передал военной разведке донесение от советского военно-морского атташе в Берлине:

«Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит: ... что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

Кузнецов, однако, бросил тень сомнения на надежность данной информации* и еще больше укрепил подозрения Сталина, добавив: *«Считаю эту информацию ложной и специально переданной через этот канал, чтобы немцы увидели, как прореагирует СССР»*¹³.

Позже в том же месяце, 28 мая, военный атташе Красной Армии в Будапеште отправил начальнику ГРУ пространное сообщение, которое анализировало нависшую немецкую угрозу:

«Обобщая, можно сказать, что война против СССР с военной точки зрения не представляет труда. Через два-три месяца немецкие войска остановятся у Урала. Механизированная русская армия подставила себя в западной части СССР под удар немецкого наступления и за короткий срок будет полностью разгромлена, поскольку, если измерить ее мощь по устаревшей бронетехнике и устаревшим самолетам, Красная Армия не в состоянии устоять перед передовой и численно превосходящей немецкой военной техникой, намного опережающей ее. В узких немецких кругах нет вообще никого, у кого есть хоть малейшие сомнения в скорой победе над СССР».¹⁴

Давая дальнейший обзор немецких взглядов на предстоящую войну и прокомментировав другие немецкие приготовления, атташе утверждал:

* Кузнецов был абсолютно прав: переданный через атташе слух являлся очевидной дезинформацией, брошенной немцами, чтобы дезориентировать советскую разведку. На 6 мая решение о дате нападения на СССР еще не было принято, а немецкие танковые войска только перебрасывались с Балкан и никак не могли быть сосредоточены к 14 мая. «Мощных налетов» на Москву и Ленинград одновременно с нападением на СССР немцы не планировали — в первые дни войны вся их авиация была задействована для поддержки сухопутных войска. Парашютные десанты (даже тактические) на Восточном фронте ими также не планировались и не осуществлялись. В целом большинство приведенных здесь сообщений либо неконкретны, либо содержат явные следы германской дезинформации — в первую очередь относительно даты нападения и места нанесения главного удара. (Прим. ред.)

«В заключение можно сказать, что примечательное „затишье“, неопределенность по поводу Гесса и замалчивание прессой этого вопроса, усилившиеся передвижения немцев и наглое поведение румынской прессы дают нам право задуматься о продолжающихся приготовлениях немцев к войне с нами».

По мере того как дата приведения в исполнение операции «Барбаросса» становилась все ближе, идущие густым потоком сообщения от атташе стали еще более настойчивыми и точными. 11 июня адмирал Кузнецов передал донесение из Бухареста:

«Докладываю сведения, полученные от наших коллег в Бухаресте:

1. Из офицерских кругов хорошо известно, что румынской армии и авиации был отдан приказ быть 15 июня готовыми к наступательным действиям.

Судя по сведениям из Бухареста, подготовка к военным действиям идет очень интенсивно. Однако румыны не будут готовы к назначенному сроку...

2. Румынские военные даже не хотят воевать с Советским Союзом. По правде говоря, румынский народ не склонен к любой войне.

*3. Передислокация на север немецко-румынских войск, и особенно артиллерии, продолжается».*¹⁵

За два дня до нападения атташе Красной Армии в Софии (Болгария) сообщал об угрозе еще точнее:

*«Военное столкновение ожидается 21 или 22 июня, и 100 немецких дивизий дислоцированы в Польше, 40 — в Румынии, 6 — в Финляндии, 10 — в Венгрии и 7 — в Словакии. В целом всего 60 моторизованных дивизий. Прилетевший из Бухареста курьер говорит, что мобилизация в Румынии была завершена, и там ожидают войны в любой момент. В настоящее время в Болгарии дислоцировано 10 000 немецких войск».*¹⁶

В тот же день в соревнование вступил Рихард Зорге с последним предвоенным сообщением ГРУ о немецких намерениях и потенциально опасной в военное время позиции Японии. 20 июня 1941 года он радировал из Токио:

«Немецкий посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и Советским Союзом неизбежна. Германское военное превосходство делает вполне вероятной возможность уничтожения последней большой европейской армии, потому что до настоящего времени стратегические оборонительные позиции СССР хуже, чем во время обороны Польши.

[Источник] сообщает, что японский Генеральный штаб уже обсудил, какую он займет позицию в случае войны.

Предположения о японо-американских переговорах и внутренней борьбе между Мацуокой с одной стороны и Хиранумой с другой не сдвигаются с мертвой точки, так как все ждут решения по вопросу об отношениях СССР и Германии»¹⁷.

Находившийся в потоке этой пугающей разведывательно-дипломатической информации капитан 2-го ранга Зайцев, ответственный за отслеживание перемещений атташе в Народном Комиссариате Иностранных Дел, уведомил 19 июня свое начальство, что между 4 и 20 июня все ответственные фигуры из штата военно-морского атташе в немецком посольстве в Москве отбыли в Берлин. И добавил: *«Таким образом, в аппарате атташе не осталось никого из известных мне лиц, и это настолько необычно и странно, что я считаю необходимым привлечь к этому ваше внимание»¹⁸.*

Существует, однако, серьезный вопрос: попадали ли на самом деле эти переданные по дипломатическим каналам, по линии ГРУ или НКВД или лично Сталину донесения к Народному Комиссару Обороны Тимошенко или к начальнику Генерального штаба Жукову? Жуков в своих воспоминаниях утверждал:

«Знало ли руководство Наркомата обороны и Генерального штаба об информации, которую И. В. Сталин получал

по этой линии? Маршал С. К. Тимошенко после войны уверял меня, что он лично ничего не знал. Как начальник Генерального штаба, я также свидетельствую, что не был поставлен об этом в известность».¹⁹

Вполне возможно, так оно и было. Контроль над всей разведкой осуществлял Сталин, сама разведка была чрезмерно разделена на различные ведомства, а диктатор из-за собственной склонности к секретности, вероятно, не делился критически важной информацией со своими всегда им в чем-то подозреваемыми подчиненными. И тем не менее, когда Жуков писал эти слова, он явно лукавил, снимая с себя вину за массированный провал разведки. В распоряжении Жукова была масса средств для сбора информации. Как будет показано ниже, армейские органы имели ясную картину немецких приготовлений к наступлению. Сделанное 15 мая предложение Жукова нанести упреждающий удар по сосредотачивающимся немцам более чем адекватно свидетельствует, что он имел представление о реальном положении дел. Жукову скорее следовало бы сказать, что при тех обстоятельствах он был практически бессилен что-либо сделать, кроме как молча согласиться с суждением Сталина.

В целом, хотя собранные разведкой сведения о военных намерениях немцев были более чем адекватными, этого никак нельзя сказать об интерпретации их командованием Красной Армии и политическим руководством страны.*

* Для понимания реальной картины, нарисованной советской разведкой перед войной, необходимо учитывать, что сам факт подготовки Германии к боевым действиям против СССР ни для кого секретом не являлся и являться не мог. После разгрома Франции в 1940 году вероятность войны между двумя странами была крайне высока, и обе к ней активно готовились, в том числе составляя планы и разворачивая войска. Таким образом, перед советской разведкой не стоял вопрос выявления факта военных приготовлений Германии — она должна была определить лишь время нападения и направление сосредоточения главных сил противника. При этом преждевременное развертывание войск для отражения нападения имело бы негативные последствия как внешнеполитического, так и экономического

Наиболее частым ранним указателем агрессивных намерений немцев являлся сбор немцами разведданных, который усилился еще в марте 1940 года. После этой даты спорадические нарушения советской воздушной границы немецкой разведывательной авиацией стали практически рутинным делом. В число первоначальных донесений входит и донесение Западного особого военного округа от 17 марта о нарушении советского воздушного пространства 32 самолетами, а также последующие донесения о схожей деятельности из Киевского и Прибалтийского особых военных округов от 4, 9 и 10 апреля. С октября 1939 года по 22 июня 1941 года таких нарушений имело место более 500.²⁰ Военные округа вполне понимали, что именно происходит, но приказ Сталина и НКО мешал им прореагировать. Например,

го плана; кроме того, уже занявшие оборону стрелковые соединения лишались мобильности — их уже труднее было бы погрузить в эшелоны и отправить в другое место.

Таким образом, Германия не имела возможности скрыть подготовку к войне — но была заинтересована в том, чтобы дезинформировать СССР относительно направления главного удара и заставить его ожидать этого удара как можно раньше.

Понятно, что истинная дата нападения не могла стать известной до того, как Гитлер принял окончательное решение начать войну с Советским Союзом — а это произошло лишь в начале июня. Таким образом, все более ранние даты в сообщениях советской разведки являлись либо гипотезами, либо следами немецкой дезинформации. Это же относится и к информации о том, что главный удар немцы нанесут на юге, против Украины — германское командование было крайне заинтересовано в том, чтобы отвлечь максимум советских войск от московского направления.

Немецкая разведка старалась создать вокруг информации о подготовке к войне максимально насыщенную «шумовую завесу», в которой неизбежно просачивающиеся реальные сведения невозможно было бы отделить от дезинформации. Именно из-за этого советское руководство в конце концов утратило доверие к поступающим из разных источников противоречивым данным — а одновременно позднейшие историки получили возможность, приводя вырванные из контекста отдельные донесения и цитаты из них, доказать все, что угодно. (*Прим. ред.*)

незадолго до немецкого нападения Прибалтийский особый военный округ уведомил НКО и Генштаб, что немецкие самолеты за 10–15 дней провели разведывательную аэрофотосъемку над его позициями на глубину 100 километров²¹. 19 июня пересекавший границу немецкий самолет проник до Проскурова в Киевском особом военном округе и даже совершил посадку, но когда летчиков задержали, они отказались объяснять свои действия.

Военные советы военных округов уведомляли о нарушениях Наркомат обороны и пытались предпринять действия для исправления положения. К примеру 18 июня 1940 года генерал Кирпонос, командующий Киевским особым военным округом, издал приказ «О запрещении воздушных полетов», который требовал, чтобы «были приняты меры для принуждения к посадке самолетов, появляющихся в зоне, запретной для полетов». Последующий приказ от 16 июля «О нарушении государственной границы иностранными самолетами» приказывал:

*«...в случае любой попытки иностранного самолета нарушить государственную границу должны быть приняты действенные меры для пресечения нарушения... чтобы никакой иностранный самолет не мог появиться над нашей территорией или остаться безнаказанным».*²²

Но нарком внутренних дел вместо приказа военным округам сбивать подобные самолеты выпустил 29 марта (вероятно, по распоряжению Сталина) директиву западным военным округам, запротивившую всякое противодействие. Она, в частности, гласила:

«Не открывать огня ни при каком нарушении советско-германской границы самолетами или приборами воздушной навигации, ограничиваясь подачей донесений о нарушении государственной границы».

В апреле и марте 1941 года соответственно НКО, явно отвечая на запрос нового командования, приказал войскам прикрытия в Западном особом военном округе и Балтийскому флоту не открывать огня по самолётам-нарушителям.²³

Каналы НКВД наводнили схожие жалобы. 7 апреля 1941 года Главное управление пограничных войск доложило центральным органам НКВД в Москве, что базирующиеся в Румынии немецкие самолеты регулярно пролетают над Украиной, и просило разрешения открывать огонь по этим самолетам. После того, как НКВД передало эту просьбу в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД), последний 10 апреля ответил:

*«Необходимо формулировать протесты по поводу нарушения немецкими самолетами границы СССР в соответствии с существующими правилами, на основе Соглашения между СССР и Германией об урегулировании пограничных конфликтов и инцидентов от 10 июня 1940 года, а также информировать НКИД, [чтобы] тот мог предпринять надлежащие меры по дипломатическим каналам».*²⁴

Генерал-майор В. А. Хоменко, начальник пограничных войск украинского НКВД, с горечью заметил 4 апреля: *«Настоящий приказ, так же, как приказ Красной Армии, низводит нас до роли пассивного наблюдателя и предъявителя претензий, которые не могут дать никаких действенных результатов»*²⁵.

Воздушную разведку немцы дополняли разведкой наземной, проводимой обычными сотрудниками атташе при посольстве и консульствах и агентами абвера, прикидывающимися беженцами и контрабандистами. Бывший начальник отдела «Абвер-1» (немецкая разведка) и координатор действий знаменитых диверсионных команд «Бранденбургер-Абвер» (диверсионных групп) генерал-лейтенант Ганс Пикенброк показал на Нюрнбергском процессе: *«С августа по сентябрь 1940 года Абвер стал получать гораздо больше разведывательных запросов, относящихся к СССР. Без всякого сомнения, это было связано с подготовкой к войне с Россией»*²⁶. Большинство этих наземных заданий ставило целью получение доступа к территориям и целям на тактической и оперативной глубине (вплоть до 200 километров). Недавно опубликованный российский материал дает ссылку на архивные документы, оценивающие масштаб и растущую интенсивность немецкой наземной разведдеятельности:

«Из 232 агентов, задержанных в 1940 г. советскими органами, 119 орудовали в районе Минска, 87 — в Киевской области и 26 — в районе Ленинграда. Хотя общее число вражеских агентов, задержанных на западной границе в первом квартале 1941 г., в среднем возросло более чем в пять раз по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, на самых важных оперативных направлениях это число возросло в десять-двенадцать раз. Разведка проводилась на всем участке будущего нацистского наступления на глубину в 150–200 километров, а на Ленинградском, Минском и Московском направлениях проводилась на глубину свыше в 300–400 километров.

К лету 1941 г. активность нацистских разведслужб заметно возросла. Агенты забрасывались без раций и имели задачу пробраться назад к своим не позднее 15–18 июня, явно для того, чтобы командование успело бы воспользоваться их сведениями»²⁷.

Эта деятельность и активный сбор разведданных принесли лишь смешанные результаты. Например, накануне 22 июня немцы обнаружили советские механизированные корпуса в Каунасской и Львовской областях — вероятно, благодаря своей существующей в этих областях превосходной агентурной сети. Однако на других участках немецкая разведка проморгала другие механизированные корпуса. В целом накануне вторжения немцы имели довольно точную картину размещения советских войск в западных приграничных военных округах и действительно переоценили их численность. Однако они не сумели обнаружить существование большинства механизированных корпусов — и совершенно неверно проанализировали советские мобилизационные возможности, недооценив общую численность Красной Армии и преуменьшив ее на 100 дивизий (см. Приложение Г).

Накануне и сразу после начала немецкого нападения агентов абвера в советских тылах сменили активные разведывательно-диверсионные группы немецкого полевого командования. В архивах советских соединений и частей полно донесений о

проводимой этими войсками опустошительной работе — главным образом против советских линий связи, снабжения и материально-технического обеспечения.

Рядом с этими донесениями о немецких военных намерениях и повышенной активности немецкой военной разведки стоят советские аналитические разборы немецких военных возможностей. Самые важные из них — это донесения о подготовке немцами нападения и о сосредоточении немецких войск у западных границ Советского Союза. Документы вновь говорят сами за себя. В начале 1940 года советские донесения отражали наращивание немецких войск в северной Европе и в районе Балтики. Летом 1940 года, после вторжения немцев в Норвегию и их побед на западе в мае-июне, сообщения о немецких приготовлениях на востоке появлялись как грибы после дождя и становились все более подробными и конкретными вплоть до начала операции «Барбаросса». В сентябре 1940 года комбриг Евстигнеев, начальник разведки Ленинградского военного округа, доложил о начале сосредоточения немецких войск на севере и о том, что в закрытой зоне вдоль советско-финской границы идет интенсивное дорожное строительство. В то же самое время полковник С. В. Бохин, начальник разведки Западного особого военного округа, доложил о нарастающем сосредоточении немецких войск на востоке Польши, а Брестский погранотряд получил сведения от беженцев, что в данный район прибыли новые части вермахта.²⁸ Сведения, полученные советской разведкой в декабре, включали и известие, что между 9-м и 14-м числами этого месяца вдоль польско-советской границы совершил поездку фельдмаршал Вальтер фон Браухич, командующий сухопутными войсками немецкой армии. Сопровождали его в поездке 30 старших офицеров, в том числе фельдмаршалы В. Лист и В. Рейхенау. За этой поездкой последовали усиленные инженерные приготовления в данном регионе — налаживалась связь, строились дороги, аэродромы и базы материально-технического обеспечения²⁹.

Эти донесения, как и информация, полученная от зарубежных агентов ГРУ, вызвали некоторую реакцию руководства Красной Армии. 20 марта 1941 года начальник Разведывательного Управления Красной Армии генерал-майор Ф.И. Голиков

представил Сталину подробный доклад, в котором на основе имеющейся разведывательной информации анализировались при-рода и цель явной перегруппировки немецких войск. По словам Жукова, в докладе говорилось:

«Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года: „...для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала фон Клейста — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая”.

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта, указывалось далее в докладе, немецкий майор заявил: „Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой...”*

* В этом месте из документа без отточия выпущено словосочетание «в Румынии». Следующая далее фраза о «хлебе, угле и нефти» явным образом имеет в виду первоочередное наступление на Украину и далее на Кавказ — в то время как главной задачей плана «Барбаросса» была Москва. Наконец, об Украине прямо говорится в выпущенном далее фрагменте текста: *«Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину».* Ошибочны также имена немецких командующих. В основном все искажающие смысл текста пропуски лежат на совести Жукова — однако хорошо демонстрируют, каким образом путем выбрасывания определенных фрагментов можно придать документу вид «невероятно точного анализа». (Прим. ред.)

Начало военных действий против СССР можно ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.»³⁰

Несмотря на этот невероятно точный анализ, Голиков, в полном соответствии с эпохой и подозрительной натурой Сталина, добавил к нему комментарии, которые сводили на нет всю ценность доклада и, по словам Жукова, «ввели в заблуждение Сталина». В завершение доклада он сделал такие выводы:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».³¹

Неясно, искренне ли так считал Голиков или же просто угрожал хорошо известным предвзятым мнениям Сталина. Однако совершенно очевидно, что число разведдонесений о продолжающемся сосредоточении немецких войск на востоке постоянно росло. В апреле* эти донесения начали множиться.

1 мая 1941 года Западный особый военный округ доложил, что против его позиций численность немецких войск достигла 28–29 дивизий, 7–8 танковых полков, 3–4 моторизованных дивизий, до 3 кавалерийских дивизий, до 5 саперных и до 3 авиационных воздушных полков. Схожие донесения из Киевского особого военного округа побудили Голикова составить более всесторонний анализ, который выглядел следующим образом:

* То есть одновременно с переброской части немецких сил на Балканы. (Прим. ред.)

«ОСОБЫЙ ДОКЛАД № 660477 от 5 мая 1941 г.

Относительно группировки немецких войск на востоке и юго-востоке на 5 мая 1941 г:

Общее количество немецких войск напротив СССР достигло на 5 мая 103–107 дивизий, включая 6 дивизий, дислоцированных в Данциге и в районе Познани. Из этого числа 23–24 дивизии находятся в Восточной Пруссии, 29 — напротив ЗОВД, 31–34 дивизии — напротив КВО, 4 дивизии — в Закарпатской Украине и 10–11 дивизий в Молдавии и Северной Добрудже. (Некоторые сведения о присутствии 18 немецких дивизий в Молдавии требуют подтверждения и должны быть проверены.)

В составе самих войск, сосредоточенных напротив СССР, следует обратить внимание на рост танковых войск с 9 дивизий на 25 апреля до 12 дивизий на 5 мая; моторизованных, включая моторизованную кавалерию, с 7 дивизий на 25 апреля до 8 дивизий на 5 мая; и горных [дивизий] с 2 дивизий на 25 апреля до 5 дивизий на 5 мая.

Все виды строительных работ производятся более интенсивно для подготовки театра военных действий. В протекторате Словакия и в Румынии построена вторая стратегическая железнодорожная линия, особенно ведущая с востока на запад.

Идет интенсивное строительство складов боеприпасов, горючего и других видов военного снабжения. Расширена сеть аэродромов и взлетно-посадочных полос.

Вдобавок на протяжении всей границы от Балтийского моря до Венгрии из прифронтовой зоны эвакуируется население.

Румынское правительство дало тайные инструкции об эвакуации из Молдавии баз и ценностей и фактически уже вывезло их. Нефтяные компании получили приказ о строительстве вокруг резервуаров с топливом бетонных стен.

Усилена подготовка противовоздушной обороны городов, строительство бомбоубежищ и пробной мобилизации.

Немецкими офицерами ведется усиленная разведка наших границ.

Из Вены докладывают, что призывают офицеров, знакомых с Галицией и Польшей.

На территории Чехии и Молдавии созданы резервные группы офицеров Верховного Командования из войск, освободившихся из Югославии. Одновременно восстановлена группировка общим числом в 10 дивизий, которая дислоцировалась там до войны с Югославией.

ВЫВОДЫ

1. За два месяца количество немецких дивизий в прифронтовой зоне напротив СССР увеличилось на 37 дивизий (со 70 до 107). Из этого числа количество танковых дивизий увеличилось с 6 до 12 дивизий. Вместе с румынской и венгерской армиями это составляет около 130 дивизий.

2. Необходимо рассчитывать на дальнейшее подкрепление немецких войск, сосредоточенных напротив СССР, за счет войск, освободившихся из Югославии, и их группировки в районе протектората [Словакии] и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее подкрепление немецких войск на территории Норвегии, группировки на севере Норвегии, которая в перспективе может быть брошена против СССР через Финляндию и по морю.

4. В настоящее время немецкие войска, доступные для боевых действий на Ближнем Востоке, равняются 40 дивизиям, из которых 25 находятся в Греции и 15 в Болгарии. С той же целью сосредоточено до 2 парашютных дивизий для вероятного использования в Ираке.

Начальник разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии [Голиков]»³².

Анализ Голикова, несомненно, побудил начальника Генерального штаба Жукова выдвинуть свое знаменитое теперь предложение от 15 мая нанести упреждающий удар против Гитлера. Однако данное предложение было, вероятно, лишь одним из многих,

сделанных в течение 1941 года. Оно хорошо вписывается в контекст советского стратегического планирования, в особенности опыта январских военно-штабных игр, и отвечает обязательной задаче Генерального штаба по прогнозированию и планированию на случай чрезвычайных обстоятельств.

Озаглавленный «Предложения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая» и подписанный совместно Тимошенко и Жуковым, этот документ начинался с заявления:

*«Учитывая, что Германия, в настоящее время мобилизует свои силы и тыловые службы, она имеет возможность предупредить наше сосредоточение и нанести неожиданный удар. Для того, чтобы избежать такой ситуации, я считаю, что необходимо не отдавать инициативу в руки немецкого командования, а предупредить вражеское сосредоточение и атаковать немецкую армию в тот момент, когда она находится в процессе концентрации и еще не успела организовать фронт и взаимодействие сил».*³³

Далее доклад обуславливал стратегические цели предлагаемой операции, которой предназначалось разгромить и уничтожить около 100 немецких дивизий, собираемых на востоке Польши³⁴. По подсчетам Жукова, атакующие советские войска в количестве 152 дивизий столкнутся с примерно 100 немецкими дивизиями.

Доклад Жукова предполагает следующие выводы. Во-первых, он подтверждает точность представленного 5 мая Голиковым анализа разведданных. Во-вторых, совершенно ясно, что сосредоточенных на 15 мая советских сил было недостаточно для проведения такого наступления. Вместе взятые Западный и Юго-Западный фронты насчитывали лишь около 102 дивизий. Стратегический второй эшелон и резервные войска тогда только начинали развертывание и прибыли бы в западные приграничные округа частями между началом июня и июлем. К тому моменту, когда было бы достигнуто требуемое Жуковым соотношение сил (к началу июля), численность немецких войск тоже возросла бы.

Жукову понадобилось бы 60 дней, чтобы достичь необходимого соотношения сил — но к тому времени, учитывая успешность немецкой разведки, противник определенно бы заметил советские приготовления и стал бы соответственно действовать. В-третьих и наиболее важных, как ясно указывают документальные свидетельства, Красная Армия была не в состоянии начать столь амбициозное наступление, и Сталин это знал. И, наконец сама история свела на нет важность этого зловещего исторического «что, если бы?» Немецкое нападение 22 июня сделало любые предполагаемые советские действия не имеющими ни малейшего значения.

Более того, несмотря на то, что теперь это предложение Жукова хорошо известно, нет никаких указаний, что Сталин когда-либо ознакомился с ним.* Учитывая же реакцию Сталина на существующую разведывательную информацию, сомнительно, чтобы он уделил этому докладу хоть какое-то внимание, даже если и читал его.

С середины мая по начало июня 1941 года немецкая разведка продолжалась по обе стороны границы, и ее деятельность была во многом замечена советской разведкой. 2 июня Брестский погранотряд доложил, что немецкие войска готовят понтоны, плоты и лодки на многих участках реки Западный Буг. В тот же день Главное управление пограничных войск НКВД доложило, что «80–88 пехотных дивизий, 13–15 моторизованных дивизий, 7 танковых дивизий и 65 артиллерийских полков и других частей» были сосредоточены поблизости от западной границы (в апреле и мае). Через три дня Управление получило информацию, что «почти ежедневно в Яссы, Ботошани и другие области прибывают 200 вагонов с боеприпасами, военным снабжением и продовольствием. Все припасы концентрируются вдоль железной дороги на временных полевых складах под навесом». Одновременно противник усиливается артиллерией и пулеметами

* По утверждению В. А. Анфилова, Г. К. Жуков рассказывал ему, как вместе с Тимошенко докладывал И. В. Сталину этот документ. По словам Жукова, Сталин «буквально вышел из себя: „Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать?“» (Прим. ред.)

вдоль всей границы с «полной организацией телефонной связи между батареями и командными и наблюдательными постами»³⁵.

Когда начались жаркие июньские дни, указания на скорое нападения умножились. К 10 июня были полностью отобилированы немецкие и финские войска вдоль советско-финской границы, а гражданское население переведено в тыл. 17 июня немецкие суда начали покидать советские порты, а на следующий день начали потоком поступать донесения об окончательном выдвижении немецких войск на исходные позиции для нападения вдоль всей границы. Жуков записал одну версию реакции Сталина на эти донесения:

«13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и настойчиво просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

И. В. Сталин сказал:

— Сейчас этого делать не следует, мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его.

— Ну, что? — спросил я.

— Велел завтра газеты читать, — раздраженно сказал С. К. Тимошенко и, поднявшись из-за стола, добавил: — Пойдем обедать.

*14 июня в нашей печати было опубликовано сообщение ТАСС. В нем говорилось, что распространяемые иностранной, особенно английской, печатью заявления о приближающейся войне между Советским Союзом и Германией не имеют никаких оснований, так как не только Советский Союз, но и Германия неуклонно соблюдают условия советско-германского договора о ненападении, и что, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на Советский Союз лишены всякой почвы.**

* Справедливости ради следует заметить, что в сообщении ТАСС прямо отмечался факт концентрации немецких войск у советской границы — а также сообщалось, что советское командование со-

Когда советский народ читал это оптимистическое сообщение ТАСС, фашистские генералы, собравшись в кабинете Гитлера, докладывали ему о полной готовности немецких войск к нападению на Советский Союз.

На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— С Германией у нас договор о ненападении, — сказал И. В. Сталин. — Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они, вместе взятые.

Нарком обороны С. К. Тимошенко попробовал возразить:

— Ну а если это все-таки случится? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.

— Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

Затем И. В. Сталин все же спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

средотачивает в приграничных округах войска для проведения ежегодных маневров. Для эзопова языка дипломатии это было более чем откровенное заявление. Генерал Галицкий, в то время командир 24-й стрелковой дивизии 3-й армии Западного фронта, писал в своих мемуарах: «Практического влияния на наши войска это сообщение не оказало, так как мы продолжали действовать в соответствии с указаниями командования и продолжали напряженную подготовку к отражению агрессии». Гм.: К. Н. Галицкий. Годы суровых испытаний. 1941–1944. М.: Наука, 1973, стр. 30.

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада. Из этого количества в составе:

Прибалтийского округа — 19 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные дивизии, 1 отдельная бригада;

Западного округа — 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские;

Киевского округа — 32 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские;

Одесского округа — 13 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные, 3 кавалерийские.

— Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, — сказал И. В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин, вспыхнув, сказал:

— Не во всем можно верить разведке...

Во время нашего разговора с И. В. Сталиным в кабинет вошел его секретарь А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит Н. С. Хрущев из Киева. И. В. Сталин взял трубку. Из ответов мы поняли, что разговор шел о сельском хозяйстве.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал И. В. Сталин.

Видимо, Н. С. Хрущев в радужных красках докладывал о хороших перспективах на урожай...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством».³⁶

Несмотря на оптимизм Сталина, тревожные сообщения практически со всех командных уровней неуклонно нарастали. 17 июня 93-й погранотряд доложил, что какой-то человек крикнул через границу: «К вам скоро пожалуют немцы». В тот же день перебежчик дал сведения, что в 04:00 утра 22 июня нацистские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы.³⁷

Совершенно секретный доклад разведки Прибалтийского особого военного округа, поступивший 18 июня от начальника разведотдела полковника Сафронова «командующим армиями и командирам корпусов, дивизий и бригад», открывает степень осведомленности советского командования о боевых диспозициях и наступательном настрое немцев. Этот пространный доклад, в частности, гласил:

«На 17.6.41 г. против Прибалтийского особого военного округа в полосе: слева — Сувалки, Ликк, Алленштайн и по глубине — Кенигсберг, Алленштайн установлено: штабов армий — 2, штабов армейских корпусов — 6, пехотных дивизий — 12, моторизованных дивизий — 5, бронетанковых дивизий — 1, танковых полков — 5 и до девяти отдельных танковых батальонов — всего не менее танковой дивизии, кавалерийских полков — 6–7, саперных батальонов — 17, самолетов — свыше 500.

Группировка и дислокация частей (карта 100 000):

в районе Мемель — штаб 291-й пехотной дивизии, 401-й и 610-й пехотные полки, два батальона 337-го пехотного полка, учебный батальон 213-го пехотного полка, 33, 61, 63-й артиллерийские дивизионы, до двух танковых батальонов, батальон тяжелых пулеметов, 48, 541-й саперные батальоны, 7-й полк морской пехоты, училище подводного плавания;

в Мельнрагген (7804) — зенитно-артиллерийский дивизион;

в Бахман (7610) — до артиллерийского дивизиона;

в Швеппельн (7212) — танковый батальон;

в Роокен (6420) — батальон 660-го пехотного полка;

в Шилутэ — штаб 5-й пехотной дивизии, штаб 161-й моторизованной дивизии, штабы 660-го, 22-го пехотных полков, один пехотный полк, дивизион противотанковых орудий, 208-й строительный батальон;

в Матцикен (3432) — артиллерийский дивизион 206-го артиллерийского полка;

в Лауджен (3638) — 520-й саперный батальон;

в Рус (3024) — батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;

в Вилляйкен (3030) — батальон 660-го пехотного полка;

в Ужлекнен (2632) — батальон 660-го пехотного полка;

в Клокен (1834) — батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;

в Кауккемен (1634) — штаб и батальон 14-го пехотного полка, саперная рота;*

в Тильзит — штабы 7-го армейского корпуса, 1-й пехотной дивизии, 290-й пехотной дивизии, 8-й моторизованной дивизии, 1-й кавалерийской бригады; 43, 45, 216, 213, 94, 501, 502, 503-й пехотные полки; штаб 469-го пехотного полка, батальон горнострелкового полка, 202, 204, 227, 206 и 210-й моторизованные полки, батальон 272-го моторизованного полка, 1-й и 2-й кавалерийские полки, 22-й тяжелый артиллерийский полк, 21-й легкий артиллерийский полк, 290-й артиллерийский полк, 61-й артиллерийский полк, артиллерийский дивизион 1-й кавалерийской бригады, 212-й танковый батальон, 101-й танковый батальон, батальон связи 7-го армейского корпуса, 610-й отдельный батальон связи, 52-й понтонный батальон, 552-й и 557-й моторизованные обозные батальоны;

в Погеген — 291-й моторизованный полк, батальон 350-го моторизованного полка, 116-й танковый батальон;

в Пиктупенен (1262) — штаб 350-го моторизованного полка, пехотный батальон, 511-й дивизион противотанковых орудий;

в Грезспелкен (1668) — до роты средних танков;

в Лаужжарген (2074) — батальон 214-го пехотного полка, до артиллерийского полка, штаб строительного участка;

в Велликишкен (1072) — пехотный батальон;

в Хайнрихсвальде (0042) — 44-й моторизованный полк;

в Ломпенен (0866) — 31-й артиллерийский дивизион противотанковых орудий;

* Здесь и далее подчеркнуты фрагменты, опущенные в оригинале книги. В круглых скобках указаны координаты по карте. (Прим. ред.)

в г. дв. Эристаль (1264) — штаб и артиллерийский дивизион 67-го артиллерийского полка;

в Рагнит (0062) — 3-й и 414-й саперные батальоны, артиллерийская батарея, мотоциклетная рота, 41-й запасный батальон;

в Куршен (9662) — 405-й пехотный полк;

в Шмалленингкен (0698) — пехотный батальон, саперная рота;

в Нойкирх (0442) — штаб 217-й пехотной дивизии; 9.6.41 г., кроме того, по данным Разведывательного управления [Генерального штаба Красной Армии], от Тильзита прибыло три танковых полка, три тяжелых артиллерийских полка и два моторизованных полка. По данным Разведывательного отдела, отмечены части 205-й пехотной дивизии и 20-й бронетанковой дивизии, два пехотных полка неустановленной нумерации, последние в лесу 1 км северо-западнее.

В районе Лазденен, Инстербург, Гольдап, Шталлупенен:

в Лазденен (9094) — батальон 41-го пехотного полка;

в Пилькален (7296) — штаб и два батальона 41-го пехотного полка, зенитно-артиллерийский полк, военный госпиталь, кавалерийский эскадрон;

в Шталлупенен — 214-й пехотный полк (без батальона), штаб строительного участка;

в Эйдткунен — два пехотных полка, батальон 214-го пехотного полка;

в Ширвиндт — пехотный полк;

в Гумбинен — штабы 12-го и 22-го армейских корпусов (требуют проверки), 16-й пехотной дивизии; конвойная дивизия, 27-й и 29-й пехотные полки, 6-й минометный полк, 206, 570, 113 и 32-й артиллерийские полки, 4-й полк противотанковых орудий, 25-й танковый полк, 206-й кавалерийский полк, 217-я разведывательная часть, 337-й караульный батальон, 46, 10, 501-й пехотные батальоны, 43-й запасный батальон, 16-я авиационная группа (70–100 самолетов);

в районе Сувалки, Сейны:

в Сувалки — штабы 34-й пехотной дивизии, 17-й и 37-й моторизованных дивизий; 254, 70, 103, 104, 134, 135 и 136-й

пехотные полки, штаб и батальон 115-го пехотного полка, 70-й минометный полк, 241-й артиллерийский полк, зенитно-артиллерийский полк (дан первично), 31-й полк СА, 18-й батальон связи, 608-й резервный батальон, до авиационной эскадрильи, три саперных батальона, штаб строительного участка;

в Сейны — штаб 26-й пехотной дивизии, 12-й пехотный полк, батальон 103-го пехотного полка, до одного танкового полка, 420-й минометный полк, до дивизиона противотанковых орудий, 110-й кавалерийский полк, самокатный батальон.

В Маргробово — штаб пехотной дивизии, пехотный полк, саперный батальон;

в Рачки (8416) — саперный батальон;

в лесу юго-Западнее Плоично (8428) — до пехотного полка;

в Новинка (7830) — батальон 176-го пехотного полка;

в Краснополь (0044) — до дивизиона противотанковых орудий, саперный батальон;

в Постовела (2020) — кавалерийский полк;

в Шиплишки (1634) — пехотный батальон, дивизион противотанковых орудий;

в Пуньск (1442) — 412-й моторизованный полк, пехотный батальон;

в Филипув (0506) — пехотный батальон, саперный батальон;

в Вижайны (2620) — 422-й моторизованный полк, 408-й саперный батальон;

в Бакалажево (9608) — саперный батальон;

в Гибы (9254) — пехотный батальон, до танкового батальона.

В районе Кенигсберг, Велау, Пиллау:

в Кенигсберг — штабы 18-й армии, 8-го армейского корпуса, 4-й и 43-й пехотных дивизий, 1-го воздушного округа; 201, 217, 110, 21 и 623-й пехотные полки; 1, 4 и 19-й артиллерийские полки, 47, 511 и 536-й артиллерийские полки (последние 3 требуют проверки), танковый полк;

в Пиллау — 231-й и 215-й полки морской зенитной артиллерии (данные требуют проверки), пехотный полк, 150 самолетов.

В районе Летцен, Алленштайн, Иоганнисбург (данные Разведывательного отдела Западного особого военного округа):

в Летцен — штаб армейского корпуса, 21-й танковый полк, 115-й пехотный полк, артиллерийский полк, кавалерийский полк;

в Ликк — штаб 14-й пехотной дивизии, 215-й пехотный полк, 37-й артиллерийский полк (по 14-й пехотной дивизии данные Разведывательного отдела Прибалтийского особого военного округа):

в Арис — штаб пехотной дивизии, 143-й и 151-й пехотные полки, 14-й артиллерийский полк;

в Растенбург — 56-й и 665-й пехотные полки;

в Бишофсбург — пехотный полк;

в Алленштайн — штаб 9-й армии, штабы армейского корпуса и 7-й пехотной дивизии; 301-й и 413-й пехотные полки, полк противотанковых орудий, 206-й артиллерийский полк.»³⁸

Имеющиеся в докладе подробности потрясают, но сама его точность потрясает еще больше.* К сожалению, точность эта

* Приведенные в докладе данные носят крайне неполный, неточный и исключительно фрагментарный характер. В нем утверждается, что от Мемеля до Сувалкинского выступа противник имел 2 армии, 6 корпусов, 12 пехотных и 5 моторизованных дивизий, а также 5 танковых полков и до 9 отдельных танковых батальонов, оцененных «всего не менее танковой дивизии». В действительности же здесь были сосредоточены силы 4 армий (считая 4-ю танковую группу) — 13 корпусов в составе 42 дивизий, в том числе 29 пехотных, 6 моторизованных и 7 танковых. Таким образом, силы противника докладом были занижены более чем в два (!) раза. Упомянутых в донесении 7-го армейского корпуса, а также 8-й, 17-й и 37-й моторизованных дивизий здесь не было, двух танковых батальонов в районе Мемеля также не было и быть не могло. (Прим. ред.)

уже не имела никакого значения. На основе этой сводки командующий Прибалтийским особым военным округом генерал Кузнецов приказал командующим своих 8-й и 11-й армий привести в боевую готовность театр военных действий округа, но на более высоких командных уровнях не было сделано ничего.*

К предупреждающим крикам добавили свои голоса и командиры уровнем ниже. Вечером 18 июня генерал-майор П. П. Богайчук, командир 125-й стрелковой дивизии, одной из дивизий первого эшелона Кузнецова, которая дислоцировалась по границе с Восточной Пруссией, прислал в штаб округа тревожные разведданные:

«По агентурным данным и сведениям, полученным от перебежчиков, немцы в последние дни сосредотачивают в районе Тильзита до семи дивизий, не считая войск, дислоцированных в районе Шилутэ. Часть этих войск подошла к границе. У них есть мото-механизированные дивизии.

С нашей стороны не были приняты меры, гарантирующие отражение нападения мото-механизированных частей, и немцам достаточно бросить в атаку один танковый батальон, чтобы захватить врасплох наш обороняющийся гарнизон.

Внутренние дозоры и патрули могут только предупредить части, но не обеспечить безопасность.

Участок передовых оборонительных позиций лишен гарнизона и не может остановить нападение немецких войск, а пограничные войска не могут вовремя предупредить полевые войска.

* Это не так. 18 июня командующие округами получили распоряжение о переводе войск в состояние боевой готовности, что послужило толчком к появлению ряда соответствующих приказов на уровне округов. Распоряжение, в частности, требовало перевести командные пункты округов на заранее оборудованные КП ближе к границе. Штабы Прибалтийского и Киевского округов этот приказ выполнили, однако штаб Западного фронта так и остался в Минске — что послужило главной причиной утраты его связи с войсками в первый день войны. (Прим. ред.)

Участок передовых оборонительных позиций дивизии расположен ближе к государственной границе, чем части дивизии, и без подготовительных мер для выигрыша времени они будут захвачены противником раньше, чем туда придут наши войска»³⁹.

Расстроенный командир дивизии просил разрешения повысить боеготовность своих соединений, но Кузнецов мог самое большее приказать Богайчуку *«завершить работы на передовых оборонительных позициях»*, но *«занять передовые оборонительные позиции только в случае нарушения границы противником»*. Требуя от Богайчука повысить боеготовность дивизии, Кузнецов в то же время предупреждал его *«обратить особое внимание на то, чтобы не создать провокации и паники в наших частях... Делать все бесшумно, твердо и осторожно. Все командиры и политработники [должны] трезво оценивать обстановку»*. А вслед за тем Кузнецов распорядился принять меры, которые явно выходили за рамки его инструкций, приказывая всем дивизиям:

«4. Разместить минные поля по плану командующего армией там, где они должны быть установлены по плану обороны. Обратить внимание на полную секретность для противника и оргакнизацию охранение наших частей. Создать надолбы и другие противотанковые и противопехотные препятствия по плану командующего армией, а также по плану обороны.

5. Штабам армий, корпусов и дивизий быть на своих КП, которые под ответственность командира будут обеспечены противотанковой защитой.

6. Наши части передового развертывания должны войти в прикрываемый ими район. Учесть частые пролеты над местностью немецких самолетов.

7. Продолжить срочное снабжение частей боеприпасами и другими видами довольствия.

Настойчиво работать над сколоченностью подразделений на марше и на месте».⁴⁰

Вскоре после этого в состязание предупреждающих подчиненные соединения вступил и командующий 8-й армией генерал-майор П. П. Собенников, написав несколько противоречиво:

«(1) Еще раз подтверждаю, что части не занимают боевые позиции на участке передовой обороны. Части стоят за позициями в боевой готовности, ведя в то же время работы по укреплению обороны.

*(2) Соорудить противотанковые препятствия так, чтобы они были незаметны с границы».*⁴¹

Хотя Прибалтийский особый военный округ принял минимальные меры предосторожности, командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц объявил, что

*«...части Балтийского флота были приведены в боевую готовность 19.6.41 в соответствии с Планом № 2, были развернуты командные пункты и усилены сторожевые дозоры в горле Финского залива и Ирбенских проливах»*⁴².

Ближе к вечеру 20 июня начальник штаба 11-й армии генерал-майор И. Т. Шлемин отправил в штаб округа еще одно тревожное разведывательное донесение:

«Задержанный в ночь на 20.6.41 г. перебежчик из 13-й роты 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии сообщил, что его рота расположена в Пишеросле (рота тяжелых 150-мм пушек). В конце мая 6-я пехотная дивизия была передислоцирована эшелонами из Парижа в район Сувалок и выгружена в 180 километрах от Пишеросля.

В Сувалках, по словам перебежчика, сосредоточено большое количество сил. Все войска начали выдвижение к границе.

Пехотные части расположены в 5 километрах от границы, артиллерия готова к открытию огня, но никаких крупных танковых частей перебежчик не видел.

Перебежчик сообщил, что немецкие войска не роют близ границы окопов, думая идти в наступление. По словам пере-

*бежчика, военные действия начнутся через 8–10 дней. Уже два месяца офицеры ведут пропаганду среди солдат, объясняя, что СССР является главным врагом Германии. Пятьдесят процентов солдат против войны».*⁴³

На следующий день (21 июня), заместитель начальника войск ПВО округа полковник Карлин, по указанию Кузнецова, отдал приказ:

*«Начиная с сегодняшней ночи и вплоть до особого распоряжения в гарнизонах и местах расположения войск соблюдать светомаскировку. Обеспечить транспорт светомаскировочной аппаратурой. Организовать твердый контроль над соблюдением светомаскировки. Обратить особое внимание на состояние маскировки войск и техники от наблюдения с воздуха»*⁴⁴.

В то время как Кузнецов санкционировал эти дополнительные меры, поступали дальнейшие донесения. В документах Прибалтийского особого военного округа за 21 июня указывалось, что «среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии ходят слухи, что расположенные в Восточной Пруссии войска получили приказ занять исходные позиции для наступления». Эти документы также сообщали о завершении строительства понтонных мостов через Неман и о том, что 21 июня командир взвода лейтенант Шульц объяснил солдатам во время учений, что нападение на Советский Союз произойдет на рассвете 22 июня⁴⁵.

Последняя предшествующая нападению немцев разведывательная сводка Прибалтийского особого военного округа, подготовленная 21 июня в 20:00, давала подробную, четкую и пугающую картину готовности противника к нападению. Она хладнокровно отмечала немецкие войска, сосредоточенные на главных направлениях в округ, но не выносила никакого открытого суждения о намерениях немцев⁴⁶. Однако направленная начальнику Генерального штаба Жукову сопровождающая оперативная сводка отмечала:

*«Части и соединения Прибалтийского особого военного округа в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвигнув к государственной границе отдельные части и соединения для наблюдения за противником. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы».*⁴⁷

Вскоре после этого Кузнецов снова превысил свои полномочия, приказав принять новые подготовительные меры. В 21:35 его начальник политотдела Рябчий выпустил директиву:

*«Обстановка требует от частей полной боевой готовности. Всеми возможными средствами разяснять личному составу осложнившееся международное положение, чреватое всевозможными неожиданностями. Все действия командиров и политработников должны быть ориентированы к полному выполнению задач и повышению боеготовности войск. Боевая подготовка не должна прекращаться ни на миг».*⁴⁸

Менее чем через час начальник штаба 8-й армии генерал-майор Ларионов дал войскам армии такие указания:

«В целях ускоренного приведения в боевую готовность театра военных действий командующий 8-й армии приказывает:

*1. Быстро собрать подручные средства (плоты, баржи и т.п.) для строительства переправы через Дубиссу...»*⁴⁹

Среди этого все более напряженного потока сообщений из штаба округа в 03:45 22 июня пришла шифровка в 27-ю армию гласившая: *«С немецкой стороны могут быть действия небольших групп, нарушающих нашу границу. Не поддавайтесь на провокации»*⁵⁰.

Южнее Прибалтики шел схожий поток сообщений. 20 июня Западный особый военный округ получил донесение, что «на

границе появились подразделения полевых войск с ручными пулеметами». И в тот же день

«...вблизи от пограничных столбов № 300 и 301 немецкие солдаты написали на песчаном берегу реки Буг „СССР“, а потом зачеркнули буквы, топчя их сапогами и угрожая оружием несущим там службу нашим пограничникам»⁵¹.

Накануне «Барбароссы»

Генеральный штаб не остался совершенно равнодушен к этим предупреждениям. Натываясь на твердое сопротивление Сталина любым мерам, которые могли бы спровоцировать немцев, он и сам предпринял некоторые действия для улучшения боеготовности — но они бледнели по сравнению с нависшей угрозой. Например, 19 июня Жуков и его помощники убедили Тимошенко отдать приказ, требующий более тщательно маскировать аэродромы. Однако эти меры должны были быть завершены к 1–15 июля⁵².

Поздним вечером 21 июня разведывательная информация заставила заволноваться даже спокойного Жукова, и он настоял на обсуждении этого вопроса со Сталиным:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни

стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи»⁵³.

Эта директива гласила:

«ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ № 1.

*Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.
Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.*

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО,

ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

*Тимошенко. Жуков».*⁵⁴

Ватутин забрал директиву в Генштаб, который затем передал ее в военные округа. Зашифровка и передача завершились в 00:30 утра 22 июня 1941 года. Западный особый военный округ получил директиву в 00:45 утра и отправил ее подчиненным штабам между 02:25 и 02:35 утра⁵⁵. Промежуточное время ушло на расшифровку передачи.

Следующие далее записи, занесенные в журнал боевых действий Западного фронта за 22 июня 1941 года заместителем начальника штаба Западного фронта Маландиным, объясняют последовательность событий от получения послания до начала военных действий:

«Около 01:00 ночи получено шифрованное сообщение из Москвы с приказом об ускоренном приведении войск в боевую готовность на случай ожидаемого утром нападения Германии.

Приблизительно в 02:00–02:30 ночи был подготовлен аналогичный шифрованный приказ армиям и частям УР [укрепрайонов], приказывающий им быстро занять укрепрайоны. По получении сигнала „Гроза” ввести в действие „Красный пакет”, в котором содержался план прикрытия государственных границ.

Как оказалось, шифрованные сообщения из штаба округа были получены штабами армий слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать приказ и отдать некоторые распоряжения, но 10-я армия расшифровала предупреждение уже после начала военных действий...

В 04:00 утра 22.6, в штаб округа начали постоянно поступать сообщения о бомбежках, главным образом по каналам ПВО.

В 04:00 утра 22.6 немецкие части открыли огонь по нашим войскам стоящим у границы. В 05:00 [они] перешли в наступление по всему фронту.

Две эскадрильи немецких самолетов бомбили Гродно.

В 04:00 подвергся бомбардировке Брест.

Наша ИА [истребительная авиация] вступила в бой в районе Гродно.

04:25 — Лида подвергнута бомбардировке двумя группами самолетов (в первой два самолета, во второй — три).

04:30 — один самолет бомбил Волковыск.

В 04:30 прервалась телефонная связь с 3-й, 10-й и 4-й армиями.

По донесениям ПВО:

В 04:00–04:30, был уничтожен пост роты ПВО в Бельске, и они понесли потери.

04:30 — бомбили аэродром в Борисовщине (Волковыск).

06:37 — один ДО-17 бомбил Лиду и сбросил пять бомб с большой высоты. Бомбы упали на город. В Лиде был уничтожен пассажирский поезд».⁵⁶

Оценка советской разведки в июне 1941 года

Огромное количество недавно обнаруженных разведывательных материалов свидетельствует об эффективности советской

довоенной разведки. И что еще важнее, они вне всяких сомнений доказывают, что советские военные и политические руководители, так же, как многие нижестоящие фигуры в иерархии командования, хорошо знали о немецких приготовлениях к нападению. Разведка дала адекватную картину этих приготовлений, равно как и сильные указания агрессивных намерений немцев. Однако нет уверенности в том, до какой степени советское военное и политическое руководство усвоило и восприняло эти сведения разведки.

В спор вступили ключевые военные фигуры того времени. Тогдашний начальник Генерального штаба Жуков несколько глуховато критиковал в своих воспоминаниях Сталина и возлагал долю вины на его плечи:

*«В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом».*⁵⁷

Жуков отмечал угодничество перед Сталиным его начальника разведки Голикова в том известном мартовском докладе, заявляя: *«К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы определенно и авторитетно ориентировать высшее руководство»*⁵⁸.

Василевский комментировал провалы 1941 года более странно. Позже он заметил: *«Партия видела приближение войны и предпринимала максимум усилий, чтобы оттянуть сроки вступления в нее Советского Союза».* Однако Василевский делал вывод, что *«Сталин, стремясь оттянуть сроки войны, переоценивал возможности дипломатии в решении этой задачи».* По существу, столкнувшись с необходимостью решить, действовать или не действовать, *«Сталин не смог вовремя принять такого решения, [и это] является его серьезнейшим политическим просчетом»*⁵⁹. Василевский также критиковал аналитические материалы закордонной разведки — которые, по его утверждениям,

зачастую не совпадали с аналитическими материалами военных разведчиков:

*«В чем причины столь крупного просчета этого опытного и дальновидного государственного деятеля? Прежде всего в том, что наши разведорганы... не смогли в полной мере объективно оценивать поступающую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, по-партийному, докладывать ее И. В. Сталину... в этом, видимо, сыграла свою роль и некоторая обособленность разведуправления от аппарата Генштаба. Начальник разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведанных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г. К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации... он, наверное, смог бы делать более точные выводы из нее и более авторитетно представлять эти выводы И. В. Сталину».*⁶⁰

В этом суждении Василевский перекликается с критикой Тимошенко по адресу советской разведки, когда он в мае 1940 года занял пост наркома обороны:

«Вопросы организации разведки являются наиболее слабым участком в работе Наркомата Обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Отрыв развед. работы от Генерального Штаба и непосредственное подчинение ее Наркому Обороны привели к слабому руководству разведывательной службой.

Наркомат Обороны не имеет в лице Разведывательного Управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий.

*К моменту приема Наркомат Обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены».*⁶¹

Эта разъединенность разведывательных органов политических властей и разведорганов, подчиненных Наркомату обороны, была естественным побочным продуктом периода чисток. Во время чисток разведслужбы, в особенности НКВД, обвиняли руководство Красной Армии в изменническом сговоре с иностранными разведслужбами. После этого Сталин держал разведку под своим контролем, а военная разведка (ГРУ) работала под полным контролем НКВД. Поэтому военные имели доступ только к информации, поступившей по военно-полевым каналам (и, вероятно, не к информации ГРУ).

Как указывал Тимошенко, в сборе разведданных присутствовали также и явные системные трудности, которые продолжались и после процитированного выше потока донесений. Воздушная разведка, которая теоретически считалась наиболее важным средством сбора информации о противнике, была отлажена слабо. В июне 1941 года в составе Красной Армии имелось 10 полков разведывательной авиации и две отдельных эскадрильи, насчитывающих в целом 387 самолетов, что составляло лишь один процент общего авиапарка Красной Армии.⁶² Экипажи были плохо подготовлены и налетали всего по пять часов. Программы ускоренной подготовки после 1 мая мало в чем исправили это тяжелое положение — да и не могли исправить ввиду политических запретов на воздушную активность, связанных со сталинским страхом спровоцировать немцев.*

За определение состава и расположения неприятельских войск отвечала особая разведка, которая включала в себя разведывательные меры всех войск. Однако:

«...координация усилий в организации ведения разведки в масштабах фронта и армии не предусматривалось. Отсутствие единого органа, способного обеспечить организованное

* Не совсем понятно, что предлагает автор. Массово посылать самолеты-разведчики на немецкую сторону? Но в этом случае противник будет их безнаказанно сбивать или принуждать к посадке на своих аэродромах — а нам слать ноты протеста по поводу нарушений границы. (Прим. ред.)

*ведение фронтовой разведки, не позволяло полностью подчинить возможности особой разведки сбору сведений в интересах концепции наступательной операции».*⁶³

Занимавшиеся этим организации тоже были недостаточно обучены и оснащены, а работающий в них личный состав плохо подготовлен.

Несмотря на эти структурные трудности в сборе и обработке разведанных, полученная советскими разведорганами в 1941 году фактическая информация давала достаточную основу для точной оценки наступательных возможностей и агрессивных намерений Германии.* Вместо того, чтобы ссылаться на «объективные» причины явной неудачи советской разведки, следует скорее обратить внимание на причины субъективные. Главными среди них были позиция и психология Сталина, его доминирующее положение и запугивание им всех прочих лиц и органов Главного Командования, словом — воплощаемая им природа советской системы.

Ключевые военные фигуры, такие, как Жуков и Василевский, пытавшиеся понять мотивы, которыми руководствовался в своих рассуждениях Сталин в те напряженные дни перед 22 июня, относят его бездействие на счет политических соображений, переоценки им возможностей дипломатии, нерешительности и страха предполагаемой дезинформации. Более недавние критики расширили этот анализ, охватив и индивидуальные психоло-

* Даже из приведенных документов видно, что советская разведка — в первую очередь по причине активных контрдействий противника — не дала целостной картины подготовки Германии к войне, ошибочно определила темпы сосредоточения немецких войск, существенно занизила их численность и просчиталась с направлением главного удара. Сейчас уже можно констатировать, что наиболее адекватно отражали реальность сообщения Зорге — но они представляли собой аналитические сводки, перерабатывавшие информацию из множества источников, зачастую полученную весьма окольным путем. Оперативной информации и конкретных фактов Зорге, находящийся на другом конце земного шара, дать по определению не мог. (Прим. ред.)

гические особенности. Как заметил биограф Сталина Д. А. Волкогонов:

«Чтобы лучше понять драму тех последних предвоенных часов, нужно еще раз обратиться к личным качествам Сталина. О многих из них речь уже шла. Теперь следует сказать и о таком, как осторожность. Конечно, Сталину было не занимать смелости и решительности при принятии обычных решений. Но в больших делах он был до предела осмотрителен...

В отношениях с Гитлером его сверхосторожность в конце концов дала обратные результаты. Фактически в большой политической игре Гитлер перехитрил Сталина. Осторожность Сталина диктовалось не только пониманием им последствий „преждевременной“ войны, но и в определенном смысле большой внутренней неуверенностью. СССР был один на один с капиталистическим миром. Любой неосторожный шаг мог привести к непоправимым последствиям. Эта мысль не могла не дозветь над сознанием Сталина в моменты принятия ответственных государственных решений.

Сталин так настойчиво боролся с возможностью „провокаций“, что это заметили в Берлине и сделали соответствующие выводы. Его осторожность, отсутствие должной реакции на многочисленные нарушения Германией заключенных договоренностей, подчеркнутая лояльность — вот что действительно подталкивало Гитлера, наглевшего день ото дня, убеждало его в слабости СССР. Например, по указанию Сталина в июне советским войскам западных округов было отдано дополнительное распоряжение: не применять оружия против германских самолетов, нарушавших границы СССР. Одновременно была передана аналогичная директива и пограничникам. Немцы это сразу заметили. Осторожность — качество, необходимое политику, — превратилась в нерешительность и перестраховку, питаемые маниакальной уверенностью в исполнении собственного желания не допустить войны. В конце концов это привело к непоправимому...»⁶⁴

Среди многих возможных объяснений поведения Сталина будет разумным предположить, что Сталин понимал весь масштаб указаний и предупреждений разведки о грядущей войне и представлял, что именно должно произойти. Но одновременно с этим он не осознавал остроты угрозы и масштабов грядущего нападения немцев. Это может объяснить широкую советскую частичную мобилизацию и запрет на схожие меры в приграничных областях.*

Еще одно возможное объяснение состоит в том, что Сталин хорошо понимал, что война неизбежна, но считал, что ее можно оттянуть до 1942 года, когда программа военных реформ будет завершена. Активные обманные действия немцев, последующие немецкие операции на Балканах, и откладывание «Барбароссы» до конца июня могли поспособствовать этому заблуждению. Усилившиеся указания на грядущее вторжение в июне по идее должны были вывести Сталина из этого заблуждения — но вставшему однажды на путь оттяжки Сталину было бы трудно изменить свои неверные представления.

И наконец, у нас есть столь четко описанный Волкогоновым психологический портрет Сталина. Многочисленные примеры предшествующего поведения Сталина (в особенности установ-

* Иных мер до начала войны (или без уверенности, что она начнется в ближайшие дни) предпринять было нельзя — советская экономика и так уже работала в критическом режиме, социальные программы были урезаны до минимума, а заводские рабочие практически переведены едва ли не на казарменное положение. Начало полной мобилизации (с неизбежным вырыванием мужчин из производства и перегрузкой железных дорог военными эшелонами) привело бы к резкому снижению производства и ухудшению продовольственного снабжения населения крупных городов, и без того сокращенному до минимума. В отсутствии войны с ее мобилизующим воздействием и моральным оправданием дальнейшего ухудшения жизни такие действия могли вызвать надлом экономики и социальный взрыв. Можно анализировать «люфт», оставшийся до этого взрыва, или высчитывать, насколько еще удалось бы «затянуть гайки» — но тогда политическое руководство страны такой возможности не имело и вынуждено было выбирать между двумя опасностями. (Прим. ред.)

ление им атмосферы «перманентных» чисток) ясно свидетельствуют о его острой паранойе. И это, наряду с обычной склонностью любого тирана к вере в собственную непогрешимость, создало смертоносное сочетание подозрительности и слепоты, которое и вызвало его с виду «иррациональное» поведение в 1941 году.

Но гораздо важнее, что Сталин персонифицировал созданную им систему. Его слабости и неудачи были, по существу, слабостями и неудачами коммунистической партии. А партия, в свою очередь, воплощала страну и все ее институты. Когда терпела неудачу одна структура, ее терпели все. В этом смысле в неспособности Сталина внять предупреждениям разведки о надвигающейся войне и неподготовленности Красной Армии к войне в июне 1941 года были виноваты как партия, так и ее вождь.*

* На фоне реальности Второй мировой войны эти рассуждения автора выглядят несколько странно: получается, что при отсутствии «организующей и направляющей силы» за катастрофические поражения вроде Греции и Крита, Перл-Харбора и Филиппин, Малайи и Сингапура не несет ответственности никто. (*Прим. ред.*)

ВЫВОДЫ

С середины 1930-х годов советское правительство остро осознавало ухудшающееся положение с безопасностью в Европе и Азии и возможность всеобщей войны. Опыт ясно указывал, что если разразится война, то, учитывая конечные цели главных хищных держав мира, нацистской Германии и милитаристской Японии, основной их мишенью вполне могло стать советское государство.

История Гражданской войны, интервенция Антанты, явная идеологическая ненависть стран Запада по отношению к новому большевистскому советскому государству во время его формирования, а фашистских государств — в 1930-е годы, лишь подкрепляли опасения Советов. Короче говоря, паранойя советского режима была большей частью вполне понятна.

Растущее осознание Советами надвигающихся внешних угроз и их искренняя вера в свою историческую миссию настоятельно побуждали Советы увеличить численность своих вооруженных сил и попытаться повысить их боевую готовность. После 1935 года рост военной мощи Советов стал реальностью, а цели их программы перевооружения не вызывали сомнений. Советский Союз стремился стать ведущей военной державой — если не в мире, то в Европе. Хотя конечная цель советских военных реформ может служить предметом споров, совершенно ясно, что военная мощь, коль скоро она создана, тяготеет к применению. Словно для того, чтобы подчеркнуть этот исторический принцип,

Советский Союз — независимо от того, оправданно он это делал или нет — применил свою военную мощь в 1939 году в Польше и против Японии, потом в том же году против Финляндии, а в 1940 году — против Румынии и против прибалтийских государств.

Тот факт, что внутреннее политическое развитие в Советском Союзе, а особенно чистки в среде военных, отрицательно повлияли на военную экспансию и программу реформ и что советские зарубежные военные предприятия зачастую заканчивались позорными почти поражениями, не изменил ни характера советских военных приготовлений, ни преобладающего в некоторых кругах за рубежом мнения, что Советский Союз становится глобальной военной угрозой. Более того, именно военные неудачи, наряду с ошеломляющими немецкими военными успехами, еще больше подстегнули советскую паранойю и идущую полным ходом программу перевооружения.

В 1939 и 1940 годах увеличение советских вооруженных сил ускорилось, а в 1941 году стало едва ли не горячечным. Однако советские военные работы того времени и архивные материалы ясно показывают, что к этому времени движущей силой этих действий был скорее страх, нежели агрессивные намерения в отношении кого-либо. Особенно откровенными были советские военные анализы, появлявшиеся на страницах открытых и закрытых военных журналов — в частности, таких изданий, как «Военная мысль» и «Военно-исторический журнал»¹. Они демонстрировали ясное осознание Советами превосходства немецкой военной силы, острое осознание растущей угрозы и несомненное понимание, что советские вооруженные силы ни в коей мере не дотягивают до стандартов немецких вооруженных сил — ни в смысле оснащенности, ни в смысле эффективности.

Учитывая это понимание, никак нельзя считать случайным совпадением то, что многие из статей, появлявшихся в упомянутых журналах в 1940 и 1941 годах, явно посвящены оборонительной тематике. Короче говоря, советские военные теоретики понимали, что именно может произойти с советскими вооруженными силами и с советским государством, если разразится

война с нацистской Германией. Политики, в том числе и Сталин, тоже осознавали это.

Это понимание создало необходимый контекст для всего, что произошло на дипломатической и военной арене в 1940 и 1941 годах. По крайней мере, оно объясняет масштаб разворачивающихся тогда программ советских военных реформ и ту поспешность, с которой они проводились. К несчастью для Советского Союза, понимание текущих угроз и последовавшая за ним программа всеобщего и полного перевооружения все-таки не подготовили советские вооруженные силы к войне адекватным образом.

К июню 1941 году Красная Армия была по всем меркам самой большой и самой сложной боевой силой в мире. Свыше 5 миллионов человек уже находилось под ружьем и еще большее количество мобилизовалось. В ее составе насчитывалось больше армий, корпусов и дивизий, чем у всех ее вероятных противников, вместе взятых; ее самолетный, танковый и артиллерийский парки были огромными, у нее имелись самые крупные механизированные, кавалерийские и воздушно-десантные войска в мире, а ее мобилизационный потенциал, хотя за границей его и недооценивали, производил не менее сильное впечатление. Более того, все это воинство явно реформировалось для улучшения его боевой эффективности. Сторонние наблюдатели, такие, как Германия, едва ли могли оставить без внимания конечные последствия успешного завершения реформ Красной Армии.

Однако советское военное и политическое руководство, так же, как и наблюдательные военные руководители за рубежом (в особенности немцы), понимали, что советский военный колосс страдает серьезными изъянами. Главный недостаток заключался в природе самого Советского Союза. Его огромные географические просторы, громадное, но разнородное население, неразвитая экономическая и коммуникационная инфраструктура и отсталая технологическая база крайне осложняли жизнь составителям советских военных планов. Огромный советский «крестьянский тыл» в значительной степени ограничивал безжалостную политическую эффективность советского государства и

в краткосрочном плане подрывал способность государства противостать молниеносной войне.

Во время войн конца 1930-х годов эти реалии стали достаточно ясны и советскому руководству, и его потенциальным противникам. Сами Советы испытали шок при виде военных потерь в 250 000 бойцов, понесенных ими годом раньше в Финляндии². Гнетущее впечатление оставили действия в боевой обстановке, продемонстрированные советскими войсками во время похода в восточную часть Польши. Советское военное руководство прекрасно осознавало скрытые изъяны, проявившиеся даже в успешной операции против японцев на Халхин-Голе. Оно отлично знало о состоянии своих полевых войск и стратегических резервов, о текучести среди командного состава, о нехватке подготовленных кадров, вооружений, средств связи, машин и материально-технического обеспечения. Та поспешность, с которой была запущена программа военных реформ, подчеркивала понимание неготовности Красной Армии к войне.

Советское руководство также знало, что необходимое для реформ время позволяло добиться полной боеспособности Красной Армии лишь к лету 1942 года. И самое главное — оно понимало и страшилось боевых возможностей немецкой армии и тех политических сил, которые неуклонно толкали немцев к дальнейшим завоеваниям. Было совершенно ясно, что рано или поздно немцы двинутся на восток. Это понимание создало ясный контекст для кажущихся иррациональными советских дипломатических и военных действий с 1939 года по лето 1941-го. И это также объясняло кажущуюся иррациональной реакцию Сталина и советского политического и военного руководства на предоставленные разведкой весной 1941 года ясные указания на близость войны.

Словом, советское политическое и военное руководство считало, что в июне 1941 года Красная Армия была еще не готова к войне — и действовало соответственно. Как показали последующие события, ситуацию оно понимало правильно. К 1 сентября 1941 года, после менее чем трех месяцев войны, Красная Армия потеряла свыше 2,8 миллионов бойцов — половину своей численности на июнь 1941 года. К концу года война поглоти-

ла почти 4,5 миллиона бойцов — почти всю численность Красной Армии на 22 июня 1941 года.³

Эти ошеломляющие потери подчеркивали суровую действительность: в 1941 году Красная Армия была страшно не подготовлена к войне. Однако в конечном счете советская мобилизационная система, способность Красной Армии к самообучению в ходе войны и кажущаяся неограниченной способность солдата и страны выносить страдания спасли советское государство и обеспечили ему окончательную победу.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

БОЕВОЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ С 22 ИЮНЯ ПО 1 АВГУСТА 1941Г

Июнь 1941 года

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
Северный фронт		Московский ВО
7-я АРМИЯ		41 СК
54 сд		118 сд
71 сд		235 сд
168 сд		
237 сд		Орловский ВО
14-я АРМИЯ		30 СК
42 СК		19 сд
104 сд		149 сд
122 сд		217 сд
14 сд		33 СК
52 сд		89 сд
1 тд		120 сд
23-я АРМИЯ		145 сд
19 СК		222 сд
115 сд		23 МК
142 сд		48 тд
50 СК		51 тд
43 сд		220 мд
70 сд		

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
123 сд		Харьковский МО
10 МК		2 ВДК
21 тд		2 вдбр
24 тд		3 вдбр
198 мд		4 вдбр
		214 сд
Силы фронта		18 АРМИЯ (штаб-квартира)
1 МК		
3 тд		
163 мд		
177 сд		
191 сд		Северо-Кавказский ВО
8 сбр		64 СК
		165 сд
Северо-Западный фронт		175 сд
8-я АРМИЯ		28 гсд
10 СК		157 сд
10 сд		
48 сд		Одесский ВО
90 сд		7СК
11 СК		116 сд
11 сд		196 сд
125 сд		206 сд
12 МК		9СК
23 тд		106 сд
28 тд		156 сд
202 мд		32 кд
11-я АРМИЯ		147 сд
16 СК		3 ВДК
5сд		5 вдбр
33 сд		6 вдбр
188 сд		212 вдбр
29 СК		
179 сд		Закавказский ВО
181 сд		3 СК
23 сд		4 сд

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
126 сд		20 гсд
128 сд		47 гсд
3 МК		23 СК
2 тд		136 сд
5 тд		138 гсд
84 мд		40 СК
27-я АРМИЯ		9 гсд
22 СК		31 сд
180 сд		63 гсд
183 сд		76 гсд
24 СК		77 гсд
181 сд		17 гсд
183 сд		24 кд
16 сд		28 МК
67 сд	24-я АРМИЯ	6 тд
3 сбр	52 СК	54 тд
Силы фронта	91 сд	236 мд
65 СК (штаб)	119 сд	
5 ВДК	166 сд	
9 вдбр	53 СК	Среднеазиатский ВО
10 вдбр	107 сд	58 СК
201 вдбр	133 сд	68 сд
	178 сд	83 сд
Западный фронт		194 сд
3-я АРМИЯ	22-я АРМИЯ	238 сд
4 СК	51 СК	27 МК
27 сд	98 сд	9 тд
56 сд	112 сд	53 тд
85 сд	153 сд	221 мд
11 МК	62 СК	4 КК
29 тд	170 сд	18 гсд
33 тд	174 сд	20 гсд
204 мд	186 сд	21 гсд
4-я АРМИЯ	21-я АРМИЯ	
28 СК	63 СК	Архангельский ВО
6 сд	53 сд	88 сд
49 сд	148 сд	11 сд

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
42 сд	167 сд	Забайкальский ВО 17-я АРМИЯ 36 мсд 57 мсд 57 тд 61 тд 82 мд 12 СК 65 сд 94 сд 93 сд 114 сд
75 сд	66 СК	
14 МК	61 сд	
22 тд	117 сд	
30 тд	154 сд	
205 мд	25 МК	
10-я АРМИЯ	50 тд	
1 СК	55 тд	
2 сд	219 мд	
8 сд	20-я АРМИЯ	
5 СК	61 СК	
13 сд	110 сд	
85 сд	144 сд	
113 сд	172 сд	
6 МК	69 СК	Дальневосточный фронт 1-я АРМИЯ 26 СК 21 сд 22 сд 26 сд 59 СК 39 сд 59 сд 1 сбр 4сбр 5сбр 8 кд 30 МК 58 тд 60 тд 239 мд 2-я АРМИЯ 3 сд 12 сд 59 тд 69 мд
4 тд	73 сд	
7 тд	229 сд	
29 мд	233 сд	
13 МК	18 сд	
25 тд	7 МК	
31 тд	14 тд	
208 мд	18 тд	
6 КК	1 мд	
6 кд		
36 кд	20 СК	
155 сд	137 сд	
Силы фронта	160 сд	
2 СК	45 СК	
100 сд	187 сд	
161 сд	227 сд	
21 СК	232 сд	
17 сд	67 СК	
24 сд	102 сд	
37 сд	132 сд	
44 СК	151 сд	
64 сд	21 МК	

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
108 сд	42 тд	15-я АРМИЯ
47 СК	46 тд	18 СК
55 сд	185 мд	34 сд
121 сд		202 вдбр
143 сд		25-я АРМИЯ
50 сд		39 СК
4 ВДК		32 сд
7 вдбр		40 сд
8 вдбр		92 сд
214 вдбр		105 сд
17 МК		Силы фронта
27 тд		Специальный СК
36 тд		79 сд
209 мд		101 гсд
20 МК		35 сд
26 тд		66 сд
38 тд		78 сд
210 мд		
13-я АРМИЯ (штаб)		
Юго-Западный фронт		
5-я АРМИЯ	16-я АРМИЯ	
15 СК	32 СК	
45 сд	46 сд	
62 сд	152 сд	
27 СК	5 МК	
87 сд	13 тд	
124 сд	17 тд	
135 сд	109 мд	
9 МК	19-я АРМИЯ	
20 тд	25 СК	
35 тд	127 сд	
131 мд	134 сд	
22 МК	162 сд	
19 тд	34 СК	
41 тд	129 сд	
215 мд	158 сд	

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
6-я АРМИЯ	171 сд	
6 СК	38 сд	
41 сд	26 МК	
97 сд	52 тд	
159 сд	56 тд	
37 СК	103 мд	
80 сд		
139 сд		
141 сд		
4 МК		
8 тд		
32 тд		
81 мд		
15 МК		
10 тд		
37 тд		
212 мд		
5 КК		
3 кд		
14 кд		
12-я АРМИЯ		
13 СК		
44 сд		
58 сд		
192 гсд		
17 СК		
60 сд		
96 гсд		
164 сд		
16 МК		
15 тд		
39 тд		
240 мд		
26-я АРМИЯ		
8 СК		
99 сд		

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
173 сд		
72 гсд		
8 МК		
12 тд		
34 тд		
7 мд		
Силы фронта		
31 СК		
193 сд		
195 сд		
200 сд		
36 СК		
140 сд		
146 сд		
228 сд		
49 СК		
190 сд		
197 сд		
199 сд		
55 СК		
130 сд		
169 сд		
189 сд		
1 ВДК		
1 вдп		
204 вдбр		
211 вдбр		
19 МК		
40 тд		
43 тд		
213 мд		
24 МК		
45 тд		
49 тд		
216 мд		

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
9-я ОТДЕЛЬНАЯ АРМИЯ 14 СК 25 сд 51 сд 35 СК 95 сд 176 сд 48 СК 30 гсд 74 сд 150 сд 2 МК 11 тд 16 тд 15 мд 18 МК 44 тд 47 тд 218 мд 2 КК 5 кд 9 кд		

Июль 1941 года

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
Северный фронт	248 сд (24 А) (НКВД)	Московский ВО
1 сдно	244 сд (31 А) (НКВД)	242 сд (НКВД) (30 А)
2 сдно	246 сд (31 А) (НКВД)	243 сд (НКВД) (29 А)
3 сдно	247 сд (31 А) (НКВД)	245 сд (НКВД) (34 А)
4 сдно	249 сд (31 А) (НКВД)	250 сд (НКВД) (30 А)
	272 сд (СФ)	251 сд (НКВД) (30 А)
		252 сд (НКВД) (29 А)
Юго-Западный фронт		254 сд (НКВД) (11 А)
227 сд		256 сд (НКВД) (22 А)
		257 сд (34 А)
Южный фронт		259 сд (34 А)
30 кд (18 А)		262 сд (34 А)
		265 сд (СФ)
		268 сд (8 А)
		1 сдно (33 А)
		2 сдно (32 А)
		5 сдно (33 А)
		6 сдно (24 А)
		7 сдно (32 А)
		8 сдно (32 А)
		9 сдно (33 А)
		13 сдно (32 А)
		17 сдно (33 А)
		18 сдно (32 А)
		21 сдно (33 А)
		45 кд
		55 кд
		Орловский ВО
		33 кд (расформирована в конце июля)
		Уральский ВО
		311 сд
		313 сд
		Сибирский ВО
		49 кд

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
		Харьковский ВО 253 сд (НКВД) (ЮФ) 264 сд (ЮЗФ) 48 кд (ЮФ) Одесский ВО 26 кд (6 А) 28 кд (6 А) Северо-Кавказский ВО 43 кд (кавгруппа ЦФ) 47 кд (кавгруппа ЦФ) 50 кд (29 А) 52 кд (13 А) 53 кд (29 А) Среднеазиатский ВО 18 мкд 20 мкд 21 мкд (13 А) 44 кд Ленинградский ВО 281 сд (СФ) 25 кд (34 А)

Август 1941 года

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
Северный фронт 268 сд (8 А) 265 сд (СФ) 272 сд (СФ) 281 сд (СФ) 2 сдпо (Кингисеппская группа) 3 сдпо (7 А) 4 сдпо (Кингисеппская группа)		Московский ВО 211 сд (43 А) 260 сд (50 А) 266 сд (21 А) 269 сд (3 А) 279 сд (50 А) 280 сд (3 А) 282 сд (3 А) 285 сд (52 А)

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
1 гв. сдно (СФ)		288 сд (52 А)
2 гв. сдно (СФ)		290 сд (50 А)
3 гв. сдно (СФ)		291 сд (23 А)
4 гв. сдно (СФ)		292 сд (52 А)
		298 сд (13 А)
Северо-Западный фронт		305 сд (СЗФ)
254 сд (11 А)		307 сд (13 А)
1 сдно (Новгородская группа)		27 кд
41 кд (СЗФ)		45 кд
		55 кд
Западный фронт		
256 сд (22 А)		
243 сд (29 А)		Приволжский ВО
252 сд (29 А)		46 кд
242 сд (30 А)		
250 сд (30 А)		Орловский ВО
251 сд (30 А)		258 сд (50 А)
50 кд (29 А)		267 сд (52 А)
53 кд (29 А)		271 сд (51 А)
101 тд (52 тд) (Ярцевская группа)		276 сд (51 А)
104 тд (9 тд) (28 А)		277 сд (21 А)
107 тд (51 тд) (Ярцевская группа)		278 сд (50 А)
		283 сд (3 А)
Резервный фронт		287 сд (БрФ)
244 сд (31 А)		294 сд (РВГК)
245 сд (34 А)		299 сд (50 А)
246 сд (31 А)		303 сд (24 А)
247 сд (34 А)		309 сд (24 А)
248 сд (24 А)		4 кд
249 сд (31 А)		29 кд
257 сд (34 А)		31 кд
259 сд (34 А)		
262 сд (34 А)		
		Уральский ВО
1 сдно (33 А)		311 сд (48 А)

Продолжение

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
2 сдно (32 А)		313 сд (РВГК)
4 сдно (24 А)		
5 сдно (33 А)		Сибирский ВО
6 сдно (24 А)		49 кд
7 сдно (32 А)		
8 сдно (32 А)		Харьковский ВО
9 сдно (33 А)		284 сд (37 А)
13 сдно (32 А)		293 сд (40 А)
17 сдно (33 А)		295 сд (40 А)
18 сдно (32 А)		297 сд (38 А)
21 сдно (33 А)		300 сд (38 А)
25 кд (34 А)		34 кд
54 кд (34 А)		37 кд
102 тд (56 тд) (24 А)		
105 тд (53 тд) (43 А)		Северо-Кавказский ВО
108 тд (РезФ)		302 мсд
110 тд (31 А)		35 кд
106 мд (24 А)		38 кд
		40 кд
		42 кд
Центральный фронт		56 кд
21 мкд (13 А)		
32 кд (Кав. гр. ЦФ)		Закавказский ВО
43 кд (Кав. гр. ЦФ)		236 сд (47 А)
47 кд (Кав. гр. ЦФ)		317 сд (ЗКФ)
52 кд (13 А)		
109 тд (ЦФ)		Среднеазиатский ВО
Юго-Западный фронт		310 сд (СЗФ)
227 сд (ЮЗФ)		312 сд (52 А)
264 сд (ЮЗФ)		314 сд (52 А)
289 сд (26 А)		316 сд (52 А)
301 сд (ЮЗФ)		18 кд
304 сд (38 А)		20 кд
19 кд (ЮЗФ)		39 мкд
Южный фронт		44 мкд
223 сд (ЮФ)		Архангельский ВО
226 сд (6 А)		263 сд
		286 сд (РВГК)

Оперативные силы	Резервы Ставки	Военные округа
230 сд (6 А) 253 сд (ЮФ) 255 сд (6 А) 261 сд (ЮФ) 270 сд (12 А) 273 сд (6 А) 274 сд (12 А) 275 сд (6 А) 296 сд (9 А) 1 кд (Одесса) (Прим. А) 26 кд (ОВО) 28 кд (ОВО) 30 кд (ОВО) 48 кд (ЮФ)		Забайкальский ВО 51 кд

Общая численность Красной Армии

	Дивизии					Стрелковые бригады
	стрелковые	танковые	механизированные	кавалерийские	всего	
Июнь 1941 г.	198	61	31	13	303	5
Июль 1941 г.						
Новые формирования	38*			18		
Всего	236	61	31	31	359	2
1 августа 1941 г.						
Новые формирования	99	8	1	36	144	
Итого	288	51	18	44	401	
Потеряно, расформировано или перестроено					46**	

* 15 ополченческих.

** 41 стрелковая, танковая и механизированная дивизия, в том числе 6 механизированных дивизий, преобразуемых в стрелковые, а также 5 кавалерийских дивизий.

Источники: Боевой состав Советской Армии. Часть 1. (июнь-декабрь 1941 года). Подготовлен Военно-научным управлением Генерального штаба. Москва: ВАГШ. 1963. Truppen-Übersicht und Kriegsgliederungen Rote Armee, Stand August 1944, FHO Ic, Unterlagen Ost, Merkblatt geh. 11/6 Prof-NR: 0157, in NAM (National Archives Microfilm), T-78, Roll 459 (использовано в целях проверки).

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ КРАСНОЙ АРМИИ 1941 ГОДА

**1. Директива Народного Комиссариата Обороны командирующему войсками Прибалтийского особого военного округа
№ 503920/сс/ов от 14 мая 1941 года,**

Сов. секретно
Особой важности
Экз. № 2

(Карта 1:1 000 000)

С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск ПриБОВО, к 30 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела Штаба округа, разработать:

а) детальный план обороны государственной границы Литовской ССР от Паланги до иск. Капчиамистис, план противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель;

б) детальный план противовоздушной обороны.

I. Задачи обороны:

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточение и развертывание войск округа;

3. Обороной побережья и островов Эзель и Даго, совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника;

4. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог и сосредоточение войск округа;

5. Всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

6. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

7. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника;

8. Оборону Эстонского побережья от Нарвского залива до залива Матсалу и острова Вормси с первого дня мобилизации передать командованию Ленинградского военного округа. Одновременно передать в состав войск ЛВО 65-й стрелковый корпус с 16-й и 11-й стрелковыми дивизиями и 4-ю авиационную дивизию.

Разработка плана прикрытия по этому участку обороны возлагается на Командование ЛВО.

II. Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений по линии госграницы с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего развития их.

Обороне придать активный характер действий. Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов.

2. Особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника, борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением Командования округа, для чего прежде всего использовать противотанковые артиллерийские бригады, механизированные корпуса и авиацию. Задача противотанковых бригад — на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артиллерийским огнем и совместно с авиацией удерживать их до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов. Задача мехкорпусов — развертываясь под прикрытием противотанковых бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами, совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв.

3. Особо ответственными направлениями считать:

- а) Мемель, Тельшайна;
- б) Тильзит, Шауляй;
- в) Гумбинен, Каунас;
- г) Сувалки, Олита.

4. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов.

III

Правее Ленинградский военный округ с основной задачей обороны Ленинграда.

Переводимый в его состав 65-й стрелковый корпус организует оборону от Нарвского залива до залива Матсалу. Штаб корпуса в Тюри.

Граница с ЛВО — иск. Осташков, иск. Остров, Выру, иск. Вильянди, острова Эзель и Даго (включительно).

Левее Западный особый военный округ. Штаб с 3 дня мобилизации — Барановичи. Его правофланговая — 3 армия организует оборону на фронте Капчиамистис, Щучин. Штарм — Гродно.

Граница с ЗапОВО — иск. Полоцк, иск. Ошмяны, иск. Друскеники, Маргграбово, иск. Летцен.

IV. Для выполнения поставленных задач иметь три района прикрытия

Район прикрытия № 1 — 27-я армия.

Состав:

Управление 27-й армии;

67-я стрелковая дивизия;

189-я стрелковая дивизия;

3-я отд. стрелковая бригада;

береговая оборона побережья и островов Эзель и Даго;
пограничные части.

Начальник района — командующий 27-й армией. Штарм — Рига.

Границы слева — Мажейклай, иск. Паланга.

Задачи:

а) обороной побережья от залива Матсалу, Паланга иск. и островов Эзель и Даго не допустить высадки на побережье и на острова морских десантов противника. На острове Эзель особое внимание обратить на оборону залива Тагалахт;

б) береговой обороной островов Эзель и Даго во взаимодействии с КБФ, авиацией и береговой обороной Виндавского побережья и полуострова Ханко закрыть флоту противника вход в Рижский залив через проливы — Ирбентский, Сосла и Суур-Вейн и выход в Финский залив;

в) оборона базы в Лиепая;

г) быть готовым оказать помощь живой силой гарнизону обороны островов Эзель и Даго.

Район прикрытия № 2 — 8-я армия в составе:

Управление 8-й армией;

Управление 10-го и 11-го стр. корпусов; 10-я, 125-я, 48-я и 90-я стр. дивизии;

Управление 12 мехкорпуса; 23-я и 28-я танковые дивизии; 9-я противотанковая бригада; гарнизоны Тельшайского и Шауляйского укрепленных районов; 7-я смешанная авиационная дивизия; пограничные части.

12-й мехкорпус и 9-ю противотанковую бригаду иметь в районе Улгветис, Андувиной, Кельми.

Начальник района — командующий 8-й армией. Штарм — Шауляй.

Граница слева — Даугавпилс, иск. Паневеж, иск. Середжюс, Юрбаркарс (Юрбург), Инстербург.

Задача — обороной полевых укреплений по линии госграницы и создаваемых Тельшайского и Шауляйского укрепленных районов прочно прикрыть направления от Мемель на Кретинга, Тельгиной, и от Тильзит на Таураге, Шауляй.

Район прикрытия № 3 — 11-я армия.

Состав:

Управление 11-й армии;

Управления 16-го, 21-го и 24-го стр. корпусов; 5-я, 33-я, 189-я, 128-я, 23-я, 126-я, 179-я, 184-я стр. дивизии;

Управление 3-го механ. корпуса; 2-я, 5-я танковые дивизии, 84-я мотомеханизированная дивизия, 10-я противотанковая артил. бригада; 110-й, 429-й гап РГК; гарнизоны Ковенского и Алитского укрепленных районов; 8-я смешанная авиационная дивизия; пограничные части.

Первый моб. эшелон 126-й стр. дивизии подать в район ст. Казлу-Руда не позднее 3 дня мобилизации и 23-й стр. дивизии в район Каунас не позднее 4 дня.

3-й механ. корпус иметь в районе Казлу-Руда, Приеней, Каунас.

24-й стр. корпус в составе 179-й и 184-й стр. дивизий иметь в районе Вильнюс, Ораны.

Начальник района — командующий 11-й армии. Штарм — Каунас.

Задача — обороной полевых укреплений, Ковенского и Алитского укрепленных районов на фронте иск. Юрбург (Юрбаркас), иск. Капчиамистис прочно прикрыть Каунасское и Алитское направления.

V. В непосредственном распоряжении Командования округа иметь:

24-й стр. корпус в составе 180-й и 182-й стр. дивизий и 181-ю стр. дивизию в пунктах дислокации, с дальнейшей переброской их по плану развертывания.

6-ю и 57-ю смешанные авиационные дивизии и 5-й воздушно-десантный корпус в районе Даугавпилс.

VI. Задачи авиации

1) Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе;

2) Истребительной авиацией, в тесном взаимодействии со всей системой ПВО округа, прочно прикрыть от мобилизацию и сосредоточение войск округа, нормальную работу железных дорог и не допустить пролета авиации противника через территорию округа в глубь страны.

3) Во взаимодействии с наземными войсками уничтожить наступающего противника, не допустить прорыва его крупных мотомехсил через фронт обороны округа.

4) Совместно с морской авиацией и КБФ уничтожить военно-морской флот и транспорты противника в Балтийском море и не допустить высадки морских десантов противника на острова Даго и Эзель и на побережье в пределах границ округа.

5) Ударами по железнодорожным узлам Кенигсберг, Мариенбург, Мариенвердер, Дойч-Пилау, Алленштейн, Инстербург и по железнодорожным мостам через р. Висла на участке Данциг,

Быдгощь, а также по группировкам войск, затруднить и задержать сосредоточение войск противника.

б) Разрушить порт Мемель.

VII. Распоряжением командования Прибалтийского Особого Военного округа:

1. Подготовить тыловые рубежи:

а) на фронте — Дарбеном, Кулнай, Ритакас, Шилом, Улинас, Скаудвине, Расиентай, Серджюс, Казлу-Руда, Пильвшикай, Мариамполь, Симинас, и Дусисе, иск. Друскеники;

б) р. Барта, Кальвария, Тельшинай, Луске, Дубисса, далее по восточному берегу р. Неман.

2. Предусмотреть нанесение контрударов механизированными корпусами и авиацией во взаимодействии со стрелковыми войсками резервов и противотанковыми бригадами.

3. Обрекогносцировать и наметить тыловые рубежи на всю глубину до старой границы с Латвией, Литвой и Польшей в пределах ПриОВО и отсечной рубеж по р. Западная Двина.

4. К 30 мая 1941 года принять от ЗапОВО Себежский укреп-район и разработать план приведения его в полную боевую готовность.

5. На случай вынужденного отхода, разработать план создания противотанковых заграждений на всю глубину и план минирования мостов, железнодорожных узлов и пунктов возможного сосредоточения противника (войск, штабов, госпиталей и т.д.).

6. В плане противовоздушной обороны предусмотреть ПВО войск и ПВО территории в Северо-Западной зоне ПВО; особенно детально отработать:

а) организацию службы ВНОС — немедленное оповещение аэродромов авиации, в первую очередь истребительной, как с ротных, так и с линейных постов ВНОС; оповещение пунктов и объектов ПВО, управлений бригадных районов и зоны ПВО.

б) использование и действия истребительной авиации, установив районы истребления авиации противника для отдельных авиачастей;

в) прикрытие зенитной артиллерией и истребительной авиацией постоянных пунктов и объектов ПВО, выгрузочных районов и районов сосредоточения войск;

г) вопросы связи и управления средствами ПВО.

7. Разработать:

а) подъем войск по тревоге и выделение отрядов поддержки погранвойск;

б) план охраны и обороны важнейших промышленных предприятий, сооружений и объектов.

8. На случай вынужденного отхода разработать, согласно особым указаний, план эвакуации фабрик, заводов, банков и др. хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов военного и государственного имущества, военнообязанных, средств транспорта и др.

VIII. Указания по тылу

До 15 дня мобилизации разрешается израсходовать:

а) для наземных войск прикрытия — боеприпасов 3 боекомплекта, горючего для боевых машин — 5 заправок, для транспортных — 8 заправок;

б) для ВВС: истребителям — 15 вылетов; ближн. бомбард. — 10 вылетов; дальн. бомбард. — 7 вылетов; разведчикам — 10 вылетов;

в) для всех войск прикрытия — 15 суточных дач.

Обеспечение войск прикрытия всеми видами снабжения, ремонтом и восстановления техники производится за счет запасов и ремонтной базы округа.

Эвакуацию больных и раненых людей и лошадей производить в пределах ПриОВО, используя в первую очередь стационарную сеть лечебных заведений.

IX. Общие указания

1. Первый перелет или переход государственной границы допускается только с особого разрешения Главного Командования.

2. План прикрытия должен состоять из следующих документов:

а) записки по плану действий войск в прикрытии с приложенной к ней картой решения и группировки войск до полка и отдельной части включительно;

б) ведомости боевого состава;

в) таблицы вывода и сосредоточения частей прикрытия к госгранице;

г) плана использования ВВС с приложенной к нему картой базирования и оперативного использования;

д) плана ПВО с картами дислокации постов ВНОС и активных средств ПВО;

е) плана инженерного обеспечения с расчетами и картой;

ж) плана устройства связи с расчетами и схемами;

з) плана устройства тыла и материального обеспечения наземных войск и ВВС с приложением к ним карты устройства тыла наземных войск и авиации;

и) плана санитарной и ветеринарной эвакуации;

к) указаний по подъему частей по тревоге и выделению отрядов поддержки погранчастей;

л) перечня объектов и сооружений, подлежащих охране полковыми войсками и войсками НКВД;

м) исполнительных документов (директив, приказов и приказаний).

3. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного Совета и начальника Генерального штаба КА подписями, следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года».

4. К разработке плана прикрытия и обороны допускаются:

в штабе округа: в полном объеме — Командующий войсками, член Военного совета, начальник Штаба округа, начальник Оперативного отдела Штаба округа;

в части плана ВВС — Командующий ВВС ПриОВО;

в части плана устройства тыла — зам. начальника штаба округа по тылу;

в части плана военных сообщений — начальник Военных сообщений округа;

в части связи — начальник связи округа.

Другие начальники родов войск и служб допускаются лишь для выполнения персональных заданий по их специальности, без сообщения им плана прикрытия.

В штабе армии — Командующий армией, член Военного совета армии, начальник штаба армии, начальник оперативного отдела штаба армии.

5. План прикрытия разработать в двух экземплярах, один экземпляр через начальника Генерального штаба представить мне на утверждение, второй экземпляр, опечатанный печатью Военного совета округа, хранить в личном сейфе начальника Штаба округа.

6. Разработанные армиями и утвержденные Военным советом округа планы прикрытия по каждому из районов прикрытия, опечатанные печатью Военного совета округа, хранить в личном сейфе соответствующего начальника района прикрытия.

7. Исполнительные документы, разработанные для войсковых соединений, хранить в пакетах, опечатанных печатью Военного совета армии, при мобплане соединения.

8. Папки и пакеты с документацией по прикрытию вскрываются по письменному (далее неразборчиво).

9. Все документы по плану прикрытия пишутся от руки или печатаются на машинке лично командирами, допущенными к его разработке.

ПРИЛОЖЕНИЕ — схема прикрытия войск ПрибОВО на карте 1:1000 000 в одном экземпляре (только при экземпляре № 1).

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза

(С. Тимошенко)

Начальник Генерального штаба КА генерал армии

(Г. Жуков)

[Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеются пометы: «Экземпляр № 1 написан генерал-майором Василевским и передан адресату; экземпляр № 2 переписан на-

чоперотдела штаба ПриБОВО генерал-майором Трухиным — в дело оперотдела».

Копия заверена зам. начоперотдела Генштаба КА генерал-майором Василевским.]*

2. План прикрытия территории Прибалтийского особого военного округа от 2 июля 1941 года²

Совершенно секретно

Особой важности

Экз. № 1

«УТВЕРЖДАЮ»

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

«__»июня 1941 года.

(Карта 1: 500 000)

I. Соображения о возможностях противника

Территория Восточной Пруссии как театр военных действий хорошо подготовлена для оборонительных и наступательных операций. Наличие Балтийского моря обеспечивает немцам ведение совместных боевых действий сухопутных и морских сил и высадку крупных десантов. По своим физическим свойствам и объему Восточная Пруссия позволяет использовать все рода войск в крупном масштабе. Железнодорожная сеть с общей пропускной способностью до 300 пар поездов в сутки, из которых до 200 может быть использовано для оперативных перевозок, обеспечивает уже на 12-й день мобилизации сосредоточение до

* Примечание публикатора, в оригинале книги отсутствует. (Прим. ред.)

40 усиленных пехотных дивизий, а развитая сеть грунтовых дорог и наличие автострады допускают переброску моторизованных и механизированных войск, количество которых против ПриОВО может быть определено до шести танковых и двух-трех моторизованных дивизий. Противник может использовать и морские перевозки через порты Мемель, Кенигсберг и другие.

Аэродромная сеть Восточной Пруссии (до пятидесяти аэродромов и большое число посадочных площадок) позволяет вернуть до 20–24 эскадр авиации.

Наиболее вероятными для противника операционными направлениями будут:

а) Тильзит, Шяуляй, Рига (или Шяуляй, Даугавпилс) с вспомогательным направлением на Мемель, Тельшай или Мемель, Шяуляй для последующих действий или на Псков — в тыл ЛВО, или совместных действий с Каунасской группировкой;

б) Гумбинен, Каунас, Вильнюс с последующим ударом на Минск;

в) Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного фронта;

г) частный удар от Сувалки через Калвария на Каунас.

Вероятными районами высадки морских десантов являются:

а) острова Хиума (Даго) и Сарема (Эзель);

б) прибрежная полоса от мыса Колкасраг до Паланги в пунктах Вентпилс, Павилоста, Лиепая.

Действий морских сил противника надо ожидать по форсированию Ирбенского пролива для овладения Рижским заливом и проливов Созлавяйн и Мухувяйн для овладения островами Даго и Эзель.

II. Задачи прикрытия:

а) не допустить вторжения как наземных, так и воздушных сил противника на территорию ПриОВО;

б) упорной обороной по линии госграницы и рубежу создаваемых укрепленных районов отразить наступление противника и обеспечить отмотилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

в) обороной побережья и островов Даго и Эзель совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника, действиями маневренных групп и авиации ликвидировать воздушные десанты противника, не допуская прорыва морских сил в Ирбенский пролив и устье Финского залива;

г) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог, сосредоточение войск округа и работу складов;

д) завоевать господство в воздухе и ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам, группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

е) во взаимодействии с погранвойсками ликвидировать бандитские и диверсионные группы и не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов противника;

ж) организовать охрану важнейших объектов и восстановление разрушений, которые могут быть произведены авиацией противника;

з) всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника, в первую очередь его мотомеханизированных частей и направление их удара.

III. Организация прикрытия

Прикрытию от вторжения сухопутных, морских и воздушных десантов подлежат:

а) острова Даго, Эзель, Муху;

б) побережье Балтийского моря от мыса Колкасаг до Паланги;

в) сухопутная граница СССР с Восточной Пруссией и Сувалькской областью от Паланги до Капчямиестис.

Системой противовоздушной обороны и действиями военно-воздушных сил прикрыть важнейшие объекты железнодорожной сети, крупные населенные пункты, военные склады, важнейшие переправы через реки, аэродромы, районы выгрузки, сосредоточения войск, командные пункты и узлы связи.

IV. Порядок прикрытия приграничной полосы

(схема прикрытия и боевой состав в приложениях № 1, 2, 3 [не публикуются])

Для прикрытия пограничной (прибрежной) полосы округа организовать армейские районы прикрытия (РП).

А. Район прикрытия № 1 — 27-й армии.

В район включить: острова Даго и Эзель, прибрежную полосу Рижского залива от залива Матсалулахт, проливы Созлавяйн, Сурвяйн, Ирбенский прибрежную полосу Балтийского моря от мыса Колкасраг до иск. Паланга в границах: справа — Выру, иск. Вильянди, зал. Матсалулахт, пр. Хари-Курк; слева — иск. Иелгава, Мажейкяй, иск. Паланга; с тыла — оз. Выртсьярв, Валга, иск. Валмиера, Рига, иск. Иелгава.

Начальник РП № 1 — командующий 27-й армией. Штаб — Рига. Боевой состав — в приложении № 2.

Задачи прикрытия:

а) обороной побережья от залива Матсалулахт до иск. Паланга и островов Даго, Эзель, Муху не допустить высадки морских и воздушных десантов противника;

б) во взаимодействии с морским флотом и авиацией не допустить прорыва флота противника в Рижский и Финский заливы. Для этой цели подготовить огонь артиллерии 3-й отдельной стрелковой бригады и 67-й стрелковой дивизии для усиления огня береговых батарей КБФ, обороняющих проливы Ирбенский, Созлавяйн, Сурвяйн и входы в Финский залив;

в) оборонять Либавскую военно-морскую базу.

Участие КБФ в обороне РП № 1 определяется планом взаимодействия, разрабатываемым штабом 27-й армии. Авиация ПриОВО участвует в отражении противника по плану командующего ВВС по заявкам командующего 27-й армией.

Район прикрытия № 1 разделить на три участка прикрытия (УП) и один участок наблюдения (УН).

УП № 1. Начальник участка — командир 3-й отд. стр. бригады. Штаб — Курессаре. Оборонять острова Даго, Эзель, Муху и проливы Хари-Курк и Ирбенский. Состав участка: 3-я отд. стр. бригада, артиллерия, силы и средства «БОБРА»*, 10-й пограничный отряд.

Задачи участка:

а) не допустить высадки морских и воздушных десантов противника на острова;

б) выделить не менее трех дивизионов артиллерии для усиления береговых батарей КБФ на оборону Ирбенского пролива и организовать взаимодействие с морским флотом и авиацией ПриБОВО для отражения противника при его попытках прорваться в Рижский залив;

в) огнем береговой артиллерии содействовать операциям КБФ и войск ЛВО по воспреещению форсирования устья Финского залива.

УП № 2. Начальник участка — командир 114-го стр. полка. Штаб участка — Вентспилс (Виндава). Территория участка — побережье Балтийского моря от мыса Колкасаг до мз Лабрагс. Границы: слева Кулдига, мз* Лабрагс; с тыла — Вальдемарпилс, Ренда.

Состав участка — 114-й сп, 1-й дивизион 242-го гап, части береговой обороны 1-й и 2-й комендатуры 12-го погранотряда.

Задачи:

а) не допустить высадки морских, десантов противника на побережье и в случае высадки их уничтожать; особое внимание обратить на оборону пунктов удобных для высадки — Мазирбе, Овиши, Вентспилс;

б) огнем береговой обороны, усиленной огнем полевой артиллерии во взаимодействии с УП № 1, КБФ и авиацией не допустить прорыва противника в Ирбенский пролив;

в) не допустить высадки воздушных десантов, особое внимание обратить район Кулдига.

* Береговая оборона Балтийского района. (Прим. ред.)

** Очевидно, «мыза». (Прим. ред.)

УП № 3. Начальник участка — командир 67-й стр. дивизии. Штаб участка — Айзпуте. Территория участка побережье Балтийского моря от мз. Лабрагс до иск. Паланга Граница с тыла Ренда, Скрунда, Барстичай. Состав участка — 67-я сд без 114-го сп 1/242-го гап, 12-й погранотряд без 1-й и 2-й комендатур, береговая оборона, все силы и средства Либавской военно-морской базы.

Задачи:

а) при обороне побережья особое внимание обратить на отражение десантов противника в пунктах, удобных для высадки: Павилоста, Лиепая;

б) оборонять базу флота в Лиепая (Либава), для чего выделить один стрелковый батальон;

в) подготовить маневр 18-й железнодорожной батарее и дивизиона полевой артиллерии для усиления огня береговых батарей при обороне Ирбенского пролива;

г) на либавском направлении в распоряжении начальника УП № 3 иметь маневренный резерв не менее двух батальонов;

д) наблюдение и разведку побережья вести своими силами, разведку в море распоряжением начальника Либавской базы.

Участок наблюдения № 4 (УН № 4) побережье Рижского залива от зал. Матсалулахт до мыса Колкасраг является второй линией обороны УП № 1, наблюдается авиацией, заставами 5-й комендатуры 8-го погранотряда, частями и кораблями КБФ — Устьдвинской базы. В случае прорыва отдельных мелких диверсионных групп или высадки воздушных десантов противника уничтожать их подвижными маневренными группами формируемыми распоряжением штаба 27-й армии из состава Рижского пехотного училища и частей гарнизона г. Рига.

Б. Район прикрытия № 2 — 8-й армии.

Оборона госграницы на фронте от Паланги до р. Неман. Границы: справа — Иелгава, иск. Мажейкяй. Паланга; слева — Дотнува, Средники, р. Неман до Юрбург, Инстербург; с тыла — Иелгава, Шедува, Дотнува.

Начальник РП — командующий 8-й армией. Штаб РП — Бубяй (15 км юго-западнее Шяуляй). Боевой состав — в приложении № 2.

Задачи:

а) обороной полевых укреплений по линии госграницы и создаваемых Тельшяйского и Шяуляйского УР прочно прикрыть направления Мемель, Тельшяй и Тильзит, Таураге, Шяуляй;

б) подготовить контрудар 12-м механизированным корпусом, 9-й артбригадой ПТО и четырьмя стрелковыми дивизиями в направлениях: Шяуляй, Мемель; Шяуляй, Тильзит; Шяуляй, Средники, Пильвишкяй, контрудар проводить во взаимодействии с авиацией фронта;

в) приступить к подготовке армейских тыловых рубежей с первого дня войны: 1) Дарбенай, р. Миния, Жаренай, Варняй, Кражяй, Лидовяны, р. Дубисса; 2) р. Барта, Барстичяй, Тельшяй, Шяуляй, р. Шушве, р. Невежис.

В первую очередь немедленно оборудовать оперативные противотанковые районы на этих рубежах согласно карте в приложении № 4; для подготовки противотанковых районов и тыловых рубежей использовать строительные батальоны, отводимые с первого дня войны из полосы строящихся УР.

РП № 2 иметь в составе двух участков прикрытия:

УП № 1. Начальник участка — командир 10-го ск. Штаб УП № 1 — Варняй. Границы участка: слева иск. Кражяй, иск. Упинас, Сартыники, с тыла Барстичяй, Тверай, Калгипченаяй.

Состав участка — управление 10-й ск с подчиненными частями, 10-я, 90-я сд, 47-й и 73-й кап, 115-й погранотряд.

Задачи прикрытия:

а) организовать оборону полосы долговременных сооружений строящегося Тельшяйского УР, выделив в полосу предполья и приспособив к обороне полосу УР;

б) развить заграждения перед передним краем и на глубину полосы обороны;

особо плотные заграждения иметь на направлениях: Кретинга, Эндрейавас, Варняй, Вайнутас, Паюрис;

в) в ПТР — Паюрис возвести систему мощных заграждений из расчета обеспечения прочного удержания этого района в условиях полного окружения, массировать артогонь, создав группу в пять-шесть дивизионов на направлении Паюрис, Вайпутас, Сартыники; организовать фланкирующий артогонь на подступах к Кретинга, Ендревас, Паюрис; огонь открывать с предельных дистанций;

г) не менее полка иметь в резерве в районе Байсая. Один сп 183-й сд отмотилизовать распоряжительным порядком со сроком прибытия его в район Тельшай к исходу М-2.

УП № 2. Начальник участка — командир 11-го стр. корпуса. Штаб УП — Скаудвиль. Граница с тыла — Калтиненай, Немокчай, Россиены, Благословенство.

Состав участка. Управление 11-го стр. корпуса с подчиненными корпусными частями, 125-я, 48-я стр. дивизии, 51-й корп. артполк, 402-й гаубичный артполк, 106-й погранотряд в составе 1-й и 2-й комендатур.

Задачи:

а) организовать оборону полосы долговременных сооружений Шяуляйского УР и предполья передовыми частями, не допустить прорыва противника на Шяуляй или вдоль р. Неман на восток;

б) дооборудовать и укрепить в границах участка оборонительную полосу; особо прочно укрепить и создать крепкую противотанковую оборону вдоль шоссе Тильзит, Шяуляй;

в) массировать артогонь на таурагском направлении и объединить в руках начарта армии управление на направлениях Паюрис, Сартыники и Таураге, Тильзит;

г) на таурагском направлении иметь два стр. полка в резерве командира корпуса.

С первого дня занять позиции во всей полосе армии; для этого до выхода 48-й сд ее участок занять одним полком 202-й мд, усиленным танками и артиллерией. 48-я сд перебрасывается к границе распоряжением командующего 8-й А, для чего в состав армии придаются 414-й и 445-й автотранспортные батальоны.

402-й гап РГКА перебрасывается по железной дороге. Выгрузочный район — Видукле. На время полного [...] сбора пре-

дусмотрена переброска 47-го и 73-го кап по железной дороге из лагеря. Выгрузочные районы 47-го кап — Тельшай и 73-го кап — Видукле.

В. Район прикрытия № 3 — 11-й армии.

Оборона госграницы от р. Неман до Капчяместис. Границы: справа иск. Дотнува; иск. Средники, р. Неман до Юрбург, иск. Инстербург;

слева иск. Ошмяны, иск. Друскеники, Тройбург, иск. Летцен; с тыла — Ионава, Ораны.

Начальник РП № 3 — командующий 11-й армией. Штаб РП — Каунас.

Задачи:

а) организовать оборону полевых укреплений по линии госграницы и создаваемых Ковенского и Олитского УР и прочно прикрыть направления — Гумбинен, Каунас; Сувалки, Каунас и Сувалки, Алитус;

б) подготовить контрудар в случае вторжения крупных сил противника силами 3 мк, 10-й артбригады НТО и четырех-пяти стрелковых дивизий и авиации в направлениях на Шяуляй; от Каунаса на Мариамполь, Симно и на юг по правому берегу р. Неман с целью уничтожения прорвавшегося противника, и особенно его мотомеханизированных соединений. Подготовить контрудар 30-го мк, 4-й, 5-й сд, 10-й артбригады ПТО из района Козларудского леса в направлении [...]

в) с первого дня войны силами строительных батальонов продолжать укрепление тыловых рубежей и противотанковых районов:

1) северная, западная и южная опушки Козларудских лесов;
2) особо прочную и глубокую полосу заграждений подготовить: южная опушка Козларудских лесов, оз. Жувинты;

3) подготовить для упорной обороны плацдарм на левом берегу р. Неман по рубежу Средники, Вилюсе, ст. Юра, Дарсунишкис. Для этого немедленно начать возводить долговременные мощные сооружения в районе Вейверы, Гирники, готовя к западу от этих пунктов противотанковые заграждения. В районе

этого плацдарма зап. и вост. Каунаса готовить переправы через р. Неман;

4) по вост. берегу р. Неман на фронте Средники, Меркине (смотреть карту в приложении № 4).

РП № 3 до выхода управления 29-го ск иметь в составе трех участков прикрытия. С выходом управления 29 ск в район Симно УП № 2 и 3 подчинить ему.

УП № 1. Начальник участка — командир 16-го ск. Штаб — Юра.

Границы участка: слева Бельвержишки, Мариамполь, Вижайны; слева [?] — Благословенство, Пильвишкяй, Мариамполь.

Состав участка: — управление 16-го ск с подчиненными корпусными частями; 5-я, 33-я, 188-я сд, 270-й, 448-й кап, 40-й гап РГК; 3-я и 4-я комендатуры 107-го погранотряда.

Задачи:

а) организовать оборону на фронте строящейся полосы Ковенского УР, сосредоточив основные усилия на фронте Наумиестис, Выштынец, обеспечивая прочное удержание района Шаки;

б) массировать артогонь в направлении на Ширвинд и подготовить сосредоточение огня не менее 150 орудий на фронте Гудвайтшен, Пиллюпенен, широко использовать фланкирование подступов, удобных для танков;

в) развить заграждения на фронте Наумиестис, Пиллюпенен, широко используя заболачивание местности;

г) на фронте Пильвишкяй, Вильковишкис, Людвинов создать тыловую позицию, предусмотрев маневр на эту позицию артбригады ПТО;

д) в каждой дивизии иметь резерв силой до полка; резерв 188 сд держать за левым флангом, чтобы иметь возможность оказать содействие УП № 2.

УП № 2. Начальник участка — командир 126-й сд. Штаб участка — Калвария. Границы: слева — ст. Пятеронис, иск. Симно, иск. Пуньск; с тыла — Мариамполь, Симно.

Состав участка — 126-й сд, 429-й гап РГКА, 2-я комендатура 107-го погранотряда.

До выхода 126-й сд с первого дня участок занять одним полком 84-й мд, усиленным танками и артиллерией из 84-й мд.

Задачи:

а) организовать оборону на фронте строящейся полосы Олитского УР и не допускать вторжения противника в направлении Мариамполь, Каунас из района Сувалки;

б) подготовить участок к отражению атаки крупных масс танков противника, создав противотанковые заграждения с широким использованием заболачивания местности;

в) основную массу артиллерии иметь на правофланговом участке и в центре.

УП № 3. Начальник участка командир 128-й сд. Штаб участка — Богданы. Граница с тыла — Симно, Друскеники. Состав участка — 128-я сд, 3-я и 4-я комендатуры 107-го погранотряда.

Задачи:

а) организовать оборону на фронте строящейся полосы Олитского УР и обеспечить олитское направление;

б) используя озерный характер местности, создать прочную систему противотанковой обороны; уделить особое внимание направлениям Калетник, Лозьдзее, Алитус; Сейны, Лозьдзее и Сейны, Алитус.

IV. Резервы для усиления прикрытия приграничной полосы

Для усиления прикрытия направлений Мемель, Тельшай и Тильзит, Шяуляй в распоряжение командующего 8-й армией с первого дня передаются соединения сосредоточиваемые его распоряжением.

Управление и части 12-го мк. — в район Кельме, 23-я тд — в район Упина, Ужвентис, 28-я тд — в район Шяуляй, 202-я мд — в район Вайгува, Кражяй, Кельм 9-я артбригада ПТО — в район Ужвентис, Варняй, Кражяй; 7-я смешанная авиадивизия.

По мере прибытия по железной дороге и сосредоточения в распоряжение командующего 8-й армией поступают: управление и части 22-го ск — в район Бей [неразборчиво], 183-я сд —

в район Тельшай; 181-я сд — в район Лидовяны, Цитовяны. Упомянутые части сосредоточатся с 8-го по 13-й день мобилизации. На 13-й день в район Шяуляй прибудет 438-й озад.

Для усиления прикрытия направлений Гумбинен, Каунас; Сувалки, Каунас и Сувалки, Алитус в распоряжение командующего 11-й армией с первого дня передаются сосредоточиваемые походом по его плану:

- управление и части 3-го мк в район Ионава, 2-я [тд] в район иск. Кейданы, Лабуново, Окменяй; 5-я [тд] в район Шета, Лукшта, Меш[и]кучай; 84-я мд в район ст. Гайжюнай, ст. Павлиенишкис, Смильчай;

- 10-я артбригада ПТО — Казла Руда; Домбрава, Повемонь;

- 8-я смешанная авиадивизия.

По железной дороге на 2-й — 4-й день мобилизации сосредоточиваются первые мобэшелоны:

- 126-я сд в район Казла Руда;

- 23-я сд в район Каунас и выходит в район Казла Руда.

По мере окончания мобилизации в распоряжение командующего 11-й армией сосредоточатся (походом по плану штарма 11):

- 179-я сд в район оз. Дусь, оз. Пасэрники;

- 184 сд в район Гуделс, Жувинты, Мацьки, оз. Дусь, Палыня;

- управление и части 29-го ск в район Симно;

по железной дороге:

- управление и части 24-го ск в район Прены;

- 182-я сд в район Бутримонис, Алитус, Слободкяй.

Задачи этих соединений:

а) уничтожение прорвавшихся и проникших в армейскую зону мотомеханизированных соединений противника. Артбригады, опираясь на противотанковые районы, во взаимодействии с авиацией встречают танки огнем, расстривая атаки и задерживая их до подхода мехкорпусов. Мехкорпуса фланговыми и концентрическими ударами, развертываясь под прикрытием противотанковых районов и огня артбригад, во взаимодействии с авиацией уничтожают мехчасти противника;

б) борьба и уничтожение высадившихся в тылу авиационных десантов;

в) подготовка и оборудование противотанковых районов и тыловых рубежей.

Использование мехкорпусов командующими армиями только с разрешения командующего фронтом.

В случае вторжения крупных сил противника оба мехкорпуса, артбригады ПТО и стрелковые дивизии из армейских резервов используются по решению командующего фронтом. Управление контрударом может быть объединено на любом направлении под руководством командующего.

Наиболее вероятен маневр 12-го мехкорпуса в направлениях: с севера на Средники, Пильвишкяй и в направлении Шяуляй, Ионава; 3-го мк в направлении Кейданы, Россиены, Скаудвиле или Кейданы, Средники.

Для обеспечения этого маневра командующему 11-й армией иметь понтонные мосты в районе Вильки, Румшишкес и поддерживать наплавной [мост] у Средники. И иметь не менее трех переправ для танков через р. Виля на участке Скерей, Ионава, Казлява.

Резерв фронта — 180-я сд и 5-й воздушно-десантный корпус — используется для участия в контрударе, организуемом командующим фронтом в соответствии с обстановкой.

V. Управление

1. Переход границ наземными войсками и перелет ее самолетов производится только с особого разрешения Главного Командования.

2. Порядок донесения о вторжении противника.

В случае внезапного вторжения крупных сил противника или перелета границы его авиасоединениями оповещение производится следующим образом:

а) командиры приграничных дивизий, получив данные [о] переходе (перелете) границы от командиров пограничных час-

тей, войск НКВД или от своих разведчастей (постов наблюдения), немедленно лично доносят (докладывают) в первую очередь командующему войсками округа или начальнику штаба округа, а затем командующему армией и командиру корпуса, одновременно принимая меры к отражению нападения;

б) в донесении указывают где, когда, какими силами противник перешел (перелетел) границу и в каком направлении распространяется;

в) донесение передается по телеграфу, НКС, радио, связи ВНОС (телеграф, телефон, радио), посылкой делегата на самолетах и автомашинах. Для получения вне всякой очереди провод командир дивизии сообщает телеграфной (телефонной) станции пароль «Слон». По этому паролю провод должен быть немедленно предоставлен до Риги, и все разговоры независимо от их характера должны прекратиться. Нарочным на самолетах высылаются в Ригу, а на автомобилях до вышестоящего штаба (тот высылает своего делегата). В конце донесения для проверки подлинности его сообщается отзыв «Снаряд».

Командиры корпусов и дивизий, имеющих радиостанции 11 АК и РСБ, немедленно по получении донесения дублируют его по радио открытым текстом на волне радио штаба округа. Донесению должен предшествовать пароль «Слон», а в конце его быть отзыв «Снаряд».

3. Разведка на период прикрытия.

Цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление. Особое внимание обратить на сосредоточение мотомеханизированных соединений и установление группировки авиации.

Задачи разведки:

1) вскрыть направления основных потоков железнодорожных перевозок с линии р. Висла, определить важнейшие из них и интенсивность перевозок;

2) разведать и определить базирование сухопутной и морской авиации противника, а также наращивание ее сил;

3) установить основные группировки противника, их силу, состав, направления выдвижения к востоку от линии Лабиау, Инстербург, Даркемен;

4) установить наличие мотомеханизированных соединений, их группировку, направление движения и сроки выхода к границе;

5) установить пункты переправ через р. Неман войск противника, сроки, силу и направление движения;

6) разведать и держать под непрерывным наблюдением группировки противника на направлениях:

- а) мемельском,
- б) инстербург-тильзитском,
- в) гумбиненском,
- г) сувалкском.

Установить их силу, состав, передвижение и сроки выхода к границе;

7) разведать размещение и перегруппировку крупных штабов противника;

8) разведать производство работ по дооборудованию УР, по укреплению рубежей и созданию заграждений вдоль границы;

9) определить базирование и местонахождение военно-морских сил противника в портах Восточной Пруссии;

10) своевременно вскрыть подготовку противником десантной операции и начало выдвижения транспортов из баз.

4. Связь.

Связь штаба округа с РП, КБФ, районами выгрузки войск, пунктами отмотилизования частей, складами, мастерскими и другими учреждениями.

Связь ВВС и ПВО установить и поддерживать по проводам, радио и самолетами согласно плану связи в приложении № 5

Организация связи — по особому плану, приложение № 5.

5. Отмотилизование первого эшелона штаба.

Штаб округа отмотилизовывается по плану. Через 6 часов после начала войны или объявления мобилизации оперативный эшелон штаба выезжает в место расположения штаба Северо-Западного фронта, в лес сев. Паневеж[ис] 8 км. Состав первого эшелона штаба, расчет на выезд и указания по сбору и оповещению командиров штаба — в приложениях № 6, 7 и 8.

VI. Порядок прикрытия территории округа от воздействия авиации противника

Противник с первого дня направит усилия своих военно-воздушных сил на срыв отмотилизования и сосредоточения наших войск.

Объектами воздействия его авиации могут быть:

- 1) железнодорожная сеть (узлы, мосты, железнодорожные перевозки, районы погрузки и выгрузки);
- 2) военные склады и хранилища всех видов снабжения;
- 3) наша авиация как в воздухе, так и на земле;
- 4) крупные населенные пункты;
- 5) районы группировки наших войск, передвижения по грунтовых дорогам, районы сосредоточения — это надо особо учитывать.

Одновременно следует ожидать действия ВВС противника по обеспечению боевой деятельности наземных войск и авиации. Вероятна выброска воздушных десантов.

Для борьбы с авиацией противника используются:

- а) система ПВО округа;
- б) военно-воздушные силы;
- в) маскировка всех видов;
- г) для борьбы с десантом во всех частях организовать подвижные отряды уничтожения высадившихся на земле и использовать для борьбы тыловые части, учреждения и запасные полки распоряжением командующих армиями.

А. Противовоздушная оборона.

(Смотреть план в приложении № 9)

Задачи ПВО округа:

- 1) прикрыть системой ПВО крупные железнодорожные узлы, жизненные центры, мосты, склады;
- 2) прикрыть войска — выгрузку, сосредоточение, передвижение, узлы связи и пр.;
- 2) своевременное оповещение о появлении авиации противника.

Б. Мероприятия по маскировке и борьбе с пожарами:

- 1) все передвижения войск совершать ночью, принимая меры для скрытия движения, расположения и введения противника в заблуждение;
- 2) затемнять населенные пункты, железнодорожные объекты;
- 3) создать пожарные команды как войсках, так и на всех предприятиях, железнодорожных станциях, населенных пунктах, аэродромах и пр.

В. Охрана железных дорог, мостов, грунтовых дорог и складов, организованная в мирное время, усиливается в полосе РП распоряжением их начальников, гарнизонах и на складах распоряжением их начальников, на железных дорогах грунтовых дорогах охрана усиливается за счет войск НКВД, запасных полков местных стрелковых войск согласно списку в приложении № 10.

Разрушения, произведенные авиацией противника, восстанавливаются силами НКТ и УШОСДОРА в соответствии данными в приложении № 11. Грунтовые дороги в армейском и войсковом тылу восстанавливаются распоряжением командиров соединений.

VII. Использование военно-воздушных сил

Задачи ВВС в период прикрытия:

- 1) последовательными ударами боевой авиации во взаимодействии с ВВС Главного Командования и соседних округов по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника и завоевать господство в воздухе с первых дней войны;
- 2) истребительной авиацией во взаимодействии с системой ПВО прочно прикрыть от мобилизацию и сосредоточение войск, нормальную работу железных дорог и не допустить пролета авиации противника в глубь страны;
- 3) во взаимодействии с наземными войсками уничтожать наступающего противника и не допустить прорыва его крупных мотомехчастей;

4) совместно с морской авиацией КБФ уничтожать военно-морской флот и транспорты противника, воспретив высадку десантов на острова Даго, Эзель и на побережье Балтийского моря;

5) ударами по железнодорожным узлам Кёнигсберг, Мариенбург, Эйлау, Алленштейн, Истербург и по железнодорожным мостам через р. Висла на участке Данциг, Быдгощ, а также по группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение войск;

6) разрушить порт Мемель;

7) не допустить высадки воздушных десантов;

8) [наносить] массированные удары по наземным войскам противника.

Порядок выполнения задач, выделяемые силы, средства и план действий ВВС — в приложении № 12.

С первого дня выделить для усиления ПВО 21-й истр. полк в оперативное подчинение командира 10-й бригады ПВО.

При выполнении основных задач в интересах округа в целом переданная в РП авиация привлекается командующим ВВС к их выполнению. План действий ВВС — в приложении № 13.

VIII. Инженерное обеспечение

Задачи инженерного обеспечения:

1) дооборудовать и достроить в полосе полевых укреплений вдоль границы систему заграждений, обеспечив этим возможность занять оборонительную позицию частям УП по линии строящихся УР и остановить танки противника;

2) дооборудовать и приспособить к обороне полосу строящихся долговременных сооружений Тельшайского, Шяуляйского, Ковенского и Олитского УР как основную оборонительную позицию;

3) дооборудовать, усилить и строить противотанковые районы согласно карте в приложении № 4;

4) создать тыловые армейские и фронтовые рубежи;

5) организовать в случае вынужденного отхода сплошные заграждения с разрушением дорог, мостов, железнодорожной

сети, сети связи уничтожением объектов, важных для противника в полосе от госграницы до линии р. Вента, Шяуляй, р. Невежис, р. Неман;

6) исправить и восстановить дороги, разрушенные авиацией противника в войсковой и армейской полосах;

7) создать [и] поддерживать переправы через р. Неман — наплавной мост у Средники, понтонные у Вильки, Румшишкес, постоянные у Каунас, Прены, Алитус, Меркине и через Зап. Двину у Риги, Крустпилс, Даугавпилс.

Производящие работы в составе УНС саперные и строительные батальоны использовать с началом войны:

1) саперные батальоны соединений ПриБОВО направляются распоряжением штармов с первого дня войны в районы и на участки, назначенные для прикрытия соответствующим соединениям; в места зимних стоянок они не возвращаются;

2) саперные батальоны не из состава войск ПриБОВО поступают с первого дня войны в подчинение начальников РП и используются ими для производства работ совместно с пехотой по устройству заграждений, обороне их и дооборудования основных оборонительных позиций, убывают из состава войск ПриБОВО по указаниям ген. штаба КА.

3) строительные батальоны с первого дня войны в составе УНС отводятся распоряжением командующих армиями на первый армейский тыловой рубеж, где приступают к дооборудованию противотанковых районов и созданию тыловых рубежей. Работы организуют и планируют начальники инж. войск армий по плану командующих армиями.

Инж. управление округа обеспечивает работы материалами, техникой, инструментом в объеме в зависимости от отпуска центром. План № 4

IX. Материально-техническое обеспечение прикрытия осуществляется по плану в приложении № 14

Санитарная и ветеринарная эвакуация проводятся по плану в приложении № 14.

Эвакуация семей начальствующего состава из приграничной полосы и имущества войсковых частей по плану в приложении № 14.

Обеспеченность топокартами на военное время — в приложении № 15. Запас карт заводится в части и соединения в течение июня месяца.

Приложения*

№ 1 — Схема прикрытия.

№ 2 — Ведомость боевого состава.

№ 3 — Ведомость численного и боевого состава войск ПриОВО.

№ 4 — План инженерного обеспечения.

№ 5 — План связи.

№ 6 — Сбор и оповещение командиров штаба округа.

№ 7 — Состав 1-го эшелона штаба округа.

№ 8 — Расчет на выезд в Паневеж.

№ 9 — План ПВО.

№ 10 — Охрана дорог и складов в тылу.

№ 11 — Схемы исправления дорог, раз-рушенных авиацией.

№ 12 — Схема районов погрузки и вы-грузки войск.

№ 13 — План действий ВВС.

№ 14 — План материально-технического обеспечения.

№ 15 — Обеспеченность топокартами.

№ 16 — План разрушения жел. дорог.

Командующий войсками ПриОВО генерал-полковник *КУЗНЕЦОВ*

Член военного совета ПриОВО корпусной комиссар *ДИБРОВА*

Начальник штаба ПриОВО генерал-лейтенант *КЛЕНОВ*

№ 0030

Исполнено в двух экземплярах

2.6.41

Экземпляр № 1 на тридцати пяти листах в Генштабе.

№ 2 — в штабе округа.

Исполнитель — *генерал-майор ТРУХИН*

* Не опубликованы, в оригинале книги список приложений опущен. (Прим. ред.)

Примечания:

¹ Публикуется по: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // ВИЖ, № 2 (март-апрель) 1996: 5–8. Со ссылкой на: ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 237, лл. 33–47.

² Публикуется по: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // ВИЖ, № 2 (март-апрель) 1996: 9–15. Со ссылкой на: ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 242, лл. 1–35. Полные планы прикрытия Западного и Киевского военных округов опубликованы в продолжении той же статьи — ВИЖ № 3 (май-июнь) и № 4 (июль-август) за 1996 год.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ВЗГЛЯД ПРОТИВНИКА: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВЫКЛАДКИ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В период планирования операции «Барбаросса» немецкая разведка переоценивала численность советских сухопутных войск в приграничных военных округах, но недооценивала активную численность Красной Армии в целом. Вдобавок она не сумела заметить изменение численности и состава новых советских механизированных войск¹. Довольно любопытно, что летом 1940 года, когда началось планирование вторжения в Советский Союз, немцы составили довольно точную картину советских войск. Но со временем она становилась все менее точной, так как немцы явно не сумели заметить мобилизационных мер, предпринимаемых советским Генштабом в последующем году (или, как это называли Советы, стадии «вползания в войну»).

В августе 1940 года немцы оценивали численность советских вооруженных сил в 151 пехотную дивизию, 32 кавалерийских дивизии и 38 механизированных бригад, в то время как действительная численность советских сухопутных войск составляла 152 стрелковые дивизии, 26 кавалерийских дивизий и 9 недавно сформированных механизированных корпусов (каждый с двумя танковыми и одной мотострелковой дивизией)². По оценкам нем-

цев, на западе из них могли быть использованы 96 пехотных дивизий, 23 кавалерийские дивизии и 28 механизированных бригад.

Хотя на тот момент эта немецкая оценка численности советской регулярной пехоты и кавалерии была близка к действительности, именно в 1940 году немцы начали затяжной процесс недооценки численности советских бронетанковых войск. Против указанных сил Германия планировала выставить собственную ударную группировку численностью в 147 дивизий (24 танковые, 1 кавалерийскую, 12 мотопехотных и 110 пехотных) — эти силы останутся неизменными на протяжении всего последующего планирования.

В октябре оперативный отдел немецкого Генерального штаба поднял оценку общей численности советских войск на Западе примерно до 170 дивизий всех родов, в том числе примерно 70 на Украине, 60 — в Белоруссии, 30 — в Прибалтике, а остальные в резерве. На совещании составителей планов 3 февраля начальник Генерального штаба Франц Гальдер оценил численность советских войск, могущих противостоять немецкому вторжению, в 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий и 30 механизированных бригад³.

Подготовленный в начале июня 1941 года окончательный немецкий анализ численности советских войск оценивал советские войска в 170 пехотных дивизий, 33 $\frac{1}{3}$ кавалерийской дивизии и 46 моторизованных и бронетанковых бригад (последние эквивалентны 15 мобильным дивизиям). На самом же деле Красная Армия в это время насчитывала 196 стрелковых дивизий, 13 кавалерийских дивизий, 61 танковую дивизию (58 в составе механизированных корпусов и три отдельных) и 31 моторизованную дивизию (29 в механизированных корпусах и 2 отдельных). Из этого общего числа немцы насчитали в приграничных военных округах 118 пехотных дивизий, 20 кавалерийских дивизий и 40 мобильных бригад (итого около 150 дивизий) — тогда как реальная численность советских войск составляла 171 дивизию всех видов. По оценке немецкой разведки, в остальной европейской России имелось еще 32 $\frac{1}{3}$ дивизии, тогда как фактически их было около 100.

**Точность оценок советских войск немецкой разведкой
в 1940–1941 годах**

	Германская оценка	Реальные силы
Август 1940 года		
Армии		20
Пехотные дивизии	151	174 (3 моторизованных)
Кавалерийские дивизии	32	26
Механизированные бригады	38	8 корпусов (26 дивизий)
15 января 1941 года		
Армии	20	20
Стрелковые корпуса	30	50
Стрелковые дивизии	150 (15 моторизованных)	179
Кавалерийские корпуса	9	6
Кавалерийские дивизии	32	25
Мотомеханизированные корпуса	6	9 корпусов (20 дивизий)
Моторизованные бригады	36	0
11 июня 1941 года		
Армии	20	20
Стрелковые корпуса	40	62
Стрелковые дивизии	175 (15 моторизованных)	198 (+3 бригады)
Кавалерийские корпуса	9	4
Кавалерийские дивизии	33 $\frac{1}{3}$	13
Танковые и механизированные корпуса	3	29
Танковые дивизии	7	61
Механизированные бригады	43	31 (дивизии)
Парашютные бригады	7	15 (в 5 корпусах)
Мобилизационные дивизии	200	518 дивизионных эквивалентов на 31 декабря 1941 г.
Общая численность войск	6,2 миллиона человек и 11–12 миллионов людского резерва ⁴	7,85 миллионов человек в первоначальной мобилизации; 29 574 900 на протяжении всей войны ⁵

Немецкие оценки советской военно-воздушной мощи сильно варьировались, свидетельствуя о весьма путаных представлениях немцев по поводу действительной численности советских ВВС. Разные источники оценивают эту численность от 8000 и до 14 000 самолетов, из них примерно 6000 — на западе Советского Союза⁶. Последние разделялись следующим образом: 800 устаревших машин ближней разведки; 2000 истребителей, в том числе 250–300 современных моделей; 1800 бомбардировщиков, в том числе 800 машин современных конструкций; 700 истребителей-бомбардировщиков и штурмовиков (в основном устаревших конструкций), а также 700 самолетов ВМФ, главным образом устаревших моделей. Всего современных самолетов насчитывалось около 1500.

Эти цифры подчеркивают два главных изъяна в немецких подсчетах существующей численности советских вооруженных сил. Во-первых, немцам не удавалось адекватно оценить масштаб советских довоенных мобилизационных усилий. Если о ситуации в приграничных округах они имели хоть какое-то представление, то совсем ничего не знали о положении во внутренних военных округах, где мобилизацию можно было лучше скрыть. Во-вторых, немцы недооценили перестройку советских вооруженных сил — в частности, связанную с советской программой механизации. Даже на 22 июня 1941 года немецкая разведка продолжала подсчитывать прежние советские танковые бригады и кавалерийские дивизии, не ведая, что большинство из них уже преобразованы в танковые и механизированные дивизии новых механизированных корпусов.

К 22 июня немцы установили по 1 механизированному корпусу в Прибалтийском, Западном и Киевском особых военных округах — из 16, которые на самом деле находились в этих регионах. Не заметили немцы и противотанковых бригад, сформированных в приграничных военных округах и предназначенных для взаимодействия с этими новыми механизированными корпусами. Будет верным и то, что немецкое оперативное и тактическое умение более чем компенсировало эти неудачи разведки в начальный период войны. Однако в долгосрочном плане

общая картина неудач немецкой разведки осталась той же — с катастрофическими последствиями для германской армии.

Немцы также верно оценили трудности, испытанные Советами во время Финской войны и последующую реформу вооруженных сил — хотя и не сумели предвидеть полный ее масштаб. Они склонны были недооценивать действенность этой программы реформ и считали, что из-за продолжающихся чисток советское военное руководство будет не способно управлять крупными силами в мобильной современной войне. И все же они учитывали, что сила советских войск заключается в их многочисленности, в больших запасах техники, в смелости и стойкости советского солдата, в огромности и относительной неразвитости советского театра военных действий.

Однако куда серьезнее этих проблем было неумение немцев оценить размах и действенность советской мобилизационной системы — особенно чистого количества войск, которое она была в состоянии дать. Немецкая разведка имела склонность подсчитывать только то, что можно увидеть — то есть активные войска, сохранявшиеся в мирное время на различных уровнях численности. Однако она не замечала и не изучала внимательнее советские «мобилизационные» дивизии, которые в мирное время не имели ни значительного кадрового ядра, ни должного технического оснащения.

Видимо, немцы исходили из того, что операция «Барбаросса» будет завершена примерно за четыре месяца — еще до того, как Советы сумеют мобилизовать и выставить значительное число боеготовых войск. Немецкое главное командование рассчитывало, что с любыми новыми советскими соединениями сможет разделаться на последующих стадиях наступления по ходу операции. История показала, что это аксиоматическое предположение и связанные с ним рассуждения таили в себе роковой просчет.

Примечания:

1. Подробности см.: *David M. Glantz, Soviet Military Intelligence in War* (London: Frank Cass, 1990), 43–48.

² Немецкие оценки численности советских вооруженных сил см. в The German Campaign in Russia, Planning and Operations (1940–1941), DA Pamphlet No. 20–261a (Washington, DC: Department of the Army, March 1955), 7.

³ Ibid., 30.

⁴ OKH GenStdH, Die Kriegswehrmacht der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (UdSSR), Stand: 1.1.1941, Teil I: text; H3/1692; Teil II: Anlagenband; H3/637.

⁵ *Кривошеев*, Гриф..., 139. Это цифра только для Красной Армии. Общая мобилизация для всех войск охватила 34 476 700 человек.

⁶ «Die Kriegswehrmacht» дает численность BBC в 12–14 тысяч машин, тогда как DA Pamphlet No. 20–261a, 42 оценивает численность советских BBC в 8000 самолетов.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

СООТНОШЕНИЕ СИЛ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Одним из самых спорных вопросов, связанных с операцией «Барбаросса» и с оценкой действий советских войск, является баланс сил противоборствующих сторон. Многие исследователи использовали это соотношение сил, наряду с другими факторами, для определения боевой эффективности советских войск и конечного итога операции. Доступные теперь архивные материалы дают историку возможность довольно точно выяснить реальное соотношение сил и лучше проанализировать, какой вклад внесло это соотношение в поражение Советов.

Советские исторические труды, основывающиеся на открытых источниках, дружно преувеличивали численность немецких войск и преуменьшали численность своих. К середине 1960-х эти источники утверждали, будто общая численность немецких вооруженных сил в июне 1941 года доходила до 8 500 000 солдат, в том числе около 6 000 000 в сухопутных войсках, 1 700 000 в ВВС, а остальные — во флоте и специализированных соединениях вроде СС. Согласно этим источникам, германская сухопутная армия состояла из 214 дивизий (в том числе 169 пехотных, 21 танковой, 14 моторизованных дивизий и 2 отдельных бригад, поддерживаемых 11 000 танков и штурмовых орудий, примерно 78 000 орудий и минометов и 11 000 самолетов¹.

Из этого общего числа немцы задействовали в боях на Востоке 152 дивизии, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, а также 2 отдельные бригады с общей численностью сухопутных войск в 3 300 000 бойцов. К этим войскам добавляли 1 200 000 солдат в военно-воздушных силах и 100 000 во флоте — то есть всего 77 процентов действующих немецких войск*. Тот же советский источник оценивал численность войск сателлитов Германии в 29 дивизий (16 финских и 13 румынских) и 16 бригад (3 финских, 9 румынских и 4 венгерских) общей численностью в 900 000 бойцов. Это дало огромную итоговую цифру в 5 500 000 бойцов (из них 4 600 000 немцев), 181 дивизию и 18 бригад, поддерживаемых 2800 танками и штурмовыми орудиями,** 48 000 орудиями и минометами, 4950 самолетами (из которых до 1000 были финскими и румынскими)².

Тот же источник оценивал численность советских войск на 22 июня в 4 207 000 бойцов, плюс мобилизованные в первой половине 1941 года, численность которых оценивалась в 793 000 бойцов, получая общую численность вооруженных сил в 5 000 000³. В это число входили 2 900 000 солдат в западных военных округах, сведенных в 170 дивизий и 2 бригады, поддерживаемых 1800 тяжелыми и средними танками (в том числе 1475 танками новых марок), 34 695 орудиями и минометами и 1540 самолетами новых конструкций (плюс множеством устаревших самолетов).

* Так в работе, на которую ссылается Гланц. В действительности указанная численность немецких войск на Востоке (4,6 миллиона) составляет 54% от оценочной численности германской армии (8,5 миллионов) — и 63,6 % от реальной (7,234 миллиона). Следует отметить, что приведенная книга — *единственная*, в которой численность немецкой армии завышалась; все прочие советские исследования, в том числе 6-томная «История Великой Отечественной войны» 1960–1965 годов и 12-томная «История Второй мировой войны» (судя по всему, отнесенные Гланцем к «прежде засекреченным»), давали численность германской армии на 22 июня 1941 года по Мюллер-Гиллебранту — 7 234 000 человек. (Прим. ред.)

** В указанной работе для обеих сторон учитываются только средние и тяжелые танки, для советских войск делается оговорка о большом количестве легких танков с ограниченным моторесурсом. (Прим. ред.)

Согласно этому источнику соотношение сил на Востоке было следующим:

	РККА	Силы «Оси»	Соотношение
Дивизии и их эквиваленты (2 бригады = 1 дивизии)	171	190	1:1,1
Личный состав	2 900 000	5 500 000	1:1,9
Танки и штурмовые орудия	1800	2800	1:1,6
Орудия и минометы	34 695	48 000	1:1,4
Самолеты	1540	4950	1:3,2

К концу 1980-х годов советские открытые источники оценивали общую численность задействованных против Советского Союза войск немцев и их сателлитов в 5 500 000 бойцов, сведенных в 190 дивизий (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных) и поддерживаемых 4300 танками и штурмовыми пушками, 47 200 орудиями и минометами и 4980 боевыми самолетами (из которых 83 процента были машинами вермахта)⁴. Тот же источник определяет общую численность советских вооруженных сил в 5 373 000 солдат, в том числе 4 553 000 в сухопутных войсках и ПВО, 476 000 — в ВВС и 344 000 — в ВМФ, поддерживаемых 1861 танком новых марок, 67 000 орудий и минометов и 2700 самолетами новых конструкций. Советские войска в западных военных округах оцениваются в 2 680 000 бойцов, 1475 танков новых марок, 37 500 орудий и минометов и 1540 самолетов новых конструкций, сведенных в 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных и 7 кавалерийских) и 2 бригады⁵. Соотношение сил, таким образом, становится следующим:

	РККА	Силы «Оси»	Соотношение
Дивизии	171	190	1:1,1
Личный состав	2 680 000	5 500 000	1:2,1
Танки и штурмовые орудия	1475	4300	1:2,9
Орудия и минометы	37 500	47 200	1:1,3
Самолеты	1540	4980	1:3,2

В 1991 году советский подсчет соотношения сил снова изменился. Авторитетная и подробная статья М. И. Мельтюхова, основанная на архивных источниках, определяла общую численность советских вооруженных сил в 5 373 000 бойцов, 23 140 танков, 104 114 орудий и минометов и 18 570 самолетов, с 303 дивизиями сухопутных войск и 16 воздушно-десантными и 3 стрелковыми бригадами⁶. Из этого числа 2 780 000 бойцов (включая ВВС, войска ПВО и пограничные войска НКВД), сведенных в 177 дивизионных эквивалентов, были развернуты в западных приграничных округах, поддерживаемые 10 394 танками (в том числе 1325 машинами новых марок), 43 862 орудиями и минометами и 8154 самолетами (в том числе 1540 машинами новых конструкций).

Опираясь на немецкие архивные источники, Мельтюхов определяет общую численность немецких вооруженных сил на 15 июня 1941 года в 8 229 000 бойцов, включая 3 960 000 военнослужащих полевой армии, 1 240 000 военнослужащих Армии резерва, 1 545 000 военнослужащих Люфтваффе, 160 000 военнослужащих войск СС, 404 000 военнослужащих ВМС и 920 000 военнослужащих во всех видах специализированных организаций поддержки. Эти войска были сведены в 208 дивизий, 1 боевую группу, 3 моторизованные и танковые бригады и 2 пехотных полка при 5694 танках и штурмовых орудиях, 88 251 орудии и миномете, 6413 самолетов.

Из этого общего числа Германия собиралась задействовать в боях на Востоке 4 600 000 бойцов (3 300 000 военнослужащих сухопутных войск и войск СС, 1 200 000 военнослужащих ВВС и 100 000 военнослужащих ВМФ), сведенных в 155 счетных дивизий при 3998 танках и штурмовых орудиях, 43 407 орудиях и минометах, 3904 самолетах. В действительности же первоначально она задействовала 127 дивизий численностью в 4029 250 бойцов, при 3648 танках и штурмовых орудиях, 35 791 орудии и миномете, 3904 самолетах.

Основываясь на иностранных архивных материалах, Мельтюхов дает следующую численность задействованных на Востоке вооруженных сил сателлитов Германии: Финляндия — 302 600 бойцов (17,5 дивизий), 86 танков, 2 047 орудий и минометов, 307 самолетов; Румыния — 358 140 бойцов (17,5 дивизий),

60 танков, 3 255 орудий и минометов, 423 самолета; Венгрия — 44 000 бойцов (2 дивизии), 116 танков, 200 орудий и минометов, 100 самолетов; всего — 704 740 бойцов (37 дивизий), 262 танка, 5502 орудия и миномета, 937 самолетов.

Таким образом, по Мельтюхову, общая численность задействованных на Востоке немецких войск и войск сателлитов достигала 4 733 990 бойцов (161 дивизии), 3 899 танков и штурмовых орудий, 41 293 орудий и минометов, 4841 самолета. В итоге соотношение сил получалось следующее:

	РККА	Силы «Оси»	Соотношение
Дивизии	174	164	1,1:1
Личный состав	2 780 000	4 733 990	1:1,7
Танки и штурмовые орудия	10 394	3899	2,6:1
Орудия и минометы	43 872	41 293	1,1:1
Самолеты	9576	4841	2,0:1

Прежде засекреченные советские источники определяли общую численность немецких вооруженных сил и войск их сателлитов в 7 254 000 бойцов, 6677 танков и штурмовых орудий, 77 800 орудий и минометов, 10 100 боевых самолетов. Из этого общего числа 5 500 000, 3582 танка и штурмовых орудия, 41 763 орудия и миномета, 4275 самолетов (в 191,5 дивизиях) были задействованы в войне против Советского Союза. Тот же источник утверждает, что численность советских вооруженных сил составляла 5 373 000 бойцов, 18 680 танков, 91 400 орудий и минометов, 15 599 самолетов. Из этого числа 2 901 000 бойцов, 11 000 танков, 21 556 орудий и минометов и 9917 самолетов были развернуты в западных приграничных военных округах⁷.

Этот источник добавляет к упомянутым выше число танков и самолетов более старых моделей, которые прежние источники не учитывали, увеличивает общее количество артиллерии в Красной Армии (с 67 000 до 91 400 стволов) и подымает численность живой силы, развернутой в западных военных округах (с 2 680 000 бойцов до 2 901 000 бойцов). Хотя эти цифры советской численности войск, вероятно, верны, данные по нем-

цам требуют подтверждения. В итоге получается следующее соотношение сил:

	РККА	Силы «Оси»	Соотношение
Дивизии	171	191,5	1:1,1
Личный состав	2 901 000	5 500 000	1:1,9
Танки и штурмовые орудия	11 000	3582	3:1
Орудия и минометы	21556	41 763	1:1,9
Самолеты	9917	4275	2,3:1

Немецкие источники оценивают численность германских вооруженных сил (вермахта) на 22 июня в 7 234 000 бойцов. Из этого числа 3 800 000 служили в полевой армии (фельдхеере), 1 200 000 в Армии резерва (эрзацхеере), 1 680 000 в Люфтваффе, 404 000 в ВМФ (Кригсмарине) и 150 000 в ваффен-СС⁸. Сухопутные войска армии и СС, первоначально задействованные на Востоке, исчислялись в 3 050 000 бойцов (в том числе 67 000 в Финляндии). Первоначальная численность сил Люфтваффе на Востоке составляла около 700 000 военнослужащих. Общее число в 3 750 000 бойцов поддерживалось 3350 танками, 7000 орудий и почти 3000 самолетов⁹. Из 210 немецких дивизий 145 были задействованы на Востоке.

Цифры Мельтюхова, похоже, наиболее точны в отношении советских войск и войск союзников Германии. Численность личного состава немецких войск (включая 700 000 военнослужащих Люфтваффе) следует оценить в 3 750 000 бойцов, сведенных в 135 дивизий (включая стратегические резервы и 9 охранных дивизий), поддерживаемых 3350 танками и штурмовыми орудиями*, 7184 орудиями и минометами, 2000 самолетами. Вместе с задействованными силами союзников (большинством

* Приведенная цифра (взятая из донесения инспектора артиллерии и генерал-квартирмейстера от 20 июня 1941 года) *не включает* штурмовые орудия, прочие САУ, а также две танковые дивизии стратегического резерва (около 350 машин). См.: М. Мельтюхов. Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года // Великая Отечественная катастрофа III. М.: Эксмо; Яуза, 2007. С.15. (Прим. ред.)

финских войск и половиной румынских) общая численность войск Оси повышается примерно до 4 200 000 бойцов, 3612 танков и штурмовых орудий, 7686 орудий и минометов*, и 2937 самолетов. Учитывая данные Мельтюхова, засекреченные советские данные, дополнительные немецкие данные и непосредственные стратегические резервы¹⁰, получается следующее соотношение сил:

	РККА	Силы «Оси»	Соотношение
Дивизии	174	164	1,1:1
Личный состав	2 780 000	4 733 990	1:1,7
Включая стратегический резерв	3 700 000	4 733 990	1:1,3
Танки и штурмовые орудия	11 000	3612	3:1
Орудия и минометы	43 872	12 686	3,5:1
Самолеты	9917	2937	3,4:1

В советские стратегические резервы входят около 1 миллиона из почти двух миллионов бойцов, мобилизованных вскоре после 22 июня, большинство которых так или иначе оказалось в новых резервных армиях, брошенных в бой в июле и августе (серия с 21-й по 43-ю армии). У Оси не имелось никакого эквивалента этих резервов**.

* По работе Б. Мюллер-Гиллебранта можно без труда подсчитать, что в немецкой пехотной дивизии (1-й волны) насчитывалось 84 50-мм миномета, 54 81-мм миномета, 72 противотанковых и 74 пехотных орудия — то есть в сумме 200 стволов даже без учета легких минометов. Приняв эту цифру как ориентировочную, мы получим только в 135 немецких пехотных дивизиях 27 тысяч орудий и минометов — даже без учета подвижных соединений, корпусной и армейской артиллерии, РГК, зенитной артиллерии Люфтваффе, отдельных артиллерийских частей и подразделений. (Прим. ред.)

** Прямым эквивалентом этих сил в вермахте являлась упомянутая выше Армия резерва, служившая для обучения новобранцев и пополнения действующей армии. (Прим. ред.)

Примечания:

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Под ред. П. Н. Поспелова. Москва: Воениздат, 1967, 33.

² Там же.

³ Там же, 52.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. Под ред. М. М. Кирьяна. Москва: Политическая литература, 1988, 10.

⁵ Там же, 11.

⁶ М. И. Мельтюхов. 22 июня 1941 г.: Цифры свидетельствуют // История СССР, № 3 (март 1991 г.): 16–27. Мельтюхов также дает цифры для каждого участка и для каждой системы вооружений

⁷ Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 97. В войсках западных военных округов также имелось 14 962 50-мм миномета.

⁸ В. Mueller-Hillebrand, Das Heer 1933–1945, vol. 2 (Frankfurt, 1956), 102.

⁹ ОКН/GenStdH, Barbarossa Band II, Anl. 123, 125; H22/353.

¹⁰ Численность немецкой техники во время операции «Барбаросса» см. «The German Campaign in Russia: Planning and Operations (1940–1942)», Department of the Army Pamphlet No. 20-261a (Washington, D.C.: Department of the Army, March 1955), 10–41.

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

В настоящее время М. Мельтюхов несколько скорректировал свои цифры, и его таблица соотношения сил на Западном ТВД к 22 июня 1941 года выглядит следующим образом:

	Красная Армия	Германия и союзники	Соотношение
Дивизии	190	166	1,1:1
Личный состав	3 262 851	4 329 500	1:1,3
Орудия и минометы	59 787	42 601	1,4:1
Танки и штурмовые орудия	15 687	4364	3,6:1
Самолеты	10 743	4795	2,2:1

К этому следует комментарий: *«Хотя приведенные выше данные и дают общее представление о силе противостоящих группировок, следует учитывать, что вермахт завершил стратегическое сосредоточение и развертывание на ТВД, тогда как в Красной Армии этот процесс находился в самом разгаре»*. *

Цифры по артиллерии вермахта и его союзников приведены Мельтюховым расчетно — исходя из указанных Мюллер-Гиллебрантом штатов артиллерийских частей и подразделений, развернутых против СССР, поскольку *«традиционно в германской историографии значительная часть артиллерии войск на Востоке вообще не учитывается»***.

К этому можно добавить, что столь же традиционно в германской историографии не учитывается заметная часть бронетанковой техники — входившие в состав пехотных подразделений самоходные орудия на танковом шасси, а также машины из состава отдельных танковых батальонов и прочие трофейные танки. В сумме они составляли не менее 20% германской гусеничной бронетехники на Восточном фронте. Наконец, большинство историков полностью игнорирует главный показатель моторизованности (а, следовательно, и маневренности) войск — количество автотранспорта в армиях сторон. Между тем только развернутые для нападения на СССР германские войска имели около 600 000 автомашин, а все советские войска в приграничных округах — 149 300 автомашин***, то есть в *четыре* раза меньше.

Следует учесть, что для стран «Оси» Мельтюховым приведены только уже развернутые для нападения силы (даже без находившихся близ границы стратегических резервов), а для СССР — *все* войска западных округов, в том числе тыловые, административные и учебные структуры, которые для противника не учитывались.

* М. Мельтюхов. Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года // Великая Отечественная катастрофа III. М.: Эксмо; Яуза, 2007. С. 16, 39.

** Там же, с. 16.

*** Там же, с. 15 (со ссылкой на Г.-Х. Якобсена); Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1977. С. 53.

Учет Гланцем при определении соотношения сил только что мобилизованных советских резервов ни в коей мере не является оправданным — эти войска не приняли и не могли принять участие в решающих сражениях первых дней войны, а вдобавок обладали низкой боеспособностью. У немцев аналогичные силы были собраны в Армии резерва (насчитывавшей 1200 тысяч человек), значительная часть которой располагалась в восточных областях рейха, а впоследствии и на территории Советского Союза. Однако вермахт не испытывал необходимости немедленно бросать эти силы в бой.

Кроме того, из выделенных для кампании на Востоке сил вермахта около 500 000 солдат на момент начала войны еще не были развернуты и в таблицу Мельтюхова не вошли, хотя также находились в восточных районах Рейха. В целом цифры Гланца отражают тенденцию западной (в первую очередь немецкой) историографии — любой ценой зависить силы РККА и занизить силы вермахта, вступившие в схватку 22 июня 1941 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Viktor Suvorov. Icebreaker: Who started the Second World War? (London, Hammish-Hamilton, 1990).

² Виктор Суворов. День-М. Москва: Все для вас, 1994.

³ Г. А. Бордюгов, В. А. Невежин. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Москва: АИРО-XX, 1995.

⁴ David M. Glantz, ed., The Initial Period of War on the Eastern Front: 22 June-August 1941 [«Начальный период войны на Восточном фронте: 22 июня — август 1941 г.» под ред. Дэвида М. Гланца]. London: Frank Cass, 1993.

1. Войска Красной Армии

¹ Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 43. Гриф «Для служебного пользования». Далее цитируется как «Начальный период». Рассекреченные документы об увеличении Красной Армии между 1937 и 1941 годами и о структурных реформах в армии накануне войны см.: И. Х. Баграмян. История военного искусства. Москва: Воениздат, 1970; В. А. Анфилов. Провал блицкрига. Москва: Наука, 1974.

² Начальный период, 39–43.

³ Там же, 97. См. также Г. Ф. Кривошеев. Накануне // Военно-исторический журнал, № 6 (июнь), 1991, 42. М. И. Мельтюхов (22 июня 1941 г. // История СССР, № 3 (март) 1991, 18) оценивает численность советских вооруженных сил на 22 июня в 5 373 000 человек. В работе «Гриф секретности снят» (Москва: Воениздат, 1993), вышедшей несколько позднее, Кривошеев оценивает численность Красной Армии и флота в 4 826 907 человек, плюс 74 945 служащих Народного Комиссариата Обороны. Далее цитируется как «Гриф секретности».

⁴ Анализ состояния советской довоенной готовности см. Robert Savushkin, «In the Tracks of a Tragedy: On the 50th Anniversary of the Start of the Great Patriotic War» // Journal of Soviet Military Studies 4, 2 (June 1991), 240–242.

⁵ Боевой состав Советской Армии. Часть 1 (июнь–декабрь 1941 года). Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1963, 7–14. Подготовлен Военно-Научным управлением Генерального штаба и засекречен. Ныне рассекречен. Советские фронты военного времени были примерно эквивалентны западным группам армий. Далее цитируется как «Боевой состав».

⁶ В мирное время эти резервы находились под контролем главного командования, означающего высшее политическое руководство (Сталина), НКО и Генеральный штаб. В военное время появится Ставка, состоящая из ключевых политических и военных фигур. Эта Ставка будет осуществлять стратегический контроль над военными действиями, формировать стратегические резервы и распределять эти резервы по действующим войскам.

⁷ Начальный период, 58.

⁸ Там же, 64.

⁹ Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства, 1922–1941 гг. Москва: Юридическая литература, 1977. 507–508.

¹⁰ N. Ramanichev, «The Red Army, 1940–1941: Myths and Realities», 106. Эта черновая рукопись (название предварительное) была переведена и подготовлена к будущему изданию. В ней особенно сильно отражено состояние среднего советского

солдата и дается глубокое истолкование контекста, в котором развивалась Красная Армия в предшествующий войне период.

¹¹ Эта цифра в 5,3 миллиона включает в себя и солдат, призванных во время предвоенной мобилизации. Согласно Кривошееву («Накануне», 43) Советский Союз мобилизовал в первые восемь месяцев войны больше 10 миллионов человек, 3 миллиона из которых были сразу же отправлены на фронт. В «Гриф секретности» (139) Кривошеев оценивает общую советскую мобилизацию за время войны в 29 574 000 человек (в ходе нескольких массовых призывов). Подробности процесса мобилизации можно найти в «Начальном периоде», 29–44, и в книге А. Г. Хорькова «Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой отечественной войны» (Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985). Эта работа была засекречена, но ныне гриф секретности снят.

¹² Помесячные прибавления и убавления в структуре войск Красной Армии см. «Боевой состав».

¹³ См. например: Из описания боевых действий 22 мотострелковой дивизии войск НКВД в Прибалтике с 22 июня по 12 июля 1941 г. в сборнике «Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы» (Москва: Юридическая литература, 1975), 37–42. Этот объемистый том отчетов о боевых действиях многих соединений и частей НКВД дает превосходную картину обширной структуры НКВД военного времени.

2. Командный состав

¹ Подробности об управлении можно найти в книге «Начальный период Великой Отечественной войны» (Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989), 90–91.

² Подробности см. в статьях и документах, опубликованных в «Известиях ЦК КПСС» — недолговечном журнале, издававшемся под патронажем Генерального секретаря партии М. С. Горба-

чева в качестве «локомотива» гласности. Между 1988 годом и своей кончиной в 1991 году журнал опубликовал серию беспрецедентных документов о преступлениях партии и Сталина. Издаваться он прекратил, когда в 1991 году рухнул Советский Союз. К сожалению, с тех пор ни одно российское издание не могло тягаться с ним по части откровенности или исторической ценности. Подробности о чистках см.: Известия ЦК КПСС, № 4 (апрель), 1989, 43.

³ О. Ф. Сувениров. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал, № 3 (март), 1989, 39.

⁴ Там же, 40.

⁵ Там же.

⁶ «Trial of Red Army Commanders», USSR (Combat-Army), G-2 Report No. 866-6320 (Washington, D.C.: Military Intelligence Division, War Department, 12 June 1937). Classified secret.. В полном виде донесения атташе о советских чистках см. David M. Glantz, «Observing the Soviets: U.S. Army Attaches in Eastern Europe During the 1930s» // Journal of Military History, 55, 2 (April 1991), 153–184.

⁷ О. Ф. Сувениров. Всеармейская трагедия, 40.

⁸ «Treason Trials, Red Army», USSR (Combat — Army), G-2 Report No. 875-6320 (Washington, D.C.: Military Intelligence Division, War Department, 17 June 1937). Classified secret.

⁹ О. Ф. Сувениров. Всеармейская трагедия, 45.

¹⁰ Там же

¹¹ Там же, 42.

¹² Там же, 41.

¹³ N. Ramanichev, «The Red Army, 1940–1941: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 177–178.

¹⁴ A. A. Maslov, «General'skaia zhertva Pribaltiki» [General officers victims of the Baltic]. Journal of Soviet Military Studies 9, 1 (March 1996, 194–197.

¹⁵ Ramanichev, «Red Army», 176, со ссылкой на: РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 152, л. 151; а также А. Т. Уколов, В. И. Ивкин. О масштабах репрессий // ВИЖ, № 1 (январь) 1993, 56.

¹⁶ Уколов, Ивкин. О масштабах, 59. В той же статье утверждается, что между 1921 годом и 1 февраля 1954 года суды признали виновными в контрреволюционных преступлениях 3 777 380 лиц. Сюда не входят те, кто умер от голода, был убит или отправлен в лагеря ГУЛага в результате коллективизации или позже, за предполагаемое или доказанное сотрудничество с немцами во время войны.* Обширный список подвергшихся чистке см. в серии статей «Погибли в годы беззакония», ВИЖ, №№ 2, 3, 5–12 (февраль-декабрь) 1993.

¹⁷ «Treason Trials».

¹⁸ «Numbers of Officers Removed from the Red Army», Soviet Russia (Combat — Army), G-2 Report No. 6300 (Washington, D. C.: Military Intelligence Division, War Department, 10 August 1938).

* Данная цифра взята из справки МВД СССР, подготовленной в начале 1954 года для Н. С. Хрущева. Из указанного числа к высшей мере наказания было приговорено 642 980 человек, к заключению — 2 369 220 человек, к ссылке и высылке — 765 180 человек. Однако существуют и другие цифры. Так, например, О. Мозохин на основании статистических сводок НКВД и МГБ из Архива Президента РФ делает вывод, что с 1921 по 1953 год по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано 1 920 635 человек, из которых расстреляно 688 503. См.: О. Б. Мозохин. Право на репрессии. М.: Кучково Поле, 2006. С. 244, а также статистические таблицы на стр. 246–465. Из приведенных в этой работе подробнейших таблиц видно, что предательство и пособничество немецким оккупантам также входили в понятие «антисоветской деятельности». Кроме того, следует иметь в виду, что значительную долю осужденных за «антисоветскую деятельность» (и большинство приговоренных к высшей мере наказания) составляли репрессированные в 1937–1938 годах в соответствии с приказом № 00447, среди которых *«было много социально деклассированных лиц (без определенного места жительства, без определенных занятий) и мелкоуголовных рецидивистов, расстрелянных большей частью за незначительные преступления (кражи, уличный грабеж, содержание притонов)»*. (Марк Юнге, Рольф Биннер. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С. 9.) (Прим. ред.)

¹⁹ О. Ф. Сувениров «Всеармейская трагедия», 44.

²⁰ Там же, 43.

²¹ Там же, 45.

²² Там же, 42, цитируется из письма в журнале «Дружба народов», № 3 (март), 1988: 243.

²³ Там же, 45.

²⁴ Там же, 46.

²⁵ «Estimate of the Military Situation», G-2 Report Number 10 (Washington, D.C.: Military Intelligence Division, War Department, January 31, 1940). Classified secret.

²⁶ Ramanichev, «Red Army», 199.

²⁷ Ibid., 179, со ссылкой на: РГВА ф. 31983, оп. 3, д. 152, л. 152; ф. 4, оп. 14, д. 2371, л. 37, и ф. 33987, оп. 3, д. 1280, л. 37.

²⁸ Ibid., 180, со ссылкой на: РГВА ф. 4, оп. 19, д. 91, л. 15.

²⁹ «О накоплении начальствующего состава и пополнении Рабоче-Крестьянской Красной Армии» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь) 1990, 177–178.

³⁰ Там же, 178.

³¹ Там же, 179.

³² Там же.

³³ «О работе за 1939 год: Из отчета начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Щаденко, 5 мая 1940 г.» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь), 1990, 186.

³⁴ Щаденко предоставляет данные по всем категориям уволенных из армии, так же, как и по оправданным за каждый год. Там же, 188–189.

³⁵ Там же, 191.

³⁶ «Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь) 1990, 193.

³⁷ Там же, 198.

³⁸ Там же

³⁹ Там же

⁴⁰ Там же, 199.

⁴¹ Там же

⁴² Дальнейшие подробности см. Ramanichev, «Red Army», 182. Подробный анализ результатов деятельности всех военных училищ и школ можно найти в статье Ф. Б. Комала «Военные кадры накануне войны» (ВИЖ, № 2, 1990, 21–28).

⁴³ Комал, «Военные кадры», 22.

⁴⁴ Там же, 28.

⁴⁵ Ramanichev, «Red Army», 224–225.

⁴⁶ V. Anfilov, «Semen Konstantinovich Timoshenko», in H. Shukman, ed., *Stalin's Generals* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1993), 253. Далее цит. как «Stalin's Generals».

⁴⁷ Б. М. Шапошников. Воспоминания и военно-научные труды. Москва: Воениздат, 1974, 16. Из предисловия, написанного А. М. Василевским и М. В. Захаровым.

⁴⁸ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Москва: Прогресс, 1985, 210.

⁴⁹ Среди многих биографий см.: G. Jukes, «Alexander Mikhailovich Vasilevsky», in «Stalin's Generals», 275–285.

⁵⁰ R. Woff, «Alexsi Innokentievich Antonov», in «Stalin's Generals», 14.

⁵¹ И. Вакулов. Генерал-полковник М. П. Кирпонос // ВИЖ, № 1 (январь) 1977, 125–128.

⁵² Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Том 1. Москва: Прогресс, 1985, 225.

⁵³ Дмитрий Григорьевич Павлов // ВИЖ, № 2 (февраль), 1990, 54.

⁵⁴ Генерал-полковник Ф. И. Кузнецов // ВИЖ, № 9 (сентябрь), 1968, 124–126.

⁵⁵ Михаил Федорович Лукин // ВИЖ, № 8 (август), 1989, 44–45.

⁵⁶ П. А. Курочкин. 70 лет в армейском строю // ВИЖ, № 2 (февраль), 1988, 36.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Штеменко. Генеральный штаб, 24–25.

⁵⁹ С. Andreev, «Andrei Andreevich Vlasov», in «Stalin's Generals», 301–311.

3. Советский солдат

¹ V. E. Korol', «The Price of Victory: Myths and Reality», *Journal of Soviet Military Studies* 9, 2 (June 1996), 422. Далее цит. как JSMS.

² Petro G. Grigorenko. *Memoirs* (New York: Norton, 1982), 109–110.

³ Там же, 110.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ А. Самсонов. «Это ненасытное чудовище — война» // ЛГ-досье (приложение к «Литературной газете», июнь 1990, 19.

⁷ F. D. Sverdlov, «What's New About a Well-known Raid: A Selection from a Supressed Memoir», *JSMS* 9, 1 (March 1996), 861–871. Содержит выдержки из дневника Конененко.

⁸ Korol', «Price of Victory», 422–423.

⁹ S. A. Il'enkov, «Concerning the Registration of Soviet Armed Forces' Wartime Irrevocable Losses, 1941–1945», *JSMS* 9, 2 (June 1996), 441.

¹⁰ Korol', «Price of Victory», 423.

¹¹ F. W. von Mellenthin, «Panzer Rattles» (Norman: University of Oklahoma Press, 1956), 292–296.

¹² David M. Glantz, ed., *The 1984 Art of War Symposium: From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations — December 1942 — August 1943: A Transcript of Proceedings* (Carlisle, Pa.: U.S. Army War College Center for Land Warfare, 1984), 431.

Примечания

¹³ А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985, 53.

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же, 54–55.

¹⁶ А. Г. Хорьков. Анализ боевой готовности войск западных приграничных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985, 47–48.

¹⁷ Там же, 50.

¹⁸ А. А. Волков. Критический пролог: Незавершенные фронтовые наступательные операции первых кампаний Великой Отечественной войны. Москва: АВИАР, 1992, 43–44.

¹⁹ Там же, 44.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, 44–45.

²⁴ N. Ramanichev, «The Red Army, 1940-1941: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 153.

²⁵ Наиболее подробное исследование этого вопроса см там же, 173–225.

²⁶ Roger R. Reese, *Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941* (Lawrence: University Press of Kansas, 1996).

²⁷ Ibid., 5.

²⁸ Ibid., 9.

²⁹ Ibid., 12.

³⁰ Ibid., 15.

³¹ Ibid., 187.

³² Ibid., 202.

³³ Ibid., 203.

³⁴ Ibid., 207.

³⁵ Grigorenko, «Memoirs», 34.

³⁶ Там же, 111.

³⁷ Там же, 133.

³⁸ Превосходный анализ умонастроений членов партии и их реакции на чистки см.: Георгий Арбатов. Человек Системы. Москва: Вагриус, 2002, 18–22.

³⁹ Там же, 33.

⁴⁰ Там же, 34, 41–42.

⁴¹ Vladimir Voinovich, *The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin*, trans. Richard Lourie (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1977), 125.

⁴² L. Tarrasuk, «Views of a Red Army Soldier», in David M. Glantz, ed., 1985 *Art of War Symposium: From the Vistula to the Oder: Soviet Offensive Operations — October 1944 — March 1945* (Carlisle, Pa.: Center for Land Warfare, U.S. Army War College, 1986), 54–55. Тарасюк воевал в Венгрии в составе 53-й стрелковой дивизии.

⁴³ Ibid., 55.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid., 59.

4. Стратегическое развертывание, планирование и мобилизация

¹ А. А. Svechin, «Strategy» (Minneapolis: East View Press, 1992). Перевод с издания: А. А. Свечин. Стратегия. Москва: Воениздат, 1927. Со вводными эссе А. А. Кокошина, В. В. Ларионова, В. Н. Лобова и Джейкоба У. Киппа.

² Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 29. Обзор советской стратегии в этот период см.: David M. Glantz,

«The Military Strategy of the Soviet Union» (London: Frank Cass, 1992), 55–103.

³ М. В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. Москва: Воениздат, 1989), 111–116.

⁴ Там же, 125.

⁵ Там же, 126–127.

⁶ Там же, 129–130. Первый вариант предполагал нападение противника к северу от Припятских болот в направлении Минск-Смоленск; второй — нападение противника на жизненно важную в экономическом отношении Украину. Шапошников и Генеральный штаб считали первый более решающим и поэтому более вероятным. По этому варианту главный удар немецко-польских войск предполагался на севере, а на юге польские войска наносили вспомогательный удар. По второму варианту немецко-польские войска атаквали Украину, в то время как вспомогательный удар проводился на севере. На подготовку ответных действий по любому варианту требовалось 20–30 дней, при этом предполагалось проведение полной мобилизации. Японская угроза неизменно оценивалась в 27–33 дивизии.

⁷ Там же, 163–171. Более подробный обзор советского развертывания во время кризиса приведен в статье А. Антосяка «Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии» («Военно-исторический журнал», № 9, 1989, 51–60), а также в ранее засекреченных донесениях военных атташе США, включая «Military Operations — General-Soviet Invasion of Poland», USSR (Combat-Army), G-2 Report No. 1598-6900 (Washington, D.C.: Military Intelligence Division, War Department, October 25, 1939).

⁸ Превосходный анализ состояния советских укрепрайонов см. N. Ramanichev, «The Red Army, 1940-1941: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 82–83.

⁹ М. Моисеев. Смена руководства Наркомата Обороны СССР в связи с уроками советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь 1990), 211.

¹⁰ Например, Советы передислоцировали из Киевского военного округа 44-ю стрелковую дивизию, направленную против

финнов в Центральной Карелии. Эта дивизия была практически уничтожена финскими войсками по пути к Суомуссалми.* В недавнем советском критическом разборе этой операции заявлялось: «ни командование, ни личный состав дивизии перед началом боевых действий в условиях лесисто-озерной местности не были ознакомлены с особенностями финского театра военных действий и тактики противника». Кроме того, в дивизии не хватало лыж, а лыжная подготовка, как следует из записи в «Журнале боевых действий 44-й сд», была начата только в канун 1940 года. Личный состав полков мог передвигаться в основном только по дороге. Глубокий снег становился серьезным препятствием для передвижения и совершения каких-либо маневров.

Впоследствии вина за все упущения была возложена на командование дивизии. Однако следует отметить, что отсутствию должного опыта у командования 44-й стрелковой дивизии способствовала политика, проводившаяся в конце 30-х годов в отношении РККА в целом: в результате репрессий против командного состава быстро продвинулись по службе и заняли командные должности люди, не вполне соответствовавшие занимаемым постам и не имевшие необходимых знаний и опыта.

В этом отношении продвижение по службе командира и начальника штаба 44-й дивизии было вполне типичным. Так, в послужном списке командира дивизии Алексея Ивановича Виноградова значилось, что в 1936 году он был майором, с июня следующего года командовал 143-м стрелковым полком, в феврале 1938 года досрочно получил звание полковника, в марте того же года был направлен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА. Командиром 44-й стрелковой дивизии А. И. Виноградов был назначен в январе 1939 года, и тогда же ему было присвоено внеочередное воинское звание комбрига.

* 44-я стрелковая дивизия насчитывала в своем составе около 10 тысяч человек. Из них, как указано ниже, в ходе боев в районе Суомуссалми с 1 по 7 января погибло, пропало без вести и было ранено 4756 человек. До 1 января существенных столкновений не было, после 7 января дивизия была выведена из боя. (Прим. ред.)

Начальником штаба 44-й дивизии был Онуфрий Иосифович Волков, назначенный на эту должность 26 декабря 1938 года. Звание капитана ему было присвоено 30 декабря 1935 года, как окончившему три курса академии РККА имени М. В. Фрунзе, а уже 31 июля 1939 года он стал полковником.

Большинство личного состава 44-й стрелковой дивизии было слабо обучено и подготовлено к боевым действиям. Основная часть красноармейцев призвана накануне войны. Так, из 3229 человек красноармейцев 25-го стрелкового полка лишь 900 (то есть менее 30 процентов личного состава) были кадровыми.

Подробности боевых действий дивизии см. в статье О. А. Дудоровой «Неизвестные страницы „Зимней войны”» (ВИЖ, № 9, 1991, 12–23), в которую включены выдержки из журнала боевых действий дивизии. Согласно Дудоровой, между 1 и 7 января 1940 года дивизия потеряла 1001 убитыми, 1 430 ранеными, 82 замерзшими, 2243 пропавшими без вести и все свое вооружение. Откровенный отчет о той войне см. в статье Н. И. Барышникова «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.» («Новая и новейшая история», № 4, 1989, 28–41).

¹¹ М. Моисеев. Смена руководства Наркомата Обороны СССР, 213.

¹² «Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь) 1990, 194.

¹³ Позже, в августе 1940 года, когда Сталин назначил К. А. Мерецкова начальником Генштаба, Ватутин стал первым заместителем НГШ, Маландин — начальником оперативного управления, а Василевский — его первым заместителем. Первоначальные приказы о перестройке структуры стрелковой дивизии и создании новых механизированных корпусов можно найти в статье В. А. Анфилова «Красная Армия: за год до фашистской агрессии» (ВИЖ, № 4 (июль-август), 1996, 18–23).

¹⁴ Захаров. Генеральный штаб, 213–214. План исходил из того, что из этого общего числа Германия и ее союзники смогут действовать против Советского Союза 233 дивизии, 10 550 танков, 18 000 орудий и 13 900 самолетов. Общая же численность

всех вооруженных сил Германии в военное время расценивалась в 8 миллионов человек, 240–243 дивизии, 9–10 тысяч танков, 20 000 орудий и 13 900 самолетов.

¹⁵ Там же, 215.

¹⁶ Начальный период, 30.

¹⁷ Захаров. Генеральный штаб, 218. Новая общая оценка угрозы была увеличена до 280–290 дивизий, 11 750 танков, 30 000 орудий и 18 000 самолетов.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Начальный период, 31.

²⁰ Д. Волкогонов. Триумф и трагедия: И. В. Сталин, политический портрет. Книга 2. Москва: Новости, 1989, 136–137.

²¹ Начальный период, 31.

²² Захаров. Генеральный штаб, 219.

²³ Волкогонов. Триумф и трагедия, 138–139.

²⁴ Ныне доступны полные протоколы совещания, а также сценарии военно-стратегических игр. Подробности см. в Glantz, *Military Strategy*, 81–86.

²⁵ Начальный период, 32.

²⁶ Относительно содержания предложения Жукова и анализа его содержания см. Glantz, *Military Strategy*, 87–90.

²⁷ Ibid., 32–33. См. также: А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985, 17. Здесь утверждается, что директивы были отправлены в Ленинградский, Западный особый и Киевский особый военные округа 5 мая, в Одесский военный округ — 6 мая и в Прибалтийский особый военный округ — 14 мая.

²⁸ Подробности о требуемом и действительном содержании тех оборонительных планов см.: «Начальный период», 33–37 и Хорьков. «Боевая и мобилизационная готовность», 17–26. Относительно того, как эти директивы и приказы переводились в

действия на уровне армии, см. книгу А. В. Владимирского «На киевском направлении» (Москва: «Воениздат», 1989), в которой описывается оперативное планирование 5-й армии Киевского особого военного округа.

²⁹ Начальный период, 32.

³⁰ Там же, 38.

³¹ И. Б. Павловский. Сухопутные войска СССР. Москва: Воениздат, 1985), 65–68.

³² Например, 82-я стрелковая дивизия, которая воевала в июле и августе 1939 года на Халхин-Голе, все еще была, по существу, территориальной дивизией, и ее резервисты сперва проявили себя неважно. См.: Г. К. Жуков «Воспоминания и размышления», том 1. Москва: Прогресс, 1985, 204.

³³ Павловский. Сухопутные войска, 66.

³⁴ Советские вооруженные силы. Под ред. С. А. Тюшкевича. Москва: Воениздат, 1978, 236.

³⁵ Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии. Москва: Воениздат, 1940, 5. Была засекречена, но ныне гриф секретности снят.

³⁶ Начальный период, 38.

³⁷ Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность, 34.

³⁸ Там же, со ссылкой на архивы ЦАМО, ф. 138, оп. 2181, д. 30, л. 373.

³⁹ Начальный период, 38.

⁴⁰ Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность, 36.

⁴¹ Там же. Кроме того, здесь же даны подробности процесса мобилизации и превосходный анализ того, как этот процесс работал в западных военных округах в июне 1941 года. Хорьков также дает полный обзор материальных запасов и распределения их по данному региону.

⁴² Начальный период, 39.

⁴³ Там же, 97.

⁴⁴ Там же, 41.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ А. Г. Хорьков. Некоторые вопросы стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в начале Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 1 (январь), 1986, 11.

⁴⁸ Там же; Захаров. Генеральный штаб, 259; Начальный период, 93.

⁴⁹ Начальный период, 93. Со ссылкой на: ЦАМО, ф. 16, оп. 29500, д. 406, л. 104–119.

⁵⁰ Там же, 91.

⁵¹ «Приказ войскам Прибалтийского особого военного округа № 0052 от 15 июня 1941 г. по обеспечению боевой готовности войск округа» // Сборник боевых документов Великой отечественной войны. Выпуск 34. Москва: Воениздат, 1958, 8. Далее цитируется как СБД ВОВ.

⁵² «Директива военного совета Прибалтийского особого военного округа № 00224 от 15 июня 1941 г. о порядке оповещения войск округа в случае нарушения границы крупными силами противника» // СБД ВОВ, вып. 34, 12–13.

⁵³ «Приказ командующего Прибалтийским особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрой приведения в боевую готовность театра военных действий округа» // СБД ВОВ, вып. 34, 21–24.

⁵⁴ Начальный период, 89. Более подробно см. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность.

⁵⁵ Начальный период, 96. См. также главу 6.

⁵⁶ Начальный период, 96.

5. Боеготовность: Сухопутные войска

¹ М. Захаров, предисловие к сборнику «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.)

(Москва: Воениздат, 1965), 23. Захаров точно схватывает впечатления и страхи советских военных комментаторов, которые анализировали в советских военных журналах эффект недавнего проявления немцами себя в бою.

² Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 42–43. Подробности по структуре стрелковых частей можно найти во многих источниках, например: Ю. П. Бабич и А. Г. Байер. Развитие вооружения и организации советских сухопутных войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: Академия им. Фрунзе, 1990, 31–38.

³ Начальный период, 44, со ссылкой на: Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва: Воениздат, 1958, 79.

⁴ Резерв Главнокомандования (РГК) стал в августе 1941 года Резервом Верховного Главнокомандования (РВГК).

⁵ Начальный период, 44–45; А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985, 34–67.

⁶ Начальный период, 45.

⁷ «Приказ войскам Прибалтийского особого военного округа № 0052 от 15 июня 1941 г. по обеспечению боевой готовности войск округа» // Сборник боевых документов Великой отечественной войны». Выпуск 34. Москва: Воениздат, 1958, 7–8. Сборник был подготовлен Военно-научным управлением Генерального штаба, пронумерован и получил гриф секретности. Первоначальный приказ носил гриф «сов. секретно, особой важности». Далее цитируется как СБД ВОВ. Все последующие документы в этом и других выпусках носили схожий гриф секретности.

⁸ «Донесение штаба Прибалтийского особого военного округа от 22 июня 1941 г. Генеральному Штабу Красной Армии о недостатках в организации связи в округе» // СБД ВОВ, вып. 34, 34.

⁹ «Донесение командующего войсками Северо-Западного фронта от 22 июня 1941 г. народному комиссару обороны о прорыве крупных танковых и моторизованных сил противника на Друксеники и мероприятиях командования фронта по организации разгрома тильзитской группировки противника» // СБД ВОВ, вып. 34, 36.

¹⁰ «Донесение начальника артиллерийского управления Северо-Западного фронта от 23 июня 1941 г. заместителю народного комиссара обороны СССР об остром недостатке боеприпасов в результате первого дня боевых действий войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 34, 48.

¹¹ «Доклад начальника управления связи Северо-Западного фронта начальнику управления связи Красной Армии от 26 июня 1941 г. о состоянии и использовании войск связи фронта в начальный период войны», СБД ВОВ, вып. 34, 187–188.

¹² «Доклад Начальника артиллерии 8-й армии начальнику Генерального штаба Красной Армии и начальнику артиллерии Северного фронта от 26 августа 1941 г. о боевой деятельности артиллерии за период с 22 июня по 20 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 230–231.

¹³ «Приказ начальника штаба 27-й армии № 1 от 1 июля 1941 г. об устранении недостатков в работе личного состава полевого управления армии» // СБД ВОВ, вып. 34, 276–277.

¹⁴ «Директива военного совета Западного фронта от 23 июня 1941 г. военным советам армий и командирам корпусов о наведении порядка в обеспечении войск» // СБД ВОВ, вып. 35. Москва: Воениздат, 1958, 34–35.

¹⁵ «Донесение командующего войсками 3-й армии от 23 июня 1941 г. командующему войсками фронта об отсутствии в войсках армии транспорта, горючего и вооружения» // СБД ВОВ, вып. 35, 137.

¹⁶ «Боевое донесение командира 2-го стрелкового корпуса № 1 от 25 июня 1941 г. штабу Западного фронта о ходе отмотилизации частей корпуса» // СБД ВОВ, вып. 35, 183–184.

¹⁷ «Боевое донесение командира 2-го стрелкового корпуса № 2 от 28 июня 1941 г. командующему войсками Западного фронта о боевых действиях корпуса» // СБД ВОВ, вып. 35, 184–185.

¹⁸ «Оперативная сводка штаба Юго-Западного фронта № 9 к 20 часам 26 июня 1941 г. о боевых действиях войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 36. Москва: Воениздат, 1958, 28–29.

¹⁹ «Директива военного совета Юго-Западного фронта № 00207 от 29 июня 1941 г. командующему войсками 6-й армии об устранении недостатков в боевых действиях соединений армии» // СБД ВОВ, вып. 36, 49–50.

²⁰ «Доклад начальника артиллерии Юго-Западного фронта начальнику главного артиллерийского управления Красной Армии от 14 июля 1941 г. об обеспеченности частей Юго-Западным фронтом артиллерийским и стрелково-минометным вооружением по состоянию на 10 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 93–100.

²¹ А. В. Владимирский. На киевском направлении. Москва: Воениздат, 1989, 30.

²² Там же, 32–33.

²³ Сформированные сначала в 1932 году на экспериментальной основе, танковые корпуса начали свою историю в качестве механизированных корпусов и в 1938 году были переименованы в танковые. Сформированная Сталиным в 1939 году особая комиссия («комиссия Кулика») для изучения опыта испанской Гражданской войны порекомендовала расформировать эти корпуса и заменить их меньшими бронетанковыми соединениями, которые могли лучше взаимодействовать с пехотой. В результате в ноябре 1939 года было принято решение расформировать танковые корпуса и заменить их отдельными танковыми бригадами и моторизованными дивизиями смешанного вооружения. Преобразование шло медленно, и танковые корпуса приняли участие в Финской войне (10-й). К началу 1940 года все танковые корпуса наконец исчезли. К 1 марта 1940 года в составе советских вооруженных сил имелось 39 легких и тяжелых танковых бригад, 3 моторизованные бронетанковые бригады РВК (Резерва Верховного Командования), 31 танковый полк и 100

танковых батальонов в составе стрелковых и кавалерийских дивизий — общей численностью танкового парка в 20 000 машин. Кроме того, полным ходом осуществлялись планы создания 15 моторизованных стрелковых дивизий.

²⁴ «Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь), 1990, 201. Датирован 8 мая 1940 г.

²⁵ На первой стадии этого процесса должны были сохраниться около 25 танковых бригад для обеспечения пехоты танковой поддержкой. На второй стадии (в 1941 году) все существующие танковые бригады и батальоны должны были быть расформированы и послужить материалом для создания новых механизированных корпусов. Это оставило в июне 1941 года стрелковые и кавалерийские дивизии практически без всякой бронетехники. Из 37 895 танков, требовавшихся по штатам механизированных, стрелковых, кавалерийских и воздушно-десантных соединений, в июне 1941 года имелось только 23 100 танков старых марок, из которых лишь 18 700 были боеготовыми. Вдобавок 3600 из этих машин относились к моделям Т-37, Т-38 и Т-40, вооруженным только пулеметами.* См. N. Ramanichev, «The Red Army, 1940–1941: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 92, ссылка на: ЦАМО, ф. 38, оп. 11353, д. 909, л. 2–18, л. 924 и л. 135–138.

²⁶ Среди многих источников по составу механизированных корпусов см. Начальный период, 45–47; Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: Воениздат, 1979, 44.

²⁷ Начальный период, 46.

²⁸ Там же.

²⁹ В число автомашин входили 66 процентов требовавшихся ГАЗ-АА, 31 процент грузовиков ЗИС-4 и 27 процентов автоцистерн на их же базе.

* Кроме того, имелось 1285 двухбашенных танков Т-26, вооруженных либо пулеметами, либо 37-мм короткоствольными пушками, снаряды для которых уже были сняты с вооружения. (*Прим. ред.*)

³⁰ Там же. Впоследствии Рокоссовский станет командующим фронтом.

³¹ Подробнее о советских и немецких танках см. Steven J. Zaloga and James Grandsen, *Operation Barbarossa* (London: Arms and Armor Press, 1985); and Steven J. Zaloga, Jim Kinnear and Peter Sarson, *KV-I & II Heavy Tanks, 1941–1945* (London: Osprey, 1995).

³² «Доклад командира 12-го механизированного корпуса от 27 июня 1941 г. командующему войсками Северо-Западного фронта о недостатках в использовании корпуса» // СБД ВОВ, вып. 34, 322–323. 27 июня Шестопалов был ранен в бою и умер в госпитале 6 августа 1941 г.

³³ Там же, 322.

³⁴ Там же, 323.

³⁵ «Боевое донесение командира 21-го механизированного корпуса № 3 от 29 июня 1941 г. О результатах боевых действий корпуса» // СБД ВОВ, вып. 33, 30–31. В ходе войны Лелюшенко поднимется до должности командующего знаменитой 4-й гвардейской танковой армией.

³⁶ «Донесение помощника командующего Северо-Западным фронтом от 11 июля 1941 г. о состоянии механизированных корпусов» // СБД ВОВ, вып. 33, 12.

³⁷ Там же.

³⁸ «Письмо начальника автобронетанкового управления Северо-Западного фронта от 11 июля 1941 г. о состоянии механизированных корпусов и причинах больших потерь» // СБД ВОВ, вып. 33, 14–16. Генерал-майор Куркин командовал 3-м механизированным корпусом. Полубояров впоследствии станет командующим 4-м гвардейским танковым корпусом и с этим корпусом примет участие в битве за Берлин.

³⁹ Там же, 16.

⁴⁰ «Доклад командира 21-го механизированного корпуса командующему 27-й армии о состоянии корпуса на 23 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 40–41.

⁴¹ Там же, 41.

⁴² «Справка командира 12-го механизированного корпуса от 29 июня 1941 г. о недостатках в использовании корпуса и управлении им» // СБД ВОВ, вып. 33, 42–43.

⁴³ «Отчет командира 1-го механизированного корпуса от 2 августа 1941 г. начальнику штаба Северо-Западного фронта о боевых действиях 1-го механизированного корпуса за период с 22 июня по 24 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 324.

⁴⁴ «Распоряжение командира 1-го механизированного корпуса от 1 августа 1941 г. об устранении недостатков в организации управления боем соединений и частей корпуса» // СБД ВОВ, вып. 33, 44–45.

⁴⁵ «Доклад командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса от 28 июня 1941 г. о применении и характере действий механизированных соединений с 22 июня по 20 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 117–118.

⁴⁶ «Боевое распоряжение командующего войсками Западного фронта от 23 июня 1941 г. командующему войсками 10-й армии о наведении порядка в управлении войсками армии» // СБД ВОВ, вып. 35, 30.

⁴⁷ «Боевое донесение штаба Западного фронта № 008 к 16 часам 45 минутам 25 июня 1941 г. о положении соединений и частей фронта» // СБД ВОВ, вып. 35, 45.

⁴⁸ «Оперативная сводка штаба Западного фронта № 7 к 22 часам 25 июня 1941 г. о боевых действиях войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 35, 45.

⁴⁹ «Оперативная сводка штаба Западного фронта № 8 к 20 часам 27 июня 1941 г. о боевых действиях войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 35, 50.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ «Донесение начальника автобронетанкового управления Западного фронта начальнику главного автобронетанкового управления Красной Армии о состоянии автобронетанковых войск фронта на 29 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 35, 65.

⁵² «Донесение начальника автобронетанкового управления Западного фронта начальнику главного автобронетанкового

управления Красной Армии от 1 июля 1941 г. о состоянии автобронетанковых войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 35, 83-84.

⁵³ «Доклад начальника автобронетанкового управления Западного фронта заместителю народного комиссара обороны Союза ССР от 5 августа 1941 г. о боевых действиях механизированных корпусов с 22 июня по 27 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 73-77.

⁵⁴ Там же, 73.

⁵⁵ Там же, 75-76.

⁵⁶ В. П. Крикунов. Куда делись танки? // ВИЖ, № 11 (ноябрь), 1988, 31.

⁵⁷ «Приказ командующего 20-й армией № 7 от 8 июля 1941 г. о недостатках, выявленных в 5-м и 7-м механизированных корпусах в ходе двухдневных боев» // СБД ВОВ, вып. 33, 86. Курочкин всю войну командовал армией, а после войны стал видным военным историком и теоретиком.

⁵⁸ «Приказ 7-му механизированному корпусу № 7» // СБД ВОВ, вып. 33, 104.

⁵⁹ Там же.

60. Крикунов, 33-35, цитируя «Доклад командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса о состоянии и действиях 7 тд». 7-я танковая дивизия была практически уничтожена в боях южнее Гродно за первую неделю войны.

⁶¹ «Боевое донесение командира 37-й танковой дивизии от 28 июня 1941 г. о результатах боевых действий дивизии» // СБД ВОВ, вып. 33, 174-175.

⁶² «Описание командиром 8-го механизированного корпуса боевых действий корпуса с 22 по 29 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 164. Рябышев пережил начальный период войны и позже до конца войны командовал армиями и стрелковыми корпусами.

⁶³ Там же, 168-170.

⁶⁴ «Краткое описание боевых действий 15-го механизированного корпуса в период с 22.6.41 по 12.7.41 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 253.

⁶⁵ Там же, 253–254.

⁶⁶ «Доклад начальника автобронетанкового управления Юго-Западного фронта военному совету фронта от 30 июня 1941 г. о состоянии механизированных корпусов и об отходе их для восстановления материальной части» // СБД ВОВ, вып. 33, 129.

⁶⁷ «Доклад начальника автобронетанкового управления Юго-Западного фронта военному совету фронта о состоянии механизированных корпусов на 1 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 131.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ «Доклад начальника автобронетанкового управления Юго-Западного фронта начальнику главного автобронетанкового управления от 3 июля 1941 г. о причинах больших потерь в механизированных корпусах и предложения по улучшению их использования» // СБД ВОВ, вып. 33, 132–133.

⁷⁰ «Директива командующего Юго-Западным фронтом об улучшении организации и руководства боем механизированных корпусов» // СБД ВОВ, вып. 33, 134.

⁷¹ «Справка начальника автобронетанкового управления Юго-Западного фронта командующему войсками фронта о состоянии автобронетанковых войск на 17 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 102–103. Называемая в докладе общая численность танков не соответствует общей численности по маркам. Та же справка оценивала численность автобронетанковых войск на 17 июля следующим образом: 8-й мк — 57 (включая 28 КВ и Т-34); 15-й мк — 10 (1 Т-34); 4-й мк — 100 (10 КВ и 49 Т-34); 16-й мк — 73; 9-й мк — 38; 19-й мк — 77 (31 Т-34); 22-й мк — 40; 24-й мк — 100. Моргунов отметил, что за весь указанный период советская промышленность поставила фронту 4 новых танка КВ и 34 танка Т-34.

⁷² Там же, 103.

⁷³ Там же, 105.

⁷⁴ «Доклад помощника командующего войсками Юго-Западного фронта по танковым войскам заместителю народного комиссара обороны Союза ССР от 5 августа 1941 г. о недостатках

в управлении боевыми действиями механизированных корпусов» // СБД ВОВ, вып. 33, 135–139. Вольский позже станет командиром механизированного корпуса в Сталинграде и командующим 5-й гвардейской танковой армией в конце 1944 года.

⁷⁵ Там же, 135.

⁷⁶ «Доклад командира 41-й танковой дивизии помощнику командующего Юго-Западным фронтом по танковым войскам от 25 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 176–179.

⁷⁷ «Доклад командира 32-й танковой дивизии начальнику автотанкового управления Юго-Западного фронта о боевых действиях дивизии за период с 22 июня по 14 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 180–188.

⁷⁸ «Доклад командира 10-й танковой дивизии заместителю народного комиссара обороны Союза ССР от 2 августа 1941 г. о боевых действиях дивизии в период с 22 июня по 1 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 192–213.

⁷⁹ «Доклад командира 37-й танковой дивизии начальнику автотанкового управления Юго-Западного фронта о боевых действиях дивизии в период с 22 июня по 10 июля 1941 г. и ее состоянии на 15 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 216.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, 217.

⁸² «Доклад командира 43-й танковой дивизии командующему войсками Юго-Западного фронта о боевых действиях дивизии за период с 22 июня по 10 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 233.

⁸³ Там же, 234.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Доклад командующего войсками Юго-Западного фронта начальнику генерального штаба Красной Армии от 7 июля 1941 г. о положении механизированных корпусов фронта» // СБД ВОВ, вып. 36, 81–82.

⁸⁶ «Оперативная сводка штаба 5-й армии № 024 к 11 часам 8 июля 1941 г. о результатах отхода войск армии на линию Коростеньского укрепленного района» // СБД ВОВ, вып. 36, 161–162.

⁸⁷ Основано на интервью 1985 и 1986 годов с бывшим лейтенантом Хельмутом Ритгеном, который во время боев за Райсенный служил в разведывательном батальоне 6-й танковой дивизии. Интервью имели место в военном колледже армии США во время симпозиумов, которые занимались ходом операций на германском Восточном фронте.

⁸⁸ Эта информация основана на интервью со многими немецкими ветеранами на четырех симпозиумах по военному искусству в 1984, 1985 и 1986 гг. в военном колледже американской армии в городе Карлайль, штат Пенсильвания.

⁸⁹ «Описание командиром 8-го механизированного корпуса боевых действий корпуса с 22 по 29 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 164–170.

⁹⁰ Подробности по организации и боеготовности кавалерийских войск в июне 1941 г. можно найти в «Начальном периоде», 52–53 и в книге Бабица и Байера «Развитие вооружения», 61.

⁹¹ Подробности быстрого уничтожения 36-й кавалерийской дивизии см. СБД ВОВ, вып. 35.

⁹² Сведения об организации, боеготовности и боевой эффективности воздушно-десантных войск можно найти в «Начальном периоде», 53–54, см также: David M. Glantz, *A History of Soviet Airborne Forces* (London: Frank Cass, 1994), 38–56.

⁹³ Glantz, *Airborne Forces*, 43.

⁹⁴ «Боевое распоряжение командующего войсками Западного фронта от 28 июня 1941 г. командиру 4-го воздушно-десантного корпуса и командующему военно-воздушными силами фронта на десантирование 214-й воздушно-десантной бригады в район Слуцк» // СБД ВОВ, вып. 35, 56.

⁹⁵ «Частный приказ командующего войсками Западного фронта № 012 от 29 июня 1941 г. командиру 4-го воздушно-десантного корпуса на выдвижение 214-й воздушно-десантной бригады на глусское направление и на переход к обороне остальными войсками корпуса» // СБД ВОВ, вып. 35, 63.

⁹⁶ Описание состава и развертывания укрепленных районов см. А. Г. Хорьков. Укрепленные районы на западных границах СССР // ВИЖ, № 12 (декабрь), 1987, 47–54.

⁹⁷ Там же, 45; Боевой состав Советской Армии. Часть 1. Москва: Военно-Научное Управление Генерального Штаба, 1963, 7–12.

⁹⁸ Ramanichev, «Red Army», 82–83, со ссылкой на архив ЦАМО, ф. 15а, оп. 2245, д. 83, л. 36. Раманичев добавляет, что в 1940 г. армия получила только 81 118 из запланированных 100 000 автоматов и 368 934 из 711 000 планового производства винтовок советской промышленностью.

6. Боеготовность. Вспомогательные войска и службы тыла

¹ N. Ramanichev, «The Red Army: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 96, со ссылкой на архивы ЦАМО ф. 13, оп. 11624, д. 296, л. 9–37; ф. 81, оп. 12074, д. 8, л. 125–126; ф. 157, оп. 222, д. 18. Недавно вышедшая книга А. А. Волкова «Критический пролог: Незавершенные фронтовые наступательные операции первых кампаний Великой Отечественной войны (Москва: АВИАР, 1992), ссылаясь на архивные данные (стр. 24), оценивает общую численность артиллерии на 22 июня 1941 г. в 115 900 стволов.

² П. А. Дегтярев, П. П. Попов. «Катюши» на поле боя. Москва: Воениздат, 1991, 4–6.

³ Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 54–55. См. также многочисленные конкретные донесения в «Сборнике боевых документов Великой отечественной войны» вып. 34–36 (Москва: Воениздат, 1958).

⁴ «Доклад начальника артиллерии Юго-Западного фронта начальнику главного артиллерийского управления Красной Армии от 14 июля 1941 г. об обеспеченности частей фронта артиллерийским и стрелково-минометным вооружением по состоянию на 10 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 93–100.

⁵ Там же, 94.

⁶ Там же, 99.

⁷ Там же, 54–55. Об опыте одной из тех бригад см.: К. С. Москаленко. На Юго-Западном направлении. Москва: Наука, 1969, 17–30. Москаленко командовал 1-й противотанковой бригадой Юго-Западного фронта, а в дальнейшем ходе войны поднялся до командующего 38-й и 40-й армиями.

⁸ Начальный период, 55–56.

⁹ «Краткий отчет начальника инженерного управления Западного фронта начальнику главного военно-инженерного управления Красной Армии о работе инженерных частей фронта за период с 22 июня по 13 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 35, 123–124.

¹⁰ Там же, 56–57.

¹¹ Ramanichev, «Red Army», 209, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 15, л. 16.

¹² См. например: «Краткий отчет начальника управления связи Юго-Западного фронта начальнику управления связи Красной Армии от 27 июля 1941 г. о работе связи Юго-Западного фронта : 33 июня по 26 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 106–109.

¹³ «Донесение штаба Прибалтийского особого военного округа от 22 июня 1941 г. генеральному штабу Красной Армии о недостатках в организации связи в округе» // СБД ВОВ, вып. 34, 14.

¹⁴ «Доклад начальника управления связи Северо-Западного фронта начальнику управления связи Красной Армии от 26 июля 1941 г. о состоянии и использовании войск связи фронта в начальный период войны» // СБД ВОВ, вып. 34, 187–190.

¹⁵ Начальный период, 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эти 13 зон ПВО были следующими: Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Среднеазиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская и Харьковская. Все они назывались по своим военным округам — за исключением Южной (в Одесском военном округе). См. также: А. Колдунов. Организация и

ведение противовоздушной обороны по опыту начального периода Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 4 (апрель), 1984, 12–19.

¹⁸ Там же, 82.

¹⁹ Там же, 83.

²⁰ Подробнее см.: Н. Светлишин. Применение войск противовоздушной обороны в летне-осенней кампании 1941 г. // ВИЖ № 3 (март), 1968, 26–39. Проблемы с подготовкой освещены в статье В. Медина «Слово в бою было делом» (Противовоздушная оборона, № 11, 1991, 76–77).

²¹ Светлишин. Применение войск ПВО, 84. Документальные свидетельства перелетов немцами границы и текст приказа НКО по этому вопросу от 10 июня 1941 г. см. в статье Л. Г. Ивашова «От “Юнкерса” 1941 г. к “Цессне” 1987-го» (ВИЖ № 6, 1990, 43–46).

²² Запасы боеприпасов распределялись следующим образом: 37 мм — 23 процента; 76,2 мм — 75 процентов и 85 мм — 13 процентов.

²³ Боевой состав советской армии, часть 1 (июнь-декабрь 1941 года), 7–12; Начальный период, 88.

²⁴ Ramanichev, «Red Army», 125, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 81, оп. 11627, д. 296, л. 5.

²⁵ Начальный период, 86.

²⁶ Там же.

²⁷ «Приказ командующего Прибалтийским особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа» // СБД ВОВ, вып. 34, 21–22.

²⁸ Там же, 88.*

* Так в оригинале. Вероятно, тут ошибка автора — указанный выше документ расположен на других страницах. Судя по всему, имеется в виду работа «Начальный период Великой Отечественной войны». (Прим. ред.)

²⁹ Ramanichev, 102–103, со ссылкой на Центральный архив пограничных войск, ф. 16, оп. 226, ед. хр., 264, л. 70–81. Далее цитируется как ЦАПО.

³⁰ «Из описания боевых действий 22 мотострелковой дивизии войск НКВД в Прибалтике с 22 июня по 13 июля 1941 г.» в сборнике: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва: Юридическая литература, 1975, 39. Далее цитируется как «Внутренние войска»

³¹ «Из журнала боевых действий 2 дивизии войск НКВД с 1 по 10 июля 1941 г.», в сборнике «Внутренние войска», 43.

³² «Из описания боевых действий гарнизонов и подразделений 109 полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений при отходе с территории Эстонии с 7 июля по 29 августа 1941 г.» // Внутренние войска, 46.

³³ Там же, 88–90. См. также: А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985.

³⁴ Ramanichev, «Red Army», 146, со ссылкой на архив ЦАМО, ф. 13, оп. 137145, д. 26, л. 70–71.

³⁵ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Москва: Изд-во Госкомстата СССР, 1993, 55. Далее цитируется как «Народное хозяйство СССР».

³⁶ B. Sokolov, «Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941–1945», *Journal of Slavic Military Studies* 7, 3 (September 1994), 571, со ссылкой на: Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва: Военная Академия Тыла и Транспорта, 1963, 46.

³⁷ Дальнейшие подробности см. Ramanichev, «Red Army», 150–151.

³⁸ Ibid, 152–154.

³⁹ Полное и подробное освещение положения с обмундированием и другими аспектами боевого обеспечения (медицинским и т.п.) см. там же, 153–157, 166–167.

⁴⁰ Ibid., 90.

7. Военно-воздушные силы

¹ См. например: А. И. Лапчинский. Воздушная армия. Москва: Воениздат, 1939; С. А. Меженинов. Основные вопросы применения воздушных сил. Москва: Воениздат, 1926. Оба автора выступали за оперативно-стратегические задачи для военно-воздушных сил.

² Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 57.

³ Производство 1941 года включало в себя 1946 МиГ-3, ЛаГГ-3 и Як-1, 458 Пе-2, и 249 Ил-2; из них примерно 700 к 22 июня оставались на заводских аэродромах. См.: N. Ramanichev, «The Red Army: Myths and Realities», Unpublished manuscript, 113–114, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 35, оп. 107559, д. 5, л. 116–154.

⁴ Ibid., 61.

⁵ А. Г. Хорьков. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1985, 9. Автор согласен с общей цифрой, но насчитывает 22 смешанных, 8 истребительных и 4 бомбардировочных, тогда как Раманичев говорит о 32 дивизиях, которые включали в себя 22 смешанных, 6 истребительных и 6 бомбардировочных.

⁶ Ramanichev, «Red Army», 108. Войсковая авиация составляла 2,3 процента, а дальнебомбардировочная авиация — 13,5 процента.

⁷ Начальный период, 58.

⁸ Von Hardesty, *Red Phoenix: The Rise of Soviet Air Power, 1941–1945* (Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1982), 17.

⁹ Ibid., 58–59.

¹⁰ Более подробное обсуждение программ увеличения военно-воздушных сил см.: А. А. Волков. Критический пролог: Незавершенные фронтовые наступательные операции первых кампаний Великой Отечественной войны. Москва: АВИАР, 1992, 40–47.

¹¹ Например, во время советско-финской войны на передислокацию 23 авиаполков на театр военных действий потребовалось два месяца. См. Начальный период, 60.

¹² Там же.

¹³ Ramanichev, «Red Army», 119.

¹⁴ Начальный период, 61.

¹⁵ Там же, 118.

¹⁶ Ramanichev, «Red Army», 216.

¹⁷ Волков. Критический пролог, 45. Действительное число летных часов было следующим: в Прибалтийском особом военном округе — 18, в Западном особом военном округе — 9, в Киевском особом военном округе — 6 и в Одесском военном округе — 11.

¹⁸ Там же, 217, со ссылкой на архивный документ ЦАМО, ф. 2, оп. 11569, д. 326, п. 15.

¹⁹ Там же, 119.

²⁰ Начальный период, 61.

²¹ Hardesty, Red Phoenix, 23.

²² Ibid., 26, из доклада И. В. Тимоховича.

²³ Ibid.

²⁴ Ю. П. Бабич, А. Г. Байер. Развитие вооружения и организации советских сухопутных войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: Академия им. Фрунзе, 1990, 67.

²⁵ В. С. Шумихин. Советская военная авиация 1917–1941 гг. Москва: Наука, 1986, 238.

²⁶ Начальный период, 62 (со ссылкой на: ЦАМО, ф. 35, оп. 107559, д. 5, л. 169).

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, 64.

²⁹ Ramanichev, «Red Army», 118 (со ссылкой на: ЦАМО, ф. 35, оп. 11304, д. 13, л. 68).

³⁰ Начальный период, 63.

³¹ Там же, 64.

³² «Оперативная сводка штаба Северо-Западного фронта № 01 к 22 часам 22 июня 1941 г. о ходе боевых действий войск фронта за истекший день» // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. Москва: Воениздат, 1958, 43.

³³ «Донесение командующего Северо-Западным фронтом от 22 июня 1941 г. Народному комиссару обороны СССР об обстановке на 22 часа 22 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 44.

³⁴ «Донесение командующего войсками Северо-Западного фронта от 26 июня 1941 г. народному комиссару обороны СССР об обстановке на фронте к 20 часам 35 минутам 26 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 67.

³⁵ «Донесение штаба Северо-Западного фронта от 4 июля 1941 г. Генеральному штабу Красной Армии о боевом и численном составе войск фронта на 4 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 119.

³⁶ «Из годового отчета штаба 6-й воздушной армии от 21 июля 1942г. „О боевой деятельности военно-воздушных сил Северо-Западного фронта за период с 22.6.41 г. по 1.7.42г.“», СБД ВОВ, вып. 43*, 179–183.

³⁷ «Из отчета командующего военно-воздушными войсками Западного фронта за 1941 г. о состоянии военно-воздушных сил фронта и боевых действиях за восемь дней войны» // СБД ВОВ, вып. 35, 127.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, 128.

⁴⁰ Там же, 129.

⁴¹ Там же, 130.

⁴² Там же, 131. Науменко преувеличивает потери немцев, но в общем точен в отношении своих потерь.

⁴³ «Доклад командующего военно-воздушными силами Юго-Западного фронта командующему военно-воздушными силами

* В действительности — выпуск 34. (Прим. ред.)

Красной Армии от 21 августа 1941 г. о боевых действиях военно-воздушных сил фронта за период с 2 июня по 10 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 36, 109.

⁴⁴ Там же, 116.

⁴⁵ Там же, 120.

8. Ставка и стратегические резервы

¹ Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 90–96.

² «Приказ командующего войсками 13-й армии № 08 от 7 июля 1941 г. о составе и задаче войск армии» // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, выпуск 37. Москва: Воениздат, 1959, 190. Далее цитируется как СБД ВОВ.

³ «Доклад командующего войсками 13-й армии командующему западным фронтом о состоянии армии на 9 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 192.

⁴ «Донесение штаба 16-й армии от 9 июля 1941 г. штабу Западного фронта о боевом составе армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 203.

⁵ «Боевое донесение штаба 16-й армии № 18/оп от 20 июля 1941 г. штабу Западного фронта о положении войск армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 207.

⁶ «Оперативная сводка штаба Западного фронта № 55 к 20 часам 23 июля 1941 г. о боевых действиях войск фронта» // СБД ВОВ, вып. 37, 102.

⁷ «Справка штаба 19-й армии от 24 июля 1941 г. о действиях войск армии с 9 по 24 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 226.

⁸ Там же, 226–227.

⁹ Там же, 227.

¹⁰ Там же, 228.

¹¹ «Доклад военного совета 20-й армии от 27 июля 1941 г. главнокомандующему войсками Западного направления о состоянии, обеспеченности армии и принятом решении» // СБД ВОВ, вып. 37, 266.

¹² Там же.

¹³ См. «Донесение военного совета 20-й армии от 4 августа 1941 г. главнокомандующему войск Западного направления о состоянии войск 20-й и 16-й армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 271–272; «Донесение командующего войсками 20-й армии от 5 августа 1941 г. главнокомандующему Западным направлением о ходе переправы войск армии за р. Днепр» // СБД ВОВ, вып. 37, 272–273.

¹⁴ «Доклад военного совета Западного направления от 14 июля 1941 г. Ставке Верховного командования об обстановке на Западном фронте на 14 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 30–31.

¹⁵ «Доклад начальника оперативного отдела штаба главного командования Западного направления от 21 июля 1941 г. начальнику штаба о создании резервов» // СБД ВОВ, вып. 37, 44.

¹⁶ «Доклад о состоянии радиосвязи главкома Западного направления с армиями и группами по состоянию на 28.7.1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 58.

¹⁷ «Доклад начальника 4-го отдела управления связи Западного фронта от 14 августа 1941 г. Заместителю начальника главного управления связи Красной Армии о состоянии и работе подвижных средств связи Западного фронта за период боевых действий с 22 июня по 14 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 131.

¹⁸ «Доклад главнокомандующего войсками Юго-Западного направления от 25 июля 1941 г. Ставке Верховного командования о плане использования формируемых дивизий» // СБД ВОВ, вып. 38, 18.

¹⁹ «Доклад главнокомандующего войсками Юго-Западного направления от 31 июля 1941 г. Ставке Верховного командования о низкой обеспеченности вооружением и имуществом формируемых соединений» // СБД ВОВ, вып. 39, 20–21.

²⁰ «Сведения штаба военно-воздушных сил Красной Армии о боевом составе частей военно-воздушных сил Юго-Западного фронта по состоянию на 29 июля 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 39, 10–12.

²¹ «Приказ Ставки Верховного командования № 00334 от 14 июля 1941 г. о формировании штаба фронта резервных армий, включении в его состав 29-й, 30-й, 24-й, 28-й, 31-й и 32-й армий и их задачах» // СБД ВОВ, вып. 37, 13.

²² «Приказ главнокомандующего войсками Западного направления № 0080 от 22 июля 1941 г. на организацию группы Калинина» // СБД ВОВ, вып. 37, 47.

²³ Например, согласно директиве Генерального штаба о формировании групп их состав был следующим: группа Маленкова — 252-я, 256-я и 243-я стрелковые дивизии, группа Хоменко — 242-я, 251-я и 250-я стрелковые дивизии, группа Калинина — 53-й стрелковый корпус с 91-я и 166-й стрелковыми дивизиями и группа Калачова — 149 и 145-я стрелковые дивизии и 104-я танковая дивизия. См. «Директива Генерального штаба Красной Армии от 21 июля 1941 г. командующему войсками фронта резервных армий о задачах групп Маленкова, Хоменко, Калинина и Калачова в операции по окружению и разгрому смоленской группировки противника» // СБД ВОВ, вып. 37, 18–19.

²⁴ «Приказ НКВД СССР о формировании наркоматом пятнадцати стрелковых дивизий для передачи в действующую армию» // Внутренние войска в Великой Отечественной войне. Москва: Юридическая литература, 1975, 544.

²⁵ «Приказ Ставки Верховного командования № 00293 от 23 июля 1941 г. о сформировании 29-й армии и ее задачах» // СБД ВОВ, вып. 37, 11–12.

²⁶ «Приказ Ставки Верховного командования № 00305 от 13 июля 1941 г. о сформировании 30-й армии и ее задачах» // СБД ВОВ, вып. 37, 12–13. 30-я армия состояла из 119-й, 242-й и 251-й стрелковых дивизий, из которых две последних созданы на базе дивизий НКВД, 51-й танковой дивизии, 43-го артиллерийского полка, и 533-го и 758 полков противотанковой артиллерии.

²⁷ А. Д. Колесник. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1988, 15–56. Эта работа охватывает создание ополчения по всей Российской Федерации. Документы в СБД ВОВ подтверждают точность данного исследования.

²⁸ Боевой состав Советской Армии, часть 1 (июнь–декабрь 1941 года). Москва: Военно-научное управление Академии Генерального штаба, 1963, 32.

²⁹ «Боевой приказ командующего войсками 24-й армии № 03/оп от 13 июля 1941 г. на оборону» // СБД ВОВ, вып. 37, 313–314.

³⁰ «Боевой приказ командующего войсками 24-й армии № 05/оп от 17 июля 1941 г. О переподчинении и перегруппировке войск армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 316.

³¹ «Боевой приказ командующего войсками 24-й армии № 09/оп от 5 августа 1941 г. о сосредоточении прибывающих в состав армии дивизий» // СБД ВОВ, вып. 37, 332–333.

³² «Директива командующего войсками 28-й армии от 14 июля 1941 г. об организации обороны войсками армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 341–342.

³³ «Боевое распоряжение штаба 28-й армии № 037 от 23 июля 1941 г. об устранении недостатков в боевых действиях войск» / / СБД ВОВ, вып. 37, 349.

³⁴ «Приказ военного совета 28-й армии № 059/оп от 30 июля 1941 г. войскам оперативной группы армий об устранении недостатков в боевых действиях» // СБД ВОВ, вып. 37, 362–363.

³⁵ «Боевой приказ командующего войсками 29-й армии № 02 от 19 июля 1941 г. на сосредоточение в районе Торопец» // СБД ВОВ, вып. 37, 362–363.

³⁶ «Доклад военного совета 29-й армии от 1 августа 1941 г. главнокомандующему Западным направлением о результатах трехдневных боев войск армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 369–370.

³⁷ «Доклад начальника артиллерии 29-й армии от 12 августа 1941 г. начальнику артиллерии Западного фронта о боевом применении артиллерии армии в период с 27 июля по 11 августа 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 37, 376.

³⁸ Там же.

³⁹ «Боевой приказ командующего войсками 30-й армии № 02 от 14 июля 1941 г. на оборону рубежа Селижарово, Оленино, Васильево» // СБД ВОВ, вып. 37, 381.

⁴⁰ «Приказ командующего войсками 30-й армии № 15 от 27 июля 1941 г. об изжитии недостатков в боевых действиях войск армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 386–387.

⁴¹ «Доклад военного совета 30-й армии от 5 августа 1941 г. военному совету Западного фронта об укомплектованности, снабжении и боеспособности войск армии» // СБД ВОВ, вып. 37, 395–406.

⁴² Там же, 395.

⁴³ Точные потери армии были такие: у 242-й стрелковой дивизии — 3504 человека, в 250-й стрелковой дивизии — 5775 человек, в 251-й стрелковой дивизии — 4018 человек и в 107-й танковой дивизии — 4133 человека; итого в целом 18 431 человек, или 40 процентов от первоначальной численности. К 1 августа в полках насчитывалось от 379 до 1195 бойцов. За этот период армия получила подкрепления численностью в 2830 бойцов.

⁴⁴ Там же, 398.

⁴⁵ Там же, 405.

⁴⁶ Вклейка № 2 к «Сборнику боевых документов ВОВ», вып. 37, 88.

⁴⁷ Относительно этого изменения номеров дивизий см.: «Оперативную сводку штаба Западного фронта № 50 от 21 июля 1941 г. о боевых действиях войск фронта» (СБД ВОВ, вып. 37, 99) и последующие донесения в той же серии документов Резервного фронта — например, «Оперативная сводка штаба фронта резервных армий № 9 к 20 часам 16 июля 1941 г. о положении войск фронта» (СБД ВОВ, вып. 37, 141–142) и «Боевой приказ командующего войсками 24-й армии № 05/оп от 17 июля 1941 г. о переподчинении и перегруппировке войск армии» (СБД ВОВ, вып. 37, 316). Единственным исключением в этой системе была 103-я моторизованная дивизия 26-го механизированного корпуса, которая так и осталась моторизованной.

⁴⁸ Одно из немногих существующих в открытых источниках объяснений происхождения танковых дивизий с танками новейших марок можно найти в книге О. А. Лосика «Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: «Воениздат», 1979), 46. Лосик утверждает: *«В это время [в середине июля 1941 г.] из механизированных корпусов, расположенных во внутренних военных округах, были сформированы 10 танковых дивизий»*. Архивные материалы подтверждают это заявление Лосика.

⁴⁹ «Донесение командира 108-й танковой дивизии командующему войсками брянским фронтом от 17 сентября 1941 г. о боевых действиях дивизии в период с 28 августа по 4 сентября 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 33, 121–125.

⁵⁰ «Директива Генерального штаба № 00455 от 21 июля 1941 г. командующему войсками фронта резервных армий об усилении танками стрелковых дивизий групп Хоменко, Калинина и Качалова» // СБД ВОВ, вып. 37, 18.

⁵¹ Там же.

⁵² «Приказ командующего войсками фронта резервных армий № 3/оп от 19 июля 1941 г. об устранении недостатков в организации системы противотанкового артиллерийского огня» // СБД ВОВ, вып. 37, 146–148.

⁵³ «Приказ начальника артиллерии фронта резервных армий № 2/оп от 21 июля 1941 г. об устранении недостатков в организации системы противотанкового артиллерийского огня» // СБД ВОВ, вып. 37, 155–156.

⁵⁴ «Доклад начальника связи фронта резервных армий от 29 июля 1941 г. Начальнику управления связи Красной Армии о состоянии и работе радиосвязи фронта» // СБД ВОВ, вып. 37, 162–163.

⁵⁵ Там же, 164.

⁵⁶ «Доклад командующего военно-воздушными силами фронта резервных армий от 28 июля 1941 г. заместителю народного комиссара обороны Союза ССР о мерах повышения боеспособности военно-воздушных сил» // СБД ВОВ, вып. 37, 161–162.

9. Разведка Красной Армии накануне войны

¹ А. М. Василевский. Дело всей жизни. Москва.: Прогресс, 1976, 82.

² Ю. Г. Перечнев. О некоторых проблемах подготовки страны и вооруженных сил к отражению фашистской агрессии // ВИЖ, № 4 (апрель), 1988, 49.

³ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Том 1. Москва: Прогресс, 1985, 267–268.

⁴ Там же, 268.

⁵ В. Д. Данилов. Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, № 6 (июнь), 1988, 18. Здесь приводятся эти донесения и донесения ГРУ, передаваемые Сталину.

⁶ И. З. Евгеньев. Военные разведчики докладывали... // ВИЖ, № 2 (февраль), 1992, 41. Телеграмма была получена 9-м отделом ГРУ в 17:45 1 июня.

⁷ См. «Телеграмма из Кишинева, 2 июня 1941 г.»; «Телеграмма из Мурманска, 19 июня 1941 г.»; «Информация Главного управления политической пропаганды Красной Армии Центральному Комитету ВКП(б) о посадке германских самолетов в районе города Рава-Русская» // Известия ЦК КПСС, № 5 (май) 1990, 206–211.

⁸ Евгеньев. Военные разведчики докладывали, 36. Со ссылкой на донесение, полученное 9-м отделом ГРУ 29 декабря 1940 года в 19:00.

⁹ Там же, 37. Со ссылкой на донесение, полученное 6-м отделом ГРУ в 14:00 10 марта 1941 года.

¹⁰ Там же. Оба донесения были адресованы Сталину, Молотову, Ворошилову и Берии.

¹¹ Там же, 38.

¹² Там же.

¹³ Там же, 39–40. Ссылка на донесение № 48582, адресованное напрямую Сталину.

Примечания

¹⁴ Там же, 40. Телеграфное сообщение, полученное 9-м отделом ГРУ в 03:00 29 мая 1941 г.

¹⁵ И. З. Евгенийев. Военные разведчики докладывали... // ВИЖ, № 3 (март), 1992, 41–42.

¹⁶ Там же, 42. Телеграмма была получена 9-м отделом ГРУ 20 июня в 15:00.

¹⁷ Там же. Это донесение было получено 9-м отделом ГРУ 21 июня в 17:05. Мацуока был японским министром иностранных дел, а Хиранума — представителем японского кабинета.

¹⁸ Там же, 41–42.

¹⁹ Жуков. Воспоминания и размышления, том 1,

²⁰ А. Г. Хорьков. Накануне грозных событий // ВИЖ, № 5 (май), 1988, 42. О мерах немецкой наземной и воздушной разведки см. также: Начальный период Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба им. Ворошилова, 1989, 23–24.

²¹ Там же; Хорьков. Накануне, 42–43.

²² Там же.

²³ Там же, 44.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, 45. Цитируется по протоколам Нюрнбергского процесса.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, 46.

²⁹ Там же.

³⁰ Жуков. Воспоминания и размышления, том 1, 273

³¹ Там же.

³² Евгенийев. Военные разведчики, 39.

³³ В. Карпов. Жуков // Коммунист вооруженных сил, № 5 (май), 1990, 67.

³⁴ По предложению Жукова, первой (начальной) стратегической целью Советов было бы уничтожить немецкие войска, собранные к югу от Бреста и Демблина, и в 30-дневный срок выйти на рубеж, простирающийся с севера от Остроленки на юг по реке Нарев через Лович, Лодзь, Крейцберг и Опельн к Оломоуцу. Вслед за тем советские войска должны были наступать на север или северо-запад из района Катовице для уничтожения немецких войск на центральном и Северо-Западном участке фронта и захватить остальную территорию бывшей Польши и Восточной Пруссии. На этой первой фазе операции непосредственной задачей советских войск будет расчленить немецкие войска к востоку от Вислы и вокруг Кракова, наступать до рубежа реки Нарев и захватить Катовице. Конкретные задачи для выполнения этой общей задачи были следующими: (а) нанести основной удар войсками Юго-Западного фронта на Краков и Катовице с целью отрезать Германию от ее южных союзников; (б) произвести вспомогательное наступление левым флангом Западного фронта на Варшаву и Демблин с целью сковать варшавскую группировку и захватить Варшаву, а также во взаимодействии с Юго-Западным фронтом уничтожить Люблинскую группировку и (в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми при благоприятной обстановке напасть на Румынию.

³⁵ Хорьков. Накануне, 47.

³⁶ Жуков. Воспоминания и размышления, том 1, 275–276.

³⁷ Хорьков. Накануне» 47.

³⁸ «Разведывательная сводка штаба Прибалтийского военного округа от 18 июня 1941 г. о группировке войск противника против войск округа на 17 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 18–20. Схожее донесение из Западного особого военного округа от 21 июня см. в СБД ВОВ, вып. 35, 13–14.

³⁹ Первые дни войны в документах // ВИЖ, № 5 (май), 1989, 47. Документ «Донесение командира 125-й стрелковой дивизии командующему Прибалтийским особым военным округом,

18 июня 1941 г. 20 ч. 10 мин.» со ссылкой на: ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, лл. 3–4.

⁴⁰ Там же, 47–48; документ под названием «Директива штаба Прибалтийского особого военного округа от 19 июня 1941 г.», ссылка на: ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, лл. 34–35.

⁴¹ Там же, 48; документ под названием «Распоряжение командующего войсками 8-й армии Прибалтийского особого военного округа командирам 10-го и 11-го стрелковых корпусов, 20 июня 1941 г.», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 36.

⁴² Там же, документ под названием «Донесение командующего Краснознаменным Балтийским флотом командующим Ленинградским и Прибалтийским особыми военными округами, начальнику погранвойск 20 июня 1941 г.», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 221, оп. 1304, д. 2, л. 59.

⁴³ Там же, 48; документ под названием «Донесение штаба 11-й армии начальнику штаба Прибалтийского особого военного округа, 20 июня 1941 г. 23 ч. 46 мин.», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 2, л. 76; с пометкой «Доложено в Москву товарищу Кореневскому 21.6.41 г.»

⁴⁴ Там же, 49; документ под названием «Распоряжение штаба Прибалтийского особого военного округа командующим войсками 8-й, 11-й и 27-й армий», со ссылкой на архив ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 62.

⁴⁵ Хорьков. Накануне, 47–48.

⁴⁶ «Разведывательная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа № 02 от 22 июня 1941 г. О группировке войск противника к 20 часам 21 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 28–30.

⁴⁷ «Оперативная сводка штаба Прибалтийского особого военного округа № 01 от 21 июля о группировке войск округа к 22 часам 21 июня 1941 г.» // СБД ВОВ, вып. 34, 31–32.

⁴⁸ Первые дни войны, 51; документ под названием «Директива управления политпропаганды Прибалтийского особого воен-

ного округа 21 июня 1941 г. 21 ч. 35 мин.», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 47.

⁴⁹ Там же; документ под названием «Приказ командующего войсками 8-й армии Прибалтийского особого военного округа командиру 11-го стрелкового корпуса», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 53.

⁵⁰ Там же; документ под названием «Приказ штаба 27-й армии Прибалтийского особого военного округа 22 июня 1941 г. 3 ч. 45 мин.», со ссылкой на: ЦАМО, ф. 325, оп. 4579, д. 1, л. 43.

⁵¹ Хорьков. Накануне, 47.

⁵² Там же, 43, приведен полный текст приказа.

⁵³ Жуков. Воспоминания и размышления, том 1, 277–278.

⁵⁴ «Директива Народного комиссара обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова командующим приграничных округов о приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии 21 июня 1941 г.» // Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 32. Этот документ почти полностью совпадает с копией, приводимой в «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова, том 1, 278.

⁵⁵ Первые дни, 44.

⁵⁶ «Из журнала боевых действий войск Западного фронта 22 июня 1941 г.», приведен в «Первых днях», 45–46. Полный текст см.: СБД ВОВ, вып. 35, 7–10.

⁵⁷ Жуков. Воспоминания и размышления, том 1, 271–272.

⁵⁸ Там же, 272.

⁵⁹ Василевский. Дело всей жизни, 84.

⁶⁰ Там же, 84–85.

⁶¹ «Акт о приеме» // Известия ЦК КПСС, № 1 (январь), 1990, 203.

⁶² Дальнейшие подробности о разведке накануне войны см. А. А. Волков «Критический пролог: Незавершенные фронтовые наступательные операции первых кампаний Великой

Отечественной войны. Москва: АВИАР, 1992, 48–52. Эта небольшая, но превосходная работа была подготовлена под эгидой секции геополитики и безопасности Академии естественных наук Российской Федерации.

⁶³ Там же, 50.

⁶⁴ Д. Волкогонов. Сталин: Триумф и трагедия. Книга 2. Москва: Новости, 1989, 148–150.

Выводы

¹ В числе этих откровенных критических разборов см.: А. Конененко. Германо-польская война 1939 г. // ВИЖ, № 11 (ноябрь), 1940, 49–67; А. Конененко. Бои во Фландрии (май 1940) // ВИЖ, № 3 (март), 1941, 3–25; Л. Десятков. Операция в Норвегии (апрель-июнь 1940 г.) // ВИЖ, № 4 (апрель), 1940, 3–12; И. Ратнер. Прорыв на Маасе (на участке Динан-Седан, май 1940 г.) // ВИЖ, № 5 (май), 1940, 3–22; А. Конененко. Краткий обзор военных действий на Западе // Военная мысль, № 7 (июль), 1940, 3–12; К. И. Хорсеев. ВВС в германо-польской войне // Военная мысль, № 7 (июль), 1940, 28–44; Б. С. Беляновский. Действия танковых и моторизованных войск в Польше, Бельгии и Франции // Военная мысль, № 8 (август), 1940, 39–58, и многие другие.

² Согласно Г. Ф. Кривошееву (Гриф секретности снят. Москва: Воениздат, 1993, 93–100), во время советско-финской войны советские вооруженные силы потеряли 333 084 человека, в том числе 84 394 погибшими и пропавшими без вести. Первоначально Советы выставили на поле боя войска численностью в 550 757 человек, но к концу войны эта численность повысилась до 760 578 человек. Таким образом, общая численность задействованных войск достигала примерно 1 миллиона бойцов. 30 процентов от общего числа потерь приходились на обмороженных.

3. Кривошеев. Гриф секретности снят, 143.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вторичные источники

Хотя о советско-германской войне существует обширная литература как первичного, так и вторичного характера, основательность и точность этих трудов в целом пострадали от недоступности советских военных документов и, до недавних времен, по причине полного отсутствия советских архивных материалов. В результате со времен окончания войны большинство описаний войны включали в себя только немецкое восприятие и подробности. Противостоящий немцам советский солдат оставался практически безликой и бесцветной массой, лишенной коллективных или индивидуальных личных особенностей. Это в особенности верно в отношении описаний Красной Армии накануне войны — темы, которой советские послевоенные историки избегали совершенно.

Поэтому получилось, что немецкие источники по умолчанию предоставили единственное правдоподобное описание Красной Армии 1941 года. Более того, во многом по тем же причинам, в целом также преобладали немецкие взгляды на войну и немецкие толкования хода военных действий. Понятно, что западные ученые и читатели, за немногими исключениями, смотрели на существующие советские описания войны или на описания, основанные на советских данных, с большим подозрением и недоверием. По сути дела, хотя немецкая армия проиграла

войну, она относительно легко выиграла начальные этапы борьбы на поле истории.*

Германская школа

В годы сразу после окончания войны господствующее место мало-помалу заняла германская школа историографии. Ее создание и рост были явлением совершенно естественным, поскольку большинство доступных источников по войне были немецкого происхождения и излагали немецкую точку зрения.

Первую группу материалов, основанных на немецких источниках, представили государственные учреждения США, которые в качестве победителей получили огромную архивную добычу. Перед этими учреждениями стояла практическая задача проанализировать характер войны и сражающихся армий, в особенности Красной Армии, чтобы военные США могли лучше понимать

* Причины малого внимания западной историографии к советской версии Второй мировой войны кроются отнюдь не в закрытости советских архивов. Немецкие архивы до последнего времени использовались англоязычными исследователями также весьма ограниченно. Как следует из дальнейшего, под «первичными источниками» автор понимает также личные записи и мемуарные работы (многие из которых были созданы в плену по заданию лагерной администрации); при всей своей ценности эти материалы не обладают точностью и достоверностью документов. В приведенной ниже библиографии автор не указывает ни одного сборника немецких документов; едва ли не единственный использованный им в книге немецкий документ содержит неполные данные, вне контекста лишь искажающие реальную ситуацию.

Возможность сверки немецких исследований и мемуаров с доступными на Западе немецкими документами, которой автор объясняет доверие к немецким работам, конечно же, теоретически существовала — но практически к ней никто никогда не обращался. Излагаемая немцами картина устраивала всех и даже в самых своих фантастических деталях не вызывала того недоверия, на которое далее ссылается автор, говоря о советских исследованиях. Причины тому, безусловно, были чисто идеологическими. (Прим. ред.)

и справляться с будущими советскими военными угрозами. В последующие послевоенные десятилетия к этим первоначальным описаниям прибавился впечатляющий набор немецких материалов мемуарного характера, подготовленных поколением бывших немецких старших командиров, которые теперь остались не у дел и горели желанием поделиться единственными в своем роде впечатлениями военного времени с новыми врагами их злейшего соперника времен войны Советского Союза.

Позднее все возрастающее число историков писали ученые доклады о войне, основанные первоначально на материалах официальных государственных органов США и на немецкой мемуарной литературе, а позже — на новых вышедших в свет немецких архивных документах. Со временем эта масса немецких источников разбухла еще больше с добавлением воспоминаний рядовых солдат и постоянно издаваемого потока историй отдельных немецких воинских частей. Хотя многие из этих материалов были написаны на немецком, западные историки были в общем-то более способны овладеть этим языком и интеллектуально более склонны разрабатывать эти источники и принимать эти истолкования, чем поступать так со схожими российскими материалами.

Использованию советских и российских источников с самого начала препятствовали три внушительных барьера. Первые два — незнакомство западных историков с советскими историческими трудами и их общая неспособность читать написанное на русском, носили в основном механический характер и со временем могли бы быть преодолены, когда значительное число западных исследователей выучило бы русский язык. Третий же барьер, глубоко укоренившееся и зачастую оправданное недоверие к исторической достоверности российских материалов, был фундаментальным и более труднопреодолимым, так как содержание большинства самых легкодоступных советских исторических работ носило многозначительно и откровенно идеологический характер. Более надежная советская историографическая школа появится только после того, как западные историки получат возможность доступа к более широкой и более надежной базе советских исторических трудов и смогут проверить

правдивость советских источников, сравнив их с данными немецких архивов.

Явно ограниченная ценность советских работ, созданных за первое послевоенное десятилетие, также дискредитировала и появившиеся в конце 1950-х и в 1960-х годах советские попытки улучшить качество и точность своих исторических трудов. Фактически, несмотря на усилия немногочисленных превосходных западных ученых заменить советскую помпезность твердыми фактами, достоверность советской школы исторической науки оценивалась крайне низко вплоть до 1980-х годов, когда общественность наконец начали знакомить со значительным количеством советских архивных материалов.*

Вторичные материалы, которые в силу природы своего источника попадают в сферу немецкой историографической школы, включают в себя несколько серий официальных исследований и исторических работ, подготовленных и изданных национальными военно-историческими организациями — в первую очередь в Соединенных Штатах и Германии. Сюда входят личные воспоминания и другие стандартные исторические обзоры отдельных операций и войны в целом.

Первые официальные американские исследования советско-германской войны появились в серии Отдела армейских брошюр, подготовленных и изданных в конце 1940-х и начале 1950-х годов как продукт широких усилий правительства США по опросу бывших немецких военачальников и анализу характера боев на германском Восточном фронте. В эту серию вошла лишь малая доля материала, собранного Европейским Командованием США в ходе послевоенной программы анализа и опроса. Брошюры эти широко распространились и даже сегодня перепечатываются Центром военной истории армии США для современных читателей.

* То, что в течение почти полувека американская историческая школа обращалась лишь к советским работам первых десяти лет, не желая знакомиться со всеми последующими, говорит лишь о качестве этой школы. (Прим. ред.)

Хотя эти работы сделали ценный первоначальный вклад в улучшение понимания войны Западом, их точность вызывала подозрение из-за их авторов, которые во время войны являлись немецкими командирами и штабными офицерами и писали свои сочинения в основном по памяти и без доступа к немецким архивным материалам. Таким образом, вдобавок к своим естественным немецким пристрастиям они содержали многочисленные фактические ошибки.

В 1960-х годах Управление военной истории (Chief of Military History — СМН) армии США начал готовить обширные исследования советско-германской войны в дополнение к выходящей большой серии изданий, освещающих роль в войне Соединенных Штатов. СМН подготовил три тома, которые должны были охватить хронологически всю войну, но даже первый том по 1941 году так и не вышел из печати. В более недавние времена, уже в 1980-х годах, Германский военно-исторический отдел (Фрейбург) тоже начал готовить большую серию официальных работ по Второй мировой войне. Один том этой новой серии освещает события 1941 года.

Вторым главным жанром немецких вторичных источников были послевоенные мемуары или биографии выдающихся немецких военачальников времен войны, самые известные из которых появились в конце 1940-х и в 1950-х годах. Эти тома установили повторяющиеся рефреном постулаты немецкой военно-исторической школы, появившись на свет в то время, когда было и необходимо, и разумно дистанцироваться от Гитлера и гитлеровской политики. Среди наиболее известных подобных мемуаров были работы Вальтера Варлимонта (начальник штаба ОКВ), Эриха фон Манштейна (LVI танковый корпус, 11-я армия, группы армий «Дон» и «Юг») и Ф. В. фон Меллентина (11-я танковая дивизия и XLVIII танковый корпус), которые дружно ознакомили Запад с немецким взглядом на Красную Армию и советского солдата.

Все эти авторы писали свои мемуары, основываясь на воспоминаниях или личных заметках и записках. Оставляя в стороне интерпретацию излагаемого ими материала, подобное отсутствие архивных источников зачастую вызывало серьезные погрешности в точности их работ. При всей их увлекательности

для читателя, эти популярные мемуары и биографии описывали войну с неким безликим противником — вооруженной ордой, не обладающей ни конкретным обликом, ни определенными чертами. Короче говоря, помимо ощущения огромной численности и мощи своего врага, жестокости и бесчеловечности боев, их авторы не показывали, с чем именно они воюют.

Тем не менее именно благодаря этим авторам сложились стойкие стереотипы красноармейца и советского солдата. Хотя последующее поколение талантливых западных профессиональных историков оставило после себя в наследство превосходные труды, их работы в силу материала? служившего им источниками, все равно оставались крепко связанными с немецкой школой. Как ни пытались они реконструировать советское лицо войны, все их усилия шли прахом, поскольку изрядная доля их первичных материалов оставалась, по необходимости, немецкой.

Начиная с ранних 1960-х, все большее число уважаемых подготовленных историков начало выпускать работы о войне и боевых операциях на германском Восточном фронте. Эти работы были более основательными, нежели труды их предшественников — но и они основывались в первую очередь на немецких источниках. Потому им также не удавалось достичь приличествующего баланса между немецкими и советскими взглядами на войну. В самых первых из этих томов все же содержались некоторые советские материалы, собранные и сохраненные немецкими разведывательными органами времен войны, а более поздние тома приводили некоторые материалы из работ, выпущенных в свет советскими авторами в начале 1960-х годов, после того, как Хрущев отпустил узду, надетую на советскую историографию.

Эти работы также включали в себя исследования западных авторов, которые во время войны немало времени провели в Советском Союзе. К числу наилучших и наиболее существенных из подобных трудов, содержащих материал по 1941 году, относятся обзор Алана Кларка «Барбаросса» (1965), работа Эрла Зимке «От Сталинграда до Берлина» (1968, в серии СМН), написанная в более журналистском ключе книга Пауля Кареля «Гитлер идет на Восток» (1965), «900 дней» Гаррисона Солсбери (1969) и «Русско-германская война» Альберта Ситона (1971).

Советская школа

Хотя на английский язык были переведены немногие из большого количества опубликованных на русском языке работ, к этому огромному набору советских вторичных материалов все же нужно обратиться, так как он послужил стимул для западных исследований по этой теме. Со времени десталинизации, или приблизительно с 1958 года, советская историография создала массированное число связанных с войной исторических обзоров, исследований операций, воспоминаний и историй отдельных воинских частей. В это число входили два крупных официальных исторических обзора и несколько энциклопедических серий.

6-томная История Великой Отечественной войны, выходившая с 1960 по 1965 год, была классическим примером процесса десталинизации и хрущевской гласности. Она познакомила читателей с доселе запретными темами — такими, как подробное описание катастрофы 1941 года, а также с рядом военных поражений, такими, как Харьковская катастрофа в мае 1942 года, которая стала «потемкинской деревней» провалившихся советских операций времен войны. С 1973 по 1982 год была опубликована советская 12-томная История второй мировой войны, которая хотя и отводила ведущую роль в войне Красной Армии и советскому государству, познакомила наконец российских читателей с операциями союзников.* Весьма характерно

* Исследования по истории Второй мировой войны на Западе и на Тихом океане (как отечественные, так и переводные) в большом количестве и большими тиражами выходили в СССР уже с середины 1950-х годов, а первые переводы книг Эллиота Рузвельта, Ральфа Ингерсолла, Д. Долгейша, посвященных подготовке и планированию открытия второго фронта в Европе, появились еще раньше — во второй половине 40-х. Библиографию этих изданий см., например: В. М. Кулиш. История второго фронта. М.: Наука, 1972. С. 642–651. Заметим, что объемистая работа Кулиша первый раз была издана еще в 1960 году. Официальная британская история Второй мировой войны (Дж. Батлер, Дж. Эрман, М. Говард) публиковалась в СССР по томам сразу же после выхода их на языке оригинала. Вопрос, почему «тоталитарное» общество проявляло больший интерес к мнению оппонента, нежели общество «демократическое», весьма интересен — но не относится к теме данного исследования. (Прим. ред.)

для брежневского периода — эти тома были менее откровенными, чем их 6-томный предшественник.

Наиболее существенная попытка создать энциклопедический свод военной истории произошла в период с 1976 по 1980 год, когда министерство обороны СССР выпустило 8-томную «Советскую военную энциклопедию», изданную под редакцией тогдашнего маршала И. В. Огаркова. В 1985 году появилась сопутствующая энциклопедия Великой Отечественной войны. Хотя эти тома и очень полезны для исследователей, вышли они на русском и содержат те же недостатки, что и другие книги, написанные в тот период. В 1990 году Министерство обороны начало готовить новую, более откровенную версию многотомной энциклопедии, но прекратило издание, когда в 1991 году распался Советский Союз.*

Таким образом, самый лучший и наименее разрекламированный из этих вторичных источников появился в разгар оттепели 1960-х годов. После этого ценность работ носила смешанный характер — в зависимости от степени вольности, дозволяемой каждому автору и чувствительности каждой затронутой темы. В целом те, кто занимал более устойчивое политическое положение, как правило, имели возможность писать с большей откровенностью — как и те, кто создавал сугубо утилитарные работы для обучения офицеров советской армии. Но безотносительно к вольности в сфере истории, определенные темы, такие, как Красная Армия в 1941 году, поражения во многих боях, в том числе и в ходе операции «Барбаросса», точное соотношение сил и политически чувствительные операции, оставались запретными.** С другой стороны,

* К настоящему моменту это издание доведено до конца — но фактически оно повторяет восьмитомник 1976–1980 годов, содержа крайне мало новой информации относительно своего общего объема. (*Прим. ред.*)

** Здесь необходимо заметить, что цифры, приведенные в 12-томнике 1973–1982 годов, практически полностью подтверждаются данными новейших исследований — в отличие от большинства немецких работ этого периода, которые, несмотря на «свободу творчества» авторов (или, быть может, именно благодаря ей), за небольшим исключением содержат неполную или искаженную количественную информацию, особенно по советской стороне. Что же до

некоторые спорные вопросы времен войны, которые служили текущим политическим надобностям, были извлечены для всеобщего обозрения — как, например, спор Жукова и Конева, который находил параллели во внутренних политических баталиях, шедших в современной советской политической иерархии.

Ограниченное число этих работ, такие как воспоминания старших командиров Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, А. И. Еременко, К. А. Мерецкова и В. И. Чуйкова, великолепное исследование работы Генерального штаба во время войны С. М. Штеменко и несколько исследований политически безопасных операций, таких, как Курская, вышли и в английском переводе. Советские власти сильно редактировали все воспоминания, и выброшенные части этих воспоминаний выходят лишь сегодня.* Хотя многие из фактов в этих воспоминаниях достоверны, их истолкования зачастую не столь верны, и они столь же достойны внимания в том, о чем умалчивают, как и в том, о чем сообщают точно.

Самые лучшие и самые точные из оперативных и тактических исследований оставались недоступными, поскольку были написаны на русском. Авторы обоих жанров в целом обходили наиболее спорные вопросы и зачастую скрывали причины крупных оперативных или стратегических провалов и обходили вопрос ответственности за них. Сюда можно отнести, например,

стремления замалчивать свои поражения или преуменьшать их роль и масштабы, то оно свойственно любым историкам и мемуаристам в любую эпоху. (*Прим. ред.*)

* Это утверждение далеко не во всем соответствует действительности. Автору этих строк довелось работать с рукописью воспоминаний С. М. Штеменко — и он может засвидетельствовать, что редакционная правка этих мемуаров практически не содержала «политических» исправлений. Действительно серьезной правке подверглись мемуары К. К. Рокоссовского — но из опубликованного ныне их полного варианта видно, что «купюры» в целом не касались ни цифр, ни фактической информации. Насколько можно судить, наиболее сильно искажены цензурой были воспоминания командующего Северным флотом А. Г. Головки, полный вариант которых до сих пор не опубликован. (*Прим. ред.*)

рассказ Жукова о его поражении в ноябре 1942 года в ходе операции «Марс» и нежелание Конева описывать свою военную карьеру до января 1943 года. Примечательным исключением из этого правила были многие воспоминания и исследования, изданные во время хрущевской оттепели, приблизительно с 1960 по 1963 год, которые были отмечены беспрецедентной откровенностью.*

Складывание синтеза

Немногие западные историки, в силу своей службы во время войны, выдающимся лингвистическим талантам или уникальным возможностям доступа к советским источникам, были в состоянии синтезировать советские материалы и представить читателям уникальную картину Красной Армии времен войны. Делая это, они образовали на Западе советскую школу историографии войны. На первом месте в этой небольшой группе стояли Малькольм Макинтош и Джон Эриксон, труды которых начали в 1960-е годы проявлять лицо до той поры безликой Красной Армии и добавлять подробности к равно затененным ее операциям. Это произошло вскоре после того, как советские историки стали писать о войне с большей откровенностью.

Интерес Макинтоша к Красной Армии и знание этой темы происходили от его связи с ней во время войны. Работы Эриксона частично стали результатом его уникальных контактов со старшими командирами Красной Армии во время оттепели и знания

* Не умаляя ценности публикаций указанного периода, отметим, что со второй половины 1960-х годов издание наиболее ценных мемуарных и исследовательских работ, основанных на широкой документальной базе, переместилось из «Воениздата» в академическое издательство «Наука». Вплоть до конца 1970-х годов здесь выходила серия «Вторая мировая война в воспоминаниях, исследованиях, документах». Кризис в советской военной науке начался лишь с конца 70-х и, судя по всему, имел под собой не идеологические, а политические причины. (*Прим. ред.*)

советских исторических работ начала 1960-х годов, когда впервые появилось явление гласности.

Написанная Макинтошем однотомная история Красной Армии под названием «Джаггернаут» на много лет сделалась наиболее надежным и фактически единственным исследованием по данной теме. Вышедшее в 1962 году фундаментальное исследование Эриксона «Советское Главное Командование», сообщило читателям беспрецедентные подробности о развитии Красной Армии с 1918 по 1941 год и, если можно так выразиться, захватило командные высоты в отношении Красной Армии 1941 года. Его последующие объемистые классические тома «Путь к Сталинграду» и «Путь к Берлину», сообщили много подробностей о советском участии в войне. И все же даже Эриксон вынужден был признать, что хотя немалая часть его труда выдержит испытание архивами, он предпочел бы иметь более полный доступ к архивным материалам в то время, когда писал свои произведения.

В 1980-х годах историография войны, подпитываемая улучшившимся доступом к русскоязычным источникам, возросшей советской откровенностью в области истории и усилившимся интересом западных ученых к советским делам, достигла определенной зрелости и стала более сбалансированной. Ученые получили возможность интегрировать русские материалы и проверить их, сравнивая с немецкими и японскими архивными источниками для создания более сбалансированной интерпретации войны. Среди тех, чьи усилия выделяют их из общего ряда, можно назвать Кристофера Беллами, Алана Фугейта, Джеффри Джукса, Майкла Пэрриша, Уолтера Данна и все возрастающее число более молодых историков.

Мое исследование достижений и провалов советской разведки открыло новые горизонты для понимания природы и силы воздействия тайных операций времен войны. В моей обзорной истории войны «Когда столкнулись титаны» использованы как немецкие, так и советские архивные данные — с целью открыть читателям прежде забытые крупные операции и пролить новый свет на уже хорошо известные. Джукс и Фугейт дали более подробные описания операции «Барбаросса» и титанической бит-

вы на Курской дуге, а Беллами подготовил превосходный очерк истории советской артиллерии времен войны. Пэрриш вымостил дорогу для этих историков, подготовив обширные библиографические исследования советских исторических материалов по войне, а Данн издал свое обширное исследование войсковой структуры Красной Армии.

По советскому военно-морскому флоту работ вышло достаточно мало; однако Ван Хардести опубликовал первое основательное описание советских ВВС на войне. Важный вклад в формирующуюся область советских военных биографий внесли портреты танковых командиров советской армии Ричарда Армстронга, антология биографий советских военных руководителей времен войны под редакцией Гарольда Шукмана и рецензированная биография маршала Жукова, написанная Отто Чейни. Реконструкция социального состава Красной Армии и условий существования солдата началась с исследования Роджера Риза, посвященного советскому солдату накануне войны. Пока еще не изданная рукопись Н. Раманичева таит в себе кладезь обширных архивных материалов, которые дополняют и подкрепляют выводы Риза.

Периодические издания:

Военно-исторический журнал (ВИЖ)

Военная мысль

Известия ЦК КПСС

Новая и новейшая история

Публикации

Алферов С. Стратегическое развертывание советских войск на западном ТВД в 1941 году // ВИЖ, 1981, № 6. С. 26–33.

Андрющенко Н. К. На земле Белоруссии летом 1941 года. Минск: Наука и техника, 1995.

Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. Москва: Воениздат, 1962.

———. Провал блицкрига. Москва: Наука, 1974.

———. Незабываемый сорок первый. Москва: Советская Россия, 1989.

Аптекарь П. А. Оправданны ли жертвы? О потерях в советско-финляндской войне // ВИЖ, № 3, 1992, 43–45

Бабич Ю. П., Байер А. Г. Развитие Вооружения и организации советских сухопутных войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: Воениздат, 1990.

Баграмян И. Х. История войн и военного искусства. Москва: Воениздат, 1970.

———. Характер и особенности начального периода войны // ВИЖ, № 10, 1981, 20–27.

———. Так начиналась война. Киев: Днипро, 1975.

Баскаков В. Об особенностях начального периода войны // ВИЖ, № 2, 1966, 29–34.

Беляев В. И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 5, 1988, 50–55.

Безыменский Л. Собирался ли Сталин капитулировать в 1941 году? // Новое время, № 13, 1992, 46–48.

Бирюзов С. Первые дни войны // ВИЖ, № 10, 1960, 14–28.

———. Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль, № 8, 1964, 3–63.

Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы // ВИЖ, № 6, 1993, 10–16.

Бордюгов Г. А., Невежин, В. А (ред.). Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. Москва: АИРО-XX, 1995.

Борозняк А. И. 22 июня 1941 года: Взгляд с той стороны // Отечественная история, № 1, 1994, 148–156.

Борщев А. Д. Отражение фашистской агрессии: Уроки и выводы // Военная мысль, № 3, 1990, 15–22.

Чередниченко М. О начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 4, 1961, 28–35.

Черемухин К. Боевые действия советских войск в первые дни войны на Западном направлении // Военная мысль, № 7, 1956, 49–64.

Данилов В. Д. Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, № 6, 1988, 3–20.

Евсеев А. И. О некоторых тенденциях в изменении содержания и характера начального периода войны // ВИЖ, № 11, 1985, 11–20.

Гареев М. А. Еще раз к вопросу, готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история, № 1, 202.

Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история, № 3, 1993, 29–39.

Гречко А. 25 лет тому назад // ВИЖ, № 6, 1966, 3–15.

Гусаров Ф. Ф., Бутаков, Л. А. Техническое прикрытие железных дорог (по опыту первого периода Великой Отечественной войны) // ВИЖ, № 4, 1988, 51–58.

Яковленко И. И. О прикрытии государственной границы накануне Великой Отечественной войны (по опыту Киевского Особого военного округа) // ВИЖ, № 5, 1987, 84–87.

Якушевский А. С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // Вопросы истории, № 1, 1990, 3–15.

———. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // ВИЖ, № 5, 1989, 63–75.

Язов Д. Т. Впереди была война // ВИЖ, № 5, 1991, 4–14.

История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 томах. Москва: Воениздат, 1973–1982.

Иванов С. П. Начальный период войны. Москва: Воениздат, 1974.

Иванов-Скуратов А. Нападение лже-Суворова на Россию // На боевом посту, 8–9, 1992, 30–32.

Ивашов Л. Г. Оборона страны и закон: Правовые основы подготовки Вооруженных Сил СССР к отражению агрессии // ВИЖ, № 8, 1992, 10–18.

Ивашутин П. И. Докладывала точно (воспоминания о минувшей войне) // ВИЖ, № 5, 1990, 55–59.

———. Стратегия и тактика вероломства // ВИЖ, № 6, 1991, 4–11.

Хорьков А. Г. Из опыта отмобилизования сухопутных войск // ВИЖ, № 4, 1982, 53–60.

———. К вопросу о начальном периоде войны // Военная мысль, № 8, 1984, 25–34.

———. Накануне грозных событий // ВИЖ, № 5, 1988, 42–49.

———. Некоторые вопросы стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в начале Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 1, 1986, 9–15.

———. Превентивный удар: Мифы и реальность // Тыл вооруженных сил, № 6, 1991, 3–9.

Кириян М. М. Начальный период Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 6, 1988, 11–17.

———. Суровые уроки начала Великой Отечественной войны // Военная мысль, № 5, 1981, 67–72.

Киришин Ю., Раманичев Н. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов) // Новая и новейшая история, № 3, 1991, 3–19.

Колчигин Б. Мысли об использовании армии прикрытия в начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 4, 1961, 35–37.

Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // ВИЖ, № 2, 1990, 21–28.

Коркодинов П. Факты и мысли о начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 10, 1965, 26–34.

Корзун Л. Роль военной стратегии в подготовке страны к войне // ВИЖ, № 7, 1982, 46–53.

Библиография

Козлов М. М. (ред.) Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. Москва: Советская Энциклопедия, 1985.

Крикунов В. П. Фронтовики ответили так: Пять вопросов Генерального штаба // ВИЖ, № 3, 1989, 62–69; № 5, 1990, 23–32.

Кривошеев Г. Ф. Накануне // ВИЖ, № 6, 1991, 41–44.

———. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Москва: Воениздат, 1993.

Кучихин А. Н. Советские немцы: откуда, куда, и почему? // ВИЖ, № 8, 1990, 32–38; № 9, 1990, 28–38.

Куркоткин С. Перевод экономики страны с мирного на военное положение в годы Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 9, 1984, 3–11.

Кузнецов И. И. Генералы 1940 года // ВИЖ, № 10, 1988, 29–37.

Ливин Г. А., Волкодаев И. И. Планировал ли Сталин войну против Германии? // ВИЖ, № 6, 1991, 26–33.

Лосик О. А. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. Москва: Воениздат, 1979.

Маковский В. Б. Прикрытие госграницы накануне войны // ВИЖ, № 5, 1993, 51–58.

Малафеев А. М. Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль, № 9, 1991, 8–17.

Мацуленко В. Некоторые выводы из опыта начального периода Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 3, 1984, 35–42.

Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 года: Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история, № 3, 1994, 4–21.

———. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР, № 3, 1991, 16–28.

Мурин Ю. Г. Накануне 22 июня 1941 г.: неопубликованное интервью маршала Советского Союза А. М. Василевского // Новая и новейшая история, № 6, 1992, 3–11.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Москва: ИИЦ Госкомстата СССР, 1993.

Никитин А. Перестройка работы военной промышленности СССР в первом периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ, № 2, 1963, 11–19.

Огарков И. В. (ред.). Советская военная энциклопедия. В 8 томах. Москва: Воениздат, 1976–1980.

Осипов А. Агрессия или превентивная война? // Зарубежное военное обозрение, № 4, 1991, 3–6.

Пастуховский Г. П. Развертывание оперативного тыла в начальном периоде войны // ВИЖ, № 6, 1988, 18–27.

Патыченко Ю., Кнышевский, П. Местная экономическая база накануне войны // Тыл вооруженных сил, № 11–12, 1990, 25–28.

Павловский И. Г. Сухопутные войска СССР. Москва: Воениздат, 1985.

Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // ВИЖ, № 4, 1988, 42–50.

Петров В. Л. Страна готовилась к отражению агрессии // ВИЖ, № 6, 1995, 4–9.

Платонов С. П. (ред.). Вторая мировая война, 1939–1945 гг. Москва: Воениздат, 1958.

Прозктор Д. М. 22 июня 1941 года: пятьдесят лет спустя // Военная мысль, № 6, 1991, 15–25.

Ржешевский О. Как начиналась война // Партийная жизнь, № 13, 1989, 69–73.

Сандалов Л. М. На московском направлении. Москва: Наука, 1970.

———. Пережитое. Москва: Воениздат, 1961.

Шкадов И. Беспристрастно писать историю // Зарубежное военное обозрение, № 5, 1991, 3–6.

Солнышков Ю. С. По поводу статьи генерала-полковника Ю. А. Горькова // Новая и новейшая история, № 1, 1994, 239–240.

Библиография

Сорокин К. Л. Трудные дни сорок первого. Москва: Воениздат, 1991.

Суворов Виктор. День-М: 6 июля, 1941. Москва: Все для Вас, 1994.

Темирбиев С. Так кто же начал войну? // Армия, № 8, 1993, 16–20.

Цукерторт И. Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР // ВИЖ, № 5, 1991, 16–21.

Уколов А. Т., Ивкин В. И. О масштабах репрессии в Красной Армии в предвоенные годы // ВИЖ, № 1, 1993, 56–63.

Великая Отечественная война Советского Союза. В 6 томах. Москва: Воениздат, 1960–1965.

Владимирский А. В. На киевском направлении. Москва: Воениздат, 1989.

Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства, 1922–1941 гг. Москва: Воениздат, Юридическая литература, 1977.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И. В. Сталин: Политический портрет. Москва: Новости, 1989.

Волков А. А. Критический пролог: Незавершенные фронтовые наступательные операции первых кампаний Великой Отечественной войны. Москва: АВИАР, 1992.

Захарчук М., Гологюк, В. Накануне войны // Противовоздушная оборона, № 6, 1992, 46–52.

Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. Москва: Воениздат, 1989.

———. Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки // ВИЖ, № 7, 1971, 3–14.

Зимарин О. А. Миф Ледокола // ВИЖ, № 4, 1995, 32–36.

Золотарев В. А. (ред.). Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки в четырех книгах. Книга первая: суровые испытания. Москва: Библиотека Мосгорархива, 1995.

Arbatov Georgi. *The System: An Insider's Life in Soviet Politics*. New York: Random House, 1992.

Armstrong Richard. *Red Army Tank Commanders: The Armored Guards*. Atglen, Pa.: Schiffer Military/Aviation History, 1994.

Bellamy Chris. *Red God of War: Soviet Artillery and Rocket Forces*. London: Brassey's, 1986.

Bialar Seweryn, ed. *Stalin's Generals*. New York: Pegasus, 1969.

Blau George. *The German Campaign in Russia: Planning and Operations, 1940–1942*. Department of the Army Pamphlet 20-261a. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1955.

Carell Paul. *Hitler's War on Russia 1941–1943*. London: Harrap, 1964.

Chaney, Otto P. Zhukov. Norman: University of Oklahoma Press, 1971. Expanded second edition in 1996.

Cimbala Stephen J. «Intelligence, C3, and the Initial Period of War». *The Journal of Slavic Military Studies* 4, 3 (September 1991): 397–447.

Clark, Alan. *Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941–45*. New York: William Morrow, 1966.

Dunn Walter S., Jr. *Hitler's Nemesis: The Red Army, 1930–1945*. New York: Praeger, 1994.

Eremenko, A. I. *The Arduous Beginning*. Moscow: Progress, 1966.

Erickson, John. *The Road to Stalingrad*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975.

———. *The Soviet High Command 1918–1941*. London: Macmillan, 1962.

Eliseeva N. E. «Plans for the Development of the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA) on the eve of war». *The Journal of Slavic Military Studies* 8,2 (June 1995): 356–365.

Fugate Brian I. *Operation Barbarossa: Strategy and Tactics on the Eastern Front*. Novato, Calif.: Presidio, 1984.

Библиография

Gerard Beth M. «Mistakes in Force Structure and Strategy on the Eve of the Great Patriotic War». *The Journal of Slavic Military Studies* 4,3 (September 1991): 471–486.

Glantz David M. *A History of Airborne Forces*. London: Frank Cass, 1994.

———. *The Military Strategy of the Soviet Union*. London: Frank Cass, 1992.

———. «Observing the Soviets: U. S. Army Attaches in Eastern Europe During the 1930s». *The Journal of Military History* 55, 2 (April 1991): 153–184.

———. *The Role of Intelligence in Soviet Military Strategy in World War II*. Novato, Calif.: Presidio, 1990.

———. *Soviet Military Deception in the Second World War*. London: Frank Cass, 1989.

———. *Soviet Military Intelligence in War*. London: Frank Cass, 1990.

———. «Soviet Mobilization in Peace and War, 1929-1942: A Survey». *The Journal of Slavic Military Studies* 5, 3 (September 1992): 323–362.

———, ed. *The Initial Period of War on the Eastern Front, 22 June-August 1941*. London: Frank Cass, 1993.

———. *The 1984 Art of War Symposium: From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations—December 1942—August 1943: A Transcript of Proceedings*. Carlisle, Pa.: U.S. Army War College Center for Land Warfare, 1984.

Glantz David M., and Jonathan House. *When Titans Clashed: How The Red Army Stopped Hitler*. Lawrence: University Press of Kansas, 1995.

Grigorenko Petro. *Memoirs*. New York: Norton, 1982. Translated by Thomas P. Whitney.

Guderian Heinz. *Panzer Leader*. New York: Ballantine, 1965.

Hardesty Van. *The Red Phoenix: The Rise of Soviet Air Power 1941–1945*. Washington, D.C.: The Smithsonian Institution Press, 1982.

Heinrici G. The Campaign in Russia. London: Frank Cass, forthcoming.

Kagan Frederick. «The Evacuation of Soviet Industry in the Wake of Barbarossa». The Journal of Slavic Military Studies 8, 2 (June 1995): 387–414.

Kipp Jacob W. «Barbarossa, Soviet Covering Forces, and the Initial Period of War: Military History and Air Land Battle». The Journal of Slavic Military Studies 1, 2 (June 1988): 188–212.

Mackintosh Malcolm. Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces. London: Seeker and Warburg, 1967.

McMichael Scott R. «National Formations in the Red Army, 1918–1938». The Journal of Slavic Military Studies 3, 4 (December 1990): 613–644.

Manstein Erich von. Lost Victories. Chicago: Henry Regnery, 1958.

Mellenthin F. W. von. Panzer Battles. Norman: University of Oklahoma Press, 1956.

Nekrich A. M. «1941, 22 iunia» [1941, 22 June]. In Vladimir Petrov, Soviet Historians and the German Invasion. Columbia: University of South Carolina Press, 1968.

Nevezhin V. A. «The Pact with Germany and the Idea of an „Offensive War (1939–1941)”». The Journal of Slavic Military Studies 8, 4 (December 1995): 809–843.

Parrish Michael. The USSR in World War II: An Annotated Bibliography of Books Published in the Soviet Union, 1945–1975, with an Addendum for the Years 1975–1980. 2 vols. New York: Garland, 1981.

Phillips Richard H. «Soviet Military Debate on the Initial Period of War: Characteristics and Implications», The Journal of Slavic Military Studies 4,1 (March 1991): 30–61.

Ramanichev N. «The Red Army, 1940–1941: Myths and Realities». Manuscript (1996) written from archival materials and translated by R. Harrison.

Reese Roger R. *Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.

Samuelson Lennart. «Mikhail Tukhachevsky and War-Economic Planning: Archival Revelations and Historical Reconsiderations on the Prewar Soviet Military Buildup». *The Journal of Slavic Military Studies* 9, 4 (December 1996), in press.

Seaton Albert. *The Russo-German War 1941–1945*. New York: Praeger, 1971.

Shtemenko S. M. *The Soviet General Staff at War, 1941–1945*. 2 vols. Moscow: Progress, 1970.

Shukman Harold, ed. *Stalin's Generals*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1993.

Suvorov Viktor. *Icebreaker: Who Started the Second World War?* Trans. Thomas B. Beattie. London: Hammish Hamilton, 1990.

Svechin A. A. *Strategy*. Minneapolis: East View Press, 1982.

Tarleton Robert E. «What Really Happened to the Stalin Line, Parts I and II». *The Journal of Slavic Military Studies* 5, 2 (June 1992): 187–219, and 6, 1 (March 1993): 21–61.

Van Dyck Carl. «The Timoshenko Reforms, March–July 1940», *The Journal of Slavic Military Studies* 9, 1 (March 1996): 69–96.

Vasilevsky A. M. *A Lifelong Cause*. Moscow: Progress, 1976.

Voinovich Vladimir. *The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin*. Translated by Richard Lourie. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1977.

Watt Donald Cameron. «Who Plotted Against Whom? Stalin's Purge of the Soviet High Command Revisited». *The Journal of Slavic Military Studies* 3, 1 (March 1990): 46–65.

Werth Alexander. *Russia at War, 1941–1945*. New York: Dutton, 1964.

Zaloga Steven J. «Technological Surprise and the Initial Period of War: The Case of the T-34 Tank in 1941». *The Journal of Slavic Military Studies* 6, 4 (December 1993): 634–646.

Zaloga, Steven J., and James Grandsen. Operation Barbarossa. London: Arms and Armor Press, 1985.

Zaloga, Steven J., Jim Kinnear, and Peter Sarson. KV-1 and 2 Heavy Tanks, 1941–1945. London: Osprey, 1995.

Zhukov, G. Reminiscences and Reflections. 2 vols. Moscow: Progress, 1985.

2. Первичные источники: Архивные, популархивные и документальные материалы

До середины 1980-х годов преобладающая масса первичных материалов по советско-германской войне была немецкого происхождения. Те немногие советские архивные материалы, какие доходили до рук западных исследователей, попадали туда по разведывательным каналам во время войны и в послевоенные годы. В их число входили некоторые тома анализа советского военного опыта, которые немцам удалось захватить во время войны. Например, три первых тома, разбирающих операции за период до Сталинграда, попали в руки немцев, а потом по каналам американской разведки оказались в США*. Их перевели, и они имели хождение в высших военных школах американской армии. Так как они носили отрывочный характер, а их происхождение оставалось неясным, то до 1980-х годов ими никто не

* Очевидно, имеются в виду первые три выпуска «Сборника материалов по изучению опыта войны», подготовленные Генеральным штабом Красной армии во второй половине 1942 года. Согласно приказу заместителя начальника Генерального штаба по политической части генерал-майора Бокова № 1005337 от 26 декабря 1942 года, эти сборники предназначались для старших и высших командиров до командиров полков всех родов войск включительно. Первые выпуски «Сборника» содержали в основном статьи по отдельным тактическим вопросам и крайне мало материалов, посвященных непосредственно ходу боевых действий; позднее их тематикой стало именно описание боевых операций. Всего до 1946 года было издано 25 таких выпусков. (Прим. ред.)

пользовался в качестве источника. 40 лет эти материалы оставались погребенными в библиотеках, пока в 80-х годах не были открыты вновь и изданы.

Кроме того, в руки немцев, а потом и прочих западных исследователей попали номера советских периодических изданий, выходивших во время войны — в том числе разрозненные номера журнала Генерального штаба «Военная мысль» и «Журнала бронетанковых и механизированных войск». Эти издания постигла та же судьба, что и сборники, обобщающие советский военный опыт. Наконец, в распоряжении исследователей имелись случайные лекции по операциям времен войны, подготовленные для чтения в послевоенный период в советских военных училищах, а также копии советских уставов военного времени. Все это дошло до Запада по схожим каналам.

Сколь ни интересны были эти материалы, их наличие в фондах малоизвестных библиотек и присущий им отрывочный характер сильно снизили их важность и воздействие на историческую науку. Эти материалы никоим образом не могли бросить вызов той твердыне в историографии, какую представляли собой немецкие первичные источники.

Немецкие

Существует огромное количество немецких архивных материалов, долгое время служивших источником информации для реконструкции истории войны на Восточном фронте. Значительная часть их была захвачена союзными армиями в конце войны; хранилища архивов в США, Великобритании, а теперь и Германии сделали большую часть этого материала легко доступной для историков. Однако обширная архивная документация, попавшая в советские руки, поныне остается недоступной для западных ученых.

К числу наиболее ценных немецких первичных источников относятся послевоенные компиляции немецких архивных материалов, выпущенные в виде книг, а также объемистые архивы немецких боевых соединений, хранящиеся в западных архивах,

в том числе в Национальном Архиве США в Вашингтоне и в германском «Милитаргешихтlichen Форшунгсамт» во Фрейбурге и в Берлине. В некоторых из этих материалов содержатся обзоры, посвященные Красной Армии накануне войны.

Уцелевшие архивы ОКХ (Верховного командования германских сухопутных сил) носят отрывочный характер, поскольку советские войска захватили военные дневники многих немецких частей, особенно на более позднем этапе войны. Часть немецких штабов уничтожили свои архивы, чтобы те не попали в советские руки. Некоторые архивы погибли во время боевых действий и при вывозе из Берлина в момент крушения нацистского государства.

В массу уцелевших архивных материалов входит значительное число личных дневников, разбросанных среди тысяч архивов воинских частей на всех уровнях армейского командования, в некоторых из которых содержится и информация по 1941 году. Наиболее интересным дневником высокого уровня является дневник начальника германского Генерального штаба Франца Гальдера, в котором тот записывал свои впечатления о войне на Востоке до тех пор, пока Гитлер в сентябре 1942 года не снял его с этой должности.

Среди наиболее важных серий архивов ОКХ и отдельных частей германской армии, доступных для исследователей на микрофильмах, особняком стоит серия Т-78 Национального архива микрофильмов (NAM), содержащая архивы отдела «Иностранные армии Востока». В этой серии содержатся материалы немецкой разведки времен войны и анализы всех аспектов советских вооруженных сил и советской военно-промышленной деятельности. Наибольший интерес представляют собой анализы численности советских (и немецких) войск, стратегических и оперативных планов, а также производительности военной промышленности. Сюда же можно отнести информацию по структуре Красной Армии, составу вооруженных сил и их боевому духу, а также биографические материалы по советскому политическому и военному руководству накануне и в первые месяцы войны. Вдобавок к этому в сериях микрофильмов Т-311 (группы армий), Т-312 и Т-313 (армии и танковые армии)

также содержатся отрывочные разведданные по Красной Армии 1941 года.

Даже сегодня появляются новые материалы из первичных источников, которые обогащают существующие подборки немецких архивных документов. Сотни послевоенных записей лежали без применения, пока основное внимание историков занимали воспоминания более знаменитых немецких командующих. В число этих недавно открытых исследователями материалов входят и обширные рукописи, созданные в первые послевоенные годы менее известными немецкими командирами по заданию военно-исторических организаций американской армии — в первую очередь Исторического отдела Европейского командования США. Наиболее выдающимися в этой обширной группе немецкоязычных рукописей являются пространные воспоминания генерала Г. Хейнрици, которые совсем недавно были открыты вновь и ныне готовятся к изданию.

Эти работы дополняются личными воспоминаниями массы немецких офицеров и рядовых солдат, которые со времен войны хранились в частных семейных архивах. Став доступными исследователям, такие воспоминания дали намного более личный взгляд на войну со стороны тех кто воевал и страдал в ходе ее. Эти немецкие материалы дополняются обширными финскими, венгерскими, итальянскими и румынскими архивными данными.

Советские

Закрытый характер советского общества и идеологические ограничения на описание истории осложнили определение и классификацию материалов первичных русскоязычных источников. До 1987 года советское государство ограничивало доступ к своим архивам, допуская к ним только горстку официальных историков. И даже когда такой допуск давался, доступ тщательно контролировался. Советы ограничивали публикацию архивных материалов специально подобранными документами по конкретным темам, которые партийные власти пропускали

для публикации и издавали для достижения своих политических целей.

Этот материал помещался в исторических исследованиях, во многих работах по анализу военных операций или же в воспоминаниях выдающихся советских военачальников. Партия разрешала военным историкам писать на очень узкие темы, пользуясь ограниченной базой данных официально одобренных источников. Хотя многие факты, содержащиеся в этих историях войны, исследованиях и воспоминаниях, были точны, касаться определенных тем, таких, как потери, позорные поражения и реальное соотношение сил между воюющими сторонами, строго запрещались, либо же эта информация стандартно искажалась.* История также служила сугубо утилитарным задачам — достижению конкретных политических целей или военному образованию. Чуть ли не по случайному совпадению и до некоторой степени по иронии судьбы советская приверженность к здоровому образованию в области военной науки благоприятно подействовала на выпуск весьма откровенных работ, хотя даже здесь — в рамках жестких ограничений.

Из-за недоступности советских архивных материалов подробные военные исследования, подготовленные в целях военного образования или для мемуарных материалов, используемых Советами в качестве удобного средства для обсуждения спорных военных и даже политических вопросов, попадали в категорию, находящуюся где-то посредине между тем, что западные ученые считали материалами первичных и вторичных источников. Если их надлежащим образом сопоставить с западными первичными источниками, то эти военные исследования и мемуары могли послужить заменителями настоящих первичных источников — но заменителями, к которым следовало подходить критически и осторожно.

Исторический отдел Генерального штаба Красной Армии подготовил во время и после войны разнообразные исследования на

* Перечисленные темы старались не затрагивать историки во всех странах мира. В частности, заметим, что фундаментальных исследований по численности и потерям немецкой армии во Второй мировой войне в Германии не существует до сих пор. *(Прим. ред.)*

основе архивных материалов. Советская Армия использовала эти публикации, на которых стоял гриф «секретно» и «совершенно секретно», в военных учебных заведениях. Эти исследования напрямую основывались на архивных материалах, отличались достоверностью и в целом носили характер первичных источников. Однако, подобно незасекреченным исследованиям, они избегали спорных политических вопросов и имели тенденцию не касаться политически чувствительных поражений.

Некоторые из этих исследований времен войны попали в руки немецкой разведки, а впоследствии, уже по окончании войны — к западным исследователям. Многие же другие всплыли на свет только во время горбачевского периода гласности и после падения Советского Союза. Подготавливать и издавать эти исследования Генеральный штаб Советской Армии прекратил в середине 60-х годов, когда задачу исторического анализа передали недавно созданному Институту военной истории при Министерстве обороны. С тех пор исследования, подготовленные этим сильно политизированным институтом, были лишены глубины, точности и откровенности работ, выпускавшихся Генеральным штабом.

К еще одной категории первичных источников относятся многочисленные засекреченные военные издания, которые использовались для образовательных целей во многих советских военных учебных заведениях, таких, как Академия Генерального штаба имени Ворошилова и Академия имени Фрунзе. Хотя советские авторы писали эти исследования на основе архивных материалов, они подвергались тем же общим ограничениям, что и авторы Генерального штаба, и точность этих исследований варьировалась в зависимости от политических потребностей. В 50-е и 60-е годы, когда преобладала историческая гласность, эти исследования были довольно точны и не противоречили архивным материалам. Однако в конечном итоге к середине 70-х годов, после того, как режим Брежнева отбросил гласность, точность, правдивость и ценность этих материалов резко упали до уровня стандартных вторичных источников.

Выпущенные в свет до настоящего времени материалы советских военных архивов распадаются на несколько ярко выра-

женных категорий. Первая и наиболее полезная — это серия публикаций, которые различные управления Генерального штаба подготовили для издания между 1942 и 1968 годами. Готовя эти издания, Генеральный штаб Красной (и Советской) Армии искренне пытался установить правду о ходе и последствиях военных операций времен войны и использовать эту правду для улучшения боевой эффективности вооруженных сил. Когда эти исследования сравниваешь с немецкими и японскими архивными данными, их общая точность и правдивость по большей части в целом подтверждаются. Однако были темы, к которым Генеральный штаб обратиться не мог. В первую очередь такими являлись наиболее чувствительные военные неудачи (Любанская операция в начале 1942 года со сдачей Власова, операция «Марс» — провалившийся спутник Сталинградской операции, неудачная операция в Белоруссии осенью 1943 года). Запрещены были также политически чувствительные темы, такие, как дискуссии и споры между членами Ставки (в особенности со Сталиным), Генеральным штабом и фронтовыми командующими, которых хватало на протяжении всей войны, а также обсуждение мотивов принятия спорных политических и военных решений. Наиболее важный с точки зрения данной книги анализ обстоятельств катастрофы, вызванной операцией «Барбаросса», тоже строго запрещался. Эта грустная действительность изменилась лишь в конце 80-х годов и после падения Советского Союза, когда ход операции «Барбаросса» и ответственность за ее последствия стали темой, вызывающей жгучий интерес.

Главными источниками, выпущенными Генеральным штабом, являются «Сборники материалов», подготовленные Управлением по изучению опыта войны и Военно-историческим управлением. Они включают в себя четыре непохожих серии, три из которых содержат сырой материал по тактическим вопросам военного времени и обработанные описания военных операций. Четвертая серия под названием «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» (СБД ВОВ), выпуски с 1 по 43, носила гриф секретности и относилась непосредственно к событиям 1941 года. Эта серия, издававшаяся с 1947 по 1960 год,

дополняла другие сборники военного опыта; она содержала директивы и приказы Ставки, а также извлеченные из архивов боевые документы всех видов вооруженных сил и родов войск. Первые 30 выпусков посвящались тактическим вопросам боевого использования войск; в их числе было 3 тома, содержащие ключевые приказы Ставки, а также подборки документов по истории первых гвардейских дивизий.

Последующие выпуски (с 33 по 43) были, наверное, наиболее информативными и интересными частями этой серии документов, они имели наибольшее отношение к Красной Армии в 1941 году. Здесь помещались боевые приказы и доклады фронтов, армий и корпусов в период с 22 июня по 5 ноября 1941 года, подобранные по хронологии на манер журналов боевых действий. Хотя составляющие их документы были целенаправленно подобранными, охват событий давался основательный и в целом помещенные здесь материалы создавали живую, откровенную и, вероятно, точную картину состояния Красной Армии в июне 1941 года, а также ее действий в самый трудный начальный период войны. К сожалению, в середине 60-х годов Генеральный штаб прекратил выпуск хронологической подборки документов, доведя ее лишь до поздней осени 1941 года.

Генеральный штаб также подготовил во время войны или в ближайшие послевоенные годы много исследований военных операций. Эти материалы Генерального штаба, подготовленные и изданные во время войны или сразу после нее, были сплошь засекреченными, и их высокое качество, правдивость и точность отражали наилучшие традиции работы Генерального штаба. Они носили, по существу, утилитарный характер и предназначались для обучения Красной Армии лучшему проведению боевых операций. Другие издания, выпущенные Генеральным штабом или Министерством обороны, в том числе выходивший во время войны и сразу после нее журнал «Военная мысль», а также исследования, подготовленные Академией Генерального штаба имени Ворошилова и Академией имени Фрунзе во время и вскоре после войны, достигали того же высокого качества.

Эти работы, хотя и точные в главном, оставляют за скобками статистические данные, в особенности относящиеся к соотно-

шению сил и средств. И самое важное: значительная их часть обращалась к изучению наиболее важных операций войны, однако очень немногие, если вообще хоть какие-то, исследовали действия начального периода войны. В конце 80-х годов эта ситуация изменилось с публикацией ряда внутренних исследований по 1941 году, большей частью отражавших волнующую тему начального периода войны. Наиболее важной из подобных работ стало исследование Академии имени Ворошилова «Начальный период Великой Отечественной войны: выводы и уроки».

Другим средством публикации первичных источников стали различные военные и политические журналы. Наиболее важным из них был орган самого Генерального штаба, журнал «Военная мысль», издававшийся ограниченным тиражом с 1937 по 1989 год, а затем сделавшийся доступным и более широкой общественности. В число других журналов входят открытый «Военно-исторический журнал» — историческое издание вооруженных сил, выпускающееся с 1939 года, а также «Известия ЦК КПСС», которые генеральный секретарь партии Горбачев использовал в конце 80-х как главное средство для продвижения своей программы гласности. Начиная с середины 1980-х годов оба эти издания служили ключевым каналом публикации архивных документальных материалов.

Наиболее примечательные серии опубликованных в «Военно-историческом журнале» архивных документов, касающихся Красной Армии в 1941 году — подборка «Первые дни войны в документах» (№№ 5–9 за 1989 год), «Военные разведчики докладывали...», (№№ 2–3 за 1989 год) и «ГКО постановляет...» (№№ 2–5 за 1992 год). Наиболее важные выпуски журнала «Известия ЦК КПСС» включали в себя обширные подборки документов, опубликованных под рубрикой «Из истории Великой Отечественной войны» в 1–12 номерах за 1990 год и 1–8 номерах за 1991 год. К сожалению, неудавшийся переворот и объявление коммунистической партии вне закона закончили издательскую жизнь данного журнала и выпуск этой серии документов.

Наконец, Сталин упрятал под спудом много книг, изданных в Советском Союзе в 1920–1930-е годы, вскоре после их публикации. По этой причине данные работы были недоступны на Западе;

в сущности, их тоже можно отнести к категории первичных источников. В их число входили спорные работы ключевых межвоенных теоретиков, таких, как А. М. Зайончковский, А. А. Свечин, М. Н. Тухачевский, Е. А. Шиловский и Г. Иссерсон — все они теперь переизданы и дают превосходный взгляд на Красную Армию предвоенного периода.

Важно отметить, что большинство этих материалов, включая исследования и книги Генерального штаба, равно как и исследования других учреждений, а также журнальные публикации, хотя технически и являются архивными, до некоторой степени обработаны, и что процесс обработки зачастую влиял на их содержание. Вдобавок это материалы, которые лишь недавно попали на Запад — большей частью по коммерческим каналам. Хотя выпуск этих материалов стал важным событием, более серьезный вопрос, касающийся прямого доступа к архивам в западном смысле этого понятия, до сих пор остается открытым. Российские власти часто объявляли, что архивы открыты для иностранных ученых, но этот доступ по-прежнему резко ограничен и не идет ни в какое сравнение с доступом к западным архивам.

В целом засекреченные или предназначенные для узкого круга военных советские исследования, изданные между серединой 60-х и концом 80-х и предположительно использовавшие архивные материалы, так же, как вторичные исследования и мемуарная литература, лишены той ценности и точности, какой отличались их предшественники времен войны и первых послевоенных лет, а также их преемники периода гласности. Хотя многие из приводимых ими оперативных и тактических подробностей и нарративных описаний событий в целом точны, они повсеместно преувеличивали численность противника и скрывали самые худшие аспекты боевой отдачи советских войск — в особенности конкретные подробности, относящиеся к многим советским военным катастрофам. В первую очередь это касается событий 1941 года. Более того, эти работы куда более политизированы, нежели более ранние исследования Генерального штаба. Это особенно заметно в отношении учебных материа-

лов, выпускавшихся академиями имени Ворошилова и Фрунзе вплоть до конца 80-х.

Издания Академии имени Ворошилова, выпущенные с 1942 года в различных форматах, включают в себя тексты, исследования, аналитические работы и прочитанные в академии лекции. Некоторые из них представляют собой многотомные обзоры истории войн и военного искусства — такие, как двухтомный труд под редакцией выдающегося военного историка И. Е. Шаврова, который каждые несколько лет переиздавался с исправлениями и дополнениями. Наиболее интересны и ценны тома времен войны, а также сборники материалов этого периода. Материалы Академии Генерального штаба имени Ворошилова носят в целом более научный характер и потому отличаются меньшей неточностью и политической ангажированностью. Однако исследования и лекции, опубликованные после 1968 года, содержат те же неточности, какие обнаруживаешь в других советских изданиях.

Издания Академии имени Фрунзе никогда не выпускались в столь большом числе, как материалы академии имени Ворошилова и в целом обладают теми же характеристиками. Исследования этих образовательных учреждений, подготовленные после 1989 года, исправили многие из их прежних недостатков.

Выпущенные недавно Центральным Архивом Советской Армии несколько специальных изданий представляют особый интерес для изучения Красной Армии в 1941 году. Первое из них — это мобилизационные документы предвоенного периода, а также мобилизационный журнал Красной Армии. Хотя эти данные проливают свет на советские мобилизационные возможности и планы, при их публикации были удалены приложения, увязывающие мобилизацию с военными планами. Второй поразительный документ — это стенограмма выступлений на совещании Главного Командования в декабре 1941 года.* Публикация этого объемистого документа завершает многолетние спекулятивные

* Так у автора; на самом деле — 1940 года. Упомянутые ниже военные игры имели место после совещания. (Прим. ред.)

рассуждения о том, что именно и кем было сказано на этом крайне важном собрании, последовавшем за завершением последних крупных советских военных игр перед немецким нападением в июне 1941 года.

Подборки избранных документов, опубликованные в недавних выпусках различных журналов, кажутся аутентичными и представляют собой искреннюю попытку начать увеличивать поток архивных публикаций. Однако они по самой своей природе носят избирательный характер, причем поток этих материалов заметно уменьшился после падения Горбачева и краха Советского Союза. Остается лишь подождать и посмотреть, не обратится ли эта тенденция вспять.

По сравнению с прошлым состоянием советских исторических работ по теме «Красная Армия в 1941 году» произошедшее в последние годы, особенно в отношении выпуска архивных материалов, носит поистине революционный характер. Однако точно так же, как новая русская революция переживает пока еще период своего детства, то же самое происходит с революцией в области историографии. Выпущенные до настоящего времени архивные материалы выглядят намного более объемными по сравнению со скудным набором документов, попавших на Запад до этого (в первую очередь через трофейные немецкие архивы). Однако на самом деле опубликованные источники являются очень ограниченными по сравнению с тем, что хранится за все еще закрытыми дверями архивов. Поэтому, хотя есть много поводов для радости, ожиданий все еще остается гораздо больше.

Периодические издания:

Военно-исторический журнал (ВИЖ)

Военная мысль

Известия ЦК КПСС

Новая и новейшая история

Коммунист вооруженных сил

Публикации

19–30 июля, 1941 г. В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 8, 1990, 208–223.

3–29 августа 1941 г. В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 9, 1990, 215.

1–13 сентября 1941 г. В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 10, 1990, 207–223.

1–15 октября 1941 г. В «Из архивов партии» Известия ЦК КПСС, № 12, 1990, 203–218.

Анфилов В. А. Красная Армия за год до фашистской агрессии // ВИЖ, № 3, 1996, 28; № 4, 1996, 18–23.

Боевой состав Советской Армии. Москва: Военно-научное управление Генерального штаба, 1963–1972. Засекречено, гриф снят в 1964 г.

Боевые документы по оборонительной операции в Литве и Латвии, проводившейся с 22 июня по 9 июля 1941 г. войсками Северо-Западного фронта // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 34. Москва: Воениздат, 1958. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Дашичев В. И. Совершенно секретно! Только для командования. Москва: Наука, 1967.

———. Стратегическое планирование агрессии против СССР // ВИЖ, № 3, 1991, 10–30.

Документы и материалы: Старое, но грозное оружие // ВИЖ, № 9, 1988, 23–32.

Документы по боевым действиям войск Брянского фронта на орловском и курском направлениях с 16 августа по 29 октября 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 43. Москва: Воениздат, 1960. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Юго-Западного и Южного фронтов в Западной Украине и Молдавии с 22 июня по 11 июля 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 36. Москва: Воениздат, 1958. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Юго-Западного направления с 11 июля по 25 июля 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 38. Москва: Воениздат, 1959. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Юго-Западного направления с 26 июля по 6 августа 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 39. Москва: Воениздат, 1959. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Юго-Западного направления на Правобережной и Левобережной Украине с 6 августа по 25 сентября 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 40. Москва: Воениздат, 1960. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Южного фронта в Донбассе с 26 сентября по 5 ноября, 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 42. Москва: Воениздат, 1960. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Западного фронта на смоленском направлении с 12 августа по 13 сентября 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 41. Москва: Воениздат, 1960. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск западного фронта с 22 июня по 5 июля, 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 35. Москва: Воениздат, 1958. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по боевым действиям войск Западного фронта и фронта резервных армии (Резервного фронта) с 3 июля по 7 августа 1941 г. // Сборник боевых документов Великой Отечествен-

ной войны: выпуск 37. Москва: Воениздат, 1959. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Документы по использованию бронетанковых и механизированных войск Советской Армии в период с 22 июня по сентябрь 1941 г. включительно // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: выпуск 33. Москва: Воениздат, 1957. Засекречено, гриф снят в 1964 г. Подготовлено Военно-научным управлением Генерального штаба.

Елисеева Н. Е., Нагаев И. М. Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР // ВИЖ, № 3, 1991, 4–8.

Евгеньев И. З. Из архивов ГРУ РККА: Военные разведчики докладывали... // ВИЖ, № 2, 1992, 36–41, № 3, 1992, 40–42.

Гишко Н. С. ГКО постановляет... // ВИЖ, № 2, 1992, 31–35, № 3, 1992, 17–21, № 4–5, 1992, 19–23.

Горьков Ю. А., Семин, Ю. Н. Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // ВИЖ, № 2, 1996, 2–15, № 3, 1996, 17, № 4, 1996, 2–17.

———. Стратегические просчеты верховного? // ВИЖ, № 8, 1992, 19–32.

История войн, военного искусства и военной науки, Т. 2. Учебник для Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Москва: Академия Генерального штаба имени Ворошилова, 1977.

Ивашов Л. Г. Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной // ВИЖ, № 4, 1993, 7–12, № 5, 1993, 45–50, № 7, 1993, 35–40.

Из архивов Министерства обороны СССР: «Мы готовы. Все погружено. Завтра выступаем» // ВИЖ, № 1, 1990, 19–26.

Из тайных архивов спецслужб рейха: Планы фашистской империи // ВИЖ, № 5, 1990, 39–45.

Библиография

Хорьков А. Г. Анализ боевой готовности войск западных приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба имени Ворошилова, 1985. Гриф «Только для служебного пользования».

———. Боевая и мобилизационная готовность приграничных военных округов накануне Великой Отечественной войны. Москва: Академия Генерального штаба имени Ворошилова, 1985. Засекречено, позднее гриф снят.

Кинякин И. Боевая подготовка ВМФ накануне войны // Морской сборник, № 6, 1991, 6–26.

Киришнер Л. А. Канун и начало войны: Документы и материалы. Москва*: Лениздат, 1991.

Командование корпусного и дивизионного звена Советских Вооруженных Сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945. Москва: Академия имени Фрунзе, 1964. Засекречено, гриф снят в 1964 г.

Костецкий В. Прошу разъяснить: «Я беседовал с германским послом Отт...» // Армия, № 1, 1992, 25–28.

Начальный период Великой Отечественной войны: выводы и уроки. Москва: Академия Генерального штаба имени Ворошилова, 1989.

Начало войны (22–30 июня 1941 г.). В «Из архивов партии» / Известия ЦК КПСС, № 6, 1990, 196–222.

Начало войны (1–18 июля 1941 г.). В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 7, 1990, 193–218.

Накануне войны (документы 1935–1940 гг.). В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 1, 1990, 160–215.

Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР. Москва: Воениздат, 1941. Засекречено, позднее гриф снят.

* Так у автора; на самом деле — Ленинград. Л. А. Киришнер являлся руководителем авторского коллектива этой книги. (Прим. ред.)

Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии. Москва: Воениздат, 1940. Засекречено, позднее гриф снят.

О подготовке Германии к войне. В «Из архивов партии» // Известия ЦК КПСС, № 5, 1990, 206–214.

Павлов В. П. Москве кричали о войне // ВИЖ, № 6, 1994, 21–26.

Петров Б. Н. Оборона Ленинграда, 1941 год // ВИЖ, № 4–5, 1992, 14–17.

Пронько В. А. Под лозунгом «Паразиты у власти!» // ВИЖ, № 9, 1993, 93–96.

———. Прошу разъяснить: Планы агрессии против СССР // Коммунист вооруженных сил, № 8, 1991, 26–34.

Раманичев Н. Почему Сталин не верил разведке? // Коммунист вооруженных сил, № 8, 1991, 12–17.

Степанов А. С. О масштабах репрессии в Красной Армии в предвоенные годы // ВИЖ, № 2, 1993, 71–80; № 3, 1993, 25–32; № 5, 1993, 59–65.

Сувениров О. Ф. Погибли в годы беззакония // ВИЖ, № 2, 1993, 81–83; № 3, 1993, 33–34; № 5, 1993, 66–68; № 6, 1993, 81–83; № 7, 1993, 45–46; № 8, 1993, 69–72; № 9, 1993, 47–50; № 10, 1993, 87–91; № 11, 1993, 90–93; № 12, 1993, 84–86.

———. Всеармейская трагедия // ВИЖ, № 3, 1989, 39–47.

Виленко С. В., Костенецкий А. В. План «Барбаросса» // ВИЖ, № 3, 1991, 3–47.

Вишлев О. В. Почему же медлил Сталин в 1941 г.? (Из германских архивов) // Новая и новейшая история, № 2, 1992, 70–96.

Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва: Юридическая литература, 1975.

Воюшин В. А., Горлов С. А. Фашистская агрессия: О чем сообщали // ВИЖ, № 6, 1991, 13–23.

В первые дни войны: языком документов // Пограничник, № 6, 1991, 13–16.

Библиография

Журавлев В. П., Ануфриев А. С., Емельянова Н. М. Из архивов Министерства обороны СССР: первые дни войны в документах // ВИЖ, № 5, 1989, 42–56; № 6, 1989, 22–35; № 7, 1989, 22–34; № 8, 1989, 30–31; № 9, 1989, 15–21.

Зюзин Е. И. Из архивов Министерства обороны СССР: готовил ли СССР превентивный удар? // ВИЖ, № 1, 1992, 7–29.

———. Из фондов военных архивов: готовил ли СССР превентивный удар? // ВИЖ, № 4–5, 1992, 10–12.

———. Упрямые факты начала войны // ВИЖ, № 2, 1992, 14–22.

Золотарев В. А. (ред.) Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Том. 1. Москва: Терра, 1993.

Золотов Н. П., Исаев С. И. Боеготовы были... // ВИЖ, № 11, 1993, 75–77.

Содержание

<i>От редакции</i>	5
<i>Предисловие</i>	9
<i>Сокращения</i>	14
<i>Введение</i>	18
<i>Глава 1. Войска Красной Армии</i>	31
<i>Глава 2. Командование, управление и командные кадры</i>	51
<i>Глава 3. Советский солдат</i>	92
<i>Глава 4. Стратегическое развертывание, планирование и мобилизация</i>	127
<i>Глава 5. Боеготовность: сухопутные войска</i>	165
<i>Глава 6. Боеготовность: Вспомогательные войска и службы тыла</i>	237
<i>Глава 7. Военно-воздушные силы</i>	275
<i>Глава 8. Ставка и стратегические резервы</i>	301
<i>Глава 9. Разведка Красной Армии накануне войны</i>	344
<i>Выводы</i>	389
<i>Приложение А. Боевой состав Красной Армии с 22 июня по 1 августа 1941г</i>	394
<i>Приложение Б. Оборонительные планы Красной армии 1941 года</i>	407
<i>Приложение В. Взгляд противника: аналитические выкладки немецкой разведки накануне войны</i>	438
<i>Приложение Г. Соотношение сил на советско-германском фронте на 22 июня 1941 года</i>	444
<i>Примечания</i>	454
<i>Библиографический очерк и избранная библиография</i>	499

Дэвид Гланц
КОЛОСС ПОВЕРЖЕННЫЙ
Красная Армия в 1941 году

Редактор *В. Гончаров*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *М. Белякова*
Корректор *Н. Мазова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru, E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.04.2008.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5100 экз.
Заказ № 3689.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Полковник в отставке Дэвид Гланц – ведущий американский военный историк, крупнейший западный специалист по Красной Армии и Великой Отечественной войне. Хорошо зная русский язык и советскую военную литературу, имея доступ к российским архивам, Гланц получил возможность работать с первоисточниками, что делает его труды безусловно заслуживающими внимания. Они выгодно отличаются от большинства работ западных «советологов» отсутствием «обличительного уклона», антикоммунизма и русофобии.

Данная книга признана лучшим в западной военно-исторической литературе исследованием обстоятельств трагедии 1941 года. Изучив рассекреченные фонды советских и зарубежных архивов, Д. Гланц раскрывает причины разгрома Красной Армии в приграничном сражении, подробно и обстоятельно разбирает ее сильные и слабые стороны, указывает на просчеты советского командования, предопределившие трагический исход летней кампании 1941 года.

В своих выводах Гланц полностью расходится с теориями Виктора Суворова и других историков-«ревизионистов», убедительно доказывая несостоятельность и лживость их аргументации.

ISBN 978-5-699-27781-0

9 785699 277810 >